

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№4
2023

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

научный журнал

№ 4/2023

дата публикации: 07.11.2023 г.

Является сетевым СМИ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций;
серия Эл № ФС77-78796 от 30 июля 2020 г.

ISSN 2587-7666

Выходит с 2017 г., периодичность выхода — 4 раза в год

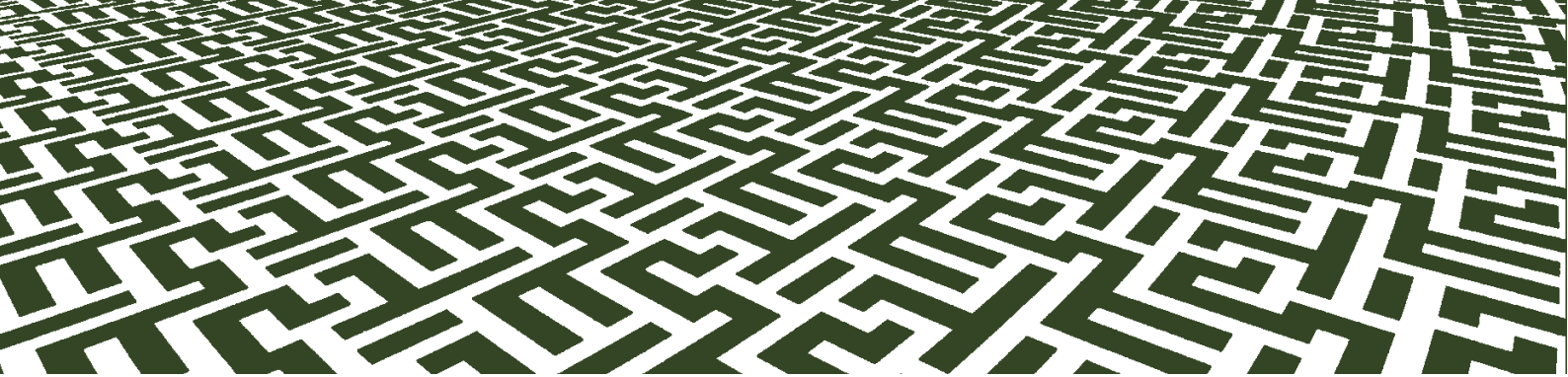
Журнал внесён в перечень ВАК по следующим специальностям:
Экономические: 5.2.1. Экономическая теория
Социологические: 5.4.2. Экономическая социология
Политические: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

Главный редактор П.А. Ореховский
Ответственный секретарь А.И. Волынский

Редакционная коллегия

В.С. Автономов	Н.А. Макашева <i>зам. гл. редактора</i>
О.И. Ананьин	В.С. Мартьянов
М.Р. Байсингер (США)	В.Ю. Музычук
А.Е. Варшавский	А.Н. Олейник (Канада)
М.И. Воейков <i>зам. гл. редактора</i>	Н.М. Плискевич <i>зам. гл. редактора</i>
Г.Д. Гловели	Л.И. Полищук
Р.С. Гринберг	В.М. Полтерович
В.Е. Дементьев	Т.Ф. Ремингтон (США)
А.П. Заостровцев <i>зам. гл. редактора</i>	А.Я. Рубинштейн
Л.В. Зеленоборская	М.Е. Симон
Р.И. Капелюшников	Н.Е. Тихонова
С.Г. Кирдина-Чэндлер	М.Ю. Урнов
А.М. Либман (ФРГ)	Б.А. Хейфец
В.И. Маевский	Т.В. Чубарова <i>зам. гл. редактора</i>

Компьютерная верстка — Хацко Н.А.
Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
тел./факс: 8(499) 724-15-41
e-mail (издателя): ieras@inecon.ru
e-mail (для авторов статей): editorqet@gmail.com
© Вопросы теоретической экономики, 2023

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

I S S U E S O F
E C O N O M I C
T H E O R Y

- **Economic Theory**
- **Methodology of Economic Science**
- **From Theory to Economic Policy**
- **History of thought**
- **Interdisciplinary Studies**
- **Economic History**
- **Surveys & Reviews**

Nº4
2023

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW

ISSUES OF ECONOMIC THEORY
scientific journal

№ 4/2023

Publication Date: 07.11.2023

Chief Editor Petr Orekhovsky
Executive Secretary Andrei Volynskii

Editorial board

V.S. Avtonomov	N.A. Makasheva <i>Deputy Chief Editor</i>
O.I. Anan'in	V.S. Martyanov
M.R. Beissinger (USA)	V.U. Muzychuk
A.E. Varshavskiy	A.N. Oleinik (Canada)
M.I. Voyeikov <i>Deputy Chief Editor</i>	N.M. Pliskevich <i>Deputy Chief Editor</i>
G.D. Gloveli	L.I. Polishchuk
R.S. Grinberg	V.M. Polterovich
V.E. Dementiev	T.F. Remington (USA)
A.P. Zaostrovtssev <i>Deputy Chief Editor</i>	A.Y. Rubinshtein
L.V. Zelenoborskaya	M.E. Simon
R.I. Kapelyushnikov	N.E. Tikhonova
S.G. Kirdina-Chandler	M.Y. Urnov
A.M. Libman (FRG)	B.A. Kheyfets
V.I. Mayevskiy	T.V. Chubarova <i>Deputy Chief Editor</i>

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@gmail.com
© Issues of Economic Theory, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

М.А. Юревич

Технологический суверенитет России: понятие, измерение, возможность достижения..... 7

К.Э. Яновский

Излечение здравоохранения: исторический опыт старых демократий и уроки для России.... 22

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В.Л. Тамбовцев

Терминологические инновации и развитие институциональных исследований..... 41

В.В. Вольчик

Недостовверные нарративы в контексте институциональных изменений..... 53

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

М.Э. Дмитриев

Долгосрочные перспективы российского экспорта 68

А.В. Дождиков

Прогнозирование результатов кинопроката с помощью машинного обучения..... 93

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

О.Н. Борох

Вклад Фан Сяньтина в изучение проблем индустриализации Китая (1920–1930-е гг.) 115

П.А. Ореховский

История экономической мысли глазами структуралиста (Часть 1. Классики и Маркс) 137

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М.Н. Муханова

Предпринимательство в российском аграрном секторе..... 155

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

В.Л. Степанов

Денежная реформа 1997–1998 гг. в ретроспективе..... 174

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Е.В. Балацкий

Н. Талеб о толстых хвостах статистических распределений: вглубь и за пределы инструментария..... 182

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

- M. Yurevich**
Technological Sovereignty of Russia: Concept, Measurement, and Possibility of Achievement..... 7
- K. Yanovskiy**
The Health Cure: Historical Experience of Old Democracy and Lessons for Russia 22

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

- V. Tambovtsev**
Terminological Innovations and the Development of Institutional Studies 41
- V. Volchik**
Unreliable Narratives in the Context of Institutional Change..... 53

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

- M. Dmitriev**
Long-Term Scenarios of Russian Export..... 68
- A. Dozhdikov**
Prediction of the Results of Movie Release Using Machine Learning 93

HISTORY OF THOUGHT

- O. Borokh**
Fang Xianting's Contribution to the Study of China's Industrial Development (1920–1930s) 115
- P. Orekhovskiy**
History of Economic Thought by the Eyes of a Structuralist (Part 1. Classics and Marx) 137

INTERDISCIPLINARY STUDIES

- M. Mukhanova**
Entrepreneurship in the Russian Agricultural Sector 155

ECONOMIC HISTORY

- V. Stepanov**
Monetary Reform 1997–1998 in Retrospective 174

SURVEYS & REVIEWS

- E. Balatsky**
N. Taleb on Thick Tails of Statistical Distributions: Inside and Outside the Toolkit 182

М.А. Юревич

научный сотрудник,

Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ: ПОНЯТИЕ, ИЗМЕРЕНИЕ, ВОЗМОЖНОСТЬ ДОСТИЖЕНИЯ¹

Аннотация. Геополитическая напряжённость, санкционные конфликты и меры по борьбе с пандемией коронавируса усиливают деглобализационные тренды в мировой экономике. На этом фоне правительства различных стран и региональных объединений запустили ряд масштабных программ, направленных на возрождение национальной промышленности, а также формирование и укрепление технологического суверенитета. Несмотря на распространённость технологического суверенитета как цели госполитики, это понятие не имеет чёткого определения и критериев измерения. В современном представлении технологический суверенитет не может ограничиваться лишь этапом разработки технологий, но распространяется и на внедрение этих технологий на национальных предприятиях с последующим выпуском продукции, конкурентной, как минимум, на национальных рынках. Всё многообразие способов оценки уровня технологического суверенитета разделяется на три группы: композитные индексы, многокритериальная оценка без агрегации и отдельные показатели. Первым из них присуща спорность алгоритмов объединения различных метрик, а более простые индикаторы (в частности, статистика внешней торговли или патентная активность) отражают лишь отдельные грани объекта оценки. Многокритериальные подходы без агрегации, судя по всему, дают более объективную картину. В исследовании был проведён динамический анализ баланса отечественных и импортных передовых производственных технологий, используемых российскими предприятиями, доли иностранной добавленной стоимости в конечном потреблении и доли продукции отечественного производства на рынке в разрезе основных отраслей обрабатывающей промышленности в России. По итогам расчётов признаки укрепления технологического суверенитета наблюдаются в отрасли производства лекарственных препаратов и металлургии. Отраслями с относительно низким уровнем технологического суверенитета следует признать станкостроение, радиоэлектронную и текстильную промышленность.

Ключевые слова: *технологический суверенитет, передовые производственные технологии, импортозамещение.*

JEL: O14, O32

УДК: 338.22

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_7_21

© М.А. Юревич, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Юревич М.А. Технологический суверенитет России: понятие, измерение, возможность достижения // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 4. С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_7_21.

FOR CITATION: Yurevich M.A. Technological Sovereignty of Russia: Concept, Measurement, and Possibility of Achievement // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 4. Pp. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_7_21.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения прикладной НИР на тему «Разработка рекомендаций по обеспечению экономического роста в России в условиях санкционных ограничений» (ВТК-ГЗ-ПИ-37-23).

Введение

Цикл глобализации мировой экономики, который начался вместе с завершением Второй мировой войны под знамёнами фритредерства и форсирования трансграничной мобильности капитала, по-видимому, подошёл к концу с наступлением экономического кризиса 2008–2009 гг. [Karunaratne, 2012]. События последних лет, включая радикальное усиление геополитической напряжённости, санкционные противостояния, изоляцию экономик в результате мер по борьбе с пандемией коронавируса, лишь укрепили деглобализационные тренды. Всё чаще в повестках национальных правительств стали фигурировать задачи обеспечения различных компонентов национального суверенитета, включая технологический суверенитет (ТС).

Нарастающая геополитическая фрагментация мировой экономики обозначилась в появлении и распространении инициатив возврата производственных мощностей из зон аутсорсинга (так называемых рещоринга или бэкшоринга), что подразумевает обладание необходимым технологическим базисом для перезапуска этих производств [Симачев, Федюнина, Юревич, 2023]. Соответственно, ТС является витальным элементом инновационного и производственного суверенитетов, которые формируют экономический, а затем и политический суверенитет [Edler, Blind, Frietsch, Kimpeler et al., 2020]. Примечательно, что эта риторика стала всё чаще звучать не только из уст политиков стран, попавших под санкционный прессинг, но и представителей стран — инициаторов санкций (США, государства ЕС). Причём даже в странах с эталонной рыночной экономикой эта проблема не может быть решена без активного государственного участия, что подтверждается множеством запущенных стратегий и проектов реиндустриализации, формирования ТС и т.п. [Diesen, 2021. Pp. 22–23, 221].

При всей, казалось бы, распространённости курса на укрепление ТС ни в научной, ни в управленческой среде нет единого понимания того, что из себя представляет этот суверенитет, когда он, собственно говоря, достигается, и как измерять его уровень.

Определение технологического суверенитета

Сам термин «технологический суверенитет» в научном и управленческом лексиконе возник в 70-80-х гг. прошлого столетия [Crespi, Caravella, Menghini, Salvatori, 2021]. В одном из первых определений ТС характеризовался как способность и свобода выбора, создания или приобретения, а также применения, развития и коммерческого использования технологий, необходимых для промышленных инноваций [Grant, 1983]. Современные трактовки мало чем отличаются от более ранних версий. Например, ТС определяется как способность государства или государственных объединений создавать и использовать технологии, обладающие критической значимостью для национального благосостояния, а также иметь возможность получить эти технологии без односторонней зависимости [Edler, Blind, Kroll, Schubert, 2023].

В современных стратегических документах ТС часто фигурирует в качестве цели модернизации одной или нескольких отраслей экономики. Так, ТС занял одно из центральных мест в программах развития больших данных и искусственного интеллекта под эгидой Европейской комиссии или Национальной стратегии критических и зарождающихся технологий администрации Президента США Д. Трампа [March, Schieferdecker, 2023]. Аналогичные документы, описывающие конкретные шаги технологического и производственного развития ряда отраслей, были разработаны в Индии, Бразилии и многих других странах [Дементьев, 2023; Томин, 2023].

Примечательно, что в ЕС достижение ТС практически отождествляется с формированием цифрового или информационного суверенитета [Couture, Tourpin, 2019]. На уровне высших органов управления признаётся, что главной областью технологической уязвимости европейских стран стала критическая зависимость от США и азиатских стран в производстве аппаратных средств, программного обеспечения и других технологий цифровой экономики (от подводных коммуникационных кабелей до облачных сервисов хранения данных) [Maurer, Skierka, Morgus, Hohmann, 2015]. Второй сферой в Европе, где отсутствие ТС также признаётся на уровне государственной политики, является здравоохранение, особенно в части производства вакцин и других лекарственных препаратов. Так, во время коронавирусной пандемии прививочная кампания сильно задерживалась из-за зависимости от производителей, находящихся за пределами ЕС, а именно, в Великобритании (Oxford-AstraZeneca) и США (Pfizer в сотрудничестве с немецкой компанией BioNTech, Moderna и Johnson & Johnson) [Crespi, Caravella, Menghini, Salvatori, 2021].

В российском нормативно-правовом поле, согласно Концепции технологического развития до 2030 г., технологический суверенитет определяется как «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы»². Отмечается, что ТС обеспечивается как разработкой критических и сквозных технологий, так и производственными процессами на основе результатов этих НИОКР. И оба эти вида деятельности могут опираться на международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами.

Богатый плюрализм мнений наблюдается по поводу критерия технологий, которые должны или могут образовывать ТС. К примеру, в одном из исследований [Eidler, Blind, Kroll, Schubert, 2023] постулируется, что в ядро ТС должны входить:

- 1) технологии, обеспечивающие выполнение центральных государственных функций (оборона, безопасность);
- 2) технологии, поддерживающие долгосрочную экономическую конкурентоспособность;
- 3) технологии, обеспечивающие удовлетворение общественных интересов в условиях целенаправленной социотехнической трансформации (иными словами, технологии особой социальной значимости).

Несмотря на различия в трактовках ТС, все они сходятся в том, что суверенитет не может быть абсолютным, и его достижение сводится к некоему оптимальному уровню, когда технологическое взаимодействие с иностранными партнёрами носит скорее вспомогательный характер или в ближайшей перспективе может быть существенно уменьшено. Очевидно, что даже максимально изолированные страны, такие как КНДР и Иран, активно эксплуатируют зарубежные технологии в стратегически важных для этих стран отраслях. Так, в производстве иранских дронов используется множество высокотехнологичных компонентов (вплоть до 80%), которые выпускаются в США и европейских странах³. А в КНДР, по некоторым свидетельствам, активно эксплуатируется аппаратное

² Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 №1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года». Сайт правительства России. <http://government.ru/docs/48570/> (дата обращения: 25.08.2023).

³ The Iran Primer. Explainer: American Parts in Iranian Drones. The Iran Primer. Published: 1 march 2023. <https://iranprimer.usip.org/blog/2023/mar/01/explainer-american-parts-iranian-drones> (access date: 25.08.2023).

и программное обеспечение американского происхождения, в том числе для государственных нужд⁴.

Формирование технологической автаркии вступает в противоречие с принципами экономической эффективности, основанными на глобальной специализации и разделении труда [Дементьев, 2023]. Особенно нереалистичным этот вариант выглядит в условиях растущей цифровизации экономики, в том числе из-за использования глобальной цифровой инфраструктуры. Поэтому даже громкие национальные программы по достижению технологического суверенитета фактически сводятся к повышению локализации производственных процессов без разрыва глобальных цепочек создания стоимости.

Всё чаще звучит трактовка ТС как «обменного фонда» технологий. В частности, такой позиции придерживается специальный представитель Президента РФ по цифровому и технологическому развитию Д.Н. Песков: «Технологический суверенитет — это не изоляция. Это сильная переговорная позиция при выстраивании альянсов с другими странами. У вас либо есть обменный фонд, либо нет»⁵. Из этого следует, что при выборе приоритетных, критических, сквозных или любых других технологий особой важности, помимо обеспечения внутреннего технологического спроса, необходимо учитывать и конъюнктуру внешних рынков, чтобы планировать создание технологических заделов в востребованных в глобальном масштабе областях.

Технологический суверенитет, рассматриваемый в контексте экономической безопасности, представляет её неотъемлемый элемент наравне с продовольственным, финансовым, образовательным и иными суверенитетами [Степанова, 2022; Караваева, Лев, 2023]. И хотя во многих концепциях экономической безопасности категория ТС не используется в явном виде, национальному сектору НИОКР отводится значимая роль в обеспечении стабильности и ускорении экономического развития [Цедилин, 2023]. И здесь не наблюдается расхождение точек зрения представителей научного сообщества и ориентиров государственного целеполагания — в частности, поддержание и развитие научно-технического потенциала вошло в состав ключевых целей государственной политики действующей Стратегии экономической безопасности РФ.

Из этого следует, что наполнение содержания понятия ТС сильно разнится от страны к стране и постоянно меняется в динамике. Достаточно размытое понимание ТС прямо связано с отсутствием общепринятых способов его измерения. Хотя и в зарубежной, и в российской научной литературе были предложены различные подходы, но каждый из них не лишён недостатков.

Измерение технологического суверенитета

Всё многообразие метрик ТС разделяется на три группы: композитные индексы, многокритериальная оценка без агрегации и отдельные показатели. Первый тип, например, представлен в составе общего Европейского индекса суверенитета — Индекс ТС образует одно из шести слагаемых наравне с суверенитетом в области экологии, обороны, экономики, здравоохранения и миграции⁶. Процедура расчёта национального индекса ТС предполагает агрегацию нескольких десятков показателей, которые главным образом отражают состояние сферы информационных технологий (ИТ) в целом, сквозных цифровых технологий и цифровой инфраструктуры. Данные показатели, в частности, включают: заделы

⁴ Recorded Future. North Korea Relies on American Technology for Internet Operations. Published: 6 June 2018. <https://www.recordedfuture.com/north-korea-internet-operations> (access date: 25.08.2023).

⁵ Песков Д. Почему для России важен технологический суверенитет. РБК. Опубликовано: 09.06.2022. <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/06/10/62a0e95b9a79472d8b713207> (дата обращения: 25.08.2023).

⁶ European Sovereignty Index. <https://ecfr.eu/special/sovereignty-index/#terrain-technology> (access date: 25.08.2023).

в области НИОКР (публикации и патенты), количество технологических фирм и профильных специалистов, долю ИТ-компаний на рынке, объём венчурных инвестиций в цифровые технологии и интенсивность внедрения технологий. Кроме того, на качественном уровне измеряется ратификация нормативных актов ЕС; участие в международных технологических форумах; участие в европейских исследованиях и разработках; вклад в международные технологические инициативы ЕС; результаты опросов о поддержке технологического развития населением. Несколько удивительно, что в тройку лидеров по уровню ТС среди стран ЕС попал Люксембург вместе с Финляндией и Швецией, а Германия, к слову, не попала даже в первую десятку.

Ещё один вариант композитного индекса посвящён измерению ТС в контексте развития мобильной связи пятого поколения (5G) и основан на более широком спектре показателей, распределённых по трём крупным блокам [*da Ponte, Leon, Alvarez, 2023*]. К первому блоку отнесены показатели, характеризующие состояние человеческого капитала (численность специалистов и исследователей в ИТ-отраслях), заделы НИОКР (объём затрат на НИОКР из различных источников, объём инвестиций в область ИТ, число публикаций, посвящённых технологиям 5G), «внутренние возможности» (количество университетов в мировых рейтингах, число компаний, связанных с разработкой технологий 5G), «капитализацию результатов НИОКР» (количество патентных семей, индекс выявленных технологических преимуществ, доля экспорта электроники и связанных с ней товаров в общем экспорте). Второй блок образуют индикаторы, отражающие насыщенность импорта ресурсами и компонентами, используемыми в отрасли электроники. Наконец, третий блок объединяет набор показателей устойчивости в области логистики, производственных процессов, поставок промежуточных ресурсов, возможности ротации профессиональных кадров (наличие кадрового резерва с необходимым образованием). Пилотные расчёты показали, что Китай опередил США и ЕС по каждому из трёх блоков, причём с существенным отрывом.

Многокритериальная оценка ТС без объединения показателей в композитный индекс была предложена на базе измерения: 1) интенсивности международного технологического взаимодействия; 2) объёма затрат на НИОКР; 3) уровня развития инфраструктуры в технологическом секторе экономики; 4) доли высокотехнологичных производств в ВВП; 5) доли экспорта и импорта в ВВП [*Аксенова, Шиндикова, 2020*]. Правда, к сожалению, авторы не раскрыли механизм подсчёта первой и третьей метрик. Другой подход, но уже с пилотными расчётами, основывается на двух десятках показателей — от коэффициента изобретательской активности до интенсивности внедрения инноваций предприятиями [*Шкодинский, Кушнир, Продченко, 2022*].

Отдельные показатели ТС представляются патентной статистикой, в том числе триадными патентами, и упомянутым индексом выявленных технологических преимуществ, который рассчитывается по всё тем же патентам на изобретения [*Crespi, Caravella, Menghini, Salvatori, 2021*]. Дополнительно к категории более простых способов расчёта уровня ТС могут быть отнесены несколько российских подходов. Один из вариантов — частное чистого экспорта к объёму внешнеторгового оборота в рамках одной отрасли или макрокатегории ОКВЭД [*Фальцман, 2018*]. Соответственно, по мнению автора методики, высокие значения ТС свидетельствуют о способности отрасли обеспечить экономику собственными товарами, пусть даже с привлечением импортной продукции, но с обязательной компенсацией импортных затрат благодаря поступлениям от реализации экспортных поставок. Кроме того, уровень ТС связывают с долей заявок на патенты только по компьютерным технологиям [*Некрасов, 2019*] или с динамикой патентной активности по широкому кругу наименований системы патентной классификации [*Куракова, Зинов, 2016*]. Ещё один распространённый показатель — это коэффициент технологической зависимости, который представляет собой соотношение числа

иностранных и отечественных заявок на патенты, поданных в национальное патентное ведомство [Ильина, 2019]. Наконец, в контексте замещения импортных технологий часто упоминается статистика передовых производственных технологий, которая позволяет оценить долю российских и иностранных технологических решений в производственных процессах [Капицын, Герасименко, Андропова, 2017].

Резюмируя, можно констатировать, что во всём многообразии описанных подходов сложно выделить верные или ложные из-за зыбкости понимания самого ТС. Композитные индексы традиционно страдают от спорности алгоритмов объединения различных метрик, более простые индикаторы (в частности, статистика внешней торговли или патентная активность) отражают лишь отдельные грани ТС. Многокритериальные подходы без агрегации, судя по всему, дают более объективную картину, хотя в упомянутых ранее исследованиях выводы не сопровождаются обстоятельной интерпретацией результатов расчётов. Кроме того, ещё один недостаток видится в слишком высоком уровне оценки (в большинстве случаев на уровне всей страны) — очевидно, что все разработанные инструменты оценивания дают большой разброс уровня ТС в зависимости от отрасли экономики. Тем не менее, рассмотренная практика измерения вполне соответствует современной терминологии, согласно которой ТС заключается не только в генерации отечественных технологий, но распространяется и на последующие этапы производственной цепочки.

Формирование технологического суверенитета в отраслях российской экономики

Таким образом, процесс формирования и поддержания ТС можно разделить на три направления. Во-первых, разработка собственных или глубокая адаптация зарубежных технологий для производства продукции на территории страны. Во-вторых, максимизация роли разработанных или адаптированных технологий в производстве продукции или, иными словами, максимизация внутренней добавленной стоимости. В-третьих, насыщение внутреннего рынка технологичной продукцией отечественного производства или с высоким уровнем локализации производственных процессов. В идеале конкурентоспособность этой продукции должна обеспечиваться качеством, ценой и постпродажным обслуживанием, а не протекционистскими мерами. Соответственно, такая конкурентоспособность на внутреннем рынке является необходимым условием для формирования ТС, а востребованность продукции в глобальной экономике уже формирует тот самый «обменный фонд» ТС, который важен для компенсации проседания ТС в других отраслях. Ещё одно важное слагаемое ТС заключается в диверсификации зарубежных партнёров, включённых в национальные производственные процессы на любой их стадии. Очевидно, «дружественность» стран крайне волатильна, и чем больше альтернативных партнёров может быть оперативно вовлечено во взаимодействие, тем прочнее оказывается элемент ТС.

Технологический фундамент российской обрабатывающей промышленности

Статистическая информация о технологичности российских компаний существенно ограничена. Ещё меньше источников позволяют судить о национальной принадлежности используемых технологий. В частности, сведения о патентах, на которые оформлены лицензионные договоры или исключительные права, которые переданы в коммерческие компании, публикуются в открытом доступе только в сильно агрегированном формате. Куда более подробно Росстатом даётся информация о разработке и использовании передовых производственных технологий (ППТ). Это «технологии и технологические процессы (включая необходимое для их реализации оборудование), управляемые с помощью компьютера или основанные на микроэлектронике и использу-

емые при проектировании, производстве или обработке продукции (товаров и услуг)»⁷. Важно, что технология считается используемой лишь при производственной эксплуатации, результатом которой является выпуск продукции или оказание услуг. Среди используемых ППТ выделяются три категории — созданные в организации, приобретённые в России и за границей (рис. 1).

Рис. 1. Структура используемых в России ППТ

Источник: составлено по данным Росстат. <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 25.08.2023).

Общее число ППТ, применяемых на отечественных предприятиях, в 2011–2022 гг. увеличивалось ежегодно и суммарно выросло более чем на 40%; единственное исключение произошло в 2020 г., когда была утверждена обновлённая форма статистического наблюдения с актуализированной номенклатурой ППТ. За последние 10 лет весьма существенно увеличилось число востребованных ППТ, разработанных в отчитывающихся организациях, в то время как внешние российские поставщики не смогли нарастить темпы продажи ППТ. Этот факт косвенно подтверждает широко известные проблемы трансфера технологий в части кооперации науки и бизнеса [Симачев, Кузык, 2021; Крылов, 2021]. Уровень иностранных используемых ППТ относительно стабилен и составляет почти треть, т.е. по этому критерию движения к технологическому суверенитету не наблюдается.

В обрабатывающей промышленности, которая отвечает за переработку первичных ресурсов в продукцию конечного и промежуточного потребления, а также за создание средств производства, ситуация чуть хуже, чем в экономике в целом (табл. 1).

В отраслевом разрезе явное снижение зависимости от импортных технологий за последние 5 лет наблюдается в производстве фармакологической продукции, стекольной, металлургической промышленности и автопроме. Обратные тенденции фиксируются в деревообработке и целлюлозно-бумажной промышленности, металлообработке, производстве электронного и электрического оборудования, а также в станкостроении. Признаки процессов импортозамещения (снижение числа импортных ППТ на фоне роста отечественных) характерны для производства лекарственных препаратов, металлообработки и производства неметаллической минеральной продукции (стекла). А в отраслях производства кокса и нефтепродуктов, а также электрического оборудования произошло существенное снижение как отечественных, так и зарубежных ППТ.

⁷ Росстат. Используемые передовые производственные технологии по субъектам Российской Федерации. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/nauka/minnov9.htm (дата обращения: 25.08.2023).

Таблица 1

Доля используемых ППТ, приобретённых за рубежом, в % (в скобках общее количество используемых ППТ, тыс. ед.)

Отрасль	2017 г.	2020 г.	2022 г.
Обрабатывающие производства	34 (157,9)	35 (154,3)	35 (173,3)
Производство пищевых продуктов, напитков и табачных изделий	45 (16,7)	46 (15,6)	46 (16,9)
Производство текстильных изделий, одежды и кожи	41 (2,9)	45 (2,4)	43 (3,1)
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения	51 (3,1)	59 (2,7)	61 (3,1)
Производство бумаги, бумажных изделий и полиграфическая деятельность	56 (3,1)	64 (2,9)	62 (2,9)
Производство кокса и нефтепродуктов	55 (5,5)	65 (3)	60 (3,1)
Производство химических веществ и химических продуктов	34 (6,7)	30 (8,4)	36 (7,4)
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	68 (2,8)	45 (2,2)	42 (2,5)
Производство резиновых и пластмассовых изделий	49 (5,7)	52 (5,5)	52 (6,6)
Производство прочей неметаллической минеральной продукции	54 (7,5)	46 (7,1)	48 (8)
Производство металлургическое	41 (8,8)	44 (8)	33 (10,6)
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	18 (21,2)	22 (20,9)	24 (22,2)
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	17 (24,2)	22 (16,9)	22 (20,6)
Производство электрического оборудования	36 (9,8)	46 (8,9)	42 (7,5)
Производство машин и оборудования, не включённых в другие группировки	30 (14,2)	35 (11,7)	37 (13,7)
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	48 (9)	37 (12)	41 (13,1)
Производство прочих транспортных средств и оборудования	22 (11,7)	21 (21,2)	21 (25,7)

Источник: составлено по данным Росстат. <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 25.08.2023).

Импорто(не)зависимость производства

Наличие отечественных технологий, очевидно, само по себе не гарантирует инновационный рост экономики. Однако надёжная статистическая информация о том, какой экономический эффект продуцируют технологии, к сожалению, отсутствует. Но вполне допустимо предположить, что повышение технологичности экономики сопрягается с увеличением внутренней добавленной стоимости производимой продукции. Высокий уровень иностранной добавленной стоимости в конечном потреблении страны (домохозяйствами, государством, организациями) свидетельствует о минимальном вкладе национальных экономических агентов (упаковка, фасовка, дистрибуция и т.д.). Низкий — о высокой локализации производственных процессов и, соответственно, минимальной зависимости от участия иностранных партнёров в производственных цепочках.

В России доля иностранной добавленной стоимости в совокупном конечном потреблении в 2000–2020 гг. упала на 4 п.п. и достигла 20% (рис. 2). Мировые экономические лидеры США и Китай более самодостаточны — чуть выше 10%. При этом для Китая характерно постепенное снижение данного индикатора, а для Японии, которая имела максимальный уровень внутренней добавленной стоимости в конечном потреблении в 2000 г. среди крупных стран, наоборот, — увеличение. Среди крупных в экономическом плане европейских стран рост импортного участия фиксируется у Германии, а также незначительное увеличение наблюдается во Франции и Великобритании. Ещё больше экономическая самостоятельность упала у Турции и Кореи, правда, у последней после 2012 г. случился значительный откат. Эти данные вполне соответствуют распространённому мнению о снижении экономического потенциала и суверенности европейских держав, что не в последнюю очередь связано с возрастающей технологической зависимостью от США и стран Азии [Helwig, Sinkkonen, 2022]. Куполообразную динамику доли иностранной добавленной стоимости в Корею логично связать с комплексом мероприятий по локализации и реинжинирингу производств, стартовавшему как раз в 2013 г. [Симачев, Федюнина, Юревич, 2023]. Сказанное выше иллюстрирует рис. 2.

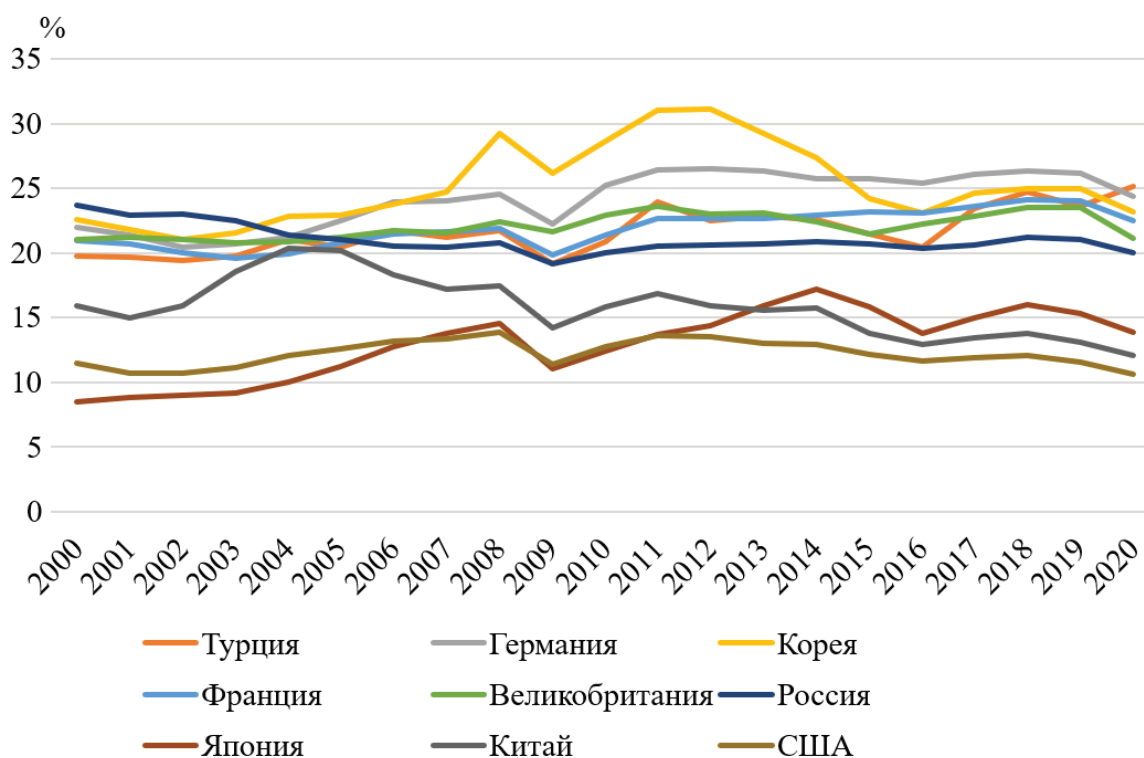

Рис. 2. Доля иностранной добавленной стоимости в совокупном конечном потреблении
 Источник: OECD TiVA. <https://stats.oecd.org/> (access date: 25.08.2023).

Возвращаясь к России, интересные выводы можно получить при анализе доли иностранной добавленной стоимости в конечном потреблении в разрезе отдельных отраслей обрабатывающей промышленности. Там в 2000–2020 гг. этот показатель упал с 55 до 40%. Так, по данным за 2020 г., (кстати, год начала пандемии коронавируса и последующего сбоя глобальных цепочек добавленной стоимости) наибольшая зависимость от импорта наблюдалась в текстильной (73%) и машиностроительной (70%) отраслях, а также в производстве компьютерного электронного и электрического оборудования (64%) и резиновых и пластмассовых изделий (60%). Минимальное импортное участие отмечается в производстве кокса и продуктов нефтепереработки (14%) и пищевых продуктов, табака, напитков (19%). В число отраслей, в которых удалось за 20 лет добиться радикального снижения импорт-

ной добавленной стоимости, входят: деревообработка (-68 п.п.), производство химических веществ и химических продуктов (-38 п.п.), производство бумаги и полиграфическая деятельность (-34 п.п.) и производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях и ветеринарии (-28 п.п.). Важно, что ни в одной отрасли обрабатывающей промышленности за рассматриваемый период не фиксируется существенный рост иностранной добавленной стоимости. Получается, что в масштабах всей экономики снижение её роли в обрабатывающей промышленности нивелируется углублением импортозависимости в сфере услуг (главным образом — транспортировка и деятельность в области информации и связи).

Насыщение рынков отечественными товарами

Одним из компонентов современной экономической политики во многих развитых и развивающихся странах стало воспитание потребительского патриотизма в гражданах вкупе со стимулированием расширения ассортимента продукции отечественного производства. Стратегические программы, направленные на насыщение рынков отечественными товарами, зачастую получают название «Сделано в ...» или «Делай в...», например, индустриальная политика Д. Трампа проходила под объединяющим лозунгом «Made in America», в 2015 г. стартовала масштабная программа «Made in China 2025», годом ранее была запущена «Make in India» [Ajami, 2019]. В России эти идеи воплотились в Государственной программе «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности» и некоторых других управленческих инициативах, а потребительский патриотизм прививался путём ограничения поставок импортной продукции при проведении государственных закупок в случае доступности российских аналогов (правила «второй лишней» или «третий лишней») [Кузьминов, Симачев, Федюнина, Кузык и др., 2023].

Оценить эффективность политики импортозамещения в России позволяют расчёты НИУ ВШЭ на основе данных Минпромторга (рис. 3). Так, среди потребляемой продукции доля отечественного производителя в период 2014–2021 гг. в отрасли «Машиностроение для пищевой и перерабатывающей промышленности» выросла на 32 п.п., в судострои-

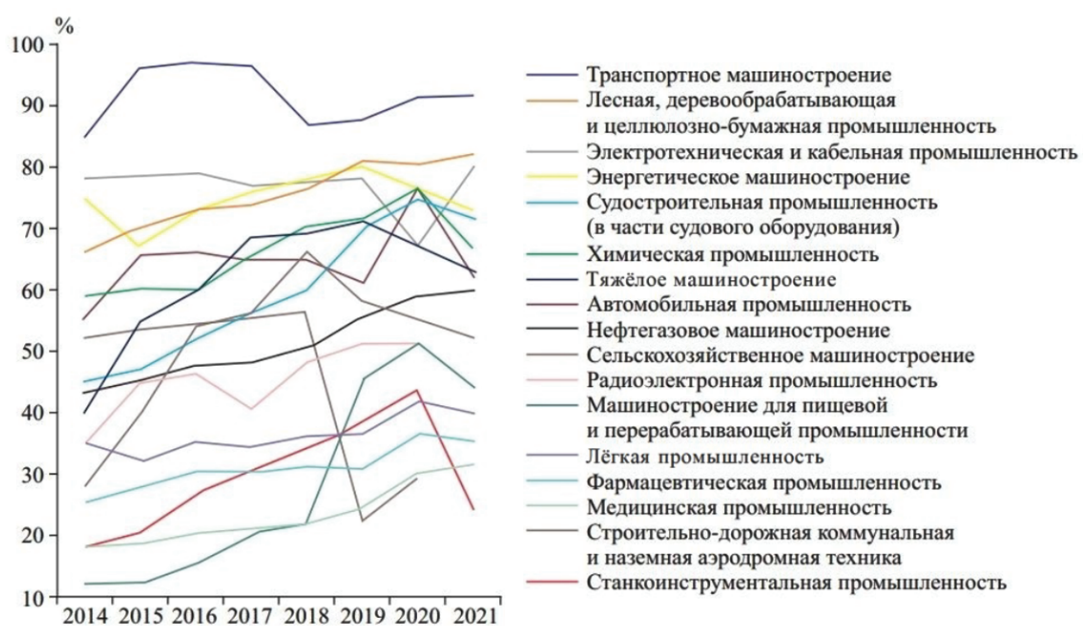

Рис. 3. Доля отечественной продукции в потреблении по отраслям обрабатывающей промышленности

Источник: [Кузьминов, Симачев, Федюнина, Кузык и др., 2023. С. 42].

тельной промышленности — на 27 п.п., в сельскохозяйственном машиностроении — на 24 п.п., в тяжёлом машиностроении — на 23 п.п. Важно отметить, что только в 2 из 17 рассмотренных отраслей обрабатывающей промышленности зафиксировано снижение доли российских производителей: в энергетическом машиностроении на 2 п.п. и в производстве строительной-дорожной коммунальной и наземной аэродромной техники на 23 п.п. (по данным за 2020 г.).

При всей в общем-то оптимистичной средней динамике насыщения рынков продукцией отечественного производства, конечно, нельзя игнорировать факты минимального уровня локализации некоторых товаров — первичной локализации, когда происходит сборка товаров из иностранных компонентов, расфасовка завезённой продукции или просто «переклеивание шильдиков» [Котляров, 2016]. Более того, до недавнего времени способы подсчёта уровня локализации вызвали большие дискуссии. Например, в автопроме он вычислялся на основе сопоставления таможенной стоимости финансовых компонентов к цене отгрузки транспортного средства, включая затраты на реализацию, логистику, маркетинг. То есть речь фактически шла о финансовой локализации, а не о технологической. С введением балльного подхода в различных отраслях оценки уровня локализации с точки зрения стимулирования развития отечественных технологий и развёртывания полноценных производств стали более эффективны, но, с другой стороны, появились сложности в части их верификации [Жданев, 2022].

Обсуждение результатов

Приведённые индикаторы, конечно, не способны обозначить уровень ТС даже по шкале «высокий-низкий», а сравнение отраслей между собой вряд ли релевантно в силу разного мирового уровня их технологичности и потенциальных возможностей производственно-технологического самообеспечения. При этом положительные тенденции по каждому из трёх направлений формирования ТС, пожалуй, вполне могут свидетельствовать в пользу верного вектора развития отрасли с учётом ряда оговорок и допущений. К ним можно отнести: 1) примерно равную значимость ППТ между собой; 2) преимущественную генерацию добавленной стоимости за счёт использования технологий, а не прочих факторов; 3) рост товарных рынков и удовлетворение потребительского спроса. В противном случае представления о повышении доли отечественных ППТ может происходить из-за особенностей применяемых методов расчёта, например, благодаря учёту незначительных технологических решений, которые лишь дополняют основную незаменимую зарубежную технологию. Рост добавленной стоимости может детерминироваться и более удачной маркетинговой политикой или завышением цен в условиях искусственных дефицитов. Наконец, насыщение рынка продукцией отечественных производителей на фоне исчезновения иностранных конкурентов при общем сжатии рынка также даёт ложные поводы для оптимизма.

Итак, с поправкой на разный период наблюдений и различия в классификации отраслей экономики по каждой из трёх областей наблюдения, признаки укрепления суверенитета наблюдаются в наибольшей степени в производстве лекарственных препаратов — произошло замещение импортных технологий отечественными на фоне снижения иностранной добавленной стоимости и вытеснения иностранной продукции. Чуть в меньшей степени процессы импортозамещения на протяжении всей производственной цепочки свойственны металлургической отрасли. В остальных областях обрабатывающей промышленности существенных позитивных сдвигов пока не наблюдается. К примеру, снижение иностранной добавленной стоимости и вытеснение с российских рынков иностранных конкурентов в области деревообработки и целлюлозно-бумажной промыш-

ленности сопрягалось с углублением технологической зависимости. Это может говорить о неглубокой локализации производств, что, в частности, проявлялось в нескольких вспышках дефицита офисной бумаги в России⁸. Отраслями с относительно низким уровнем технологического суверенитета следует признать станкостроение, радиоэлектронную и текстильную промышленность. Несмотря на достаточно низкую долю иностранных ППТ, используемых в производстве компьютерной и электронной техники, продолжающееся доминирование иностранной добавленной стоимости и стабильность невысокой доли отечественных производителей на рынке сигнализируют о неспособности отечественной высокотехнологичной продукции пока быть конкурентной в России. За пределами фокуса анализа остался важный вопрос о диверсификации иностранных партнёров в каждом из трех направлений формирования ТС, что можно считать перспективным продолжением проведённого исследования.

Судя по полученным результатам измерения уровня ТС в межотраслевом разрезе, наибольшую отдачу в плане его укрепления должны иметь селективные меры, направленные на решение конкретной задачи импортозамещения. Иными словами, целесообразно поддерживать вертикально интегрированные структуры или партнёрства от разработки технологии до выпуска продукции, что позволит достаточно легко проверить эффективность расходования средств — удалось ли получить качественный товар или услугу с высокой долей локализации всех производственных процессов или нет. По большому счёту, этому принципу всё больше стали следовать в текущей промышленной политике (специальные инвестиционные контракты, офсетные контракты и т.п.).

С этой точки зрения могут быть менее востребованы новые стратегические документы, которые предполагают достижение амбициозных целей и сугубо «бумажных» целевых показателей. Надо признать, что за последние десятилетия в России было принято множество стратегий, инициатив, национальных проектов и других подобных документов в области развития науки, технологий, инноваций и промышленности. И за редким исключением их объединяет тотальное невыполнение поставленных целей и задач. К примеру, в области НИОКР среди 8 целевых индикаторов, утверждённых на самом высоком уровне (указы Президента РФ и государственная программа), достигнуты лишь 3 и то либо с опозданием, либо с «подводными камнями» [Юревич, 2023]. При отсутствии системы надлежащего мониторинга стратегий развития с последующим выявлением причин их провала остаются неотвеченными фундаментальные вопросы: были ли поставлены ложные цели, или не сработали средства их достижения?

Таким образом, в современных турбулентных условиях сложно планировать и добиваться выполнения каких-либо масштабных индикаторов (вроде достижения затрат на НИОКР в размере 2% или выше от ВВП [Ленчук, 2022; Иванов, 2023]), и в государственной политике едва ли стоит делать акцент на подготовке очередных стратегий развития. Куда более перспективным выглядит деагрегация и децентрализация научно-технической, промышленной, инновационной политики с целью обеспечения максимальной оперативности поиска проблемных зон отечественной экономики, определения перспективных производств и их поддержки в сочетании с постоянным отслеживанием полученных результатов. Это не значит, что стратегическое управление не нужно вовсе и все усилия необходимо сконцентрировать на тактическом уровне. Дело, скорее, в приоритетах и решении наиболее актуальных задач, которые чреваты большими рисками для российской экономики и общества в краткосрочной перспективе.

⁸ Батыров Т. Минцифры оценило дефицит мелованной бумаги в 40%. Forbes. Опубликовано: 13.04.2022. <https://www.forbes.ru/biznes/462289-mincifry-ocenilo-deficit-melovannoj-bumagi-v-40> (дата обращения: 25.08.2023).

Заключение

В научной литературе и государственном целеполагании технологический суверенитет иногда преподносится в качестве состояния национальной экономики, после достижения которого гарантировано успешное и устойчивое развитие всей страны. Однако, учитывая высокую скорость появления и распространения новых технологий, которые приобретают форму «подрывных» инноваций, а также нежизнеспособность модели технологической автаркии, разумно говорить лишь о движении к ТС. Соответственно, государственная политика, направленная на технологическую модернизацию национальной экономики с упором на локализацию всей цепочки создания продукции, как раз способствует укреплению ТС. Иными словами, доктрина ТС стала лишь новым лозунгом индустриальной и научно-технической политики.

При этом суверенность в области технологий стала неразрывно связана с возможностью импортозамещения конкретной продукции на национальных рынках. Соответственно, ТС не может ограничиваться лишь этапом разработки технологий, но распространяется и на внедрение этих технологий на национальных предприятиях с последующим выпуском продукции, конкурентной, как минимум, на национальных рынках. В противном случае форсированное создание отечественных технологических решений окажется напрасным из-за несоответствия спроса и предложения технологий, которое часто называется в качестве одного из главных препятствий инновационного развития России.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аксенова А.А., Шиндикова И.Г. (2020). Оценка уровня экономической безопасности (на примере технологической безопасности) [Aksenova A.A., Shindikova I.G. (2020). Assessment of the level of economic security (on the example of technological security)] // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. № 7. С. 5–12. DOI: 10.47581/2020/10.23.PS85/IE/7/49.001.
- Дементьев В.Е. (2023). Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства [Dementiev V.E. (2023). Technological sovereignty and priorities of production localization] // *Terra Economicus*. № 21. С. 6–18. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18.
- Жданев О.В. (2022). Оценка уровня локализации продукции при импортозамещении в отраслях ТЭК [Zhdaneyev O.V. (2022). Estimation of the level of product localisation during import substitution in the fuel and energy complex industries] // *Экономика региона*. № 3. С. 770–786. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-3-11.
- Иванов В.В. (2023). Реформы науки — новый вектор [Ivanov V.V. (2023). Reforms of science — a new vector] // *Экономика науки*. Т.9. №1. С. 8–20. DOI: 10.22394/2410-132X-2023-9-1-8-20.
- Ильина С.А. (2019). Патентная активность отечественных и иностранных заявителей как индикатор научно-технологического развития России: анализ актуальной статистики [Ilyina S.A. (2019). Patent activity of domestic and foreign applicants as an indicator of scientific and technological development of Russia: analysis of current statistics] // *Мир новой экономики*. № 4. С. 31–40. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-4-31-40.
- Каравеева И.В., Лев М.Ю. (2023). Новые вызовы экономической безопасности России (обзор выступлений участников Всероссийской научно-практической конференции «VII Сенчаговские чтения. Экономическая безопасность России: реакция на новые вызовы») [Karavaeva I.V., Lev M.Y. (2023). New Challenges of Russia's Economic Security (review of speeches of the participants of the All-Russian Scientific and Practical Conference "VII Senchagov Readings. Economic Security of Russia: Response to New Challenges")] // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 3. С. 177–193. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_3_177_193.
- Капицын В.М., Герасименко О.А., Андропова Л.Н. (2017). Анализ состояния и тенденций использования передовых производственных технологий в России [Kapitsyn V.M., Gerasimenko O.A., Andronova L.N. (2017). Analysis of the state and trends in the use of advanced production technologies in Russia] // *Проблемы прогнозирования*. № 1. С. 87–97.
- Котляров И.Д. (2016). Локализация производства как инструмент импортозамещения [Kotlyarov I.D. (2016). Localisation of production as a tool of import substitution] // *Всероссийский экономический журнал ЭКО*. № 8. С. 128–140.
- Крылов П.А. (2021). Проблема трансфера технологий от науки в бизнес [Krylov P.A. (2021). The problem of technology transfer from science to business] // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. № 3. С. 220–239. DOI: 10.38050/013001052021310.
- Кузьминов Я.И., Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Кузык М.Г. и др. (2023). Импортозамещение в российской экономике: вчера и завтра. Аналитический доклад НИУ ВШЭ [Kuzminov Y.I., Simachev Y.V., Fedyunina A.A., Kuz'yuk M.G. et al. (2023). Import substitution in the Russian economy: yesterday and tomorrow. Analytical report of HSE]

- Kuzyk M.G. et al. (2023). Import substitution in the Russian economy: yesterday and tomorrow. Analytical report of the National Research University Higher School of Economics]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Куракова Н.Г., Зинов В.Г. (2016). Оценка перспектив завоевания глобального технологического лидерства РФ в проекции мирового патентного ландшафта [Kurakova N.G., Zinov V.G. (2016). Assessment of the prospects of gaining global technological leadership of the Russian Federation in the projection of the world patent landscape] // *Инновации*. № 6 (212). С. 48–57.
- Ленчук Е.Б. (2022). Научно-технологическое развитие как стратегический национальный приоритет России [Lenchuk E.B. (2022). Scientific and technological development as a strategic national priority of Russia] // *Экономическое возрождение России*. № 1. С. 58–65. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-1-71-58-65.
- Некрасов С.А. (2019). Экономическое развитие сквозь призму динамики патентной активности [Nekrasov S.A. (2019). Economic development through the prism of the dynamics of patent activity] // *Проблемы прогнозирования*. № 2. С. 113–120.
- Симачев Ю.В., Кузык М.Г. (2021). Взаимодействие российского бизнеса с наукой: точки соприкосновения и камни преткновения [Simachev Y.V., Kuzyk M.G. (2021). Interaction between Russian business and science: points of contact and stumbling blocks] // *Вопросы экономики*. № 6. С. 103–138. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-6-103-138.
- Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Юревич М.А. (2023). Решоринг или офшоринг: как меняется мировое производство в глобальных цепочках стоимости [Simachev Y.V., Fedyunina A.A., Yurevich M.A. (2023). Reshoring or offshoring: how global production in global value chains is changing] // *Мировая экономика и международные отношения*. № 10. С. 59–69. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-10-59-69.
- Степанова Т.Д. (2022). Технологический суверенитет России как элемент экономической безопасности [Stepanova T.D. (2022). Technological sovereignty of Russia as an element of economic security] // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. Т. 12. №9А. С. 567–577. DOI: 10.34670/AR.2022.19.76.044.
- Томин Л.В. (2023). Дискуссии о технологическом суверенитете: анализ концептуальных различий и стратегий обоснования [Tomlin L.V. (2023). Discussions on technological sovereignty: analysing conceptual differences and justification strategies] // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. № 1. С. 22–35. DOI: 10.21638/spbu23.2023.
- Фальцман В.К. (2018). Технологические суверенитеты России. Статистические измерения [Faltzman V.K. (2018). Russia's technological sovereignties. Statistical measurements] // *Современная Европа*. № 3. С. 83–91. DOI: 10.15211/soveurope320188391.
- Цедилин Л.И. (2023). Понимание экономической безопасности в России: официальная доктрина и альтернативные подходы [Tsedilin L.I. (2023). Understanding economic security in Russia: official doctrine and alternative approaches] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 21–31. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_21_31.
- Шкодинский С.В., Кушнир А.М., Продченко И.А. (2022). Влияние санкций на технологический суверенитет России [Shkodinsky S.V., Kushnir A.M., Prodchenko I.A. (2022). Impact of sanctions on Russia's technological sovereignty] // *Проблемы рыночной экономики*. № 2. С. 75–96. DOI: 10.33051/2500-2325-2022-2-75-96.
- Юревич М.А. (2023). Институциональная эффективность реформ российской науки [Yurevich M.A. (2023). Institutional efficiency of reforms in Russian science] // *Journal of Economic Regulation*. № 1. С. 23–33. DOI: 10.17835/2078-5429.2023.14.1.023-033.
- Ajami R.A. (2019). Global Reach and Challenges across the Pacific // *Journal of Asia-Pacific Business*. Vol. 20. No. 4. Pp. 257–259. DOI: 10.1080/10599231.2019.1684167.
- Crespi F, Caravella S, Menghini M, Salvatori C. (2021). European technological sovereignty: an emerging framework for policy strategy // *Intereconomics*. Vol. 56. No. 6. Pp. 348–354.
- Couture S., Toupin S. (2019). What does the notion of «sovereignty» mean when referring to the digital? // *New media & society*. Vol. 21. No. 10. Pp. 2305–2322. DOI: 10.1177/1461444819865984.
- Diesen G. (2021). *Great Power Politics in the Fourth Industrial Revolution*. — London: Bloomsbury Publishing.
- Edler J., Blind K., Frietsch R., Kimpeler S. et al. (2020). Technology sovereignty: From demand to concept // *Perspectives - Policy Brief*. No. 02. <https://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0011-n-5997578> (date of the application 03.09.2023).
- Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. (2023). Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means // *Research Policy*. Elsevier. Vol. 52(6). DOI: 10.1016/j.respol.2023.104765.
- Grant P. (1983). Technological sovereignty: forgotten factor in the 'hi-tech' razzamatazz // *Prometheus*. Vol. 1. No. 2. Pp. 239–270. DOI: 10.1080/08109028308628930.
- Helwig N., Sinkkonen V. (2022). Strategic autonomy and the EU as a global actor: the evolution, debate and theory of a contested term // *European Foreign Affairs Review*. No. 27. Pp. 1–20. DOI: 10.54648/eerr2022009.
- Karunaratne N.D. (2012). The globalization-deglobalization policy conundrum // *Modern Economy*. Vol. 3. No. 4. Pp. 373–383. DOI: 10.4236/me.2012.34048.
- March C., Schieferdecker I. (2023). Technological sovereignty as ability, not autarky // *International Studies Review*. Vol. 25. No. 2. DOI: 10.1093/isr/viad012.
- Maurer T., Skierka I., Morgus R., Hohmann M. (2015). Technological sovereignty: Missing the point? // *2015 7th International Conference on Cyber Conflict: Architectures in Cyberspace*. Pp. 53–68. DOI: 1109/CYCON.2015.7158468.
- Ponte da A., Leon G., Alvarez I. (2023). Technological sovereignty of the EU in advanced 5G mobile communications: An empirical approach // *Telecommunications Policy*. Elsevier. Vol. 47(1). DOI: 10.1016/j.telpol.2022.102459.

Юревич Максим Андреевич

mayurevich@fa.ru

Maksim A. Yurevich

Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

mayurevich@fa.ru

TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA: CONCEPT, MEASUREMENT, AND POSSIBILITY OF ACHIEVEMENT⁹

Abstract. Geopolitical tensions, sanction conflicts, and efforts to combat the COVID-19 pandemic are amplifying the trends of deglobalization in the global economy. In response, governments of various nations and regional alliances have initiated comprehensive programs aimed at revitalizing their domestic industries and bolstering their technological independence. Despite the widespread pursuit of technological sovereignty as a strategic objective in government policies, this concept remains somewhat ambiguous and lacks clear criteria for measurement. In the contemporary context, technological sovereignty extends beyond just the development of technology; it encompasses the deployment of these technologies within national enterprises and the subsequent production of competitive goods, at the very least for domestic markets. The various methods for assessing the level of technological sovereignty can be categorized into three groups: composite indices, multi-criteria evaluations without aggregation, and individual indicators. Composite indices often face challenges when combining diverse metrics, while simpler indicators, such as foreign trade statistics or patent activity, only capture specific facets of the evaluation. Multi-criteria approach without aggregation appear to offer a more objective assessment. This study conducted a dynamic analysis of the balance between domestically sourced and imported advanced production technologies utilized by Russian enterprises, examining the share of foreign value-added in final consumption and the proportion of domestically manufactured products in the market across major sectors of the Russian manufacturing industry. The results of these calculations indicate indications of strengthening technological sovereignty, particularly in the pharmaceutical and metallurgical sectors. Sectors with relatively lower levels of technological sovereignty include machinery manufacturing, electronics, and the textile industry.

Keywords: *technological sovereignty, advanced manufacturing technologies, import substitution.*

JEL: O14, O32.

⁹ The research was supported by the state assignment of the Government of the Russian Federation to the Financial University for the year 2023 on the topic “Development of recommendations for ensuring economic growth in Russia under conditions of sanction restrictions” (VTK-GZ-PI-37-23).

К.Э. Яновский

к.э.н., Шомронский центр изучения экономической политики (Израиль)

ИЗЛЕЧЕНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СТАРЫХ ДЕМОКРАТИЙ И УРОКИ ДЛЯ РОССИИ¹

Аннотация. Вопреки распространённым заблуждениям, государственное здравоохранение не является первым массовым в истории. Оно не связано с основными прорывами в снижении смертности и в увеличении продолжительности жизни. Гарантии прав собственности и собственника, приведшие к современному экономическому росту и научно-техническому прогрессу сыграли куда более важную роль в здравоохранении. Растущие быстрее, чем экономика в целом, государственные расходы и их невысокая эффективность ставят под вопрос даже сам знак влияния этих расходов на состояние здоровья граждан. Попытки государства защитить потребителя лекарств приводят к росту издержек, вероятно, перевешивающему прирост общественной пользы. Кроме того, наибольшую обеспокоенность общества и экспертов должна вызывать даже не низкая эффективность государственного здравоохранения, а связанные с государственным контролем этические проблемы и слабеющие ограничения власти политиков и неизбираемых чиновников над жизнью граждан в ситуации, когда чиновники облечены полномочиями решать за и вместо пациента.

Ключевые слова: *богатство и здоровье, человеческий капитал, потери от регулирования, частное здравоохранение, государственное здравоохранение.*

JEL: D72, D73, D78, I13, I15, I18

УДК: 338.465

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_22_40

© К.Э. Яновский, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Яновский К.Э. Излечение здравоохранения: исторический опыт старых демократий и уроки для России // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 4. С. 22–40. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_22_40.*

FOR CITATION: *Yanovskiy K. The Health Cure: Historical Experience of Old Democracy and Lessons for Russia // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 4. Pp. 22–40. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_22_40.*

¹ Мнение части членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

Первая в мире система общедоступной медицинской помощи была создана в охваченной эпидемиями, воюющей и голодной России силами чрезвычайных санитарных комиссий права, которых мало чем отличались от ЧК².

Е.Гонтмахер, А.Уралец, Н.Прохоренко

Введение — зачем повторять то, что уже известно?

Разумеется, первые в мире системы общедоступной медицинской помощи пристойного качества были созданы задолго до чрезвычайных комиссий в тифозной России. Столь сильное утверждение уважаемых коллег, специализирующихся в вопросах экономики здравоохранения и смежных с ними образования и социального обеспечения, только подчёркивает актуальность уроков истории.

Значение этих уроков далеко не исчерпывается необходимостью сбалансировать апологетику «самовластья и прелести кнута», как писал Пушкин в своей эпиграмме на «Историю» Карамзина. Опыт систем здравоохранения развитых стран настоящего и прошлого полезен и для предупреждения от ошибок, ставших стандартными, и для изучения действительно бесспорно эффективного опыта.

Современный кризис системы здравоохранения и попытки его устранить в условиях ужесточающихся бюджетных ограничений простым сокращением числа действующих медицинских объектов является и вызовом, и возможностью сделать правильный выбор. Есть соблазн постараться принудить «добротного царя» вновь нарастить расходы и вернуться к идеализируемой многими системе, которая всегда была плохой. Да, многие из нас помнят врачей советского периода — блестящих специалистов, спасавших пациентов в операционной. К сожалению, значительная часть этих пациентов рутинно умирала потом — после операции, от никуда не годного ухода и антисанитарии.

Восприятие социального государства как венца творения и его развития (чего-то вроде гегелевского «всемирного духа») или просто как единственного варианта для организации общедоступного здравоохранения не соответствует историческим фактам. Главное же, это восприятие, превратившись в стереотип, препятствует содержательной дискуссии о том, как наилучшим образом обеспечить доступность услуг здравоохранения большинству граждан. Задача этой статьи — напомнить о хорошо апробированных рецептах решения проблемы в прошлом, равно как и о причинах отказа от них в середине XX в.

Как люди стали реже болеть и дольше жить

В статье о провалах государства и государственного здравоохранения во время кризиса последней пандемии (COVID-19) подробно разбирался механизм успехов здравоохранения последних полутора столетий [Яновский, 2022]. Нет разумных сомнений в том, что здоровье укреплялось, а продолжительность жизни росла после промышленного переворота в результате беспрецедентного экономического роста, роста доходов домохозяйств и общества в целом [Pritchett, Summers, 1996; Acemoglu, Johnson, Robinson, 2003; Costa, 2015].

Ограничение власти государства, резкое сокращение вплоть до исчезновения возможностей у элиты силой выкачивать ресурсы у наиболее успешных производителей

² VTimes (выполняет функции иностранного агента). <https://web.archive.org/web/20201115003529/https://www.vtimes.io/2020/11/11/pochemu-aziya-spravilas-s-kovidom-a-evropa-ssha-i-rossiya-net-a1408> (дата обращения: 18.09.2023).

создало стимулы к инвестициям в самих себя и в своих детей. Создало стимулы добиваться успехов и ощущение, что «твоя жизнь зависит от твоих усилий». Простое желание жить превратилось в желание жить лучше и дольше, чтобы добиться ещё большего. Появились новые возможности заботиться о здоровье и образовании детей. На этой основе появился и начал расти массовый спрос на качественные медицинские услуги и, соответственно, на медицинские исследования.

Уважение прав собственника и собственности создали оптимальные условия роста также и для гражданской инициативы. Применительно к медицине это выразилось в росте числа благотворительных медицинских учреждений и программ, а также массового некоммерческого медицинского страхования, конкурировавшего с коммерческим. Разбогатевшее общество стало решать проблемы общественной гигиены, особенно острые в растущих городах. Со второй половины XIX в. быстро строились сети водоснабжения и канализации [Acemoglu, Johnson, Robinson, 2003]. Наконец, научный анализ иммунитета и обоснование вакцинации способствовали тому, что такие меры стали массовыми и резко снизили распространение болезней, ранее выкашивавших десятки миллионов. Прогресс в химии, биологии (в странах англо-саксонской традиции он был никак не связан с государством) в сочетании со свободой экономики и конкуренции способствовал выходу на рынок лекарств, резко снизивших смертность среди тех, кто всё же заболел и/или получал ранения и увечья.

До тех пор, пока основные решения в экономике принимаются частными лицами в своих интересах и при этом принимающих основные риски на себя, а не на других, равно как и пожинающих плоды своих успехов, не уступая львиную долю другим под влиянием государственных угроз применения силы, до тех пор продолжится и современный экономический рост на здоровой основе и, соответственно, прогресс в здравоохранении, росте продолжительности жизни и сокращении смертности от определённых болезней. Причём без всякой заботы правительства.

Большинство достижений, ассоциирующихся ныне с государственной деятельностью — военной медицины, санитарии и вакцинации — достигались без помощи государства, а иногда и при его сопротивлении. Так, частное лицо — Флоренс Найтингел (Florence Nightingale) заставила британских военных отказаться от содержания полевых госпиталей под одной крышей с конюшнями и обеспечить в полевых госпиталях максимально достижимый на момент Крымской войны уровень санитарии, что резко снизило смертность среди раненых [Sheingold, Hahn, 2014]. Военные медики-добровольцы, работавшие во Франции с 1914 г., стали одной из основ американской медицинской службы после вступления США в войну [Gregory, 2018]. Разработка современных вакцин связана с именами Пастера, Мечникова и Хавкина — основателя и сотрудников частного института Пастера в Париже³.

Впрочем, на Севере Европы падение смертности происходило в ту эпоху также быстро при высокой степени огосударствления медицины (госпиталей, прежде всего). Это дополнительно подчёркивает значение роста благосостояния как главного фактора прогресса здравоохранения.

До середины XX в. во многих развитых странах основные услуги здравоохранения предоставлялись частными врачами и госпиталями и оплачивались коммерческими или некоммерческими страховыми организациями, нередко — благотворительными фондами либо напрямую пациентами. До огосударствления частное медицинское страхование во многих передовых странах охватывало большинство населения в то время, как благотворительные структуры обеспечивали «страховку» наиболее нуждающимся.

³ Institute Pasteur. <https://www.pasteur.fr/en/institut-pasteur/history> (access date: 18.09.2023).

Заметим, что развёртывание сети коммерческих страховых организаций даже с учётом длительного времени на строительство репутаций намного проще, чем развёртывание массового некоммерческого страхования, которое на первых же этапах требует значительного запаса взаимного доверия и достаточного уровня гражданской квалификации [Green, 1993].

В тех странах, где последние века доминировали государственные источники оплаты медицинских услуг (как в Скандинавских странах), исторически такое положение было обусловлено встроенностью государственной церкви в систему исполнительной власти⁴ (см., например: [Wetterberg, 2012]). Определённой границы между государственными церквями и частной благотворительностью во время становления системы здравоохранения в той же Швеции не существовало. Как, впрочем, не было её до конца XVIII — начала XIX вв. и в Англии, и в Северной Америке. Но в Англии и в особенности в США частная некоммерческая инициатива развивалась быстрее. В Англии она отделилась от государственной церкви, а в США при острой конкуренции конфессий религиозная благотворительность и иные некоммерческие инициативы имели мало шансов и, соответственно, испытывали куда меньший соблазн припасть к кошельку налогоплательщика (см. обзор по истории благотворительности: [Яновский, 2019]). Иными словами, доминирование государства в здравоохранении в шведской модели отражает недостатки в развитии гражданского общества. Поэтому такая модель лучше может послужить как образец избегания повторения, а не как образец для подражания.

Итак, главной причиной переворота в здравоохранении стал экономический рост, основанный на росте личного благосостояния практически всего населения. Он, в свою очередь, был обусловлен тем, что в ряде стран утвердились гарантии личных прав и свобод, соответственно и частной собственности. Люди стали лучше зарабатывать, жить в тепле и сытости, питание стало более сбалансированным и здоровым, кардинально улучшились условия личной гигиены. Наконец, растущее большинство семей смогло позволить себе более или менее регулярно оплачивать услуги врача.

Здоровье населения — дело государственное...

Кому и зачем понадобилось государственное решение?

Система некоммерческого страхования на случай болезни, действовавшая в Англии наряду с благотворительной (лучше всего сохранившейся в США) и обычной коммерческой медициной, описана, в частности, в книге английского историка Д. Грина «Возвращение в гражданское общество» [Green, 1993]. Следует заметить, что проводивший в 1911 г. социальную реформу министр внутренних дел Великобритании (Home Secretary) У. Черчилль не был должным образом знаком с этой системой. Он не пользовался её услугами. Был уверен, что небогатые люди пребывают в небрежении и власти «должны срочно что-то сделать», например, перенять «прогрессивный» германский опыт. Важную роль сыграли и лоббистские усилия сообщества врачей, недовольных «диктатом» организованных потребителей из некоммерческих страховых организаций рабочих [Green, 1993. P. 81] и отчасти коммерческих страховщиков [Gilbert, 1965].

Показатели снижения смертности в выборке развитых стран мало зависят от «изначального» доминирования государственной медицины или, напротив, частной, от смены частной на государственную (рис. 1–7 и дополнительная статистика по большей выборке⁵).

⁴ К примеру, Церковь Швеции. Svenska kyrkan. <https://www.svenskakyrkan.se/church-and-state> (access date: 18.09.2023)

⁵ Yanovskiy M.K. (2023). Governmental Control in Healthcare and Dynamics of Mortality in selected countries. ResearchGate. https://www.researchgate.net/publication/372336161_Governmental_Control_in_Healthcare_and_Dynamics_of_Mortality_in_selected_countries?channel=doi&linkId=64b01285c41fb852dd6ef173&showFulltext=true (access date: 18.08.2023).

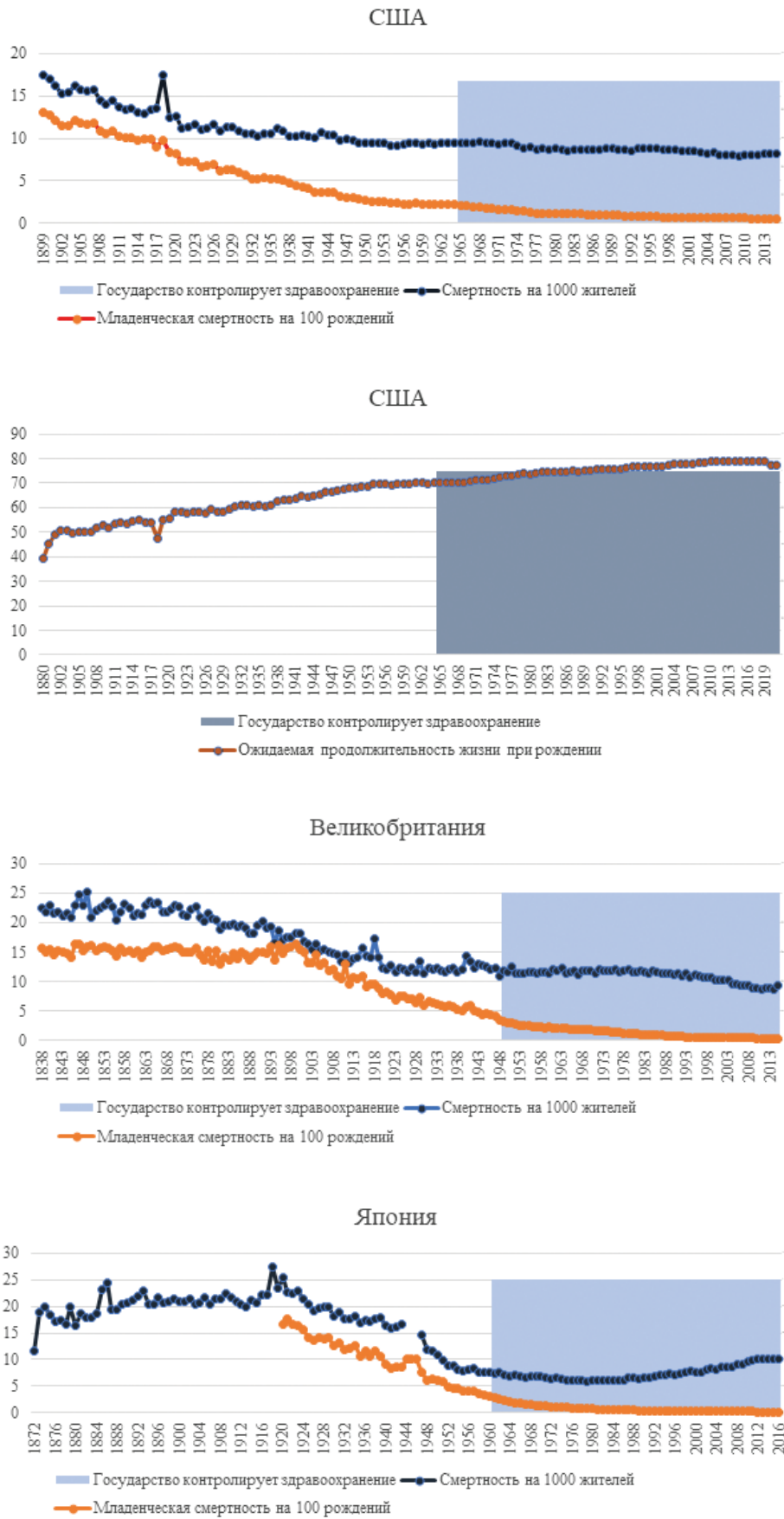

Рис. 1–4

Источники: [Mitchell, 2007a, Mitchell 2007b, Mitchell, 2007c], World Bank World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://ourworldindata.org/life-expectancy> (access date: 18.08.2023).

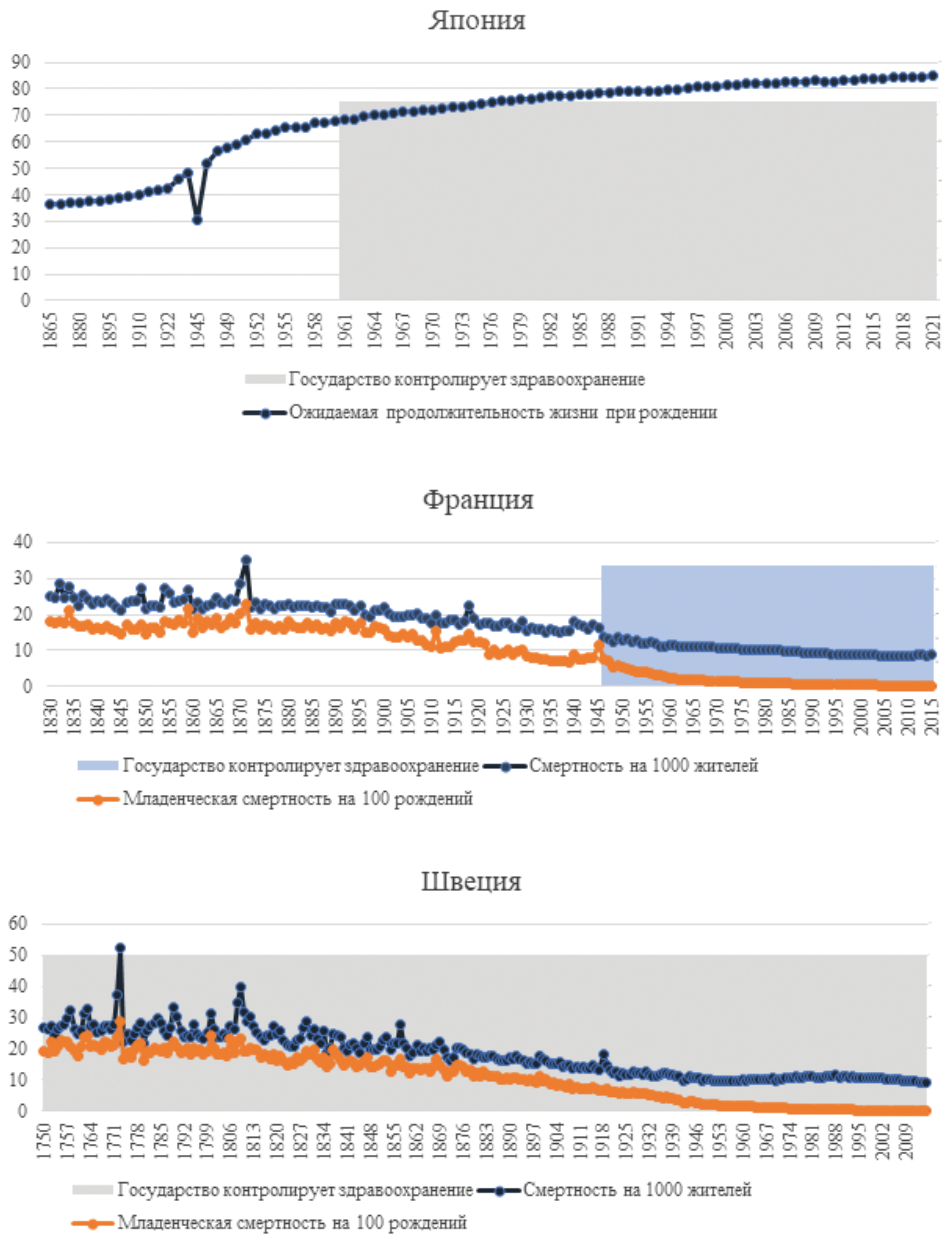

Рис. 5–7. Источники: [Mitchell, 2007a, Mitchell 2007b, Mitchell, 2007c], World Bank World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://ourworldindata.org/life-expectancy> (access date: 18.08.2023).

Ни в одной из стран, где в разное время — в основном в середине XX в. — государство установило ту или иную форму контроля над здравоохранением (США, Великобритания, Франция, Бельгия, Австралия, Израиль), вмешательство государства не было обусловлено кризисом частной системы. Нигде оно, как показывают рис. 1–7, не привело к статистически заметному улучшению положения.

Несомненно то, что везде после установления государственного контроля наблюдался опережающий рост расходов на медицину и расширение полномочий неизбираемых структур государственной (исполнительной) власти по сравнению с темпами экономического роста. Уровень расходов на здравоохранение в старых демократиях достигает 9–17% ВВП [Ehrlich, Yin, 2013], причём только государственные расходы обычно составляют от 7 до 11% ВВП.

Среди проблем, затрудняющих контроль над ростом расходов, выделим интерес части политиков, опирающихся на голоса зависимых от бюджета граждан [Yanovskiy, Zhavoronkov,

2018], а также последствия растущей автономии (если уже не независимости) чиновников от избираемых политиков на Западе [Sanders, 2004. Pp. 337–338]. Заинтересованность чиновников от медицины в экспансии полномочий [Jasay 1985] и расходов [Tullock, 1965; Niskanen 1971, Mises, 1944] приводит к пугающим (в буквальном смысле) последствиям. Речь идет о страхе пожилых людей попасть в последние месяцы жизни во власть государственной системы здравоохранения [Ameriks, Caplin, Laufer, Vannieuwerburgh, 2011].

Невозможность безграничного наращивания расходов приводит раньше или позднее к необходимости селекции пациентов не только в чрезвычайных ситуациях (triage), но и в ходе рутинных процедур. Кому-то — Четвёртое главное управление Минздрава СССР или VIP обслуживание NHS⁶ (Великобритания). Кому-то — выписка домой с пожеланием успехов.

В ведущих державах мира установление государственного контроля над здравоохранением происходило не как реакция на проблему, а именно после того, как драматически падала смертность взрослых и детей до уровней, уже сопоставимых с современными. В дальнейшем колоссальные дополнительные ресурсы, отнятые у домохозяйств и общества, дают заметную, но достаточно скромную дополнительную отдачу. Экономист не имеет права забывать про свою обязанность сравнивать эту отдачу для состояния здоровья людей с отдачей от изъятого благосостояния у домохозяйств, а также инвестиционных ресурсов у фирм.

Защита потребителя от недоброкачественных лекарств

Выдача разрешений на продажу новых лекарств кажется сегодня многим наиболее очевидным и естественным приложением сил государственных экспертов. Мировой лидер этих усилий в крупнейшем центре производства новых лекарств и на крупнейшем рынке их потребления — Управление по надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США (Food and Drug Administration (FDA)). Полезно, напомнить, что до 1938 г. эта администрация не занималась ничем, кроме выборочных проверок соответствия информации, предоставляемой потребителю по реальному составу лекарственных средств. Лишь с 1962 г. FDA получила полномочия не выпускать лекарства на рынок без проверки.

Вполне ожидаемо, что в результате резко отодвинулись сроки выхода новых лекарств на рынок. Выдерживать 8-10-12 лет до получения разрешений [Philipson, Sun, 2008] смогли только очень крупные фирмы, остальные вынуждены были сократить или вовсе оставить самостоятельные разработки новых лекарств. В результате из отрасли ушла большая часть малых и средних фирм, которым тяжело выжить в течение столь длительного периода неопределённости и с омертвлёнными в ожидании решения FDA финансовыми средствами. Выход на рынок новых лекарств заметно сократился [Peltzman, 1973], а конкуренция ослабла.

В результате появился заметный ущерб, замеряемый в потерянных жизнях от отложенного выхода лекарств на рынок. Доказанного позитивного эффекта от предотвращения выхода недоброкачественных лекарств, по всей видимости, недостаточно для компенсации этих потерь [Gieringer, 1985; Peltzman, 1987]⁷.

У фармацевтических фирм появился стимул инвестировать в лекарства, ненадолго продляющие жизнь терминально больным, вместо излечивающих и ставящих на ноги надолго лекарств. Цикл проверки первых получается намного короче и почти не возникают проблемы с регистрацией побочных эффектов [Moore, Zhang, Anderson, Alexander, 2018]. Израильский

⁶ EXPRESS. <https://web.archive.org/web/20150901075948/https://www.express.co.uk/news/uk/601891/Politicians-MP-NHS-London-St-Thomas-Hospital-VIP-Patients-Association-Katherine-Murphy> (access date: 18.08.2023).

⁷ «Доказанный позитивный эффект» — странное утверждение автора. FDA получило право на запрет для новых лекарств после трагедии с применением талидомида, вследствие которой в богатых странах в течение 1958–1962 гг. по разным подсчётам родилось от 8 000 до 12 000 детей с врождёнными уродствами (Википедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Талидомид>). Отсутствие повторения таких трагедий можно считать вполне «доказанным позитивным эффектом». Прим. ред.

юрист Амир Купер⁸ обратил внимание на указанный вывод, к которому Мур с коллегами так и не приходят (или обходят его), но который кажется действительно очевидным.

В США и многих других развитых странах рынок лекарств искажён регулированием настолько, что возникла (затрагивающая, к счастью, пока меньшинство пациентов) проблема дефицита лекарств [Там же]. Роберт и Корин Соеры [Sauer, Sauer, 2007] напоминают, что процесс проверки в FDA «съедает» до половины времени, в течение которого действует патентная защита. То есть на то, чтобы окупить лекарство, фирме-инноватору остаётся лет десять из обычных двадцати. Следует добавить, что само по себе разрешение FDA на продажу нового лекарства вовсе не гарантирует фирму от судебных исков [Gibbs, Mackler, 1987]. Хуже того, выявленные в ходе многолетних испытаний проблемы и побочные эффекты, равно как и оговорки экспертов, предусмотрительно снимающих с себя ответственность, нередко используются в судах для получения многомиллионных компенсаций от фармацевтических фирм.

Во время последней пандемии 2020–2022 гг. выяснилось, что при наличии политической воли, чиновники FDA могут выдавать разрешение на использование экспериментальной вакцины без наличия информации о побочных эффектах менее, чем за год, оговаривая этот факт мельком, во избежание ответственности в будущем⁹. Причём по известной при социализме практике разрешённое использование быстро превращается в обязательное [Yanovskiy, Socol, 2021. Section IV.5]. Отметим, что этот прецедент при всех рисках для репутации FDA резко расширил фактические полномочия ведомства.

Стоит отметить, что распространённые подозрения крупных фармацевтических компаний, выигравших от продажи вакцин, в подкупе чиновников или ином варианте захвата контроля над ними, кажутся совершенно необоснованными в свете бессилия тех же компаний десятилетиями решить приведённые выше тяжелейшие проблемы¹⁰.

Также полезно напомнить о сочетании колоссальных ресурсов федеральных ведомств США (таких как National Institutes of Health), распределяющих гранты на медицинские исследования каждый год на суммы много большие, чем рекордная прибыль Pfizer в 2021 г.¹¹, с огромной властью, от которой зависит само существование Pfizer, равно как их конкурентов. Возможности лоббирования или финансирования политиков в отрасли также ограничены. Будучи крупным заказчиком услуг лоббистов в Конгрессе США, фармацевтические корпорации оплачивают не более 15% таких заказов (30 из 200 млн долл.). Вес вложений фармацевтов в общие расходы на лоббирование (чуть более 40 млн¹² из более

⁸ TheMarker. <https://www.themarker.com/blogs/amir-cooper/BLOG-1.7949111> (access date: 18.08.2023).

⁹ Information is not yet available about potential long-term health outcomes. FDA. <https://www.fda.gov/news-events/press-announcements/fda-approves-first-covid-19-vaccine>. Из пресс-релиза FDA от 23 августа 2021 г. (access date 18.08.2023).

¹⁰ При отсутствии в статье анализа перечня реальных прецедентов, в которых «большая фарма» не смогла бы добиться позитивных решений, утверждение о «проблемах» выглядит голословным риторическим приёмом. В свою очередь, скандал вокруг председателя ЕК У. фон дер Ляйен по поводу закупок вакцины Pfizer/BioNTech и попыток скрыть её переписку с генеральным директором А. Бурлой уже привёл к нарушению прав некоторых медиа, из-за чего часть газет обратилась в суд. (New York Times подала в суд из-за фон дер Ляйен и вакцин от COVID. РБК. <https://www.rbc.ru/politics/14/02/2023/63eb5ccd9a794786030c2401>).

¹¹ NIH— National Institutes of Health. Office of Budget. https://officeofbudget.od.nih.gov/approp_hist.html (access date: 18.08.2023).

¹² Цифры затрат на лоббирование и оценки влияния «большой фармы» и больниц на конгресс в разных источниках сильно расходятся. Например: «группа Pain Care Forum за десять лет потратила около 740 млн долл., лоббируя на федеральном уровне и в отдельных штатах законодательство против ограничений на назначение опиоидов (Perrone and Wieder, 2016)...». «Фармацевтическая промышленность, производители, оптовики, дистрибьюторы и сетевые аптеки оказывают беспрецедентное давление на конгресс», — отметил Джозеф Т. Ранназиси, работавший в Управлении по борьбе с наркотиками до 2015 г., в интервью газете The Wall Street Journal, — «Степень их влияния демонстрирует то, что они смогли заставить конгресс принять закон о защите их интересов в разгар эпидемии опиоидов» (Higham and Bernstein, 2017)». — Филиппон Т. Великий поворот: как Америка отказалась от свободных рынков. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. С. 346.

чем 4 млрд) составляют и вовсе 1%¹³. Это немало, но сопоставимые суммы тратят десятки фирм и ассоциаций предпринимателей, причём две крупнейшие платят лоббистам свыше 80 млн долл. в год каждая.

Фармацевтические фирмы распределяли свыше 40 млн долл. пожертвований на все выборы за избирательный цикл 2020–2022 гг., при том что только совокупный бюджет выборов в Палату представителей Конгресса составил тогда свыше 1 700 млн долл. Совокупный бюджет кампании в одном «качающемся» (с сопоставимыми шансами кандидатов) округе может составлять до 10 млн долл., причём преимущество в финансировании вовсе не гарантирует победы [Yanovskiy, Socol, 2023]. Не говоря уже о том, что почти все репутационные проблемы от поспешного ввода вакцин, от отсутствия внятного и однозначного предупреждения об их экспериментальном статусе станут проблемой фармацевтических фирм, а не предусмотрительных чиновников. И это при том, что именно чиновники препятствовали всеми силами использованию для лечения больных коронавирусом дешёвых и безопасных лекарств [Yanovskiy, Socol, 2021. Section III.6]. (Подробнее о достижениях и провалах FDA — в обзоре литературы [Яновский, Жаворонков, Черный, 2017], а также [March, 2021].)

Асимметричная информация — проблема или решение?

Студентов-экономистов десятилетиями учат на курсах микроэкономики тому, что информационная асимметрия суть классический пример провала рынка. Между тем без массивного государственного вмешательства проблема находит множество практических решений. Конкуренция между поставщиками услуг здравоохранения стимулирует открытость. Интересы частных страхователей — как коммерческих, так и некоммерческих [Green, 1993] побуждают их проверять информацию как от пациента, так и от врача [Sullivan, 2006]. Существуют коммерческие и некоммерческие организации, предлагающие помощь пациенту, нуждающемуся в проверке выводов и рекомендаций врача¹⁴. Наконец, при господстве частных институтов — коммерческих и некоммерческих — новые технические возможности искусственного интеллекта облегчают доступ к альтернативным мнениям о диагнозе и о способах лечения, в дополнение к некоммерческим частным организациям с участием старых опытных врачей, давно практикующих предоставление таких услуг. Семья, оплачивающая такие услуги из своего кармана, равно как и специализированная благотворительная организация имеют сильные стимулы обращаться за такими услугами, смягчая асимметрию информации. Наиболее сильные стимулы и исторический опыт проведения собственных расследований при подозрении о необоснованности требований клиник существуют и у частных страховых компаний¹⁵.

В случае же тоталитарного режима, когда врач становится представителем власти с огромными полномочиями, сама проблема асимметрии снимается. Точнее, она не рассматривается как проблема вообще. Гражданину, вернее подданному, не положено сомневаться в указаниях властей, включая медицинские. Вероятно, схожая мотивация сторонников неограниченной власти правительства в Китае приводила их к убеждению в том, что простым людям не положено знать тексты законов, дабы им не пришлось в голову оспаривать

¹³ OPEN SECRETS. <https://www.opensecrets.org/federal-lobbying/summary> — общие расходы. Крупнейшие заказчики лоббистских услуг в 2022 г.: OPEN SECRETS. <https://www.opensecrets.org/federal-lobbying/top-spenders?cycle=2022> (access date: 18.08.2023).

¹⁴ American Board of Independent Medical Examiners. <https://www.abime.org> — объединение коммерческих организаций, обеспечивающих такие проверки. Physicians for Patient Protection. [PhysiciansForPatientProtection.org](https://www.physiciansforpatientprotection.org) — пример некоммерческой организации; Ezra Lemarpe. <https://www.ezra-lemarpe.org/en> — пример благотворительной организации.

¹⁵ National Insurance Crime Bureau. <https://www.nicb.org/about-nicb> — информация о некоммерческой организации, которая объединяет частных расследователей проблемных страховых требований в США со 110-летней историей

указания начальства со ссылкой на их положения [Bodde, 1963]. Многие врачи, в частности в нацистской Германии, не смогли устоять перед соблазном получить такую власть над «неразумным» пациентом [Kater, 1983; Kater, 1987]. Тайное знание элиты и асимметрия информации при таких подходах есть несомненное благо.

Моральные вызовы в государственном и в частном здравоохранении

Одна из тяжелейших проблем современной медицины сводима к выбору — продолжение борьбы с болезнью или спокойное умирание. Когда в частной медицине (включая благотворительную, некоммерческую страховую) эти вопросы полностью в руках пациента и его семьи, такой выбор всё равно остаётся болезненным и крайне тяжёлым. Передача полномочий принятия решений от пациента, от его семьи в руки правительственных «экспертов», т.е. на самом деле — чиновников, не просто опасна из-за возникновения политического напряжения, и не просто угрожает социально-политическим взрывом. Такой взрыв может быть далеко не худшим вариантом развития, свидетельствуя об определённом уровне морали и ответственности общества. Возможно, куда большей опасностью является принятие норм, которое равносильно постепенному полному размыванию морали, влекущее деградацию института семьи. А затем деградирует и гражданское общество, основой которого является семья.

Рассмотрим относительно недавний пример дела Чарли Гэрда в Великобритании (формально — Great Ormond Street Hospital vs. Yates and Gard 2017 [Hammond-Browning, 2017; Wilkinson, Savulescu, 2018]). Родители тяжело больного полугодовалого ребёнка пытались использовать экспериментальную технологию лечения с выездом в США. Они получили судебный запрет вывозить сына со ссылкой на «специалистов» (государственной Национальной службы здравоохранения — National Health Service). Принятое по рекомендации опасоющейся конкуренции и, возможно, неприятных сравнений Национальной службы здравоохранения с другой системой решение судей «в лучших интересах ребёнка» о том, что ему предпочтительнее «умереть с достоинством» вопреки протестам семьи и общества напоминает логику и решения властей тоталитарных режимов. Дело Гэрда уже не единственный прецедент — суд также помог NHS не допустить вывоза в Израиль двухлетней девочки — Альты Фикслер, которая получила «право на смерть с достоинством»¹⁶.

Антипод опыта семей Гэрдов и Фикслеров, которым отказали в праве решать судьбу собственного ребенка, — пример Ави Ярона (Израиль). Это молодой инженер с диагностированной опухолью мозга, который сам уточнил свой диагноз, сам собрал деньги на лечение в США, а для повторной операции разработал миниатюрное видеоборудование, помогающее спасать многих людей и спасшее его самого. Если бы А. Ярон получил аналогичное решение суда с запретом выезда на лечение за границу, гарантирующее ему «право на смерть с достоинством», потери для общества были бы ощутимыми, не говоря уже о потерях для самого Ярона [Яновский, Жаворонков, Черный, 2017])

Отечественный опыт принудительного психиатрического решения — также типичное следствие огосударствления [Bonnie, 2002; Башинова и др., 2004. С. 76–79]. Так же как и принудительная эвтаназия инвалидов в нацистской Германии или коммерческая продажа органов казнённых в КНР [Hillman, Nathanson, 2001].

В России и иных сопоставимых культурно странах приведённые выше проблемы дополняются обычной коррупцией и воровством. Причём если воровство у больных является несомненным злом, то коррупция, позволяющая обходить вредные и аморальные нормы и приказы властей, может быть злом меньшим и вполне терпимым. Представим

¹⁶ UK Supreme Court. 2021. Manchester University NHS Foundation Trust vs. Alta Fixsler & Mr. & Mrs. Fixsler. Approved Judgement. May 28, 2021. <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Fam/2021/1426.html> (access date: 18.08.2023).

себе, что родителям Чарли Гэрда удалось бы вывезти ребенка из страны, дав умеренного размера взятку чиновнику в аэропорту.

Новым вызовом морали являются законы ряда стран, допускающие одобренное государственным здравоохранением решение о самоубийстве с помощью медиков. Само определение государством условий применимости этой меры, включая наличие психического заболевания, наводит на размышления¹⁷. В свете дела Гэрда, с его новым «правом» человека на «смерть с достоинством» по решению медиков и суда, в свете первых скандалов в Канаде¹⁸ сама такая возможность должна вызывать растущие опасения общества.

При этом автор полностью поддерживает право терминально больного пациента и его семьи отказаться от изнурительной борьбы за продление жизни в пользу спокойного ее завершения при максимально возможном смягчении страданий (паллиативная помощь). Эти процедуры применяются давно и неплохо изучены. Они, естественно, не продлевают жизнь, но заметно повышают качество последних её месяцев и снижают издержки на лечение (обзорные работы по таким исследованиям [Haun, Estel et al, 2017; Dalal, Bruera, 2017]). Разумеется, соображения экономии в такой ситуации могут противоречить выбору оптимального решения о лечении частными лицами. Но пока само решение остаётся в руках пациента (в случае утраты им сознания — семьи), уровень угроз обществу, равно как и тяжесть морального выбора, несопоставимо меньше, нежели в ситуации вмешательства наделённого властью чиновника.

В статье о политике развитых стран в период пандемии COVID-19 [Яновский, 2022] подчёркивался очевидный, признаваемый даже упомянутой выше оговоркой FDA факт экспериментального характера новых вакцин, чьё действие не было основано на использовании ослабленного вируса. Даже сокрытие информации об этом с точки зрения выводов Нюрнбергского трибунала о преступных экспериментах¹⁹ нуждается в специальном расследовании. С точки зрения морали и ответственности человек, предупреждённый о побочных эффектах вакцины, равно как и о том, что большая часть их, вероятно, ещё не выявлена, но пожелавший несмотря на эту информацию быть привитым в случае сколь угодно тяжёлых последствий, сам отвечает за случившееся. Ситуация возникновения тяжёлых побочных эффектов является типичным несчастным случаем. Точно такой же человек, которому не сообщили о том, что он ставит на себе эксперимент, а зачастую пригрозили увольнением с работы, ограничениями в возможности вести нормальный образ жизни при отказе от прививки, при тех же негативных последствиях прививки является жертвой. Причём вероятность наступления тяжёлых последствий для моральной оценки не столь уж принципиальна. А случаев побочных эффектов от новых вакцин уже немало, и они, вероятно, не исчерпываются уже признанными всеми миокардитами [Oster et al, 2022].

Некоторые иные побочные эффекты государственного врачевания

Как отмечалось выше, цикл разработки и испытания наиболее эффективных лекарств во много раз дольше, чем лекарств, незначительно продляющих жизнь. При этом полностью излеченный пациент — мина замедленного действия. Никто не знает, когда адвокат убедит его подать иск против врачей и фармацевтов в связи с изжогой или пробле-

¹⁷ В результате дискуссии в Канаде решение о расширении оснований применимости Medically assistance in dying — MAID — пока отложено до 2024 г. Government of Canada. <https://www.canada.ca/en/health-canada/services/health-services-benefits/medical-assistance-dying.html>. Government of Canada. <https://www.justice.gc.ca/eng/cj-jp/ad-am/bk-di.html> (access date: 18.08.2023).

¹⁸ Служащий ведомства помощи ветеранам — Veterans Affairs Canada VAC предложил ветерану вместо помощи — пройти процедуру MAID. FOX NEWS. <https://www.foxnews.com/world/canadian-soldier-suffering-ptsd-offered-euthanasia-veterans-affairs> (access date: 18.08.2023).

¹⁹ BRITISH MEDICAL JOURNAL. <https://www.cirp.org/library/ethics/nuremberg/> (access date: 18.08.2023). Подробнее в: [Annas, Gordin, 2018].

мами со сном. Умерший на три месяца позднее обычного срока старик или терминально больной судиться с госпиталем или фармацевтической фирмой не сможет.

Практикующий главный хирург Джеффри Сингер [Singer, 2013] описывает историю негативного влияния государственно финансируемых программ на качество лечения. В 1980-е гг. Medicare, стремясь удержать под контролем рост издержек и будучи важным клиентом всех клиник, ввело требование подробной отчётности (кодирования отдельных действий и услуг) и контроля над ценами для своих клиентов. Это сразу превратило пожилых людей в нежеланную категорию. После того, как эта практика сложилась, с конца 1980-х гг. её начали копировать и частные страховые компании. Это заставило клиники искать способы манипуляций и описывать свои действия, подбирая кодированные процедуры с тем, чтобы максимизировать оплату (не говоря уже о том, что пришлось нанять дополнительный персонал для такого кодирования). Побочным эффектом стало искажение статистики заболеваний — под наборы симптомов оказалось выгодно подгонять наиболее дорого оплачиваемые (соответствующие им) заболевания. Дальнейшие попытки расширения государственного вмешательства сопровождались новыми усилиями по ужесточению контроля за издержками, начиная с частнопрактикующего врача.

Одной из главных проблем бюрократизации стало вынужденное сокращение времени у врача на помощь пациентам.

Усложнение регулирования привлекло внимание юристов — обострилась проблема сутяжничества. Страх врачей, госпиталей и фармацевтов заплатить огромную компенсацию привёл к новому циклу удорожания услуг. Большинство юристов (в США) — жертвователи левого крыла Демократической партии — партии социальной заботы и Большого правительства. И «почему-то» эффективно решить проблему сутяжничества не удаётся уже многие десятилетия. С тех пор, как ещё в 1970-х гг. в некоторых штатах с рынка исчезли страховки ответственности для врачей — их стало нельзя купить ни за какие деньги [Яновский, Жаворонков. Черный, 2017]).

Притом, что судебная система в США имеет пока хорошую репутацию, а закон там предписывает определённую и непростую процедуру доказательства вины врача, американский опыт следует использовать с большой осторожностью, озаботившись усилением презумпции невиновности. Государство, требующее от врача под страхом потери права работы по специальности тратить большую часть времени на отчётность, вряд ли имеет право спрашивать с врача за ошибку в диагнозе, поставленном за пять минут или за небрежность в лечении. Даже при минимальном регулировании или в его отсутствие высокий риск тяжёлого наказания за ошибку приведёт к отсеву потенциально весьма эффективных медиков с сильными предпочтениями избегания рисков. А склонность избегать риски свойственна большинству людей [Holt, Lairy, 2002]. Соответственно, среди действующих врачей парадоксальным образом останутся люди, склонные к высокому риску, что не всегда полезно при принятии взвешенных решений.

Наконец, но далеко не в последнюю очередь, бремя малоэффективных государственных медицинских расходов снижает реальные доходы и потребление, особенно низкодходных слоёв (через вытеснение благотворительности и сужения спектра возможностей найти достойную работу и возможности роста)²⁰. Это эквивалентно потерям нескольких лет качественной жизни — хуже качество питания, отдыха, сложнее найти деньги на лекар-

²⁰ Проблема сравнительного анализа соотношения цена / качество в государственных и частных клиниках относится к числу наиболее сложных. Так называемая «система Семашко» в СССР показывала хорошие результаты при очень низких затратах в расчёте на пациента («оборот койки»), но речь при этом шла о ликвидации сравнительно простых массовых заболеваний. В России в частных и государственных клиниках работают одни и те же врачи (при этом приём в частной клинике рассматривается просто как дополнительный приработок). — Прим. ред.

ства и на своевременное посещение врача и т.д. У бедных ниже и защищённость от аварий при использовании устаревшей техники (автомобилей, бытовой техники).

Обоснование рекомендаций

Не оглядываясь на политические ограничения

Из обширной литературы с предложениями как вернуть свободу выбора гражданам, сошлюсь на доклад Института Катона (Cato Institute) 1993 г. [Lindsay, 1993].

Выбор этого уже тридцатилетней давности доклада обусловлен тем, что в ряду работ известного в прошлом центра экономического свободомыслия, это был один из последних документов, автор которого не особо оглядывался на политические реалии и ограничения. Таковые с годами становились все жёстче, а с 2020 г. сама идея о том, что решать должен пациент, проконсультировавшийся с врачом, выглядит почти как призыв к вооружённому штурму Капитолия [Яновский, 2022; Yanovskiy, Socol, 2021].

Автор описывает основные проблемы здравоохранения, делая акцент на не обусловленном никакими разумными причинами росте издержек и бюджетных трат. Его диагноз — когда на решение проблемы тратятся «чужие деньги на чужих людей» — по решению бюрократов, а не самих пациентов, стимулы к разумному выбору и экономии слабеют. Это и объясняет быстрый рост издержек. Автор предлагает поощрять частных лиц освобождением от налогов накоплений на финансирование своих медицинских расходов (Medical Savings Accounts). Сосредоточение финансовых ресурсов в руках тех, кто в них нуждается (Patient Power Plan), — фактическая замена Medicaid и Medicare — приведут к росту конкуренции, создадут здоровые стимулы к бережливости, к большим вложениям в профилактику заболеваний.

Насколько реальна угроза злоупотреблений со стороны крупного бизнеса?

Наверное, мало кто решится отрицать многочисленные и тяжёлые проблемы, порождаемые государственным контролем за здравоохранением. Однако большинство современных экономистов выражают глубокую обеспокоенность угрозами со стороны крупного бизнеса личным правам, если правительственный контроль бизнеса вообще [Glaeser, Shleifer, 2003] и в особенности в здравоохранении будет снят или значимо ослаблен.

В контексте данной статьи потенциальными источниками угрозы нашей свободе как напрямую, так и через захват государственных учреждений, могли бы быть медицинские коммерческие страховые компании, в особенности крупные фармацевтические компании. Эта озабоченность так широко распространена среди коллег, что было бы неправильно её просто проигнорировать.

Реагируя на эту озабоченность, мы должны отметить отсутствие доказательств угрозы крупного бизнеса даже при самых благоприятных для него обстоятельствах. История свидетельствует о многочисленных атаках правительства на крупный бизнес (даже в США), а не наоборот [Yanovskiy, Socol, 2023]²¹. Такие угрозы не реализовались ни в период наибольшей свободы для бизнеса до начала систематических атак на него правительства — в США в период президентства Теодора Рузвельта [Яновский, Жаворонков, 2019]. В наше время, когда фармацевтическая отрасль превратилась в своего рода заповедник гигантов, их усилия по вмешательству в политику (через лоббирование и через финан-

²¹ Бизнес — деловое предприятие, правительство — предприятие политическое, они действуют в разной логике, формально «атака бизнеса на правительство» невозможна. Однако если не заботиться о «чистоте определений», то легко обнаружить целый ряд примеров успешных побед крупного бизнеса над правительством. В России это «семибанкирщина», в США — «рейганомика», и т.д. Собственно, вся теория «захвата регуляторов» как раз говорит о том, как бизнес атакует и побеждает правительство. — *Прим. ред.*

сирование предвыборных кампаний), как показано выше, невелики — в случае лоббирования и ничтожны — в случае пожертвований кандидатам [Yanovskiy, Socol, 2023].

Мощь современных фармацевтических корпораций была в решающей степени обусловлена настолько тяжёлым бременем, наложенным правительством на бизнес, что почти никто, кроме гигантов, оказался не в состоянии разрабатывать новые лекарства. Основным источником проблем в США, как мы уже упоминали, является FDA [Philipson, Sun, 2008]. Эта способность самих властей вызывать и поддерживать монополизацию рынка достаточно хорошо изучена экономической наукой [Armentano, 1986; De Soto, 1989; Rothbard, 2002]. Игроки на рынке в той или иной мере являются конкурентами. Снятие государственного контроля будет означать прежде всего снятие административных ограничений входа на рынок. Усиление конкуренции на рынке осложнит злоупотребления.

Если даже система плоха — каковы альтернативы?

В советское время, включая даже сталинское правление, люди обращались и к системе здравоохранения, и специально к врачам. К системе обращались в попытке приобрести за взятку справку для освобождения от тех или иных повинностей [Хайнцен, 2021. С. 51]. В случае серьёзной болезни люди искали относительно редких врачей, способных действительно помочь. Такого врача, естественно, старались отблагодарить наилучшим образом. В редких, но не исключительных случаях (в том числе из семейной истории автора) поиск эффективных лекарств включал контакты с контрабандистами. В более поздний период расширения торговых связей СССР с развитыми странами, доставкой лекарств промышленники моряки и иные работники, посещавшие Запад на более или менее регулярной основе.

Попытка сохранить в 1990–2000-е гг. общедоступную медицину, основываясь на государственных медицинских услугах, привела к консервации как проблем (крайне низкая мотивация организаторов медицины, равно как и мотивация исполнителей — врачей и медицинских сестер), так и их решений с помощью «неформальных платежей» наличными; с той только разницей, что наличные стали свободно конвертироваться в доллары [Шишкин и др., 2004]. Расширение финансовых возможностей властей в сочетании с попытками стимулировать дополнительные усилия врачей помогли только отчасти. По всей видимости, в любой тяжёлой и не вполне стандартной ситуации проблемы решаются на основе той же частной инициативы с неформальными платежами — т.е. на основе нелегальных, но широко распространённых сделок врачей и пациентов [Чурикова, Шишкин, 2019]. Иными словами, частная медицина никогда не уходила из России и соответствующий опыт у населения есть. И сегодня он больше, чем поколение назад.

У тех, на чьи плечи ляжет ответственность за строительство институтов здравоохранения России в будущем, может не оказаться ресурсов на значимое увеличение соответствующих расходов через утяжеление налогового бремени. А это значит, что приватизация медицинских учреждений и легализация свободы контракта на рынке медицинских услуг может стать срочной необходимостью уже в обозримом будущем.

Как и при любом глубоком преобразовании, главные проблемы ожидают общество в переходном периоде. Последний может оказаться вынужденно весьма непродолжительным. Среди очевидных мер в такой тяжёлой ситуации — передача функций финансирования медицинских учреждений непосредственно министерству финансов и казначейству вместе с упразднением федерального министерства здравоохранения, равно как аналогичных структур региональной власти и местного самоуправления. У занятых там специалистов появится возможность доказать свою полезность в третьем секторе или на рынке. В дальнейшем постепенное снижение Единого социального налога будет сопровождаться неизбежным ростом нагрузки на домохозяйства. Самым большим вызовом переходного периода станет финансирование сети больниц, исследовательских центров и поликлиник.

С тем, чтобы смягчить рост нагрузки на домохозяйства, следует максимально упростить вход на рынок иностранных коммерческих страховщиков (к примеру, с опытом медицинского страхования свыше 30 лет) с сильными стимулами к рачительному управлению [Шишкин, 2000], специализированных некоммерческих организаций и частных клиник (с аналогичным критерием). Только достаточно крупные организации, с опытом соответствующего управления, смогли бы заинтересоваться управлением больницей в другой стране. Предложения о передаче медицинских объектов в концессию [Шишкин, Потапчик, Селезнева, 2013], возможно, окажутся в новых условиях недостаточными для стимулирования серьёзных вложений.

Максимальное упрощение процедур исследований и разработок новых лекарств — снятие государственных регуляций (кроме требований к информированию участников испытаний, которые по опыту полупринудительного прививания во время эпидемии COVID-19 должны быть ужесточены), могло бы помочь привлечь в страну капиталы фармацевтических компаний и квалифицированных специалистов, подвижных и научными, и коммерческими интересами. В стране, только строящей репутацию как объект прямого долгосрочного инвестирования, лидерство по простоте упомянутых процедур должно быть значимым и очевидным для инвестора.

Постепенно будет расти и частный некоммерческий сектор в здравоохранении (как страховой, так и благотворительный), уже наблюдаемый в России. Правда, рост третьего сектора, включая благотворительность, требует, как показывает опыт других государств, большего времени, чем привлечение прямых инвестиций. Гарантии неприкосновенности собственности и собственника должны будут пройти проверку длительным периодом, включающим передачу капиталов по наследству. Обычно именно второе поколение бизнес-династий проявляет повышенный интерес к благотворительности. В первом же поколении такой интерес отчасти связан с попыткой передать по наследству не только капитал, но и репутацию династии [Яновский, 2019; Яновский, Жаворонков, Черный, Затковецкий, 2018. Гл. 7].

Государственный сектор будет постепенно ужиматься до сети военно-медицинских учреждений. Такие меры ограничат возможности власти для политических манипуляций социальными расходами и расширят возможности семьи и общества обеспечивать себя качественными медицинскими услугами. Государственный контроль за выпуском лекарств должен заместиться механизмами частного контроля и закреплённой законом под страхом уголовного наказания обязанностью производителя информировать пациента о его составе и обо всех известных побочных эффектах (практика, известная уже сегодня).

Несомненно, медицину ожидает широкое использование систем искусственного интеллекта [Kulkarni, Singh, 2023; Robbins, 2019]. Достаточно будет избежать в России соблазна избыточного регулирования отрасли, чтобы получить намного больший эффект от таких систем, чем в большинстве стран OECD, где обсуждения таких регуляций в разгаре [Benkler, 2019; Gabrielle, Gemma, 2020]. Необходимо, но и достаточно установление и применение стандартов прозрачности для потребителя и ответственности (перед пациентом), которую несут только врачи и должностные лица медицинских организаций, а не разработчики систем (ответственные в узком и в строго определённом классе ситуаций перед заказчиком — медицинской организацией или частнопрактикующим врачом). Такие системы принесут пользу как в качестве конкурентов обычных врачей [Mazurowski, 2020], так и (чаще) в качестве усилителя возможностей действительно сильных профессионалов. Ранние опыты работы с такими системами ожидаемо показывают, что отдача от них тем выше, чем точнее и глубже поставленные перед системой задачи и вопросы.

Во избежание удорожания медицинских услуг закон не должен стимулировать судебное (в особенности уголовное) преследование врача. В то же время право пациента делиться своим опытом (в том числе печальным) должно быть защищено сильнее, чем просто свобода слова.

В 1992 г. российские власти нашли в себе силы удержаться от принудительной заботы о снабжении населения продуктами через монопольную государственную торговлю по фиксированным ценам. Результат либерализации цен и торговли превзошел лучшие ожидания. Прилавки наполнились продуктами, исчезли пожирающие время и нервы очереди.

Почти вековой опыт взаимодействия населения с врачами, даже в рамках жёстких установленных государством ограничений, даёт основания полагать, что с уходом государства нуждающиеся в услугах здравоохранения граждане сумеют выстроить отношения с врачами напрямую либо при финансовом взаимодействии с частными страховыми организациями — поначалу коммерческими, а затем и некоммерческими. Освобождение от контроля государства не только вернёт сильные стимулы и ответственность в здравоохранение, что положительно повлияет на качество услуг. Оно предотвратит множество морально сомнительных ситуаций и решений, обеспечив важные гарантии неприкосновенности частной жизни. Это именно те гарантии, которые в своё время открыли саму возможность и современного экономического роста, и научного прогресса, в том числе в медицине.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Карательная психиатрия в России* (2004). [*Punitive psychiatry in Russia* (2004) / L.A. Bashinova (ed.) et al.] Л.А. Башинова (ред.) и др. М.: МХГ. <https://protivpytok.org/wp-content/uploads/2012/01/ps.pdf>. (дата обращения: 10.07.2023).
- Чирикова А.Е., Шишкин С.В. (2019). Эффективный контракт и мотивация: способны ли реформы улучшить работу российских врачей? [*Chirikova A., Shishkin S. (2019). Effective contract and motivation: could the reform to improve Russian physicians' work quality?*] // *Социологические исследования*. № 5. С. 36–44. DOI: 10.31857/S013216250004952-0 (дата обращения: 10.07.2023).
- Хайнцен Дж. (2021). *Искусство взятки. Коррупция при Сталине 1943–1953* [Heinzen J. (2021). *The Art of the Bribe. Corruption Under Stalin, 1943–1953*]. — М.: РОССПЭН.
- Шишкин С.В. (2000). *Реформа финансирования российского здравоохранения* [Shishkin S. (2000). *The Reform of Russian Healthcare funding*]. — М.: ИЭПП «Научные труды» № 25-р. https://www.iep.ru/files/text/working_papers/25.pdf (дата обращения: 16.07.2023).
- Шишкин С.В., Бесстремьянная Г.Е., Красильникова М.Д., Овчарова Л.Н., Чернец В.А., Чирикова А.Е., Шилова Л.С. (2004). *Российское здравоохранение: оплата за наличный расчет* [Shishkin S., Besstremyannaya G., Krasilnikova M., Ovcharova L., Chernetz V., Chirikova A., Shilova L. (2004). *Russian Healthcare: cash payments*]. — М.: Независимый институт социальной политики. <https://publications.hse.ru/books/54925986> (дата обращения: 11.07.2023).
- Шишкин С., Потапчик Е., Селезнева Е. (2013). Частный сектор здравоохранения в России: состояние и перспективы развития [Shishkin S., Potapchik E., Selezneva E. (2013). *Private sector in Russian Healthcare: current State and Prospects of Development*] // *Вопросы экономики*. № 4 С. 94–112. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-4-94-112.
- Яновский К. (2022). Пандемия COVID-19: Как правительства старых демократий принимали решения [Yanovskiy K. (2022). *How old Democracies' Governments' Decision making has worked in case of COVID-19 Responses' Choice*] // *Вопросы теоретической экономики*. №1 С. 58–73. http://questionset.ru/files/arch/2022/2022-N1/Yanovsky_VTE_2022_1.pdf (дата обращения: 11.07.2023). DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_58_73.
- Яновский К. (2019). *Дополнительные материалы по истории благотворительности в США и обзор некоторых мотивов пожертвований к главе 7 книги «Стратегия долгосрочного процветания: в поисках растаявшего ориентира»* (М.: Дело, 2018). [Yanovskiy K. (2019). *Supplementals on the History of Charity in the US to the book 'The Strategy of Lasting Prosperity: In Search for the lost Constellation'*]. DOI: 10.2139/ssrn.3461196 (дата обращения: 11.07.2023).
- Яновский К.Э., Жаворонков С.В. (2019). Всемогущее правительство, поддержанное «научным консенсусом» [Yanovskiy K., Zhavoronkov S. (2019). *Unlimited Government Endorsed by "Scientific Consensus"*] // *Общественные науки и современность*. №6. С. 91–103. DOI: 10.31857/S086904990007570-9.
- Яновский К., Жаворонков С., Черный Д. (2017). *Дополнительные материалы по истории государственного здравоохранения к книге «Стратегия долгосрочного процветания: в поисках растаявшего ориентира»* [Yanovskiy K., Zhavoronkov S., Cherny D. (2017). *Supplementals on the History of Government run Healthcare to the book 'The Strategy of Lasting Prosperity: In Search for the lost Constellation'*]. DOI: 10.13140/RG.2.2.33099.08482. (дата обращения: 11.07.2023).

- Яновский К., Жаворонков С., Черный Д., Затковецкий И. (2018). *Стратегия долгосрочного процветания: в поисках растаявшего ориентира* [Yanovskiy K., Zhavoronkov S., Cherny D. Zatskovetskiy I. (2018). *The Strategy of Lasting Prosperity: In Search for the Lost Constellation*]. — М.: Дело.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. (2003). Disease and Development in Historical Perspective // *Journal of the European Economic Association*, MIT Press. Vol. 1. No 2–3. Pp. 397–405. <https://www.jstor.org/stable/40005189> (access date: 23.07.2023).
- Ameriks J., Caplin A., Laufer S., Vannieuwerburgh S. (2011). The Joy of Giving or Assisted Living? Using Strategic Surveys to Separate Public Care Aversion from Bequest Motives // *The Journal of Finance*. Vol. 66. No. 2. Pp. 519–561. DOI: 10.1111/j.1540-6261.2010.01641.x.
- Annas G., Grodin M. (2018). Reflections on the 70th Anniversary of the Nuremberg Doctors' Trial // *American Journal of Public Health*. Vol. 108. No. 1. Pp. 10–12. DOI: 10.2105%2FAJPH.2017.304203.
- Armentano D.T. (1986). *Antitrust Policy: The Case for Repeal*. — Washington, DC: Cato Institute.
- Benkler Y. (2019). Don't let industry write the rules for AI // *Nature*. Vol. 569 No. 7755. Pp. 161. DOI: 10.1038/d41586-019-01413-1.
- Bodde D. (1963). Basic Concepts of Chinese Law: The Genesis and Evolution of Legal Thought in Traditional China // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 107. No. 5 Pp. 375–398. <http://www.jstor.org/stable/985644> (access date: 23.07.2023).
- Bonnie R.J. (2002). Political Abuse of Psychiatry in the Soviet Union and in China: Complexities and Controversies // *Journal of American Academy of Psychiatry and the Law*. Vol. 30 Pp. 36–44.
- Costa D.L. (2015). Health and the Economy in the United States from 1750 to the Present // *Journal of Economic Literature*. Vol. 53. No. 3. Pp. 503–570. DOI: 10.1257/jel.53.3.503.
- Dalal Sh., Bruera E. (2017). End-of-Life Care Matters: Palliative Cancer Care Results in Better Care and Lower costs // *The Oncologist*. Vol. 22. Pp. 361–368. DOI: /10.1634/theoncologist.2016-0277
- De Soto H. (1989). *The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World*. — N.Y.: Harpercollins.
- Ehrlich I., Yin Y. (2013). Equilibrium Health Spending and Population Aging in a Model of Endogenous Growth: Will the GDP Share of Health Spending Keep Rising? // *Journal of Human Capital*. Vol. 7. No. 4. P. 411–447. DOI: 10.1086/675640.
- Gabrielle S., Gemma D. (2020). Defining ethical standards for the application of digital tools to population health research // *Bulletin of the World Health Organization*. Vol. 98. Pp. 239–244. DOI: 10.2471/BLT.19.237370.
- Gibbs J.N., Mackler B.F. (1987). Food and Drug Administration Regulation and Products Liability: Strong Sword, weak Shield // *Tort & Insurance Law Journal*. Vol. 22. No. 2. Pp. 194–243. <http://www.jstor.org/stable/25761749>
- Gieringer D.H. (1985). The Safety and Efficacy of New Drug Approval // *Cato Journal*. Vol. 5. No. 1. Pp. 177–201. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/11616801/>
- Gilbert B.B. (1965). The British National Insurance Act of 1911 and the Commercial Insurance Lobby // *Journal of British Studies*. Vol. 4. No. 2. Pp. 127–148. DOI: 10.1086/385503.
- Glaeser E.L., Shleifer A. (2003). The Rise of Regulatory State // *Journal of Economic Literature*. Vol. 41. No. 2. Pp. 401–425. DOI: 10.1257/002205103765762725.
- Green D. (1993). *Reinventing Civil Society. The Rediscovery of Welfare without Politics*. — London: Civitas.
- Gregory P. (2018). Volunteer Ambulance Services (USA) // 1914–1918-online. *International Encyclopedia of the First World War* / D. Ute, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, J. Keene, A. Kramer, B. Nasson (Eds.). Freie Universität Berlin. DOI: 10.15463/ie1418.11257.
- Hammond-Browning N. (2017). When Doctors and Parents Don't Agree: The story of Charlie Gard. // *Journal of bioethical inquiry*. Vol. 14. No. 4. Pp. 461–468. DOI: 10.1007/s11673-017-9814-9.
- Haun M.W., Estel S., Rücker G., Friederich H.C., Villalobos M., Thomas M., Hartmann M. (2017). Early palliative care for adults with advanced cancer // *Cochrane Database of Systematic Reviews*. Issue 6. Art. No.: CD011129. DOI: 10.1002/14651858.cd011129.pub2.
- Hillman H., Nathanson V. (2001). Harvesting Organs from Recently Executed Prisoners // *BMJ: British Medical Journal*. Vol. 323. No. 7323. Pp. 1254. DOI: 10.1136/bmj.323.7323.1254.
- Holt C., Laury S. (2002). Risk Aversion and Incentive Effects // *The American Economic Review*. Vol. 92. No. 5. Pp. 1644–1655. DOI: 10.1257/000282802762024700.
- Jasay A. (1985). *The State*. — Indianapolis: Liberty Fund.
- Kater M. (1987). Hitler's early doctors: Nazi physicians in pre-depression Germany // *Journal of Modern History*. Vol. 59. No. 1. Pp. 25–52.
- Kater M. (1983). *The Nazi Party: A Social Profile of Members and Leaders, 1919–1945*. — Cambridge: Harvard University Press.
- Kulkarni P., Singh H. (2023). Artificial Intelligence in Clinical Diagnosis Opportunities, Challenges, and Hype // *Journal of the American Medical Association*. Published online July 6. DOI: 10.1001/jama.2023.11440.
- Lindsey B. (1993). *Cato Institute Briefing Paper*. No. 19. Patient Power: The Cato Institute's Plan for HealthCare Reform October 4. <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/bp019.pdf>
- March R. (2021). The FDA and the COVID-19: A political economy perspective // *Southern Economic Journal*. Vol. 87. No. 4. Pp. 1210–1228. DOI: 10.1002/soej.12494.

- Mazurowski M. (2020). Artificial Intelligence in Radiology: Some Ethical Considerations for Radiologists and Algorithm Developers Academic // *Radiology*. Vol. 27. Issue 1. Pp. 127–129. DOI: 10.1016/j.acra.2019.04.024.
- Mises L. (1944). *Bureaucracy*. — New Haven, CT: Yale University Press.
- Mitchell B. (2007a). *International Historical Statistics: Europe 1750–2005*. — London: Palgrave Macmillan.
- Mitchell B. (2007b). *International Historical Statistics: Americas 1750–2005*. — London: Palgrave Macmillan.
- Mitchell B. (2007c). *International Historical Statistics: Africa, Asia and Oceania 1750–2005*. — London: Palgrave Macmillan.
- Moore T., Zhang H., Anderson G., Alexander G. (2018). Estimated Costs of Pivotal Trials for Novel Therapeutic Agents Approved by the US Food and Drug Administration, 2015–2016 // *JAMA Intern Med*. Vol. 178. No. 11. Pp. 1451–1457.
- Niskanen W. (1971). *Bureaucracy and Representative Government*. — Chicago: Aldine-Altherton.
- Oster M., Shay D., Su J., Gee J., Creech C., Broder K., Edwards K., Soslow J., Dendy J., Schlaudecker E., Lang S., Barnett E., Ruberg F., Smith M., Campbell M., Lopes R., Sperling L., Baumblatt J., Thompson D., Marquez P., Strid P., Woo J., Pugsley R., Reagan-Steiner S., DeStefano F., Shimabukuro T. Myocarditis (2022). Cases Reported After mRNA-Based COVID-19 Vaccination in the US From December 2020 to August 2021 // *JAMA*. Vol. 327. No. 4. Pp. 331–340. DOI: 10.1001/jama.2021.24110.
- Peltzman S. (1973). An Evaluation of Consumer Protection Legislation: The 1962 Drug Amendments // *Journal of Political Economy*. Vol. 81. No. 5. Pp. 1049–1091. DOI: 10.1086/260107.
- Peltzman S. (1987). The Health Effects of Mandatory Prescriptions // *The Journal of Law & Economics*. Vol. 30. No. 2 (Oct.). Pp. 207–238. DOI: 10.1086/467136.
- Philipson T.J., Sun E. (2008). Is the Food and Drug Administration Safe and Effective? // *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 22. No. 1. Pp. 85–102. DOI: 10.1257/jep.22.1.85 (access date: 23.07.2023).
- Pritchett L., Summers L. (1996). Wealthier is Healthier // *The Journal of Human Resources*. Vol. 31. No. 4. Pp. 841–868.
- Robbins S. (2019). Misdirected Principle with a Catch: Explicability for AI // *Minds & Machines*. Vol. 29. Pp. 495–514. DOI: 10.1007/s11023-019-09509-3.
- Rothbard M. (2002). *History of Money and Banking in the United States: The Colonial Era to World War II*. — Auburn, Alabama: The Ludwig von Mises Institute.
- Sanders E. (2004). *Economic Regulation in the Progressive era in American Congress. Building of Democracy*. — Boston — New York: Houghton Mifflin Company.
- Sauer R., Sauer C. (2007). Is it Possible to Have Cheaper Drugs and Preserve the Incentive to Innovate? The Benefits of Privatizing the Drug Approval Process // *Journal of Technology Transfer*. Vol. 32. No. 3. Pp. 509–524. DOI: 10.1007/s10961-007-9036-0.
- Sheingold B., Hahn J. (2014). The history of healthcare quality: The first 100 years 1860–1960. *International Journal of Africa Nursing Sciences*. No. 1. Pp. 18–22.
- Singer J. (2013). Toward medical dystopia // *Journal of Trauma Acute Care Surgery*. Vol. 75. No. 3. Pp. 517–519. DOI: 10.1097/TA.0b013e3182a040f6.
- Sullivan J. (2006). The medico-legal expertise: solid medicine, sufficient legal and a measure of common sense // *Mcgill Journal of Medicine*. Vol. 9 No. 2. Pp. 147–151.
- Tullock G. (1965). *The Politics of Bureaucracy. Selected works*. Vol. 6 «Bureaucracy». — Indianapolis: Liberty Fund, 2005 (1st published by Public Affairs Press in 1965).
- Wetterberg L. (2012). History of psychiatry in Sweden during a millennium // *Nordic Journal of Psychiatry*. Vol. 66. No. 11. Pp. 42–53. DOI: 10.3109/08039488.2011.590605.
- Wilkinson D., Savulescu J. (2018). *Ethics, conflict, and medical treatment for children: From disagreement to dissensus*. — London (UK): Elsevier. PMID: 30835404. Chapter 1. The Charlie Gard case. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK537987/> (access date: 11.07.2023).
- Yanovskiy M., Socol Y. (2021). *COVID-19 Library. Filling the Gaps*. DOI: 10.2139/ssrn.3784709.
- Yanovskiy M., Socol Y. (2023). Looks like a conspiracy but is not a conspiracy Big Pharma or Big Government? *Forthcoming in The Independent Review. A Journal of Political Economy*.
- Yanovskiy M., Zhavoronkov S. (2018). Universal Suffrage: The Century of Corrupting Incentives? // *New Perspectives on Political Economy*. Vol. 14. No. 1–2. 2018. Pp. 63–89.

Яновский Константин Эдуардович

mosheya@jct.ac.il

Konstantin Yanovskiy

PhD, head of Shomron Center for Economic Policy Research (Israel)

mosheya@jct.ac.il

THE HEALTH CURE: HISTORICAL EXPERIENCE OF OLD DEMOCRACY AND LESSONS FOR RUSSIA

Abstract. Contrary to widespread belief government-run Healthcare was not the first mass affordable solution for medical problems. Governmental healthcare has not caused main breakthroughs in the mortality decrease and significant increase in average life expectancy. Safeguards for private property and ironclad protection of personal rights and liberties caused modern economic growth phenomena, a rise in wealth, and unleashed scientific and technical progress. The rise in wealth and scientific progress were the principal reasons behind progress in medicine. Nowadays huge government spending and poor efficiency make unclear the overall impact of government-run healthcare on public health. The government's Famous attempts to protect drug consumers caused huge costs possibly outweighing their benefits. The foremost public concern ought to be the numerous ethical challenges of the governmental rule in Healthcare, the power usurped by healthcare officials to decide for and instead the patient his fate.

Keywords: *wealth and health, human capital, regulatory burden, private healthcare, public healthcare.*

JEL: D72, D73, D78, I13, I15, I18.

В.Л. Тамбовцев

д.э.н., профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье анализируется обоснованность предложений, которые высказываются в отечественной литературе на протяжении последних двух десятилетий относительно введения в институциональные исследования термина «институция». Продуктивность этой терминологической инновации обосновывается как чисто лингвистическими соображениями, так и ссылками на исследования представителей старого институционализма вековой давности. Анализ показал, что эти предложения не учитывают того факта, что институциональные исследования уже более полувека проводятся в рамках нескольких исследовательских программ, существенно различающихся своими жёсткими ядрами и понятийными аппаратами. Поэтому обсуждаемая терминологическая инновация может быть принята любым сторонником старого (оригинального) институционализма по его / её собственному желанию, что, вообще говоря, не требует каких-либо обоснований. В статье показано, что содержательные, нефилологические обоснования содержат ошибки и не могут считаться сколько-нибудь убедительными. Для исследователей, работающих, например, в исследовательской программе новой институциональной экономической теории, эта инновация является полностью непродуктивной, представляя собой синоним уже применяемых и исследуемых понятий. Поэтому использование термина «институция» во всей совокупности отечественных институциональных исследований фактически невероятно.

Ключевые слова: *институт, институция, исследовательская программа, оригинальный институционализм, новая институциональная экономическая теория, термин, понятие.*

JEL: B15, B25, B52

УДК: 303.022

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_41_52

© В.Л. Тамбовцев, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Тамбовцев В.Л. Терминологические инновации и развитие институциональных исследований // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 4. С. 41–52. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_41_52.*

FOR CITATION: *Tambovtsev V.L. Terminological innovations and the development of institutional studies // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 4. Pp. 41–52. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_41_52.*

Введение

Для любой науки её понятийный аппарат отражает в концентрированном виде результаты проведённых в ней исследований и создаёт основы для её дальнейшего развития. Если таковое имеет место, понятийный аппарат не остаётся стабильным, его содержание претерпевает постепенные (а иногда радикальные) изменения, в соответствии с имеющими место процессами развития науки. В ходе последних содержание одних понятий расширяется, других — сужается, третьи вообще могут перестать использоваться и т.п. Соответственно, определения понятий также меняются, как правило, путём

повышения их точности и операциональности. Возникновение новых понятий особенно явно отражает развитие науки, поскольку в них находят своё отражение полученные новые знания о свойствах объекта исследования, которыми ранее исследователи не обладали. Экономическая наука в этом аспекте не является чем-то исключительным, анализ её понятийного аппарата и его динамики составляет неотъемлемую часть направлений проводимых в ней исследований.

В мировой экономической литературе публикации по такой тематике посвящены как понятийному аппарату, применяемому в отдельной, достаточно узкой сфере исследований (см., например: [Budd, Hirmis, 2004; Ketschau, 2017; Lagat, Makau, 2018]), так и обсуждению концептуальных вопросов более общего характера [Fusfeld, 1980; Castle, 1998; Macdonald, Wilson, Martinez, Toossi, 2011; Kroeger, Weber, 2014]. Отечественные исследователи уделяют вопросам понятийного аппарата экономической науки также весьма достойное внимание (см., например: [Головка, 2013; Сабитова, 2014; Бурланков, Ананьев, Бурланков, Скворцов, 2016; Миронова, 2017; Бычкова, 2019]).

Исследования, специально посвящённые понятийному аппарату институциональных исследований (за исключением понятия «институт») достаточно редки [Klaes, 2000; Klaes, 2006; Pessali, 2009; Hodgson, 2019b], поэтому несомненный интерес представляет статья [Верников, Курышева, 2023], посвящённая целесообразности использования в этих исследованиях термина «институция». Именно эта работа послужила отправной точкой для проведения исследования, легшего в основу данной статьи. Однако прежде чем перейти к анализу её положений, обосновывающих продуктивность введения этого термина, остановимся на такой её черте, как само использование выражения «институциональная теория».

Как известно, согласно концепции И. Лакатоша, развитие любой науки осуществляется в ходе конкуренции *исследовательских программ* (далее — ИП). Каждую из них можно представить в виде совокупности устойчивого «жёсткого ядра» («hard core»), которое определяет предмет и методы проводимого анализа, и динамичного «защитного пояса» («protective belt»), которое состоит из гипотез, выдвигаемых в ответ на появление нового, в основном эмпирического, знания, и которые призваны скорректировать положения жёсткого ядра путём обоснования дополнительных условий и факторов для объяснения выводов, следующих из утверждений ядра [Lakatos, 1970].

В организационном плане ИП и их функционирование можно представить в виде «научных / интеллектуальных движений» (НИД) как разновидности социальных движений, обеспечивающих распространение в науке новых знаний [Frickel, Gross, 2005]. Содержательно НИД — это совокупность действий учёных, стремящихся защитить или изменить содержание и/или методы проведения отдельных направлений исследований либо той или иной науки в целом. НИД могут существовать и действовать как в виде различных ассоциаций, так и вне какой-либо организации, просто как совокупность учёных, разделяющих схожие представления о предмете и методах его изучения.

Конкуренция ИП, как следует из сказанного, осуществляется в форме различных действий и взаимодействий участников различных НИД, разделяющих жёсткие ядра соответствующих программ и выдвигающих и проверяющих гипотезы их защитных поясов. Как всякая конкуренция, она является творческим процессом, конкретные действия участников которого не имеют строго определённых форм и не следуют ограниченному числу некоторых стратегий. Не входя в обсуждение этого разнообразия, отметим лишь, что одним из распространённых видов таких стратегий являются призывы сторонников какой-то НИД одной части конкурентов к объединению или интеграции для того, чтобы сообща выступать против некоторого другого сообщества. При этом молчаливо или явно предполагается, что интеграция возможна лишь на основе жёсткого ядра инициаторов объединения.

В сфере институциональных исследований примером такого «поглощающего» конкурентного действия может служить программа объединения оригинальной институциональной экономической теории (далее — ОИЭТ) и новой институциональной экономической теории (далее — НИЭТ), предложенная Дж. Ходжсоном. Согласно его проекту, НИЭТ, приняв методологию ОИЭТ и объединившись с ней, могла бы стать основой нового мейнстрима, преодолев главенствующую сегодня неоклассику [Hodgson, 2007]¹. Безусловно, это было не первое предложение такого рода, поскольку призыв «закончить семейную ссору» между ОИЭТ и НИЭТ прозвучал ещё в конце прошлого века [Hirsch, Lounsbury, 1997]. Однако расхождения между ними настолько велики, что интеграция, как показано в [Тамбовцев, 2021а], практически невозможна.

Между тем ряд исследователей трактуют ОИЭТ и НИЭТ как *этапы эволюции* изучения институтов в экономике [Гульбина, 2009; Мелихов, Осадчая, 2011; Калужский, 2013; Groenewegen, 2019]. В недавней статье Дж. Ходжсона [Hodgson, 2019a] сфера исследования институтов трактуется как единое целое, без принципиального разграничения на оригинальный (старый) и новый институционализм, как если бы его «объединительная программа» 2007 г. за прошедшее время сама собой реализовалась. Представления о том, что существует единый экономический институционализм с единой методологией исследований, достаточно широко распространены в отечественной практике высшего образования: «Междисциплинарный характер данного курса делает методологию институционализма универсальной...» [Ульянова, Рогова, 2015. С. 4].

В действительности же на конец 2020 г. общее число экономических институционализмов, именовавших себя иначе, чем ОИЭТ или НИЭТ, насчитывало 9 вариантов. При этом, правда, все они примыкали к одной из этих двух упомянутых ИП, отличаясь в основном спецификой *объекта* изучения, нежели своей методологией [Тамбовцев, 2021b]. Тем не менее, этот факт даёт все основания заключить, что выражение «институциональная теория» не может использоваться как обозначение действительно *единой* теории институтов. Скорее, его следует понимать как синоним выражения «институциональные исследования», где множественное число в явном виде подчёркивает *разнообразие* таких исследований, причём и как разнообразие наук, где такие исследования ведутся, и как разнообразие ИП внутри этих наук. Это означает, что обсуждение (относительно) нового термина имеет смысл корректно вести с прямым указанием на то, *внутри какой ИП* оно проводится. Без этого, учитывая различия между ИП, разговор о новом термине или понятии в институциональных исследованиях становится бессодержательным — он должен вестись либо для ОИЭТ, либо для НИЭТ, но не для обеих вместе.

«Институция» как альтернативный перевод англоязычного термина

Как было отмечено выше, статья [Верников, Курышева, 2023] (далее, для краткости, — ВК) посвящена обоснованию необходимости ввода в научный оборот упомянутой выше «институциональной теории» термина «институция» и отграничению обозначаемого им понятия от понятия «институт». Статья ВК не является первой, в которой даются такие обоснования, но её в отечественных институциональных исследованиях отличает прежде всего опора непосредственно на работы Дж. Коммонса и других оригинальных институционалистов, а не на их переводы, сделанные в 1980-е гг. В статье [Иншаков, Фролов, 2010. С. 65] отмечается, что «попытка содержательно разграничить рассматриваемые категории впервые предпринята в России» в статье [Иншаков, 2003]. В этой работе были даны такие характеристики: «*Институции* — социальные формы типизации функций хозяйственных

¹ Подробнее такие «интегративные» движения рассмотрены в [Тамбовцев, 2021а].

субъектов, определяющие их статусы и роли в системе производства общественного бытия и образующие систему отношений функциональной структуры общества. *Организации* — социальные формы связей между хозяйственными субъектами в процессе производства, детерминирующие систему отношений элементной структуры общества» [Там же. С. 44]. А «институт выступает как функциональная организация, обеспечивающая реализацию конкретной системы однородных институций. Таковы, например, образовательные, научные, профсоюзные, партийные, религиозные, кредитные и др. учреждения» [Там же].

Эти характеристики, как легко видеть, назвать *определениями* более чем затруднительно, поскольку они не дают возможности однозначно определить денотаты соответствующих понятий, отделяя их от других понятий, на что, собственно, и нацелены, простите за каламбур, «по определению», любые определения. Разбирать все детали этих выражений — дело длительное и малоинтересное, приведу только один пример: если организации — это «социальные формы связей между хозяйственными субъектами в процессе производства...», то как их отличить от контрактов? Ведь это тоже социальная форма связей между хозяйственными субъектами. А как отделить организации от сетей? Ведь сеть — это точно социальная форма связей между хозяйственными субъектами...

В связи с отмеченной особенностью первой попытки имплементировать «институцию» в отечественные институционально-экономические исследования нельзя не заметить, что её свойство *неудовлетворительности* как бы само собой перенеслось и на последующие попытки, включая статью ВК.

Так, как полагает Д. А. Плетнёв, «к достижениям Дж. Коммонса можно отнести также выделение двух понятий, тесно связанных с институтом — “институции” (institutions), понимаемого как уже сформированный институт, и “действующего соглашения” (going concerns) — института развивающегося» [Плетнёв, 2012. С. 7]. Между тем сам Дж. Коммонс писал нечто *противоположное*: «наши “институции” это, в действительности “действующие организации” (“going concerns”). Действующая организация (a going concern) — это организация (is an organization)» [Commons, 1950. P. 34], но никак не соглашение или развивающийся институт.

С точки зрения ВК, Дж. Коммонс «характеризует институцию (institution) с точки зрения универсального признака, общего для всякого поведения, называемого институциональным: институция — это коллективное действие по контролю, расширению и освобождению индивидуального действия [Commons, 1931]. Выражается такое действие через давление, одобрение или неодобрение, легитимацию, санкционирование, поощрение или осуждение со стороны участников сообщества. Экономическая теория разграничивает деятельность и создаваемый ею объект. По аналогии с “производством” и “продуктом”, институция (institution) представляет собой контролирующую деятельность, а институты (institutes) — результаты этого контроля [Commons, 1936. Pp. 247–248]. Коллективное действие может принимать форму организованного (предприятие, корпорация) и неорганизованного (обычай) [Commons, 1931]» [Верников, Курышева, 2023. С. 6].

Приведём еще раз, для полной ясности, характеристики, даваемые ВК: «институция (institution) представляет собой контролирующую деятельность, а институты (institutes) — результаты этого контроля [Commons, 1936. Pp. 247–248]». «Контролирующая деятельность» здесь, очевидно, — синоним выражения «коллективное действие».

Действительно, практически общепринято приводить следующую трактовку института (institution) Дж. Коммонсом: это «коллективное действие по ограничению, освобождению и распространению индивидуального действия (collective action in restraint, liberation, and expansion of individual action)» [Commons, 1934. P. 73]. При этом, однако, совсем не часто приводится даваемая им тремя страницами выше *другая* характеристика того же объекта: «Эти действующие организации (going concerns) с рабочими правилами (working rules), которые обеспечивают их действия, от семьи, корпорации, профсоюза, торговой

ассоциации до самого государства, мы именуем Институтами (Institutions)» [Commons, 1934. P. 69]. Как мы видим, Коммонс отнюдь не включает обычаи в тот же класс объектов, что и семья, профсоюз и т.п. Здесь у него institutions — это действующие организации (going concerns), включающие в себя рабочие правила (working rules)². При этом, заметим, согласно Коммонсу, «правилами действия» или «рабочими правилами коллективного действия» (“working rules of collective action”) я называю правила, регуляции или нормативные акты» [Commons, 1950. P. 26], и именно они суть для Коммонса институты (institutes) [Commons, 1950. P. 129; Commons, 1996. P. 499, 500].

Из приведённых цитат следует, что феномены, именуемые *институтами* в НИЭТ, — обычаи, регуляции, законы и т.п. вместе с их механизмами инфорсменты, — являются тем же самым и для Коммонса, выступая составными частями действующих организаций. С этим, заметим, трудно не согласиться, поскольку внутри любой организации действительно существуют те или иные правила, по которым действуют и взаимодействуют их участники. Действующие организации с институтами внутри образуют «институции», работы которых по контролю индивидуальных действий создают (теперь уже согласно приведённым характеристикам ВК) институты, т.е. результаты такого контроля. Так что же такое эти *результаты контроля индивидуальных действий*? Коммонс по этому поводу молчит, он уже сказал своё слово, назвав institutions («институциями») действующие организации с их рабочими правилами и санкциями. Результаты работы этих институтов у него не получили какого-то специального термина, скорее всего, в силу их очень широкого разнообразия, что затрудняет введение понятия, включающего почти всё: от воспитания детей (семьи) до создания межгосударственных союзов (государства). Не говоря уже обо всём разнообразии товаров и услуг, которые создают корпорации, в соответствии с разнообразием действующих организаций. Однако ВК, не будучи стеснёнными такими сообщениями, предлагают назвать это разнообразие *институтами*, хотя Коммонс называл институтами совсем другое: ведь «рабочие правила», согласно Коммонсу, являются составными частями институций, в силу чего не могут быть результатами их функционирования. Но в чём смысл называния элементов всего этого разнообразия институтами? Ведь ими оказывается почти всё: от детей до автомобилей, а также забастовки (как плоды работы профсоюзов), песни и пляски (результаты деятельности творческих союзов), и т.д., и т.п.

Это разнообразие дополняется ВК на странице 3 их статьи восемью различными трактовками термина institution, данными Т. Вебленом, среди которых присутствуют такие, как «образ мысли», «привычка ума», «умственные установки и склонности» [Veblen, 1922]. Но если всё это — результаты работы действующих организаций, то откуда в любых обществах всегда находятся инакомыслящие? Неужели их тоже производят действующие организации, чтобы диссиденты попытались (и часто удачно) усложнить их существование? Это напоминает социальный мазохизм...

Тот факт, что трактовки текстов Коммонса разными исследователями привели их к результатам, существенно различающимся как между собой, так и с Коммонсом, можно считать убедительной поддержкой сделанных ранее в литературе выводов. Например, о том, что Коммонс писал, используя «гибкость и изменчивость (flexibility and relativity) значений используемых слов» [Grinberg, 2001. P. 181] (цит. по: [Chavance, 2012. P. 28]). О том, что его тексты характеризуются сложностью и относительной мутностью (opacity) [Chavance, 2012. P. 28], что «писания Коммонса имеют тенденцию быть малопонятными (obscure) и описательными» [Kaufman, 2007. P. 3]. Вспомним и наблюдения того, что «сам Коммонс иногда уходил от собственного известного узкого определения институтов

² В [Chavance, 2012. P. 30] приведённые слова Коммонса интерпретируются как «institution = going concern + its working rules». Однако более точно было бы сказать «institution = going concern \supset its working rules», где \supset — знак теоретико-множественного включения находящегося справа от знака подмножества в находящееся слева множество.

(institutions) к более традиционной (conventional) интерпретации. От случая к случаю он называл институтами (institutions) “зажигание костров, оборудование, машины” (fire, tools, machinery), деньги и язык (Commons, 1934. Pp. 639, 791, 746), которые несомненно могут быть отнесены к обычаям, иногда к рабочим правилам, но которые непросто включить в категорию действующих организаций» [Chavance, 2012. P. 44]. В силу этих причин неудивителен «результатирующий» вывод: чтобы «правильно понимать значения терминов любой части мысли Коммонса, нужно прежде всего понять (grasp) его концепцию целиком (his entire framework)» [Ramstad, 1986. P. 1095], т.е. прочитать *все* его объёмные, малопонятные, сложные и мутные тексты с меняющимися значениями используемых терминов.

Следствием этих наблюдений и выводов становится, с моей точки зрения, вопрос о том, а достойны ли эти требуемые масштабные усилия того, чтобы их осуществлять? Что более значимо для развития научного знания — уточнение понятий или уточнение терминов? Естественно, разные исследователи могут давать разные ответы на эти вопросы.

Итак, содержание работ, посвящённых обоснованию целесообразности введения термина³ «институция», ясно показывает, что все они относятся к ИП ОИЭТ, а также к соседней науке — социологии, которая трактует институты так же всеобъемлюще и расплывчато, как и ОИЭТ. Поскольку ИП ОИЭТ и НИЭТ, как отмечалось, практически несоместимы, а автор данной статьи стремится проводить свои изыскания в рамках НИЭТ, тематику поиска «правильных названий» — институция или институт — вполне можно было бы на этом завершить, поскольку её прошлое, настоящее и будущее всецело внутри ИП ОИЭТ. Однако ряд статей, в которых анализируется и дискутируется эта тематика, построен так, что у читателя, ещё не успевшего разобраться в принципиальных различиях ОИЭТ и НИЭТ, может создаться впечатление, что эта тематика касается «институционализма вообще». То есть каждой из множества ИП, объектами исследований в которых выступают социально-экономические феномены, для обозначения которых в этих программах используется термин «институт». Между тем под этим термином понимаются разные феномены, так что совпадение означающих их терминов обусловлено обычно чисто историческими условиями возникновения этих ИП, обсуждение которых требует специальных исследований историков экономической мысли. Поэтому задачей данной статьи является демонстрация того, что упомянутая тематика не является «общеинституциональной», она имеет значение лишь внутри ИП ОИЭТ и, возможно, некоторых её разновидностей. Эта тематика *незначима* внутри ИП НИЭТ, тезаурус которой ориентирован на использование *операциональных* определений входящих в него понятий, что выводит обсуждение *терминов*, а не понятий, за пределы области исследовательских интересов последователей этой ИП.

В завершение этого раздела остановимся ещё на одном затруднении, которое будет создано для сторонников ОИЭТ в случае введения понятия «институция» в варианте ВК. Напомним, что оно трактуется ими как *производитель* институтов: «Экономическая теория разграничивает деятельность и создаваемый ею объект. По аналогии с “производством” и “продуктом”, институция (institution) представляет собой контролирующую деятельность, а институты (institutes) — результаты этого контроля» [Верников, Курышева, 2023. С. 6].

Однако нельзя не заметить, что на сегодняшний день в рамках (разнородных!) институциональных исследований для обозначения этих процессов *уже используются* весьма разнообразные термины: возникновение (emergence) институтов [Opp, 1982], происхождение институтов (institutional origins) [Pierson, 2000], институциональное проек-

³ Важно отметить, что *понятие* институции в них обсуждается весьма скупо; по крайней мере, *определение* этому понятию не даётся, представлены лишь некоторые его характеристики, не позволяющие ясно указать, что же соответствует этому понятию в социально-экономической реальности.

тирование (institutional design) [Olsen, 1997; Тамбовцев, 1997], строительство институтов (institution building) [Beck, Laeven, 2006], институциональная работа (institutional work) [Lawrence, Suddaby, 2006]⁴.

Почему один процесс получил так много названий? Объяснение вполне прозрачно: это *гетерогенный* процесс. Появление где-то некоторого нового института может быть вызвано разными типами действий людей, поэтому *специализированный термин* обозначал бы композитное понятие, в то время как *нейтральный* — такой, как почти все перечисленные, — может осуществляться *разными* способами, как это в действительности и имеет место⁵. Так, в [Opp, 2001] выделены два типа: незапланированное и спланированное возникновение нормы, в [Тамбовцев, 2010] — три типа: спонтанное происхождение, создание по добровольной договоренности, введение по принуждению. Различные подходы к объяснению возникновения норм в социологии, экономической науке и правоведении описаны в [Истратов, 2018]. Обе упомянутые модели ясно показывают, что «коллективное действие», формирующее институты, неоднородно, состоит из совокупностей действий индивидов, общим для которых является только один признак: в них участвует несколько людей. Поэтому сведение их к одному понятию «институции» делает его композитным, т.е. непродуктивным для роста научного знания.

И последнее замечание: интересно отметить, что терминологические инициативы Дж. Коммонса не были восприняты англоязычными исследователями, продолжавшими использовать термин institution(s) для обозначения того или иного *объекта*, но не *процесса* его возникновения. Тем самым, они следуют Э. Дюркгейму, который писал, что «социологию можно определить как науку об институтах, их возникновении и функционировании» [Durkheim, 1982/1895. P. 45]. Заметим, что институты трактуются им классически-социологически: «при нынешнем состоянии нашей дисциплины, мы в действительности не знаем природу основных социальных институтов, таких как государство или семья, права собственности или контракт, принуждение и ответственность» [Op. cit. P. 38]. Нельзя не заметить, что именно неограниченно широкое социологическое понимание термина «институт» вполне разделяется современными последователями ОИЭТ. Тем самым, это базовое понятие объектов исследования надёжно имеет композитный характер.

Выводы

Можно согласиться с ВК в том, что обсуждение вопросов терминологии перестанет «обеднять наше понимание работ Г. Шмоллера, Дж. Коммонса и других ведущих учёных» [Верников, Курышева, 2023. С.1], но насколько значима и актуальна эта задача для современных исследователей институтов в нашей стране? Ведь согласиться с тем, что «возвращение понятия и термина “институция” в русскоязычный оборот поможет сосредоточить исследования на конкретных социально-экономических практиках, специфических в культурном, историческом и контекстном отношении» [Там же], уже невозможно. Дело в том, что такого рода исследования предполагают ясный и чёткий, операциональный понятийный аппарат, а создание такового внутри ОИЭТ — задача на порядки более сложная, чем выявление того, что имели в виду ведущие учёные XIX и начала XX вв., употребляя те или иные термины на английском языке.

⁴ Понятие институциональной работы описывает «целенаправленные действия индивидов и организаций на создание, функционирование и разрушение институтов» [Lawrence, Suddaby, 2006. P. 215].

⁵ Правда, в некоторых исследовательских программах в социальных науках обожают композитные понятия. С ними легко писать обширные статьи, легко бесконечно обсуждать, кто что имел в виду, употребляя их, и т.п. Но то, что полезно для роста числа публикаций, не всегда полезно для роста научного знания.

Точно так же трудно согласиться с ВК, полагающими, что введение слова «институция» блокируется российским научным сообществом (замечу — *не сводимым* к сторонникам ОИЭТ), имеющим «личные и групповые интересы в сохранении статус-кво» [Там же]. Поскольку этот термин имеет какое-то значение исключительно для участников ИП ОИЭТ, что, собственно, мешает им принять его *для своего использования в собственных текстах*? Сторонники НИЭТ, например, вряд ли будут как-то возражать — ведь у них существует своя терминология и соответствующий понятийный аппарат, позволяющий им никак не страдать по поводу обеднения понимания работ Г. Шмоллера и Дж. Коммонса. Я вовсе не хочу сказать, что наш аппарат — само совершенство и не нуждается в улучшении и дальнейшей операционализации. Но решение этих задач требует *уточнения понятий, а не изменения терминов*. Как говорится в народе, «хоть горшком назови, только в печку не ставь». Похоже, ВК склоняются к мысли, что название чего-то «горшком» автоматически отправит новоназванный объект именно в печь, а не куда-то ещё. Но это вряд ли случится: ведь перенести что-либо куда-либо в науке могут только *люди*, посчитавшие, что этому объекту место именно в печи, *как бы он ни назывался*. Соответственно, терминологические изменения, предлагаемые ВК, произойдут среди сторонников ОИЭТ и социологии тогда, когда *они* сочтут это нужным. Что же касается сторонников других институциональных ИП, имеющих свой развитый понятийный аппарат, то эти изменения вряд ли кого-то заинтересуют, и не по причине «личных и групповых интересов в сохранении статус-кво», а вследствие явной *непродуктивности* понятия «институция» для решения каких-либо задач исследования процессов, происходящих в экономике, что было показано выше.

Что можно назвать «сухим остатком» проведённого анализа? С моей точки зрения, в нём, как минимум, три компонента.

Хотя по своему содержанию *institutes* Коммонса, т.е. рабочие правила плюс санкции, весьма близки к институтам НИЭТ (точнее, к их определению Д. Норта [North, 1984. P. 8]), в основной части своих работ Коммонс широко использует термин «рабочие правила» (*working rules*), а не *institutes*, оставляя термин «*institution*» за действующими организациями. Иными словами, теории Коммонса и НИЭТ используют *разную терминологию*, в чём нет ничего плохого в силу того, что это *несовпадающие ИП*.

Терминологическая инновация ВК вполне может быть реализована в современной ОИЭТ, хотя и будет сильно отличаться от терминологии, использовавшейся Коммонсом, поскольку именуется *институтами* не рабочие правила, как Коммонс, а результаты функционирования «институций», т.е. действующих организаций, не давая ясного определения, чем же являются эти результаты. Тем самым институт по ВК оказывается всеобъемлющим и, естественно, композитным понятием, операциональное определение которого фактически невозможно. Композитным оказывается и понятие институции, что также делает его непродуктивным с точки зрения обеспечения роста научного знания. Кроме того, институция оказывается синонимом таких терминов, как происхождение институтов, их создание, проектирования и т.п. Смысл такого умножения терминов может состоять только в том, чтобы отграничиться от других институционализмов, хотя, судя по содержанию статьи ВК, авторы считают, что институциональная теория едина, поскольку не говорят, что имеют под ней в виду только ОИЭТ. Налицо противоречие, но решать его надо самим ВК.

Нельзя не отметить, что «спор о терминах» принципиально отличается от «спора о понятиях». В рамках первого обсуждаются чисто филологические вопросы: этимология слов, их значения в разных языках и т.п. Их содержание, т.е. обозначаемые ими понятия, если и затрагивается, то лишь вскользь, на уровне ссылок на исторические (этимологические) и толковые словари. Такое обсуждение полезно для того, чтобы показать, как изменялось значение термина с течением времени, однако оно не в состоянии обосновать, какое из имевшихся и имеющихся значений стоит считать «самым правильным», достойным того,

чтобы использовать после спора только его: в каком значении использовать слово, решали и решают его *пользователи*.

В рамках споров о понятиях решаются другие вопросы — не этимологии термина, а определения понятия. Понятно, что определения не могут быть верными или неверными (такая оценка может случиться только на экзамене в школе или в вузе), но они могут быть продуктивными или непродуктивными, операциональными или неоперациональными и т.д. От характеристик используемых определений зависит, насколько удачно и полно соответствующие понятия отражают предмет исследования, его свойства, в какой мере позволяют выявлять регулярности в динамике изучаемого объекта и его связи с другими, короче говоря, содействуют они росту научного знания об объекте или затрудняют его. При этом вопрос о том, каким термином обозначается обсуждаемое понятие, в принципе не имеет значения. Скажем, в математике для обозначения некоторого класса топологических объектов используется термин «верёвка», но математики не спорят о том, не стоит ли заменить его на термин «шпагат» или «канат», они обсуждают теоремы, которые доказывают наличие у верёвок одних свойств, исходя из наличия у них каких-то других свойств.

В научных коммуникациях сторонников различных институционализмов, или институциональных ИП, эти два типа споров не всегда различаются, что, разумеется, затрудняет коммуникации, лишая их диалогичности в силу того, что спор о терминах, используемых внутри одной ИП, вряд ли может вызвать интерес у сторонников других ИП. Однако *споры о понятиях* в сфере институциональных исследований по каким-то причинам не пользуются успехом, что сдерживает рост наших знаний об институтах.

Разумеется, действуя (пока?) в Республике Науки Майкла Поланьи, мы, к счастью, не имеем никакой возможности (и смысла) пытаться как-то препятствовать попыткам заменить слово «галoши» на слово «мокроступы»: выбор всегда за людьми, использующими те слова, которые им представляются удобными и полезными в соответствующем контексте. Однако можно обратить внимание коллег, практикующих попытки такой замены, на наличие куда более интересных сфер применения их творческих способностей, в которых это применение приведёт к росту научного знания, а не к формулированию непродуктивных для такого роста предложений.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Бурланков С.П., Ананьев М.А., Бурланков П.С., Скворцов А.Е. (2016). Понятийный аппарат и факторы конкурентостойчивости технико-экономических систем [Burlankov S.P., Ananiev M.A., Burlankov P.S., Skvortsov A.E. (2016). Conceptual apparatus and factors of competitive stability in technical and economic systems] // *Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова*. № 5. С. 146–152. DOI: 10.21686/2413-2829-2016-5-146-152.
- Бычкова А.Н. (2019). Ключевые категории экономического анализа: экономический показатель [Bychkova A.N. (2019). Key categories of economic analysis: economic indicator] // *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*. Т. 17. № 3. С. 17–28. DOI: 10.25513/1812-3988.2019.17(3).17-28.
- Верников А., Курьшьева А. (2023). Институтция: лишняя сущность или недостающее звено? [Vernikov A., Kurysheva A. (2023). Institution: excessive substance or missing link?]. Препринт. Апрель. DOI: 10.13140/RG.2.2.17874.02241. ResearchGate. https://www.researchgate.net/publication/370063532_Institutcia_lisnaa_susnost_ili_nedostausee_zveno (дата обращения: 05.08.2023).
- Головко Е.В. (2013). Дефиниции устойчивости экономической системы [Golovko E.V. (2013). Definitions of Stability of the Economic System] // *Молодой учёный*. № 5. С. 283–285.
- Гульбина Н.И. (2009). К вопросу о классификации основных течений институциональной теории [Gulbina N.I. (2009). About classification of main currents of institutional theory] // *Вестник Томского государственного университета*. Экономика. № 4. С. 77–86.
- Иншаков О.В. (2003). Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации [Inshakov O.V. (2003). Economic Institutes and Institutions: On the Issue of the Typology and Classification] // *Социологические исследования*. № 9. С. 42–51.

- Инишаков О., Фролов Д. (2010). Эволюционная перспектива экономического институционализма [Inshakov O., Frolov D. (2010). Economic Institutionalism: An Evolutionary Perspective] // *Вопросы экономики*. № 9. С. 63–77. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-9-63-77.
- Истратов В.А. (2018). Сравнение теорий зарождения социальных норм в экономике, социологии и праве // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. Т. 17. № 1. С. 82–98. DOI: 10.24891/ea.17.1.82.
- Калужский М.Л. (2013). Институционализм и экзогенная интерпретация экономических процессов. [Kaluzhsky M.L. (2013). Institutionalism and Exogenous Interpretation of Economic Processes] // *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. № 1 (115). С. 52–55. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2604481>.
- Мелихов В.Ю., Осадчая Т.Г. (2011). Основные этапы развития институциональной теории [Melikhov V.Y., Osadchaya T.G. (2011). Main development stages of institutional theory] // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. № 12. С. 427–432.
- Миронова Т.К. (2017). Новации в понятийном аппарате права социального обеспечения и их влияние на предмет отрасли [Mironova T. K. (2017). New in the conceptual framework of social security law and its impact on the field in question] // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. № 12. С. 427–432.
- Плетнёв Д.А. (2012). Природа и эволюция взглядов на институт как категорию экономической науки [Pletnev D.A. (2012). The nature and evolution of views on the institution as a category of economic science] // *Вестник Челябинского государственного университета. Экономика*. № 10 (264). Вып. 38. С. 5–13.
- Сабитова Н.М. (2014). О понятийном аппарате в финансах [Sabitona N. M. (2014). The Conceptual Apparatus in Finance] // *Вестник Финансового университета*. № 1. С. 74–80. DOI: 10.26794/2587-5671-2014-0-1-74-81.
- Тамбовцев В.Л. (1997). Теоретические основы институционального проектирования [Tambovtsev V.L. (1997). Theoretical issues of institutional design] // *Вопросы экономики*. № 3. С. 82–94.
- Тамбовцев В. (2010). Возникновение институтов: методолого-индивидуалистический подход [Tambovtsev V. (2010). Emergence of Institutions: Methodological Individualism Perspective] // *Вопросы экономики*. № 11. С. 83–96. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-11-83-96.
- Тамбовцев В.Л. (2021a). Возможна ли единая институциональная экономическая теория? [Tambovtsev V.L. (2021a). Is Unified Institutional Economics Possible?] // *Вопросы экономики*. №1. С. 33–51. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-1-33-51.
- Тамбовцев В.Л. (2021b). Институционализмы в экономической науке: что стоит за их разнообразием? [Tambovtsev V.L. (2021b). Institutionalisms in economics: What are behinds their variety?] // *Journal of Institutional Studies*. Т. 13. № 1. С. 86–99. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.1.020-036.
- Ульянова О.Ю., Рогова Н.В. (2015). Институциональная экономика: методические указания к практическим занятиям. [Ulyanova O. Yu., Rogova N. V. (2015). Institutional Economics: guidelines to practical training]. — Волгоград: ВолгГАСУ. <https://vgasu.ru/attachments/oi-ulyanova-01.pdf> (дата обращения: 16.08.2023).
- Beck T., Laeven L. (2006). Institution Building and Growth in Transition Economies // *Journal of Economic Growth*. Vol. 11. No. 2. Pp. 157–186.
- Budd L., Hirmis A. (2004). Conceptual Framework for Regional Competitiveness // *Regional Studies*. Vol. 38. Is. 9. Pp. 1015–1028. DOI: 10.1080/0034340042000292610.
- Castle E.N. (1998). A Conceptual Framework for the Study of Rural Places // *American Journal of Agricultural Economics*. Vol. 80. No. 3. Pp. 621–631.
- Chavance B. (2012). John Commons's organizational theory of institutions: A discussion // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 8. Is. 1. Pp. 27–47. DOI: 10.1017/S1744137411000336.
- Commons J.R. (1931). Institutional Economics // *American Economic Review*. Vol. 21. No. 4. Pp. 648–657.
- Commons J.R. (1934). *Institutional Economics. Its Place in Political Economy*. 2 vols. — New Brunswick and London: Transactions Publishers.
- Commons J.R. (1936). Institutional Economics // *American Economic Review*. Vol. 26. No. 1. Pp. 237–249.
- Commons J.R. (1950). *The Economics of Collective Action*. Kenneth H. Parsons (ed). — Madison: University of Wisconsin Press.
- Commons J.R. (1996). Institutional Economics // *John R. Commons: Selected Essays*. Vol. 2. M. Rutherford, W. Samuels (Eds.). — London: Routledge (перепечатка статьи: Commons J. R. (1936). Institutional Economics. *American Economic Review*. Vol. 26. No. 1. Pp. 237–249). Pp. 487–500.
- Durkheim E. (1982/1895). *The Rules of Sociological Method*. Translated by W. D. Hall. — New York: Free Press. Monoskop. https://monoskop.org/images/1/1e/Durkheim_Emile_The_Rules_of_Sociological_Method_1982.pdf (access date: 08.08.2023).
- Frickel S., Gross N. (2005). A General Theory of Scientific/Intellectual Movements // *American Sociological Review*. Vol. 70. Is. 2. Pp. 204–232. DOI: 10.1177/000312240507000202.

- Fusfeld D.R. (1980). The Conceptual Framework of Modern Economics // *Journal of Economic Issues*. Vol. 14. No. 1. Pp. 1–52.
- Grinberg M. (2001). Un cheval est-il un cheval? Les mots, les faits, le capitalisme et le droit (A Horse is a Horse? Words, Facts, Capitalism and the Law) // *Cahiers d'économie politique*. No. 2–3 (40–41). Pp. 177–191.
- Groenewegen J. (2019). Bridging original and new institutional economics? F. Gagliardi, D. Gindis (Eds.) // *Institutions and evolution of capitalism*. — Cheltenham: Edward Elgar. Pp. 93–109.
- Hirsch P.M., Lounsbury M. (1997). Ending the family quarrel: Toward a reconciliation of 'old' and 'new' institutionalisms // *American Behavioral Scientist*. Vol. 40. No. 4. Pp. 406–418.
- Hodgson G.M. (2007). Evolutionary and institutional economics as the new mainstream? // *Evolutionary and Institutional Economics Review*. Vol. 4. No. 1. Pp. 7–25.
- Hodgson G.M. (2019a). Prospects for institutional research // *RAUSP Management Journal*. Vol. 54. No. 3. Pp. 112–120. DOI: 10.1108/RAUSP-11-2018-0112.
- Hodgson G.M. (2019b). Taxonomic definitions in social science, with firms, markets and institutions as case studies // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 15. Is. 2. Pp. 207–233.
- Kaufman B.E. (2007). The Institutional Economics of John R. Commons: Complement and Substitute for Neoclassical Economic Theory // *Socio-Economic Review*. Vol. 5. Is. 1. Pp. 3–45. DOI: 10.1093/ser/mwl016.
- Ketschau T.J. (2017). A Conceptual Framework for the Integration of Corporate Social Responsibility and Human Resource Development Based on Lifelong Learning // *Sustainability*. Vol. 9. Article 1545. DOI: 10.3390/su9091545.
- Klaes M. (2000). The History of the Concept of Transaction Costs: Neglected Aspects // *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 22. No 2. Pp. 191–216.
- Klaes M. (2006). Founding economic concepts // *Storia del Pensiero Economico*. Vol. 3. No. 1. Pp. 21–37.
- Kroeger A., Weber C. (2014). Developing a conceptual framework for comparing social value creation // *Academy of Management Review*. Vol. 39. No. 4. Pp. 513–540. DOI: 10.5465/amr.2012.0344.
- Lagat C., Makau M.S. (2018). Management Development: A Conceptual Framework Based on Literature Review: A Research Agenda // *European Journal of Social Sciences*. Vol. 56. No. 1. Pp. 65–76.
- Lakatos I. (1970). Falsification and the methodology of scientific research programs. *Criticism and the growth of knowledge*. Lakatos I., A. Musgrave (Eds.) — Cambridge, UK: Cambridge University Press. Pp. 91–196.
- Lawrence T., Suddaby R. (2006). Institutions and institutional work. *Handbook of Organization Studies*. S. Clegg, C. Hardy, T.B. Lawrence, W.R. Nord (Eds.) — London: Sage. Pp. 215–254.
- Macdonald E.K., Wilson H., Martinez V., Toossi A. (2011). Assessing value-in-use: A conceptual framework and exploratory study // *Industrial Marketing Management*. Vol. 40. Is. 5. Pp. 671–682. DOI: 10.1016/j.indmarman.2011.05.006.
- North D.C. (1984). Transaction Costs, Institutions, and Economic History // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Vol. 140. No. 1. Pp. 7–17.
- Olsen J.P. (1997). Institutional Design in Democratic Contexts // *Journal of Political Philosophy*. Vol. 5. Is. 3. Pp. 203–229.
- Opp K.-D. (1982). The evolutionary emergence of norms // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 21. Is. 2. Pp. 139–149.
- Opp K.-D. (2001). How do norms emerge? An outline of a theory // *Mind & Society*. Vol. 2. Is. 1. Pp. 101–128.
- Pessali H.F. (2009). Metaphors of Transaction Cost Economics // *Review of Social Economy*. Vol. 67. No. 3. Pp. 313–328. DOI: 10.2139/ssrn.1660480.
- Pierson P. (2000). The Limits of Design: Explaining Institutional Origins and Change // *Governance*. Vol. 13. Is. 4. Pp. 475–499. DOI: 10.1111/0952-1895.00142.
- Ramstad Y. (1986). A Pragmatist's Quest for Holistic Knowledge: The Scientific Methodology of John R. Commons // *Journal of Economic Issues*. Vol. 20. Is. 4. Pp. 1067–1105.
- Veblen T. (1922). *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. — New York: B.W. Huebsch.

Тамбовцев Виталий Леонидович

tambovtsev@econ.msu.ru

Vitaly Tambovtsev

Doctor of Sciences (Economics), professor, Chief Researcher, faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

tambovtsev@econ.msu.ru

TERMINOLOGICAL INNOVATIONS AND THE DEVELOPMENT OF INSTITUTIONAL STUDIES

Abstract. The article analyzes the validity of the proposals that have been expressed in the domestic literature over the past two decades regarding the introduction of the term «institutziya» into institutional studies. The productivity of this terminological innovation is based in both by purely linguistic considerations and by references to the old institutionalists' studies of the centuries ago. The analysis showed that these proposals do not take into account the fact that institutional research has been carried out for more than half a century within the framework of several research programs that differ significantly in their rigid cores and conceptual apparatus. Therefore, the discussed terminological innovation can be accepted by any supporter of the old (original) institutionalism at his/her own will, which, generally speaking, does not require any justification. The article shows that substantive, non-philological justifications contain errors and cannot be considered convincing in any way. For researchers working, for example, in the research program of the new institutional economics, this innovation is completely counterproductive, representing a synonym for concepts already applied and researched. Therefore, the use of the term «institutziya» in the entire set of domestic institutional studies is in fact unbelievable.

Keywords: *institute, institutions, research program, original institutional economics, new institutional economics, term, concept.*

JEL: B15, B25, B52.

В.В. Вольчик

д.э.н., проф., Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

НЕДОСТОВЕРНЫЕ НАРРАТИВЫ В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ¹

Аннотация. В статье развиваются подходы нарративной экономики к анализу эволюции институтов в контексте распространения недостоверной информации о различного рода экономических процессах. Нарративы рассматриваются как способ передачи информации и знания в форме, которая максимально комплементарна восприятию акторов. Важнейшим каналом распространения недостоверных нарративов в современном обществе стали фейковые новости. Лавинообразное распространение фейковых новостей и содержащихся в них нарративов происходит на фоне значительной трансформации институтов репутации и экспертизы. Широкое и быстрое распространение недостоверных нарративов создает системные угрозы для развития современных экономических порядков в условиях институтов надзорного капитализма. Искажение информации в альтернативных нарративах связано с действиями групп интересов, имеющих стимулы фальсифицировать прошлую и настоящую информацию о проводимых реформах, что приводит к возникновению плюрализма реальности. Через протонарративы в упрощённой форме также передаётся знание о циркулирующих в академической среде теориях и моделях. Заодно через протонарративы распространяются устойчивые мифы о различных аспектах проведения и результатах экономической политики. Недостоверные или искажённые протонарративы широко распространены в социальной среде российской инновационной системы. Примерами таких нарративов могут служить неolibеральные мифы об измерении эффективности через показатели числа патентов или рейтинговых научных публикаций. В процессе реформирования российской инновационной системы важно понимать генезис различных протонарративов и их влияние на формирование институциональной структуры в контексте специфических особенностей ее эволюции.

Ключевые слова: *нарративная экономика, недостоверные нарративы, фейковые новости, институциональные изменения, экономические реформы, российская инновационная система.*

JEL: B52, O30, Z13

УДК: 338.23

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_53_67

© В.В. Вольчик, 2023

© ФГБУН Института экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Вольчик В.В. Недостоверные нарративы в контексте институциональных изменений // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 4. С. 53–67. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_53_67.*

FOR CITATION: *Volchik V.V. Unreliable Narratives in the Context of Institutional Change // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 4. Pp. 53–67. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_53_67.*

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 21-18-00562, <https://rscf.ru/project/21-18-00562/> «Развитие российской инновационной системы в контексте нарративной экономики» в Южном федеральном университете.

Постановка проблемы

Нарративы имеют значение для объяснения экономических процессов [Shiller, 2019]. Через нарративы акторы транслируют своё понимание действия различных хозяйственных институтов и механизмов, что может быть важным для последующей реконструкции и анализа особенностей функционирования хозяйственных порядков или отдельных сфер экономики и общества [Вольчик, 2020]. Но при исследовании нарративов возникают значимые вопросы, связанные с тем, что информация и знания, которые распространяются через и вместе с нарративами могут содержать намеренные и ненамеренные искажения. Такие искажения могут принимать форму фейковых новостей, недостоверных экспертных мнений, устаревших протомоделей и т.д.

В данной статье рассматривается распространение недостоверной или искажённой информации в рамках подходов нарративной экономики. В рамках этого нового научного направления все исследуемые нарративы можно условно разделить, во-первых, на истории, содержащие информацию о социальных контекстах, и, во-вторых, на истории, которые несут в себе идеи. Например, это трансляция упрощённых протомоделей, объясняющих различные аспекты развития общества [Вольчик, 2022].

В социальных науках получает всё большее распространение проблематика фейковых новостей. Феномен фейковых новостей тесно связан с глобальными изменениями в способах создания различного рода медиаконтента о происходящих (или вымышленных) событиях. И если в эпоху до распространения интернета создание новостей было тесно связано с профессией журналиста и институтом репутации, то в современный век цифровых технологий и социальных сетей происходит размывание самого понятия новостей [Tandoc, Lim, Ling, 2017. P. 139].

Проблема недостоверных нарративов заключается не только в том, что с их помощью распространяется дезинформация. Так как с помощью социальных сетей потоки генерации и распространения информации стали существенно больше и интенсивней, поэтому значительно возрастают издержки по фильтрации информации по критерию достоверности. В качестве социальной адаптации должны появиться институты, которые могут способствовать снижению таких издержек.

Для социальных процессов проблема достоверности осложняется тем фактом, что различного рода искажённая и неискажённая информация, которая содержится в общественном дискурсе, нарративах, новостях и т.д., влияет на эволюцию социальной реальности, которую мы воспринимаем.

В данной работе основным является вопрос о том, как недостоверная информация и формируемые ей нарративы влияют на повторяющиеся взаимодействия акторов, а также изменение правил, влияющих на их поведение.

Недостоверная информация, нарративы и институты

Создание недостоверной информации и, в частности, нарративов может быть связано с текущими социальными процессами, а также трактовкой событий прошлого. П. Бергер и Т. Лукман так описывают процесс фальсификации событий прошлого для гармонизации воспоминаний индивида: «Поскольку гораздо легче выдумать то, что никогда не происходило, нежели забыть то, что действительно произошло, индивиду может понадобиться фабрикация и вставка в биографию событий — повсюду, где есть нужда в гармонизации воспоминаний с перетолкованием прошлого. Так как отныне господствующей и более достоверной выступает не старая, а новая реальность, то он может быть совершенно “честен”, осуществляя эту процедуру — субъективно он не лжёт о прошлом,

приспосабливая его к единственной истине, которая, разумеется, объемлет и настоящее, и прошлое. Этот момент, кстати, очень важен для адекватного понимания мотивов исторически не раз повторявшихся фальсификаций и подделок религиозных документов» [Бергер, Лукман, 1995. С. 259–260].

Искажения восприятия реальности, которые потом транслируются в недостоверных дискурсах, нарративах и даже новостях, могут возникать из-за того, что индивид, который создаёт и транслирует информацию о том или ином социальном процессе или событии, элементарно частично или полностью не понимает важных аспектов описываемых явлений. Так как производительность вообще и интеллектуальная в частности зависит от разделения труда, мы вынуждены полагаться на мнение специалистов в трактовке тех или иных социальных процессов и событий: «Во всём, что касается понимания, мы все зависим от чего-то, типа разделения труда: мы рассчитываем на то, что у экспертов будет наиболее полное представление о сложных концепциях, которые мы, используя ежедневно, понимаем лишь наполовину. На самом деле это, как мы увидим, один из главных вкладов речи в интеллект нашего вида: способность достоверно передавать информацию, которую мы понимаем (осознаем) лишь приблизительно!» [Деннет, 2021. С. 129].

Восприятие фейковых и реальных новостей зависит от когнитивных особенностей аудитории и прежде всего от аналитического мышления [Зуйкина, Соколова, 2021. С. 313]. Однако эксперименты, проведённые среди студентов и молодежи с высшим образованием, показали, что высшее образование оказывает слабое влияние на способности различать фейковые и реальные новости [Там же. С. 321]. Хотя логично было бы предположить, что высшее образование способствует развитию аналитического мышления. Также в уже цитируемом исследовании были получены результаты, которые подтверждают склонность акторов при идентификации ложных и истинных новостей прибегать к институциональным критериям — источнику информации (29,6%) и ссылке на известную личность или организацию (21,1%) [Там же. С. 318].

Также надо учитывать, что фейковые новости существовали долгое время в истории человечества. Более того, фейковые новости использовались в политических интересах даже в средние века [Wright, 2021. P. 247]. Однако в современных условиях благодаря простоте создания и распространения новостного контента распространённость и влияние на политические и экономические процессы фейковых новостей значительно возросло.

Ещё в 1971 г. Герберт Саймон заметил, что «информация поглощает внимание её потребителей» [Simon, 1971. P. 40]. Поэтому само внимание становится редким экономическим ресурсом, за который борются средства массовой информации, маркетологи и политики. И привлечение внимания становится связано с реальными экономическими выгодами. Поэтому «системные изменения в производстве и представлении новостного контента могут быть связаны с термином “экономика внимания”» [Gelfert, 2021. P. 323].

Недостоверные нарративы могут содержать частично релевантную информацию о тех или иных социальных взаимодействиях. Более того, через адаптивное поведение акторов недостоверные и достоверные нарративы используются для формирования гипотез, являющихся частью феномена, которые Б. Артур назвал «индуктивным мышлением» [Arthur, 1994].

В современном информационном обществе проблема недостоверной информации представляет не просто угрозу для отдельных экономических и политических взаимодействий, она фактически становится системной угрозой для дальнейшего развития современной человеческой цивилизации и существующих в ней различных социальных порядков. Поэтому на вызовы, связанные с распространением недостоверной информации, включая фейковые новости, получают социальный ответ в виде формирования и эволюции институтов, противодействующих разного рода искажениям. Такие институты могут принимать разную форму, например, институты, связанные с социальным и межличностным дове-

рием [Корниевская, 2009], формируя пространство действующих правил как для акторов, создающих информационный контент, так и его потребляющих.

Проблема намеренно искажённой и недостоверной информации также связана с функционированием институтов и механизмов, связанных с деятельностью экспертов. Институт экспертизы, безусловно, связан с институтом репутации, однако более ориентирован на проблемы создания в обществе знания и его демаркации от различного вида мифов, предрассудков и намеренно созданных ложных нарративов.

Деятельность экспертов противостоит «мудрости толпы», когда мнение, получившее распространение, особенно о социальных, политических, экономических процессах, рассматривается как соответствующее реальности или формирующее реальность. Именно эксперты могут транслировать в обществе протонарративы, которые основаны на научных теориях и проверенных опытным или экспериментальным путем гипотезах. И в современном информационном обществе интернет только усиливает эффект «мудрости толпы»: «Толпы могут быть мудры. Но не всё, однако, подчиняется праву толпы. Интернет порождает ложное чувство, что мнение множества людей равносильно “факту”. Как жаловался комик Джон Оливер, вам не нужно собирать мнения относительно какого-то факта: “С таким же успехом вы можете провести голосование: “Какое число больше, 15 или 5?” или “Существуют ли совы?” или “Там лежат шляпы?”» [Nichols, 2017. P. 127].

Также с интернетом и социальными сетями связано явление, которое связано с «эффектом обратного действия» (“backfire effect”), когда люди усиливают свои попытки быть внутренне последовательными вне зависимости от того, насколько ясны свидетельства того, что они не правы [Ibid. P. 131].

Эксперты, которые стараются противопоставить своё мнение ошибочному или ложному знанию в интернете и в социальных сетях, могут способствовать ненамеренному распространению этой ложной информации и знания. И хотя экспертное мнение может быть направлено на демистификацию и опровержение ложных нарративов, оно не всегда достигает своей цели. Это происходит за счёт того, что обычно ложные нарративы довольно просты для понимания, а мнения экспертов и опровержения могут создавать дополнительные сложности для понимания широкой аудитории.

Распространение как достоверных, так и недостоверных нарративов в последние годы значительно ускорилось благодаря интернету и социальным сетям. Открытым остаётся вопрос о том, как используются те и другие нарративы в создании у индивидов индуктивного мышления. Существуют влиятельные исследования, подтверждающие, что недостоверные нарративы распространяются значительно быстрее и шире, чем достоверные [Vosoughi, Roy, Aral, 2018].

Создание и распространение недостоверных нарративов можно рассматривать по аналогии с распространением недостоверной информации в информационно-телекоммуникационной системе. Если принимать во внимание, что наиболее существенными характеристиками качества информации выступают достоверность и доступность, то нарушение доступности информации может значительно влиять на её качество в плане релевантности. В исследованиях обеспечения достоверности информации в информационно-телекоммуникационных системах существует консенсус о том, что основным фактором, снижающим доступность информационных ресурсов, являются информационные атаки злоумышленников, называемые «распределённый отказ в обслуживании (Distributed Denial of Service)», или кратко DDoS атаки [Монахов М., Монахов Ю., Полянский, Семенова, 2015. С. 207]. Поэтому стратегия, направленная на перегрузку информационных каналов, по которым транслируются нарративы различной мусорной информации, может способствовать размыванию смыслов и уходу общественного мнения и внимания экспертов от значимых проблем.

В условиях развития сетевой коммуникации экспертиза может трансформироваться параллельно механизмам создания и распространения информации. В самоорганизую-

щихся сетевых сообществах или организованных на партнёрских принципах информационных ресурсах не обойтись без института экспертизы, рецензирования и редактуры потоков исходящей информации, принимающей разнообразные формы. Но на пути трансформации указанного института в сфере новостей встают несколько препятствий:

- постоянно расширяющиеся потоки информационных каналов, через которые транслируется информация;
- информационный контент зачастую смешивается с развлекательным;
- иллюзия простоты выбора информационного и развлекательного контента, основанная на присоединении к большинству.

Институты возникают и эволюционируют в русле выполнения основной своей функции — структурирования повторяющихся взаимодействий между людьми. В случае распространения недостоверной информации также могут возникать институты, которые периодически на повторяющейся регулярной основе будут способствовать снижению транзакционных издержек в плане организации экспертной деятельности. Но здесь возникают несколько важных проблем. Во-первых, для возникновения и функционирования институтов необходимо наличие гаранта нормы. Гарант нормы может принимать разные формы организованных малых и больших групп, создание которых зависит от возможностей и издержек коллективных действий. Также важным гарантом норм может выступать государство. Однако в случае государства возникают вопросы, связанные с проведением и разработкой информационной политики.

Вопрос о том, должно ли государство вмешиваться в процессы регулирования потоков недостоверной информации, не является риторическим. Данный вопрос в современности тесно связан с обеспечением стабильного социально-политического развития. Также необходимо обратить внимание на механизмы обеспечения финансирования экспертной деятельности, направленной на фильтрацию достоверной и недостоверной информации.

Важно понимать, что недостоверная информация (фейковые новости) постепенно стали своеобразной индустрией современной пропаганды. Также центральным моментом в современной пропаганде является работа по продвижению нарратива о том, что её не существует [Сондерс, 2013. С. 5]. Однако, если раньше пропаганда ассоциировалась преимущественно с деятельностью государства и политических партий, в XXI в. с помощью манипуляций с фейковыми новостями полноценными игроками становятся крупные корпорации [Зубофф, 2022]. Это не значит, что корпорации типа Google не подвержены государственному или партийному влиянию, но создаваемые технологии и алгоритмы время от времени создают условия и возможности для извлечения прибыли из создания и продвижения недостоверного контента. Также надо понимать, что в бурно развивающейся среде информационных технологий не все процедуры и технологии попадают в сферу правового регулирования. Фейковые новости также во многом стали результатом провалов регулирования и недостаточной институционализации сферы новых технологий по созданию и распространению информации.

Конкуренция за потребителей информационного контента не исключает намеренной дискредитации традиционных средств массовой информации для формирования ситуации неопределённости и нестабильности. Поэтому в обществе возникает потребность в создании институтов, снижающих такую неопределённость.

Недостоверные протонарративы

Кроме нарративов, которые связаны с новостями и общественным дискурсом, существует класс нарративов, которые Р. Шиллер сравнил с упрощёнными экономическими протомоделями. Такие протомодели дают объяснение тем или иным экономическим событиям через упрощение теоретических концептов. Вот как определяет нарративы, свя-

занные с протомоделями, Р. Шиллер: «Нарратив — это рассказывание истории, которое придаёт ей смысл и значимость, и зачастую направлено на то, чтобы преподать урок или извлечь мораль. Будучи сравнён с историей (story), нарратив может стать интерпретацией происходящих событий. Если говорить о нарративах в сфере экономики, нарратив может представлять собой протоекономическую модель, доступную для понимания широкой общественности» [Shiller, 2019a. P. 477]. Следуя логике Р. Шиллера, нарративы, которые связаны с экономическими моделями и концептами, можно назвать протонарративами [Вольчик, 2022], и в статье далее используется это понятие.

Важность исследования протонарративов в том, что они оказывают непропорционально большое воздействие через циркуляцию в сообществах, которые могут оказывать значительное влияние на выработку и проведение экономической политики. Сам Р. Шиллер высказался о значимости таких протонарративов следующим образом: «Важные для экономики нарративы могут составлять лишь очень небольшой процент распространённого дискурса. Такие нарративы, даже будучи редко встречающимися, могут оказывать осязаемое влияние на экономику» [Shiller, 2019b. P. 103].

Информация, которая распространяется в форме истории, повествования или нарратива, лучше воспринимается акторами, если она соотносится с их предыдущим опытом. И даже если доступна более достоверная информация, базирующаяся на фактических статистических данных, люди всё же более восприимчивы к нарративам [Kawata, McElwain, Nakabayashi, 2023]. Тем самым наше индуктивное мышление синтетически формируется прежде всего в нарративной форме, через инкорпорирование объяснительных моделей, которые содержатся в протонарративах.

Вопрос о достоверности не всегда поддаётся однозначной оценке в случае, если мы имеем дело с «великим национальным нарративом». Например, Т. Пикетти подчёркивает, что «великие национальные нарративы» об эгалитарной исключительности и моральном превосходстве во Франции и американской исключительности в США приводили, соответственно, к оправданию колониального правления и вопиющего неравенства в современной системе французского образования, а также становились прикрытием для неравенства и плутократических излишеств в американском обществе [Piketty, 2020. P. 153].

Нарративы тесно связаны с мифотворчеством и распространением различного рода мифов от мистических верований до теорий заговора. Протонарративы также могут быть сопряжены с мифами или «баснями» [Рубинштейн, 2008], которые циркулируют в экспертной и научной среде. Роль мифов в эволюции институциональной среды социального порядка нельзя недооценивать: «По мере развития различных культур развиваются технологии и появляются новые социальные институты. Между тем, мифопоэтическая (мифотворческая) тенденция в эволюции человека продолжает служить соединительной тканью в паутине культуры, постоянно развиваясь, но постоянно определяя и переопределяя модели человеческого поведения. Мифы общества оправдывают и поддерживают предписывающие модели поведения; вместе взятые, эти мифы создают основу для системы социальных норм» [Wrenn, 2021. P. 225].

В оригинальном институционализме постоянно подчеркивается, что классическая и неоклассическая наука регулярно прибегает к помощи метафор и мифов, оправдывающих статус-кво капиталистической системы и препятствующих социальным и экономическим реформам. Например, Дж. Гэлбрейт связывал развенчание таких мифов с распространением высшего образования и «несоответствием этих мифов жизненному опыту и материальной реальности индивидуумов» [Ibid. P. 237].

Как уже отмечалось, ложные или частично достоверные протонарративы циркулируют наряду с популярными мифами, распространёнными как в научном сообществе, так и в общественном дискурсе. Одними из важнейших мифов, которые получили широкую аудиторию через протонарративы являются мифы, связанные с неолиберализмом и нео-

либеральной экономической политикой [Ibid]. Например, в системе высшего образования и науки последние тридцать лет именно неолиберальный нарратив лежит в основе её реформирования в плане оптимизации и ориентации на рыночные механизмы, которые, стоит отметить, могут отсутствовать, быть неразвитыми или быть некомплементарны типу производимых благ [Nureev, Volchik, Strielkowski, 2020; Lorenz, 2014].

Фактически неолиберальный нарратив постепенно трансформировался в набор мифов или протонарративов, которые стали навязываться как неподлежащие критике совокупности очевидных истин: «Неолиберальный нарратив состоит из трех основных поддерживающих мифов, которые отличают его от более ранних стадий капитализма: приватизация товаров и услуг, которые в настоящее время предоставляются государством; дерегулирование промышленности; и сокращение государства всеобщего благосостояния. Поддерживающие мифы о приватизации и дерегулировании сами по себе являются всемогущими, вспомогательными мифами, которые развились и адаптировались при неолиберализме, чтобы поддерживать всеобъемлющий, всемогущий миф о неолиберальном рынке как органической силе» [Wrenn, 2021. P. 240].

Продвижение в академических кругах неолиберальными экономистами идеи о том, что все значимые проблемы в экономике можно свести к тем или иным рыночным механизмам, привело к убеждению, что «рынок — решение вековой проблемы “Что есть истина”» [Mirowski, Nik-Khah, 2017. P. 8].

Также в XX в. большое значение имели исследовательские нарративы о рациональном поведении, информации и знании в контексте рынков, рыночного поведения и дизайна экономических механизмов. Поэтому Ф. Майоровски и Е. Ник-Хан задают риторические вопросы, которые ещё раз обращают внимание на то, что вера в исследовательские нарративы значительно влияет на формирование интеллектуальной среды, ответственной за выработку политики: «Но как манипулируемость рынками влияет на веру в то, что рынки придут к Истине для всех — на мечту о хорошо функционирующей экономике знаний? Если рынки действительно разнообразны, и их можно сделать на заказ, то почему кто-то должен априори ожидать, что они достоверно откроют Истину?» [Mirowski, Nik-Khah, 2017. P. 242].

В современном оригинальном институционализме признаётся важность «сторителлинга» в экономических исследованиях. Поэтому исследовательские нарративы наряду с качественными и количественными источниками данных способствуют формированию релевантного понимания постоянно эволюционирующей экономической реальности: «понимание требует не только посещения библиотеки, чтобы учиться у других, изучавших те же или подобные явления, но и исследования реального мира. Исследования должны быть тщательными, и всё доступное должно быть честной игрой; все источники — тексты, непосредственные наблюдения, интервью, количественные и качественные данные — дают возможность учиться. Безусловно, не всё можно изучить, и все исследования требуют поиска явных и скрытых допущений, содержащихся в каждом типе исследовательского материала: критическое мышление необходимо для понимания экономической жизни» [Whalen, 2021. P. 249].

При создании и распространении протонарративов большое значение имеет то, в какой идеологической среде это происходит. Безусловно, экономическая наука подвержена идеологическому влиянию. В некоторых случаях, например, в СССР, идеологическое влияние декларируется в явной форме. Также влияние идеологии может осуществляться в неявной форме в виде различного рода интеллектуальной монополии, которая проявляется через господство тех или иных научных школ. Действительно, распространение исследовательских нарративов не всегда сопряжено с честной конкуренцией между идеями. Фактически в экономической науке также наблюдаются случаи реализации монопольной власти научной школой или группой, которая может оказывать влияние на формирование научной повестки [Вольчик, 2003].

Родоначальник оригинального институционализма Т. Веблен считал, что классическая и неоклассическая теории являются по сути идеологиями, поскольку они возводят принятый в их теоретических рамках идеал поведения в ранг естественных законов [Cangiani, 2021. Р. 83]. Протонарративы, таким образом, становятся важным объектом дуалистического идеологического влияния. С одной стороны, сами исследовательские или академические протонарративы формируются на основе базовых предпосылок, которые имеют идеологическую природу. С другой стороны, сами академические протонарративы могут, эволюционируя, служить отправной точкой для формирования идеологически окрашенных мер социально-экономической политики.

Конкуренция идеологий и идеологических установок приводит к созданию альтернативных теорий. Эти теории, получая широкое распространение в академической среде, могут в виде протонарративов «экспортироваться» в широкий общественный дискурс.

Выходя за рамки академического сообщества, протонарративы используются политическими партиями или группами интересов для продвижения или оправдания экономической политики, которая может быть сопряжена с различного рода избирательными стимулами. Примером такого протонарратива может служить нарратив о простой и понятной модели налогообложения, иллюстрируемой кривой Лаффера [Shiller, 2019]. Именно доступность для понимания и логическая простота такого нарратива должна способствовать его продвижению в общественном мнении как очевидно истинного.

Достоверные и недостоверные нарративы (создаваемые намеренно и ненамеренно) с точки зрения экономистов чаще всего связаны с проводимыми реформами. В таком контексте может быть помещен интересный феномен «плюрализма реальности». Согласно меткому замечанию П.А. Ореховского, данные процессы по созданию альтернативных нарративов связаны с поиском ренты: «В эпоху постмодерна и разрушения прежних больших социальных групп (классов) начинает проявлять себя плюрализм реальности. Меньшинства, располагающие различными ресурсами, пытаются навязать другим своё видение прошлого, настоящего и будущего. За альтернативными вариантами реформ часто скрываются различные сюжеты погони за рентой...» [Ореховский, 2019. С. 41].

Влияние идеологии на развитие экономической науки не надо переоценивать. Однако ещё Й. Шумпетер в своем президентском послании 1948 г. Американской экономической ассоциации отмечал, что идеология влияет на выбор задач, гипотез и видение проблем для исследователей [Schumpeter, 1949].

Использование научных методов и теорий не гарантирует, что экономисты и другие учёные-обществоведы могут избежать ошибочных или даже ложных выводов, которые могут послужить в дальнейшем основой для проведения социально-экономической политики. Причиной таких ошибок может быть радикализм или даже экстремизм: «Радикализм как идеология социально-экономических преобразований может иметь научное обоснование разве что в исключительных случаях. Но и тогда он подвержен риску, связанному с возможной ошибочностью этих обоснований» [Полтерович, 2017. С. 58].

Необходимые для построения теорий упрощения могут также приводить к тиражированию явных и неявных ошибок, которые впоследствии становятся ложными протонарративами. Поэтому излишние упрощения должны оставаться предметом обсуждения в академической среде: «Но отчасти потому, что экономисты берут в качестве примера естественные науки, они склонны неправильно использовать свои модели. Они склонны ошибочно принимать модель за модель, уместную и применимую во всех условиях. Экономисты должны преодолеть это искушение» [Rodrik, 2015. Рр. 5–6].

Особый вред такие протонарративы приносят при их некритическом восприятии в процессе импорте институтов и механизмов регулирования при проведении экономических реформ. Возможно, некоторые неудачи радикальных рыночных преобразований

в российской экономике проистекали от не критичного использования таких протонарративов для обоснования и осуществления экономических реформ.

В контексте идеологического влияния на формирование исследовательских протонарративов возникает резонный вопрос: могут ли такие нарративы намеренно нести недостовверную информацию и знание о функционировании экономических процессов? И здесь нет однозначного ответа, потому что многие исследовательские нарративы должны рассматриваться в их связи с историческими контекстами.

Примером борьбы исследовательских нарративов может служить дискуссия о плане и рынке. Данная дискуссия возникла на фоне экспериментов с централизованным планированием, которые осуществлялись в Советском Союзе. Среди ключевых работ о невозможности планирования можно выделить работы Л. Мизеса и Б.Д. Бруцкуса [Мизес, 1994; Бруцкус, 1999]. Влияние теоретического наследия Мизеса, безусловно, оказалось гораздо сильнее в исторической перспективе и стало одним из консолидирующих в рамках австрийской школы. Однако Б.Д. Бруцкус независимо от Л. Мизеса применил подобную логику о невозможности экономической калькуляции, опираясь на опыт военного коммунизма, современником и свидетелем которого он был. Поэтому в экономической литературе существует точка зрения о том, что теорема о невозможности социализма и плановой экономики должна носить название Мизеса-Бруцкуса [Ковалёв, 2023].

В дальнейшем исследовательский нарратив Мизеса был развит Ф. Хайеком. Причём Хайек связывал плановую и рыночную экономику с двумя типами политических порядков — либеральной демократией и тоталитаризмом [Hayek, 1976; Hayek, 1988]. Долгое время правота Ф. Хайека не вызывала сомнения, так как опыт построения эффективной рыночной экономики имелся только у политических порядков с институтами либеральной демократии. Однако в конце XX и начале XXI вв. опыт Китая показал, что возможно построение эффективной социалистической рыночной экономики наряду с политическим порядком демократического централизма.

В отношении особенностей развития китайской экономики в настоящее время ведётся множество дискуссий. Очевидные успехи КНР в построении инновационной экономики связаны с возникновением двух диаметрально противоположных протонарративов. В первом варианте продвигается точка зрения, что динамика развития экономики и технологических инноваций позволит Китаю в ближайшем будущем стать технологическим лидером. Во втором варианте транслируется точка зрения, что существуют системные препятствия для формирования устойчивых механизмов технологического развития китайской экономики и в ближайшем будущем темпы внедрения инноваций могут существенно замедлиться.

Рассмотрим подробнее второй вариант протонарратива о технологическом лидерстве КНР. В своей достаточно оригинальной статье Джеффри Динг попытался показать, что Китай значительно отстаёт от западных стран и, прежде всего, США в перспективном технологическом развитии. И основной причиной такого отставания является «способность распространять новые инновации по всей своей внутренней экосистеме («диффузионный потенциал»)» [Ding, 2023. P. 4]. Свои выводы Джеффри Динг основывает на моделировании и сравнительном анализе инновационного развития США, СССР и Китая. Причём инновационное развитие США и СССР берётся за период 1950-1970 гг. и автор делает вполне обоснованный вывод, что СССР значительно отставал от США именно по показателю диффузионного потенциала. Действительно, в СССР в указанный период существовали проблемы с внедрением инноваций. Но автор некритично переносит аналогии сложности внедрения инноваций в СССР на современное инновационное развитие китайской экономики. И здесь, как представляется, автор упустил очень важный факт, что в СССР проблемы с внедрением инноваций проистекали в своей основе из-за особенностей плановой экономики. Современная китайская экономика даже официально не является плановой (хотя пятилетние планы продолжают составляться и выполняться), а имеет специфическое название «социалистической рыночной экономики».

Интересен сам факт, что в статье Джеффри Динга почти не используется слово рынок и производные от него. Так, в тексте встречаются только два слова «market adaptations» и «market-based mechanisms» в самом конце статьи и в негативном контексте относительно возможностей государственной политики КНР в области инноваций [Ibid. P. 19]. И это может служить ещё одним подтверждением нарратива о недостаточно рыночном характере китайской экономики и национальной инновационной системы — «нарратив о недостаточно рыночности».

«Нарратив о недостаточно рыночности» возник преимущественно в западных академических, аналитических и популярных изданиях как развитие концепта Ф. Хайека об обязательной комплементарности либеральной демократии и эффективных рыночных механизмах. Поэтому западные аналитики, принимая во внимание доминирующую и руководящую роль КПК в политической системе Китая (которую лучше всего называть в соответствии с конституцией КПК «системой демократического централизма»), делают вывод (явно или неявно) о том, что рыночные механизмы в таких условиях подвержены сильному административному искажению, и поэтому не могут показывать достаточную эффективность как в экономическом, так и инновационном планах.

В случае Китая мы наблюдаем удачный пример исключения из правила «обязательной комплементарности». КПК на протяжении последних десятилетий удалось последовательно проводить политику, направленную на развитие рыночных механизмов вообще и в частности в инновационной сфере.

Нарративы о российской инновационной системе

В российских условиях недостоверные нарративы об инновационной системе (РИС) разнообразны: от патентов и интеллектуальной собственности до избытка научных кадров. Часто нарративы являются исторически обусловленными устаревшими представлениями о настоящем российской инновационной сферы. Сложно судить об эволюционном или целенаправленно созданном характере ошибочных или неточных нарративов. Скорее всего, в разных случаях можно проследить и спонтанные и намеренные источники их формирования.

В предыдущих наших исследованиях мы анализировали нарративы из средств массовой информации [Вольчик, Маслюкова, 2021; Вольчик, Фурса, 2022]. В данной статье на основе 27 глубинных интервью с акторами, представляющими академический сегмент РИС, показано, как нарративы опровергают устоявшийся в научном и общественном дискурсах тезис о том, что для достижения эффективности РИС необходимо её кардинальное реформирование.

Российская инновационная система создавалась не на пустом месте. Советское наследие могло и должно было сделать РИС одной из ведущих в мировом масштабе инновационной деятельности. Однако идеология рыночного реформирования инновационной сферы совершенно затмила вопросы, связанные с формированием институциональной среды, учитывающей инерционный характер развития сфер науки, образования и инноваций. Поэтому реализация множества «точечных» или «прорывных» программ инновационного развития часто заканчивается, по меткому выражению нашего респондента, строительством «инновационных сараев»: *«Среда должна быть другая. Среда должна позволять развиваться, начиная со старта, множеству предприятий, и так далее. Сейчас нужно экономику инновационную просто накачивать деньгами, несмотря на то, что что-то будет потеряно заведомо или ещё что-то. Туда нужно просто вкладывать деньги, как минимум. Вот все эти инновационные сараи, которые понастроили по стране, они не нужны на самом деле. Огромное количество всяких технопарков. У нас*

всегда инновации начинаются со строительства. Строительство — хорошо. Но ведь оно этим и заканчивается! Построили кучу инновационных сараев. Там сидят люди, которые занимаются инновациями. И они получают хорошую зарплату за это. Как правило, эти люди — чиновники или из чиновничьей среды, они сами инновациями не занимались. Ни один реальный бизнесмен, например, если у него бизнес идёт, то он не будет заниматься в основное своё время, тратить его на то, чтобы обучать каких-то других людей. Он, конечно, может посвятить какое-то время в благотворительных целях. Там огромное количество синекур образовалось в этих предприятиях, в этих технопарках и всём прочем. Эти синекуры вполне нормально себя чувствуют. Люди, которые на этих должностях... Нет обратной связи и понимания. У нас же бюрократические структуры. Ещё со времён царской России они слабо изменились. В своё время, когда Попов радио изобрёл, он, во-первых, не думал ни о каком бизнесе. А вот Маркони думал о бизнесе. И в результате во время русско-японской войны использовали, отказывались от радиосистем Попова и закупали немецкие, ещё всякие Маркониовские, на них как-то работали. Не вкладывали деньги в академическую науку, и в школу Попова не вкладывали» (Нижний Новгород, заведующий лабораторией).

Создание среды для развития РИС требует понимания системности и сложности во взаимодействии её различных сегментов. Расхожий тезис, что в российских условиях недостаточно рыночное финансирование инновационной деятельности не учитывает особенностей инерционных институтов РИС. Два важнейших фактора развития РИС мы находим в нарративах акторов — это стабильное финансирование и создание долгосрочных системных связей: *«Научная школа стоит миллион рублей в год попить чаю, кафедра стоит ну там два гранта РНФ — 10 миллионов рублей в год. Вот такой научно-технологический центр стоит 100 миллионов рублей в год. Один. Вот наш институт — это несколько таких центров, поэтому наш бюджет 500 миллионов. У нас больше центров, чем пять, но мы маневрируем. А вот такая штучка стоит десять девяток — миллиард. А где вы видели миллиард, чтоб его дали в университет или в Академию наук или как-то ещё? Когда я прихожу разговаривать с промышленниками и говорю, мне надо вот столько, тогда у вас будет что-то, они мне говорят: “Ты кто?”. Я говорю: “Я университет”. Они говорят: “Твое место — 10 миллионов рублей. Пиши статьи. Потому что вы никогда ничего не делали, не делаете и не будете делать”, — говорят они про университеты. Если вы посмотрите на ваш университет, там есть вот это разве? Да нету. Если вы будете в другом университете, вы это не увидите, и вот этот переход от 10 миллионов рублей к миллиарду непреодолим. И мы не знаем ни одного примера в отечественной инновационной системе, когда это произошло бы, чтобы университет или академия наук вот это сделал. Есть там сюжет красивый сейчас про МГУшников, про вот эту композиционную долину, про Тулу и так далее. Ну, мы посмотрим, как это произойдёт, но это уникальный случай, потому что там сочетание невероятных административных, организационных, политических ресурсов работает, потому что оттуда перейти сюда — это время, деньги и особенные обстоятельства, потому что мало того, что заведующий убил гуру, так начальник убил заведующего. Но если нет вот этого, если нет ядра, если нет идеи... Как делают завод и раньше делали в 90 годы? Они сразу покупают под ключ какую-нибудь ерунду и говорят: «Смотрите, как классно!». А она не работает, потому что на нашем сырье, с нашими кривыми руками и ногами, с нашим пониманием процесса не от начала сделанного, эта штучка не будет работать. И мне приходилось разруливать там, когда вваливали сумасшедшие деньги. Нет, ничего нельзя сделать. С самого начала надо было звать учёных, иначе не будет работать. Так вот, если мы хотим мирового уровня, конкурентоспособный продукт, то он должен вот здесь на уровне школы и идеи прорасти сквозь статьи и образцы вот в эту самую историю — от копейки до миллиарда. По-другому настоящей инновации научной не будет» (Нижний Новгород, директор НИИ).*

Понимание проблемы создания среды для развития РИС в первую очередь должно основываться на том, что самый главный ресурс для инновационной деятельности — это люди, ею занимающиеся. Поэтому даже российские «национальные чемпионы» нуждаются прежде всего в среде, которая позволяет в конечном итоге создавать сильные стимулы для акторов инвестировать в человеческий капитал и реализовывать долгосрочные стратегии: *«В эту игру (национальные чемпионы) я уже 6–7 лет играю. В чём смысл, чем отличаются просто быстрорастущие от национальных чемпионов, мы национальные чемпионы — это люди, которые придумали то, чего нет ни у кого, понимаете, мы могли место под солнцем занять, понимаете... но ни одной копейки, никакой помощи. Только сейчас через 6 лет, вместо того чтобы какие-то технологии, с которыми можно воевать по всему миру, поддерживать их хоть как-то — но ноль! И вот эти все фирмы (национальные чемпионы), их 80-90, даже меньше 100, они все почти замечательные, уникальные... И что? Ничего... они всё делают на своих ресурсах. Вот мы сделали сначала уплотнение, потом заработали денег, сделали защиту, потом опять заработали денег, сделали другое. Мы всё делаем за свой счёт, нуль копеек мы получили из этого бюджета. Это вот какие проблемы. Бизнес сырьевой не нуждается в этом всё. Новые бизнесы они могут только возникать и носителями являются те, кто их придумывает, их некому передать. И вообще всё так быстро меняется, если что-то придумано ценно, то конкуренция острейшая, нужно развиваться непрерывно. Нельзя разрывать науку фундаментальную, прикладную, технологии, производство, законы, нельзя разрывать — это всё одна команда, и она может формироваться только в университетах. Здесь всё есть. И очень важен альянс инженерных вузов. Инвестируют не в страны, не в отрасли, не в фирмы, а в людей. Стараюсь таких людей находить здесь, поддерживать их и делать, чтобы они могли инициировать. Это и есть университеты третьего поколения, это и есть идеология! Надо инвестировать в человека, поддерживать человека! Давать ему возможность реализовать свои идеи, свои знания»* (Москва, заведующий кафедрой).

Несмотря на непрерывный процесс реформирования, российская инновационная система в мировом масштабе остаётся одной из самых сложных и комплексных, обладающей значительным потенциалом для отечественной экономики. Особенности эволюции институтов, где большое значение имеет историческая траектория развития, дают основания акторам подчёркивать простую идею о том, что развитие РИС должно осуществляться с ведущим государственным участием в постановке глобальных целей и основываться на предсказуемой политике, корректирующей механизмы регулирования: *«В российской инновационной системе никаких революций создавать нельзя, потому что система уже работает, её нужно только корректировать реперно. Если вдруг кто-то придёт и скажет, что это всё неправильно, всё разрушится однозначно. Я вот сколько пессимистически сейчас говорил об этой системе, самое оптимистическое — система уже работает, её нужно только корректировать, добавлять какие-то элементы и смотреть эффективность, динамику эффективности. Если небольшая динамика есть, надо ещё дальше смотреть, то есть сразу не удалять, добавлять какие-то новые и новые идеи. Но если я скажу, что она вся неправильная, но, во-первых, я всего не знаю, во-вторых, я вижу развитие, некое плохое, хорошее, может быть, я не всё вижу. Самое главное — революционно её не менять, что-то добавлять, что-то убирать. А то у нас как, все воры, всех посадили. И второе — ни в коем случае не заставлять. Науку надо не принудить, а поставить задачу. Наука ждёт задачи, конкретной задачи, чтобы эту задачу выполнить. И контроль, но не тотальный, а контроль выполнения этой задачи. А не принудить и посадить. Мы ничего не сделаем иначе»* (Ростов-на-Дону, заместитель директора).

В поиске путей реформирования РИС необходимо избегать ловушек, в которые часто попадают «государственные экономисты» по меткому выражению Р. Коуза: «Желание быть полезным своим ближним — мотив, конечно же, благородный, но невозможно влиять

на политику, если ты не даёшь ответов. Так появились государственные экономисты, т.е. люди, которые дают ответ, даже когда ответа не существует» [Коуз, 2007. С. 66]. Поэтому использование различных показателей при проведении инновационной политики, таких, например, как количество патентов и рейтинговых научных публикаций, может приводить к совершенно непредсказуемым результатам, далёким от комплексного развития российской инновационной системы.

Заключение

Искажение информации всегда присутствовало в общественной жизни. Однако развитие технологий создания и тиражирования различного информационного контента позволили значительно усилить влияние на общество различных видов недостоверной информации.

Само широкое обсуждение фейковых новостей и связанных с ними манипуляций ставит перед исследовательским сообществом вопрос, как и какие механизмы должны сформироваться, чтобы эффективно противодействовать негативному влиянию недостоверной информации.

Дезинформация и намеренные искажения информации, распространяемые в широком общественном дискурсе в современных условиях, стали одним из следствий возникновения и постепенного доминирования в западном обществе «надзорного капитализма» [Зубофф, 2022]. Именно в рамках надзорного капитализма сложилась ситуация, в которой происходит не только дополнительное извлечение прибыли за счёт манипулирования потребителями, но, что более опасно, создаются механизмы продвижения «полезных» социально значимых нарративов и барьеры для нарративов, которые не вписываются в картину мира плутократии.

Основной недостоверный нарратив относительно российской инновационной системы состоит в том, что её перспективное развитие сопряжено с непременными масштабными реформами. Напротив, развитие РИС возможно и без радикального реформирования, при условии увеличения финансирования, сохранения обратных связей, и наверно самое главное — формирования среды, в которой акторы могут осуществлять долгосрочное планирование как научных исследований, так и своих индивидуальных исследовательских и карьерных траекторий.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бергер П., Лукман Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания* [Berger P., Luckman T. (1995). *Social Construction of Reality. Treatise on the Sociology of Knowledge*]. — М.: Медиум.
- Бруцкус Б.Д. (1999). *Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта* [Brutskus B.D. (1999). *Socialist Economy. Theoretical Thoughts on the Russian Experience*]. — М.: ООО «Издательство Стрелец».
- Вольчик В.В. (2022). К вопросу о теории и методологии нарративной экономики [Volchik V.V. (2022). To the Issue of the Theory and Methodology of Narrative Economics] // *Вопросы теоретической экономики*. №3. С. 31–46. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_31_46.
- Вольчик В.В. (2020). Нарративы и понимание экономических институтов [Volchik V.V. (2020). Narratives and Understanding of Economic Institutions] // *Terra Economicus*. № 2. Т. 18. С. 49–69. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-2-49-69.
- Вольчик В.В. (2003). Провалы экономической теории и зависимость от предшествующего пути развития [Volchik V.V. (2003). Failures of Economic Theory and Dependence on the Previous Path of Development] // *Terra Economicus*. № 3. Т. 1. С. 36–42.
- Вольчик В.В., Маслюкова, Е.В. (2021). Возможности нарративной экономики в исследованиях российской инновационной системы [Volchik V.V., Maslyukova E.V. (2021). Narrative Economics Perspective on

- Modeling National Innovation System] // *Terra Economicus*. №4. Т. 19. С. 36–50. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19- 4-36-50/
- Вольчик В.В., Фурса Е.В. (2022). Нарративный анализ спроса на инновации в российской экономике [Volchik V., Fursa E. (2022). The Demand for Innovation in the Russian Economy: An Analysis of Narratives] // *Мир России. Социология. Этнология*. №4. Т. 31. С. 122–150. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-122-150.
- Деннет Д.К. (2021). *Разум от начала до конца* [Dennett D.K. (2021). *From Bacteria to Bach and Back*]. — М.: Эксмо.
- Зубофф Ш. (2022). *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти* [Zuboff S. (2022). *The Age of Surveillance Capitalism*]. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Зуйкина К.Л., Соколова Д.В. (2021). Особенности идентификации фейковых новостей молодежной аудитории [Zuikina K.L., Sokolova D.V. (2021). Features of Identification of Fake News by the Youth Audience] // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. №71. С. 310–326. DOI: 10.17223/19986645/71/19.
- Ковалёв А.В. (2023). Теоретический анализ социализма: Мизес vs. Бруцкус (К 100-летию выхода книг) [Kavaliou A. V. (2023). Theoretical Analysis of Socialism: Mises vs. Brutskus (To the Centenary of the Publications of Books)] // *Journal of Institutional Studies*. №1. Т. 1. С. 34–42. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.1.034-042.
- Корнивская В.О. (2009). Качество информации как фактор доверия [Kornivskaya V.O. (2009). The Quality of Information As a Factor of Trust] // *Экономическая теория*. №4. Т. 6. С. 16–24.
- Коуз Р. (2007). Экономика организации отрасли: программа исследований [Coase R. (2007). *Industrial Organization: a Proposal for Research*] // *Фирма, рынок, право*. — М.: Новое издательство.
- Мизес Л. (1994). *Социализм: Экономический и социологический анализ* [Mises L. (1994). *Socialism: Economic and Sociological Analysis*]. — М.: Catallaxy.
- Монахов М.Ю., Монахов Ю.М., Полянский Д.А., Семенова И.И. (2015). Модели обеспечения достоверности и доступности информации в информационно-телекоммуникационных системах [Monakhov M.Yu., Monakhov Yu.M., Polyansky D.A., Semenova I.I. (2015). Models for Ensuring the Reliability and Availability of Information in Information and Telecommunication Systems]. — Владимир : Изд-во ВлГУ.
- Ореховский П.А. (2019). *Структуры когнитивности и российские реформы*. Препринт. [Orehovskiy P.A. (2019). *Cognitive Structures and Russian Reforms*. Preprint]. — М.: Институт экономики РАН.
- Полтерович В.М. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука против идеологии [Polterovich V. M. (2017). Designing the strategies for socio-economic development: science vs. ideology] // *Вопросы теоретической экономики*. №1. С. 55–65.
- Рубинштейн А. (2008). Дилеммы экономиста-теоретика [Rubinstein A. (2008). Dilemmas of an Economic Theorist] // *Вопросы экономики*. №11. С. 62–80. DOI: 10.32609/0042-8736-2008-11-62-80.
- Сондерс Ф.С. (2013). ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны [Saunders F.S. (2013). *The CIA and the Art World: The Cultural Front of the Cold War*]. - М.: Кучково поле.
- Arthur W. (1994). Inductive Reasoning and Bounded Rationality // *American Economic Review*. No. 2. Vol. 84. Pp. 406–411. //DOI: 10.2307/2117868
- Cangiani M. (2021). Market Society and the Institutional Theory of Karl Polanyi / *Institutional Economics*. — London: Routledge. Pp. 78–100.
- Ding J. (2023). The Diffusion Deficit in Scientific and Technological Power: Re-Assessing China's Rise // *Review of International Political Economy*. Pp. 1–26. DOI: 10.1080/09692290.2023.2173633.
- Gelfert A. (2021). Fake News, False Beliefs, and the Fallible Art of Knowledge Maintenance. // *The Epistemology of Fake News*. — Oxford: Oxford University Press. Pp. 310–333.
- Hayek F.A. (1976). *The Road to Serfdom*. — London: Routledge.
- Hayek F.A. (1988). *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*. — London: Routledge.
- Kawata K., McElwain K.M., Nakabayashi M. (2023). Narrative Premiums in Policy Persuasion // *Political Psychology*. No. 00. Pp. 1–23. DOI: 10.1111/POPS.12928/
- Lorenz C. (2014). Fixing the Facts The Rise of New Public Management , the Metrification of “Quality” and the Fall of the Academic Professions // *Moving the Social*. No. 52. Pp. 5–26. DOI: 10.13154/mts.52.2014.5-26.
- Mirowski P., Nik-Khah E. (2017). *The Knowledge We Have Lost in Information*. — Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780190270056.001.0001.
- Nichols T.M. (2017). *The Death of Expertise: the Campaign against Established Knowledge and Why It Matters*. — Oxford: Oxford University Press.
- Nureev R., Volchik V., Strielkowski W. (2020). Neoliberal Reforms in Higher Education and the Import of Institutions // *Social Sciences*. No. 9. Vol. 79. Pp. 1–18. DOI: 10.3390/socsci9050079.
- Piketty T. (2020). *Capital and Ideology*. — Harvard: Harvard University Press.
- Rodrik D. (2015). *Economics Rules: Why Economics Works, When It Fails, and How to Tell the Difference*. — Oxford: Oxford University Press.
- Schumpeter J.A. (1949). Science and Ideology // *American Economic Review*. No. 2. Vol. 39. Pp. 345–359.
- Shiller R.J. (2019a). Narratives about Technology-Induced Job Degradation then and Now // *Journal of Policy Modeling*. No. 3. Vol. 41. Pp. 477–488. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2019.03.015.

- Shiller R.J. (2019b). *Narrative Economics*. — Princeton: Princeton University Press. DOI: 10.2307/j.ctvdf0jm5.
- Simon H.A. (1971). Designing Organizations for an Information-Rich World // *Computers, communications, and the public interest*. Pp. 37–52. — Baltimore: Johns Hopkins Press,
- Tandoc E.C., Lim Z.W., Ling R. (2017). Defining «Fake News» // *Digital Journalism*. No. 2. Vol. 6. Pp. 137–153. DOI: 10.1080/21670811.2017.1360143.
- Vosoughi S., Roy D., Aral S. (2018). The Spread of True and False News Online // *Science*. No. 359. Vol. 6380. Pp. 1146–1151. DOI: 10.1126/science.aap9559.
- Whalen C.J. (2021). Storytelling and Institutional Change: The Power and Pitfalls of Economic Narratives // *Institutional Economics: Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World*. Pp. 247–270. — London: Routledge.
- Wrenn M.V. (2021). Myth Busting: Institutional Economics and Mythopoeitics. // *Institutional Economics: Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World*. Pp. 225–246. — London: Routledge.
- Wright S. (2021). The Virtue of Epistemic Trustworthiness and Re-Posting on Social Media // *The Epistemology of Fake News*. — Oxford: Oxford University Press. Pp. 245–264. DOI: 10.1093/oso/9780198863977.003.0012.

Вольчик Вячеслав Витальевич

volchik@sfedu.ru

Vyacheslav Volchik

Dr. Sc. (Econ.), Head of Economic Theory Dept. Southern Federal University (Rostov-on-Don)

volchik@sfedu.ru

UNRELIABLE NARRATIVES IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONAL CHANGE²

Abstract. The article develops approaches of the narrative economics to the analysis of evolution of institutions in the context of dissemination of unreliable (false) information about various kinds of economic processes. Narratives are seen as a way of transferring information and knowledge in a form that is maximally complementary to the perception of actors. Fake news became the most important channel of distribution of false narratives in modern society. The avalanche-like spread of fake news and the narratives contained therein is taking place against the background of a significant transformation of the institutions of reputation and expertise. The widespread and rapid spread of unreliable narratives poses systemic threats to the development of modern economic orders in the face of emerging institutions of surveillance capitalism. Misinformation in alternative narratives is associated with the actions of interest groups that have the incentive to falsify past and present information about ongoing reforms, leading to a pluralistic reality. Through proto-narratives, knowledge of theories and models circulating in the academic environment is transmitted in a simplified form. Persistent myths about various aspects of the conduct and results of economic policies are also spread through proto-narratives. Unreliable or distorted proto-narratives are widespread in the social environment of the Russian innovation system. Examples of such narratives include neo-liberal myths about measuring efficiency through the number of patents or scientific rating publications. In the process of reforming the Russian innovation system, it is important to understand the genesis of the various proto-narratives and their influence on the formation of the institutional structure in the context of the specific features of its evolution.

Keywords: *narrative economics, unreliable narratives, fake news, institutional change, economic reforms, Russian innovation system.*

JEL: B52, O30, Z13.

² This work was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 21-18-00562, <https://rscf.ru/en/project/21-18-00562/> «Developing the national innovation system in Russia in the context of narrative economics» at the Southern Federal University.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

М.Э. Дмитриев

*д.э.н., Президент Хозяйственного партнёрства
«Новый экономический рост» (Москва)*

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА¹

Аннотация. Статья подготовлена по материалам экспертного доклада, в работе над которым участвовали эксперты ООО «Центр экономики инфраструктуры» и Хозяйственного партнёрства «Новый экономический рост». В статье рассматриваются возможные сценарии развития российского экспорта в период до 2036 г. с учётом ожидаемого перераспределения международных торговых потоков. Три долгосрочных сценария перспектив российского экспорта, представленные в статье, служат стилизованной иллюстрацией меняющегося пространства возможностей и ограничений, которое открывается для российского экспорта в новых условиях. Впервые в нашей практике сценарного прогнозирования российского экспорта возникает возможность рассмотреть в качестве вероятного, наряду с двумя инерционными сценариями, сценария глубоких структурных изменений российского экспорта в пользу продукции обрабатывающей промышленности.

Ключевые слова: *декаплинг, глобальный энергопереход, экспорт обрабатывающей промышленности, реальный эффективный обменный курс.*

JEL: F16, F21, F43, F51, F63

УДК: 338.2, 338.27

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_68_92

© М.Э. Дмитриев, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Дмитриев М.Э.* Долгосрочные перспективы российского экспорта // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 4. С. 68–92. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_68_92.

FOR CITATION: *Dmitriev M.E.* Long-term scenarios of Russian export // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 4. Pp. 68–92. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_68_92.

Введение

Данная статья основывается на материалах экспертного доклада, подготовленного к Конференции-форсайт «Из 2013–2023 г. в 2024–2030 г.», приуроченной к 10-летию юбилею ООО «Центр экономики инфраструктуры» (ЦЭИ). В работе над докладом участвовали эксперты ЦЭИ и Хозяйственного партнёрства «Новый экономический рост» (НЭР)². В статье рассматриваются возможные сценарии развития российского экспорта в период до 2036 г. с учётом ожидаемого перераспределения международных торговых потоков.

Поскольку деглобализация носит избирательный характер, она ведёт не столько к сворачиванию, сколько к реструктуризации торговых и финансовых потоков. Ослабление

¹ Статья опирается на материалы научно-исследовательских работ, выполненных по заказу ОАО «РЖД» ЦЭИ при участии НЭР.

² В работе над докладом участвовали М.Э. Дмитриев, А.Ю. Зимиха и Д.Н. Шульц.

прямых торговых и финансовых связей между двумя противостоящими геополитическими блоками будет сопровождаться активизацией внутриблоковой торговли и инвестиций и опережающим ростом торгового и инвестиционного сотрудничества каждого из блоков с внеблоковыми развивающимися странами.

Усилению роли внеблоковых стран глобального Юга способствует более резкое, чем ожидалось ещё в начале 2023 г., торможение экономики Китая, которое, скорее всего, приведёт и к долгосрочному торможению экономического роста этой страны. В результате, согласно нашим новым оценкам, можно ожидать заметного снижения вклада Китая в прирост мирового ВВП и торговли с существенным увеличением вклада внеблоковых развивающихся стран. В них, в отличие от блоковых стран, по-прежнему сохраняется огромный потенциал ускоренного экономического роста благодаря быстрой урбанизации и первичной индустриализации. Поэтому их вклад в прирост мирового ВВП на нашем прогнозном горизонте в полтора раза превысит вклад Китая.

Число внеблоковых стран может оказаться больше, чем первоначально ожидалось, поскольку внеблоковый статус будет приносить более значимые выгоды, чем безоговорочное присоединение к одному из блоков. В числе таких выгод — возможность развивать торговлю с обоими блоками, балансируя между ними и привлекая инвестиции от каждого из них, а также усиление договорных позиций в отношениях с блоковыми странами благодаря соперничеству между блоками.

Поскольку прямой трансфер инноваций между блоками будет ограничен, часть переноса инноваций между блоками пойдёт опосредованно и с неизбежными задержками через внеблоковые страны. Это негативно повлияет на темпы роста всей мировой экономики. Но в большей степени от этого пострадают страны китайского блока, где по-прежнему большую роль играет догоняющее развитие, основанное на технологических заимствованиях, а доля экономики на технологическом фронтире меньше, чем в странах противостоящего блока.

Чем глубже зайдёт процесс декаплинга, тем активнее производственные цепочки, трансграничные инвестиции, международная торговля и трансфер инноваций будут замыкаться на внеблоковые развивающиеся страны. Поэтому вполне вероятно, что именно глобальный Юг в целом выиграет от декаплинга, особенно, если он будет глубоким.

Для российского экспорта рынки внеблоковых стран при определённых условиях открывают беспрецедентные перспективы. В частности, это касается благоприятных условий входа новых экспортёров на растущие рынки обрабатывающей продукции развивающихся стран благодаря эффекту «голубого океана» и преобладанию на них конкуренции не по премиальности и технологическому уровню продукции, а по соотношению цена-качество, а также благодаря опережающему росту военных расходов развивающихся стран на фоне широкого распространения очагов напряжённости и локальных конфликтов. Выходить на гораздо более зрелый и насыщенный рынок Китая российским экспортёрам из сферы обрабатывающей промышленности будет несравненно сложнее.

Происходящие изменения потребуют своего рода «ребалансировки» пространства вероятных сценариев российского экспорта. Старые сценарии предстают в новом свете, а новые сценарии открывают ранее недоступные возможности. Три долгосрочных сценария российского экспорта, представленные в данной статье, служат стилизованной иллюстрацией меняющегося пространства возможностей и ограничений, которое открывается для российского экспорта в новых условиях. Впервые в нашей практике сценарного прогнозирования российского экспорта возникает возможность рассмотреть в качестве вероятного, наряду с двумя более привычными сценариями, сценария глубоких структурных изменений российского экспорта в пользу продукции обрабатывающей промышленности.

Долгосрочные тенденции мировой экономики и торговли

Особенности начавшейся деглобализации

Ослабление торгово-экономических связей между странами, входящими в формирующиеся противостоящие блоки — блок развитых стран и блок с участием Китая, — будет сопровождаться не только ростом торговли внутри блоков, но и ещё более быстрым ростом торговых и финансовых потоков обоих блоков в направлении обширной и динамичной группы внеблоковых развивающихся стран, роль которых в мировой экономике и торговле в предстоящий период начнёт стремительно возрастать.

Важнейшим экономическим событием 2023 г. стало неожиданно резкое торможение экономики Китая, к которому ещё в начале года было совершенно не готово большинство аналитиков. Это торможение — отнюдь не кратковременный эпизод. Оно подтолкнуло уже давно назревавший кризис на рынке жилой недвижимости, который к сентябрю 2023 г. перешёл в новую, беспрецедентно острую фазу. Поскольку на сектор недвижимости с сопутствующими видами деятельности приходится порядка 30% китайского ВВП, обвал этого рынка оставит длинный след в будущем экономическом развитии страны. Среди вероятных последствий — затяжная дефляция и глубокое долгосрочное замедление экономического роста даже по сравнению с той траекторией замедления, которая ожидалась несколько месяцев назад.

По прогнозам МВФ, в ближайшую пятилетку темпы роста ВВП Китая окажутся ниже 4%, а к концу 2020-х гг. они могут сократиться до 2–3% в год [IMF, 2023]. Это не позволит достичь декларируемой Си Цзиньпином цели — удвоения экономики Китая к 2035 г. по сравнению с 2020 г. Близкие цифры содержатся и в большинстве других прогнозов, что позволяет говорить о формировании консенсусного мнения. Но при наиболее неблагоприятном развитии событий на рынке недвижимости нельзя исключить и экономического спада в среднесрочной перспективе.

До недавнего времени гигантские эффекты масштаба китайского рынка делали его неизмеримо более привлекательным промышленным хабом для инвесторов, чем любые другие рынки глобального Юга. Но декаплинг и резкое ухудшение перспектив экономического роста в Китае ведут к беспрецедентному усилению роли развивающихся рынков глобального Юга: Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. Большинство этих стран не будет участвовать ни в одном из противостоящих блоков.

По нашим оценкам, в период до 2036 г. на эти рынки придёт порядка 35% прироста мирового ВВП — немногим меньше, чем вклад развитых стран, но в полтора раза больше, чем вклад Китая (рис. 1). Также на них придёт основная часть прироста мировой торговли и практически весь прирост населения, в том числе экономически активного. Только в этих странах мира остаются предпосылки для продолжения ускоренной индустриализации и урбанизации. Устойчиво высокие темпы экономического роста в обозримой перспективе возможны почти исключительно в этой группе стран.

На полюсах противостоящих блоков будут сосредоточены страны с потенциально низким или замедляющимся, как в Китае, экономическим ростом, а также снижающейся или стагнирующей численностью трудоспособного населения (исключение в блоке развитых стран составляет лишь США). При этом их экономический рост в большей мере, чем рост внеблоковых стран, пострадает от последствий глубокого декаплинга.

Внеблоковые развивающиеся страны в меньшей степени проигрывают от декаплинга, чем противостоящие блоки. Чем глубже зайдет процесс декаплинга, тем активнее производственные цепочки, трансграничные инвестиции и международная торговля будут замыкаться на внеблоковые развивающиеся страны. В ходе межблокового декаплинга страны, принадлежащие к противостоящим блокам, будут предъявлять растущий спрос на

промышленную продукцию и первичные ресурсы из внеблоковых стран, что даст последним дополнительный импульс экономического роста. Также на внеблоковые страны станут все больше замыкаться производственные цепочки из развитых стран, что усилит приток инвестиций из обоих блоков.

Прямой трансфер инноваций между блоками тоже будет ограничен, а часть его опосредованно пойдет через внеблоковые страны. Чем глубже зайдет процесс декаплинга, тем активнее производственные цепочки, трансграничные инвестиции, международная торговля и распространение инноваций будут замыкаться на внеблоковые развивающиеся страны. Поэтому вполне вероятно, что именно глобальный Юг в целом выиграет от декаплинга, особенно, если он будет глубоким.

Но окно возможностей для ускоренного экономического роста глобального Юга не безгранично. Наиболее благоприятные перспективы для большинства стран Южной Азии и Африки открываются в ближайшие два десятилетия, пока в них сохраняется потенциал роста экономически активного населения, ускоренной урбанизации и индустриализации. За пределами этого горизонта рост экономически активного населения замедлится. Это произойдет даже в странах Африки, где уже сейчас наметилось быстрое снижение рождаемости. Возможности быстрой урбанизации и индустриализации тоже начнут сужаться, а во многих странах они будут близки к исчерпанию. Менее благоприятными станут и условия выхода экспортёров на рынки готовой продукции внеблоковых стран: динамизм этих рынков будет слабеть, а конкуренция на них усилится.

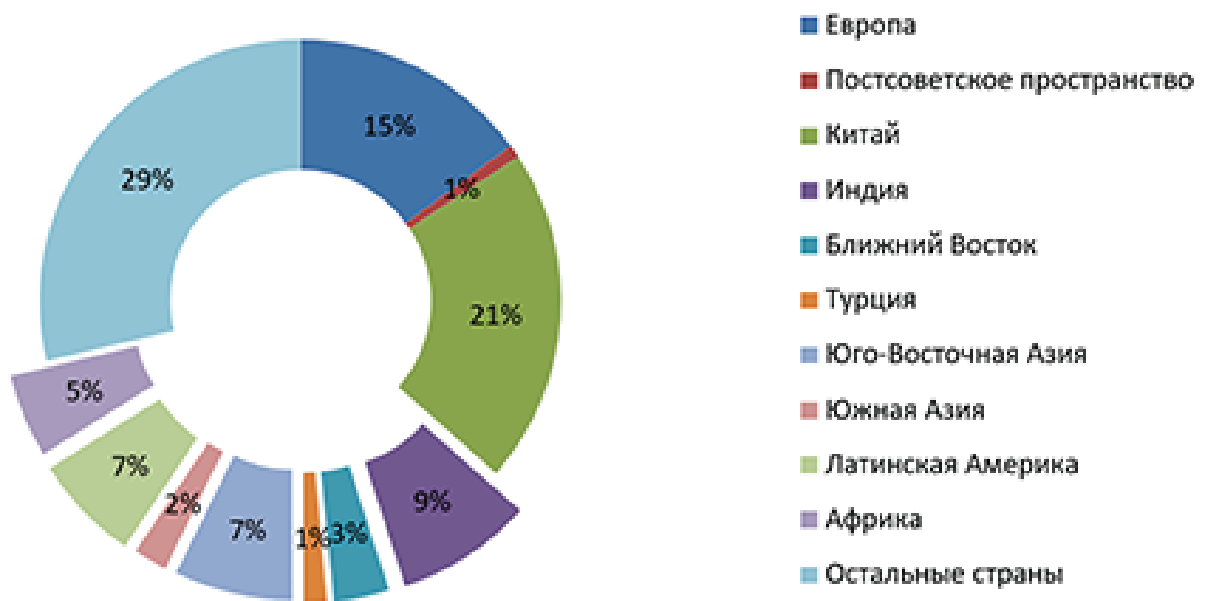

Рис. 1. Прогнозные доли основных макрорегионов в приросте мирового ВВП, накопленном за период до 2036 г. Источник: расчёты ЦЭИ и ХП НЭР.

Мы рассматриваем два возможных сценария реконфигурации мировых торгово-экономических связей, определяющей характеристикой которых служит глубина межблокового декаплинга.

Сценарии декаплинга

Сценарий *мягкого декаплинга* предполагает избирательное ослабление экономических связей между двумя блоками, которое затронет прежде всего высокие технологии, продукцию военного и двойного назначения, информационный и телекоммуникационный сектор и поставки критического сырья и компонентов. Такое развитие событий будет возможно в случае, если в конфликте между Китаем и США не начнётся военного обострения.

В данном сценарии США и Китай учатся сосуществовать, принимая во внимание нежелательность материализации многочисленных рисков, связанных с острым противостоянием. Глубокое разграничение международных производственных цепочек, замкнутых на противостоящие блоки, будет происходить весьма избирательно. Для мировой экономики базовый сценарий окажется менее болезненным, поскольку свёртывание экономических связей между крупнейшими экономиками мира будет происходить в замедленном, «щадящем» режиме. На практике пока реализуется именно этот вариант декаплинга.

Многие сложившиеся производственные цепочки очень сложны, что способствует их поверхностной и довольно формальной трансформации и сильно сдерживает реальный декаплинг. Перенос производственных цепочек из Китая пока выглядит скорее имитационным. В качестве примера простейшей формы имитации можно привести простой релэй-блинг китайской продукции во Вьетнаме и других странах, зачастую на предприятиях, контролируемых китайским капиталом, после чего товары экспортируются из этих стран на развитые рынки. Более сложный вариант — реальный перенос из Китая финальных стадий производства готовой продукции, который, однако, ведёт к росту импорта китайских промежуточных товаров. Например, так происходит развитие сборочных производств в Мексике с высокой долей китайских комплектующих.

Сценарий *глубокого декаплинга* предполагает эскалацию геополитического и военного противостояния США и Китая вокруг Тайваня с ужесточением взаимных санкций. В этом случае можно ожидать более радикального обособления трансграничных производственно-логистических цепочек по блоковому принципу. Критически важные и стратегические звенья производственных цепочек будут втягиваться внутрь каждого из блоков (*friendshoring*) и/или переноситься во внеблоковые страны, роль которых возрастёт. При этом даже внутри внеблоковых стран может происходить глубокое разграничение цепочек, в рамках которого станут возникать дублирующие вертикали поставок и поставщики, ориентированные только на один из противостоящих блоков. В свою очередь, это позволит внеблоковым странам привлекать большие объёмы инвестиций от каждого из блоков.

Формирование геополитических блоков уже привело к изменению географии прямых инвестиций. МВФ отмечает снижение доли Китая в прямых инвестициях практически во всех рассмотренных макрорегионах. При этом произошло и резкое снижение доли иностранных инвестиций в экономику Китая. Единственный регион, доля инвестиций из которого на китайском рынке возросла, — развивающиеся страны Европы (отчасти за счёт инвестиций из России). В этих условиях Китаю придётся опираться прежде всего на внутренние прямые инвестиции, что уже в среднесрочной перспективе может стать дополнительным сдерживающим фактором экономического развития — не столько из-за нехватки внутренних сбережений (они по-прежнему очень высоки), сколько из-за сужения доступа к передовым технологиям, который ранее обеспечивали прямые инвестиции из развитых стран. Также это может означать и сужение возможностей Китая осуществлять масштабные внешние инвестиции из-за ухудшения платёжного баланса, вызванного одновременным сокращением торгового профицита и притока иностранных инвестиций.

В силу взаимных межблоковых санкций и усиления контроля за экспортом передовых технологий перенос инноваций напрямую между блоками ограничится и замедлится. Но в распространении инноваций возрастёт роль внеблоковых стран. Через них частично пойдёт диффузия инноваций между блоками. Неизбежное замедление распространения инноваций негативно повлияет на темпы роста всей мировой экономики. Но в большей степени от этого пострадают страны китайского блока, где по-прежнему большую роль играет фактор догоняющего развития, основанного на технологических заимствованиях, а доля экономики на технологическом фронтире меньше, чем в блоке развитых стран.

Экономическая цена, которую придётся заплатить мировой экономике за глубокий декаплинг, будет очень высокой. Он приведёт к росту издержек, снижению эффектов

масштаба, уменьшению отдачи от инвестиций, замедлению распространения инноваций и снижению отдачи от них, ограничению конкуренции и ухудшению качества продукции. Будут формироваться избыточные запасы сырья, материалов, энергоресурсов и продовольствия, рассчитанные на обострение межблоковых конфликтов. Противостоящие стороны начнут предпринимать масштабные действия, не оптимальные с чисто экономической точки зрения. В итоге это приведёт к падению эффективности мировой экономики, замедлению долгосрочных темпов экономического роста и инфляции издержек.

Но баланс издержек и выгод от декаплинга будет распределяться неравномерно. Основное бремя издержек ляжет на противостоящие блоки, в то время как внеблоковые страны в целом получают от декаплинга значительные преимущества.

По оценке МВФ [IMF, 2023], жёсткое разграничение двух блоков в долгосрочной перспективе приведёт к снижению накопленного роста мирового ВВП на 2 процентных пункта (п.п.) относительно сценария отсутствия фрагментации. Наибольшее замедление произойдёт за счет потенциально попадающих в китайский блок стран Юго-Восточной Азии (снижение накопленного прироста ВВП на 6–7 п.п.), входящих в китайский блок стран остального мира, куда включена и Россия (снижение накопленного прироста ВВП на 4–5 п.п.), и в меньшей степени самого Китая (снижение накопленного прироста ВВП на 2–2,5 п.п.). Согласно МВФ, в выигрыше в сценарии распада на два геополитических блока окажутся только внеблоковые страны, такие как Индия и Индонезия, которые при определённых условиях смогут аккумулировать даже больше инвестиционных ресурсов, чем в сценарии отсутствия фрагментации.

Впрочем, этот сценарий МВФ может оказаться преувеличенным в плане количества развивающихся стран, вовлечённых в противостоящие блоки. Большинство развивающихся стран получают дополнительные преимущества от сохранения геополитического нейтралитета. Их экономические интересы будут подталкивать их к сотрудничеству с обоими блоками, поскольку это позволяет рассчитывать на доступ к инвестициям, экспортным рынкам и технологиям из обоих блоков, вес которых в мировой экономике различается не слишком сильно. Также они смогут использовать противоречия и конкуренцию между блоками в своих интересах, добиваясь более выгодных для себя условий экономического взаимодействия.

США будут стремиться с помощью внеблоковых развивающихся стран замещать продукцию обрабатывающей промышленности Китая. Тем более что Китай всё больше утрачивает преимущество дешёвой рабочей силы, которое в прошлом позволяло ему играть роль «сборочного цеха» для развитых стран и привлекать иностранные инвестиции в трудоинтенсивные промышленные производства.

Для Китая сотрудничество с внеблоковыми странами представляет интерес с точки зрения переноса туда производств, которые неэффективно сохранять внутри страны, а также экспортных производств, ориентированных на страны противостоящего блока. Также внеблоковые страны будут интересны Китаю с точки зрения опосредованного доступа к передовым технологиям и инновациям из развитых стран, прямой доступ к которым в Китай окажется тем сложнее, чем более острым будет военно-политическое противостояние Китая и США.

В этом сценарии, ещё больше, чем в сценарии мягкого декаплинга, растёт вероятность существенного торможения глобального энергоперехода, в том числе в связи с тем, что ещё более затруднится глобальная координация, необходимая для внедрения мер принуждения к энергопереходу, таких как, например, трансграничные углеродные платежи и новые топливные стандарты на авиационном транспорте. Однако и возможность ускорения энергоперехода полностью не исключается. Оно может произойти, например, под давлением более быстрого, чем ожидалось, нарастания интенсивности катастрофических событий, связанных с изменением климата. Это сохраняет даже при глубоком декаплинге дополнительную раз-

вилку для перспектив российского экспорта — поддержание повышенного спроса на российские энергоносители в случае торможения энергоперехода и, наоборот, резкое падение спроса на них, особенно в случае сочетания активного энергоперехода с негативными для глобального экономического роста последствиями глубокого декарпинга.

Независимо от глубины декарпинга наиболее перспективным, наряду с Китаем, направлением увеличения российского экспорта как традиционного, так и несырьевого служат внеблоковые страны. С географической точки зрения подавляющее большинство этих стран не имеет сухопутной границы с Россией. Это предполагает рост логистических издержек, ограничивающий конкурентоспособность грузоёмких товаров с высокой долей транспортно-логистических издержек в себестоимости. Но для большинства товаров обрабатывающей промышленности увеличение транспортно-логистических издержек не является критическим фактором. Также транспортно-логистические издержки слабо влияют на экспорт зерна, удобрений и цветных металлов.

Структурные сдвиги в мировой торговле

Ни одна из внеблоковых развивающихся стран, ни даже целые географические регионы, к которым они принадлежат, не смогут превратиться в универсального производителя промышленных товаров, чтобы повторить ход индустриального развития Китая, который сумел стать «фабрикой мира». Глобальный Юг слишком фрагментирован, чтобы образовать единый внутренний рынок, сопоставимый с китайским. Промышленное развитие в отдельных странах и даже регионах будет, хотя и быстрым, но более узко сфокусированным, а промышленный экспорт — гораздо менее диверсифицированным, чем в Китае. Даже Индия, несмотря на сопоставимую с Китаем численность населения, не сможет в обозримой перспективе приблизиться к Китаю по степени диверсификации промышленного производства и экспорта.

Поэтому в ходе своего развития внеблоковые страны станут предъявлять растущий спрос на широкий спектр импортных товаров и торгуемых услуг, которые они не будут производить для внутреннего потребления и на экспорт в достаточных объёмах. В результате опережающими темпами начнёт расти как импорт в эти страны из противостоящих блоков, так и их торговля между собой. По нашим оценкам, на долю внеблоковых развивающихся стран придёт до 75% накопленного к 2036 г. прироста мирового импорта (рис. 2).

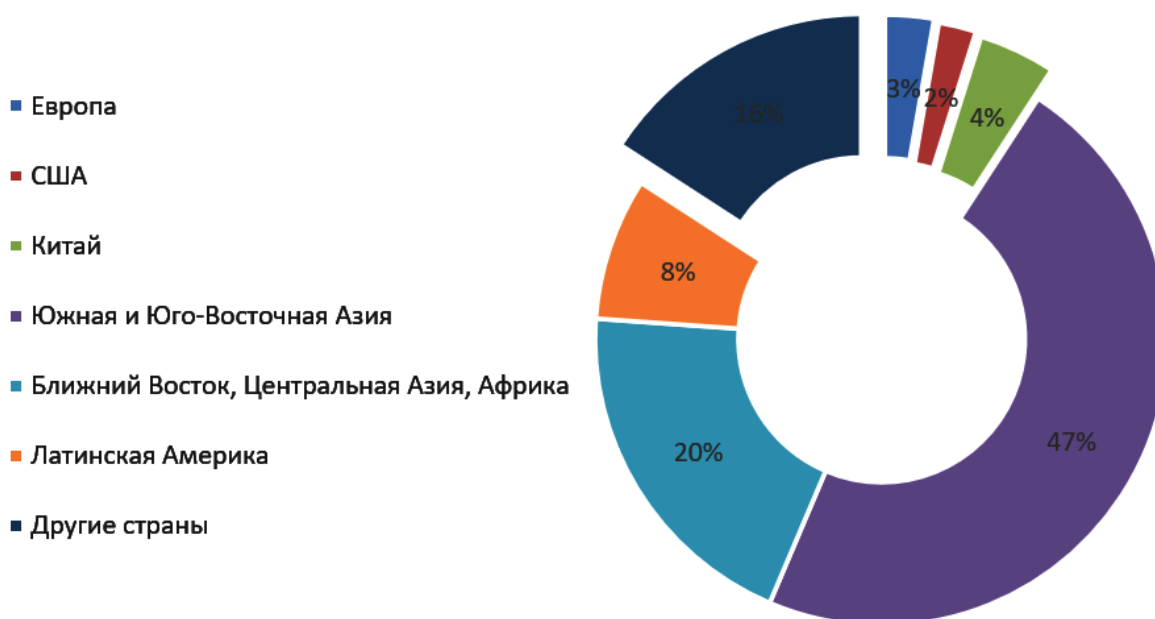

Рис. 2. Прогнозная структура накопленного прироста импорта в мировой экономике за период до 2036 г.

Источник: расчёты ХП НЭР и ЦЭИ.

С учётом быстрого роста внутреннего рынка внеблоковых стран и их растущей потребности в импорте, возникает эффект «голубого океана», когда для экспортёров открываются обширные, ранее никем не занятые рынки, на которых все поставщики товаров и услуг оказываются в более или менее равном положении для входа. Несырьевые экспортёры из России, которые до сих пор были слабо представлены на этих рынках, получают дополнительные преимущества, поскольку их возможности входа на открывающиеся рынки глобального Юга во многом уравниваются с прежними поставщиками. Выходить на гораздо более зрелый и насыщенный рынок Китая российским экспортёрам продукции обрабатывающей промышленности будет несравненно сложнее. Особенно большое значение открывающиеся преимущества входа на рынки глобального Юга будут иметь для третьего из рассматриваемых нами долгосрочных сценариев российского экспорта — сценария экспортной диверсификации.

Учитывая сравнительно невысокий стартовый уровень технологического развития и ограниченную покупательную способность населения большинства внеблоковых развивающихся стран, основной спрос на их рынках будет возникать не в премиальном сегменте и не вблизи технологического фронта, а на продукцию среднего технологического уровня и среднего качества. Значительная часть несырьевой продукции, производимой в России, будет относиться именно к этому сегменту, что даёт России дополнительные преимущества. Конкуренция в этом сегменте будет идти преимущественно по соотношению цена-качество. В рассматриваемом нами сценарии экспортной диверсификации поддержание Россией ценовой конкурентоспособности широкого спектра экспортируемой продукции обрабатывающей промышленности представляется вполне достижимым благодаря снижению реального эффективного курса рубля. Также внеблоковые развивающиеся страны будут импортировать растущие объёмы продовольствия, удобрений, энергоносителей и других первичных ресурсов, на экспорте которых специализируется Россия.

Ещё одним частным проявлением формирования обширной зоны внеблоковых государств станет их растущий спрос на обеспечение безопасности. Внутри геополитических блоков расходы на вооружения и торговля оружием будут расти, прежде всего, в силу обострившегося противостояния между блоками. Но рост военных расходов и импорт вооружений может ещё более ускориться во внеблоковых странах, хотя и по несколько другим причинам. В многополярном геополитическом пространстве будет расти число локальных очагов международной напряжённости и зон вооружённых конфликтов, в которые станут втягиваться многие внеблоковые государства, но в которые далеко не всегда захотят напрямую вмешиваться противостоящие блоки. Отстаивать свои интересы в таких конфликтах внеблоковые страны вынуждены будут самостоятельно, полагаясь на собственные силы, что подтолкнёт их к увеличению военных расходов. Большинство из внеблоковых стран не являются значимыми производителями вооружений и будут нуждаться в их импорте. Основными поставщиками вооружений останутся страны, принадлежащие к противостоящим блокам. Быстрые темпы экономического роста будут давать внеблоковым странам дополнительные ресурсы для импорта вооружений. Ожидается, что военные расходы преимущественно внеблоковых развивающихся стран с 2022–2036 гг. могут вырасти в 1,5 раза — с 426,3 до 636 млрд долл. (рис. 3), причём эти оценки, с учётом отмеченных выше особенностей предстоящего периода, можно рассматривать как заниженные.

В то же время окно возможностей для ускоренного экономического роста глобального Юга также не безгранично. Наиболее благоприятные возможности для большинства стран Южной Азии и Африки открываются в ближайшие два десятилетия, пока в них сохраняется потенциал роста экономически активного населения, ускоренной урбанизации и индустриализации. За пределами этого горизонта рост экономически активного населения замедлится или прекратится. Это произойдет даже в странах Африки, где уже сейчас наметилось быстрое снижение рождаемости. Возможности быстрой урбанизации и индустриализации тоже начнут сужаться, и во многих странах они окажутся близкими

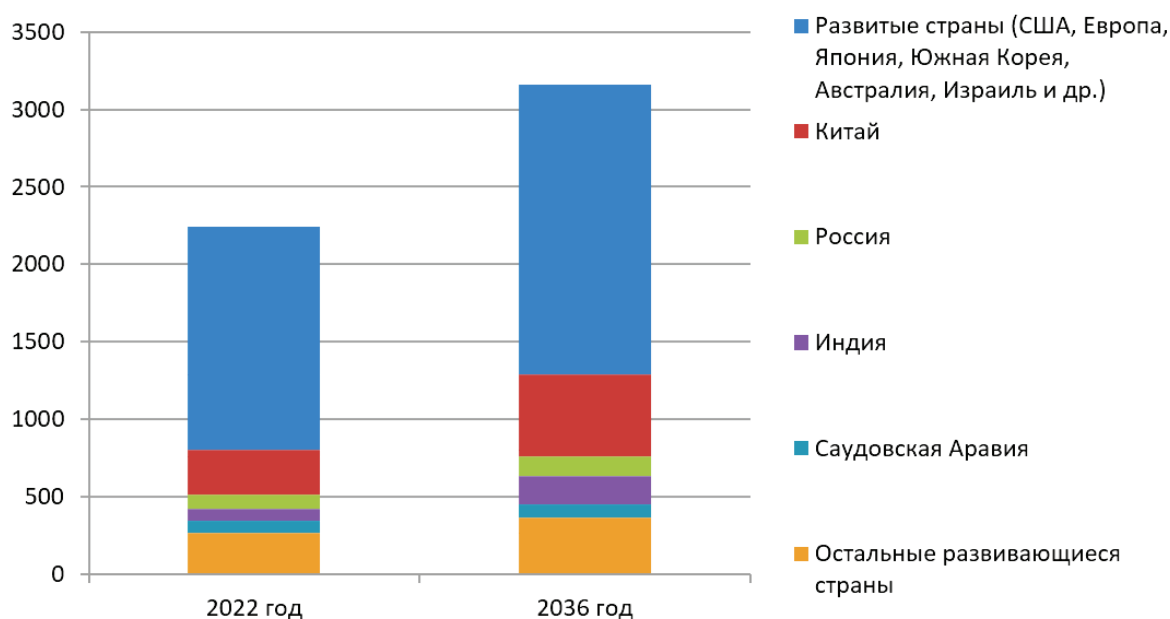

Рис. 3. Прогноз военных расходов по макрорегионам (расчёты ХП НЭР и ЦЭИ; использованы данные Стокгольмского института изучения мира, института LOWY)

Источник: LOWY Institute, 2023. Military Expenditure Forecast 2030. <https://power.lowyinstitute.org/data/future-resources/defence-resources-2030/military-expenditure-forecast-2030/>

к исчерпанию (подробнее см.: [MGI, 2023]). Первоначальный импульс от частичного переключения межблоковых торговых потоков и инвестиций на страны глобального Юга также со временем себя исчерпает. Менее благоприятными станут и условия выхода на рынки готовой продукции внеблоковых стран: их динамизм будет слабеть, а конкуренция на них усилится. Поэтому благоприятные перспективы для ускоренного экономического роста стран глобального Юга пока просматриваются лишь на горизонте ближайших полутора-двух десятилетий.

Таким образом, именно в ближайшие полтора-два десятилетия ожидается наиболее благоприятная конъюнктура для входа российских экспортёров продукции обрабатывающих производств и торгуемых услуг на рынки внеблоковых развивающихся стран. Но если российские экспортёры в этот период не смогут воспользоваться ею, то наиболее подходящий момент для входа будет упущен. Вновь возникшие рыночные ниши будут заняты экспортёрами из других стран, рост рынков замедлится, и последующий выход на эти рынки начнёт происходить в условиях более жесткой конкуренции и дополнительных барьеров входа.

По этой причине в наших сценарных развилках развития экспорта появляется ещё один оценочный параметр: своевременность выхода российских экспортёров продукции обрабатывающей промышленности на растущие рынки внеблоковых развивающихся стран. От этого может сильно зависеть успешность несырьевой диверсификации российского экспорта.

Пока что структурная адаптация российского экспорта к условиям обостряющихся конфликтов выразилась прежде всего в том, что физические объёмы экспорта нефти и угля в значительной степени удалось перенаправить с развитых европейских рынков на рынки развивающихся стран (прежде всего Китая, Индии и Турции), но со значительным ущербом для рентабельности поставок под воздействием дисконтного ценообразования, потолка цен на экспорт нефти и нефтепродуктов и удорожания логистики. В случае с газом даже переключение физических объёмов экспорта затрудняется ввиду отсутствия необходимой инфраструктуры в восточном направлении (нехватка трубопроводной сети, терминалов для СПГ). При этом страны Евросоюза по-прежнему остаются крупнейшими импортёрами российского газа.

Ускорившееся торможение экономики Китая означает, что первоначальные оценки возможности относительно плавного замещения Европы Китаем в качестве нового ключевого потребителя российских энергоресурсов в рамках совместного геополитического блока оказались не вполне реалистичными. Китай, по крайней мере на текущий момент, не демонстрирует преференциального подхода к импорту российских товаров. Например, в 2023 г., после смены правительства Австралии, в Китае был снят неформальный запрет на импорт австралийского угля, и уже в апреле его поставки превысили российские [Reuters, 2023]. Наряду с диверсификацией импортных поставок энергоресурсов из разных стран мира (включая такие страны, как Австралия, явно относящиеся к противостоящему геополитическому блоку), Китай может быть заинтересован в укреплении своей монополии по отношению к поставкам из России, что может ослаблять её переговорные позиции. Остаётся не до конца ясной и позиция Китая относительно готовности к масштабным инвестициям в развитие инфраструктуры, которая бы позволила наращивать поставки нефти и газа из России.

Но отмеченные проблемы не отменяют целесообразности и перспективности наращивания российского экспорта в Китай. Более того, у российского экспорта на китайском направлении открываются и новые возможности. В качестве примера можно привести потенциальную роль российского экспорта в обеспечении продовольственной безопасности Китая. В настоящее время в Китае энергично реализуется политика импортозамещения в сельском хозяйстве, направленная на снижение уровня импортной зависимости по базовым зерновым и бобовым культурам, которая была близка к 25% от общих объёмов их потребления. Стратегической проблемой Китая является зависимость от импорта из США: Китай — крупнейший в мире потребитель сельскохозяйственной продукции из США. В свою очередь, США — второй после Бразилии производитель сои. На Бразилию и США приходится более $\frac{2}{3}$ мирового производства сои, а Китай является крупнейшим в мире её импортёром, закупая 60% мирового экспорта сои. [Tortajada, Zhang, 2023]. Более безопасной альтернативой американскому и бразильскому импорту могут служить поставки сои из дальневосточных регионов России, которые не предполагают морских перевозок, как в случае Бразилии. Дальневосточные регионы России имеют благоприятные агроклиматические условия для выращивания сои. Перспектива развития её производства на Дальнем Востоке, в том числе при участии китайских инвесторов, с доведением объёмов экспорта сои и зерновых из России в Китай до 60 млн т в долгосрочном плане представляется реализуемой.

Долгосрочные сценарии российского экспорта

Для количественного анализа и прогнозирования тенденций внешнеэкономической деятельности в научной литературе используется разнообразный набор инструментов. Одним из классических подходов являются гравитационные модели, которые оценивают потенциал торговли между странами и регионами с учётом размеров их экономик и географической удалённости друг от друга [Ускова, Асанович, Дедков, Селименков, 2010; Ткалич, 2017]. В последнее время всё шире используются вычислительные модели общего равновесия — CGE-модели [Tarr, 2016; Spartak, 2021]. Для прогнозирования в ситуации, когда не предвидится кардинальных изменений условий внешней торговли по сравнению с ретроспективными рядами данных, могут быть применены модели авторегрессии и многофакторные регрессионные уравнения [Го, 2019; Зайчикова, Федоренко, 2017]. Для оценки потенциала диверсификации товарной структуры экспорта в последние годы активно применяется метод Хаусманна-Клингера, который позволяет оценить вероятность перехода странового экспорта от существующих товарных групп к другим, сходным с ними по условиям производства и сбыта [Hausmann, Klinger, 2006; Hausmann, Klinger, 2007; Волчкова, Кузнецова, Турдыев, 2016]. Также этот подход позволяет оценивать потенциал изменения

структуры экспорта в пользу продукции более высокого технологического уровня и сложности [Hausmann, Hwang, Rodrik, 2007; Ferrantino, Portugal-Perez, Schmidt, 2015].

Наш сценарный подход к долгосрочному анализу тенденций экспорта существенно отличается от перечисленных количественных инструментов как по целям исследования, так и по ожидаемым результатам. Главной целью нашего долгосрочного анализа служит изучение возможных долгосрочных последствий для российского экспорта значимых внеэкономических событий глобального и регионального уровня, которые способны кардинально изменить условия внешней торговли, её географию, динамику и структуру. Речь прежде всего идёт о процессе декаплинга, который является относительно новым для мировой экономики явлением, способным оказать сильное долгосрочное влияние на структуру и географию мировой торговли, а также о процессе глобального энергоперехода, который пока находится в относительно ранней стадии, но будет иметь колоссальные последствия для мировых рынков энергоносителей, минерального сырья и многих трансграничных производственных цепочек.

Прогнозировать долгосрочный ход декаплинга и глобального энергоперехода с помощью формальных количественных инструментов представляется весьма затруднительным, поскольку их развитие определяется прежде всего будущим потоком непредсказуемых политических решений. Поэтому мы используем теоретически допустимые варианты развития декаплинга и глобального энергоперехода в качестве экзогенных триггеров для формулирования альтернативных сценариев российского экспорта. Для каждого из таких сценариев мы оцениваем потенциальный объём спроса на различные товары российского экспорта, исходя из нашего детального анализа потенциальной ёмкости целевых рынков, который включает прогнозные глобальные балансы основных товаров российского энергосырьевого экспорта. Кроме того, учитываются и продиктованные логикой каждого сценария предположительные политические решения ключевых торговых партнёров, создающие новые возможности для российского экспорта либо, напротив, ограничивающие его. Применение этих подходов базируется на нашем многолетнем практическом опыте долгосрочного сценарного прогнозирования объёмов экспортных грузов в рамках научно-исследовательских проектов по заказам ОАО «РЖД».

В силу особенностей нашей сценарной методологии, которая сочетает в себе элементы качественного и количественного анализа с разнообразными экспертными дооценками и предположениями, результаты нашей работы в строгом смысле нельзя рассматривать как количественные прогнозы. На деле они представляют собой стилизованные сценарии, которые скорее иллюстрируют вероятную внутреннюю логику развития событий в случае реализации ключевых сценарных развилок в области декаплинга и энергоперехода, чем предсказывают количественные последствия для экспорта.

В совокупности рассматриваемые сценарии, хотя и весьма условно, обозначают границы наиболее вероятного поля возможностей развития российского экспорта в зависимости от глубины декаплинга и энергоперехода. Количественные параметры сценариев откалиброваны с учётом сделанных нами долгосрочных сценарных прогнозов мировой экономики, глобальных прогнозных балансов для основных товарных групп российского экспорта и предполагаемых изменений спроса на российские товары на ключевых региональных рынках в зависимости от хода декаплинга энергоперехода и возможных решений стран-импортёров.

Мы рассматриваем три сценария развития российского экспорта, которые в сложившихся условиях представляются несколько более вероятными, чем другие возможные сценарии. Только один из трёх наших сценариев (условно «инерционный») реализуется в условиях мягкого декаплинга, а два других (условно «оптимистический» и сценарий «экспортной диверсификации») — в условиях глубокого декаплинга. Это отнюдь не означает, что иные сценарии в условиях мягкого декаплинга в принципе отсутствуют. Но избранный подход, по-нашему мнению, наилучшим образом подходит для обозначения потенциального пространства возможностей развития экспорта.

Инерционный сценарий

Данный сценарий мы называем инерционным весьма условно — прежде всего потому, что таковой в нём выглядит динамика российского экспорта. Его реализация предполагает, что процессы мягкого декаплинга будут сопровождаться существенным и достаточно протяжённым замедлением глобального энергоперехода. Это будет поддерживать спрос на российские энергоресурсы.

Но структура экспорта в данном сценарии всё же претерпевает изменения (рис. 4). В частности, остаётся вероятным некоторое снижение физических объёмов российского экспорта энергоресурсов. Экспорт угля будет снижаться в связи с ожидаемой негативной рыночной динамикой в главных странах-импортёрах (Китай, Индия, Южная Корея). В случае с нефтью долгосрочное негативное влияние будет оказывать сочетание факторов, связанных с ограничениями доступа к технологиям её добычи и транспортировки, а также постепенный выход на плато мирового потребления. По газу ограничивающим фактором станет дефицит инфраструктуры, необходимой для перенаправления поставок с европейского на азиатское направление.

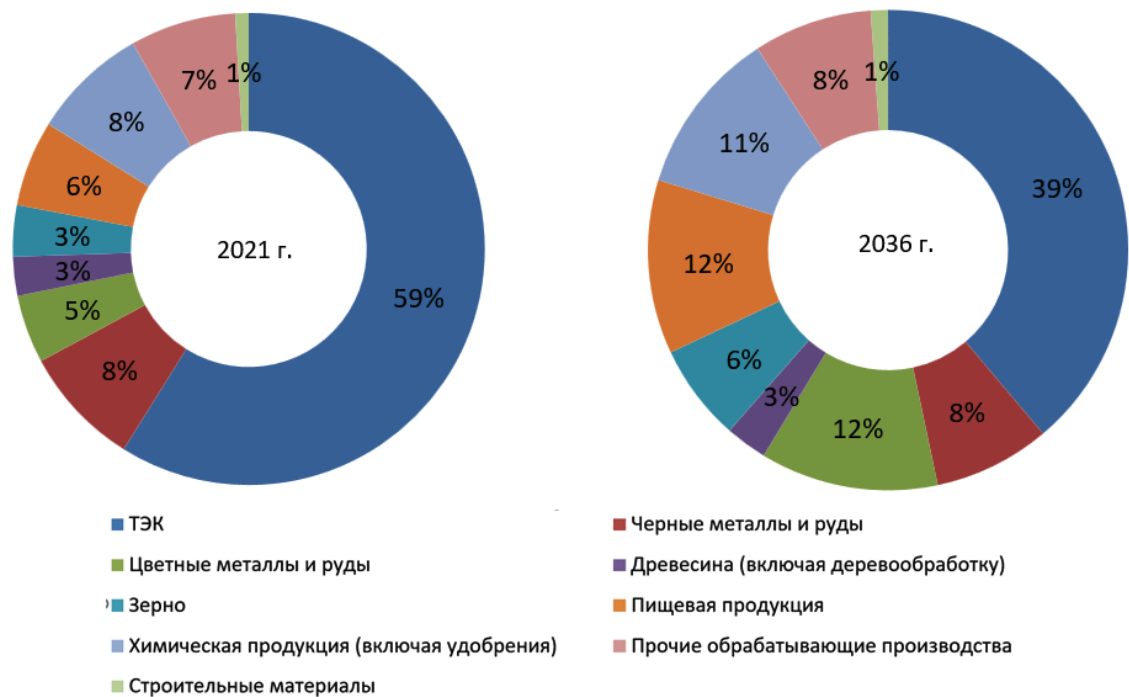

Рис. 4. Структура российского экспорта в инерционном сценарии по укрупнённым товарным группам в 2021 и 2036 гг. *Источник:* расчёты ХП НЭР и ЦЭИ.

Для российской экономики инерционный сценарий не является особенно благоприятным, поскольку стагнирующий или медленно растущий экспорт не внесёт значительного дополнительного вклада в экономический рост. Также в этом сценарии не ожидается существенной диверсификации российского экспорта в сторону обрабатывающих производств, хотя по некоторым группам товаров обрабатывающей промышленности рост вполне возможен. На фоне уменьшения доли продукции ТЭК в структуре экспорта в инерционном сценарии будет происходить увеличение доли продукции АПК (зерно, переработанная продукция) и продукции отраслей промышленности, ориентированных на имеющуюся сырьевую базу (цветные металлы, удобрения). Более быстрое наращивание экспорта продукции обрабатывающей промышленности, как, впрочем, и импортозамещение, будет сдерживаться относительно высоким реальным эффективным курсом рубля, характерным для стран — экспортёров сырья, что станет ограничивать ценовую конкурентоспособность в большинстве сегментов обрабатывающей промышленности (рис. 4, 5).

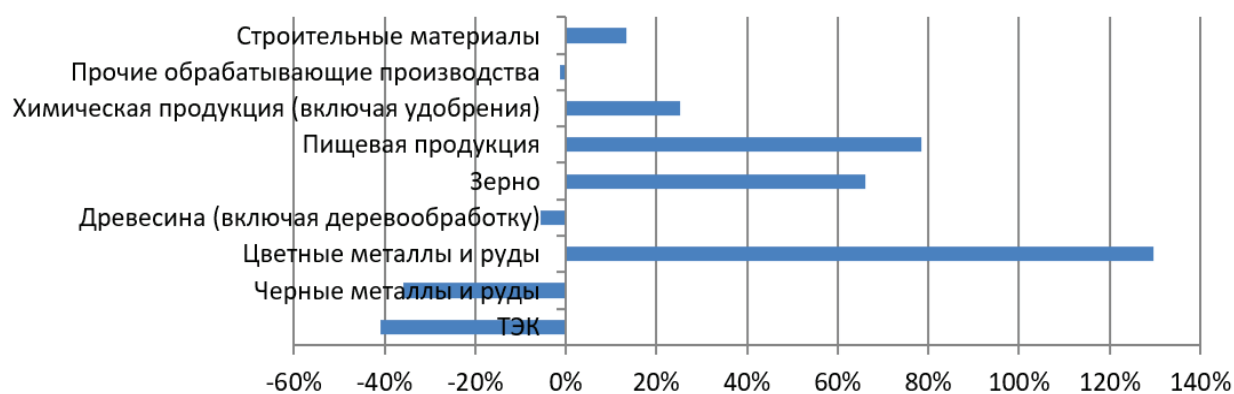

Рис. 5. Стоимостная динамика экспорта в инерционном сценарии по укрупнённым товарным группам в 2021–2036 гг.
Источник: расчёты ХП НЭР и ЦЭИ.

Оптимистический сценарий

В качестве оптимистического мы рассматриваем сценарий замедленного глобального энергоперехода в условиях глубокого декаплинга. Определение «оптимистический» применительно к данному сценарию достаточно условно. Оно означает лишь, что на рассматриваемом горизонте сохраняются благоприятные условия для энергосырьевого экспорта, который в таком случае сможет вносить положительный вклад в рост ВВП. Но отсутствие в этом сценарии предпосылок для несырьевой диверсификации экспорта означает, что начало структурной перестройки экономики и экспорта в направлении обрабатывающих производств попросту откладывается за пределы рассматриваемого прогнозного горизонта. По этой причине оптимистический сценарий, как, впрочем, и сценарий инерционный, можно рассматривать как сценарии упущенных возможностей опережающей несырьевой диверсификации экспорта. Эти возможности открываются уже в текущем десятилетии благодаря опережающему росту несырьевого импорта внеблоковых стран и облегчённых условий для входа российских несырьевых экспортёров на эти рынки, но через полтора-два десятилетия окно возможностей может закрыться.

Поскольку глобальный энергопереход в обоих рассмотренных сценариях не отменяется, а лишь откладывается на более поздний срок, то его потенциальные последствия для российской экономики, в том числе и негативные, тоже переносятся за горизонт рассматриваемого сценария. Тогда возможности входа российских несырьевых экспортёров на рынки развивающихся стран будут уже не такими благоприятными, как в ближайшие полтора десятилетия. Однако в пределах нашего сценарного горизонта влияние экспорта на экономический рост в оптимистическом сценарии в целом остаётся позитивным.

Основные предпосылки, лежащие в основе данного сценария, заключаются в том, что обострение военно-политического противостояния Китая и США вокруг Тайваня вынудит Китай в кратчайшие сроки минимизировать ресурсную зависимость не только от поставок ресурсов из блока развитых стран (в первую очередь из Австралии и США), но и от морских поставок из внеблоковых стран, в том числе из Латинской Америки и с Ближнего Востока. Россия в такой ситуации выступает наиболее безопасным и надёжным поставщиком, способным обеспечить доставку сухопутными маршрутами. Поэтому она сможет заполнить значительную часть необеспеченного энергосырьевого спроса на китайском рынке. Также в оптимистическом сценарии рассматривается возможность наращивания экспорта продукции АПК, прежде всего за счёт освоения гигантского по масштабам китайского продовольственного рынка, который тоже будет переключаться на более надёжных поставщиков. Также в данном сценарии не предполагается быстрой деэскалации конфликта вокруг Тайваня, что сохраняет за Россией открывшиеся рынки на длительный срок.

Кроме того, у России в этом сценарии сохраняются значительные возможности для экспорта ресурсов во внеблоковые страны. Отложенный энергопереход означает, что спрос на углеводородные энергоресурсы с их стороны сохранится надолго.

В оптимистическом сценарии можно ожидать первоначального восстановительного роста российского энергосырьевого экспорта и его последующей стабилизации на сравнительно высоком уровне до конца прогнозного периода. При этом сохраняется высокий риск ускоренного сокращения энергосырьевого экспорта за пределами прогнозного горизонта по мере активизации отложенного энергоперехода. Растущая энергосырьевая рента позволит повысить рост ВВП по сравнению с инерционным сценарием, но без существенных структурных изменений в экспорте (рис. 6, 7) и в экономике в целом.

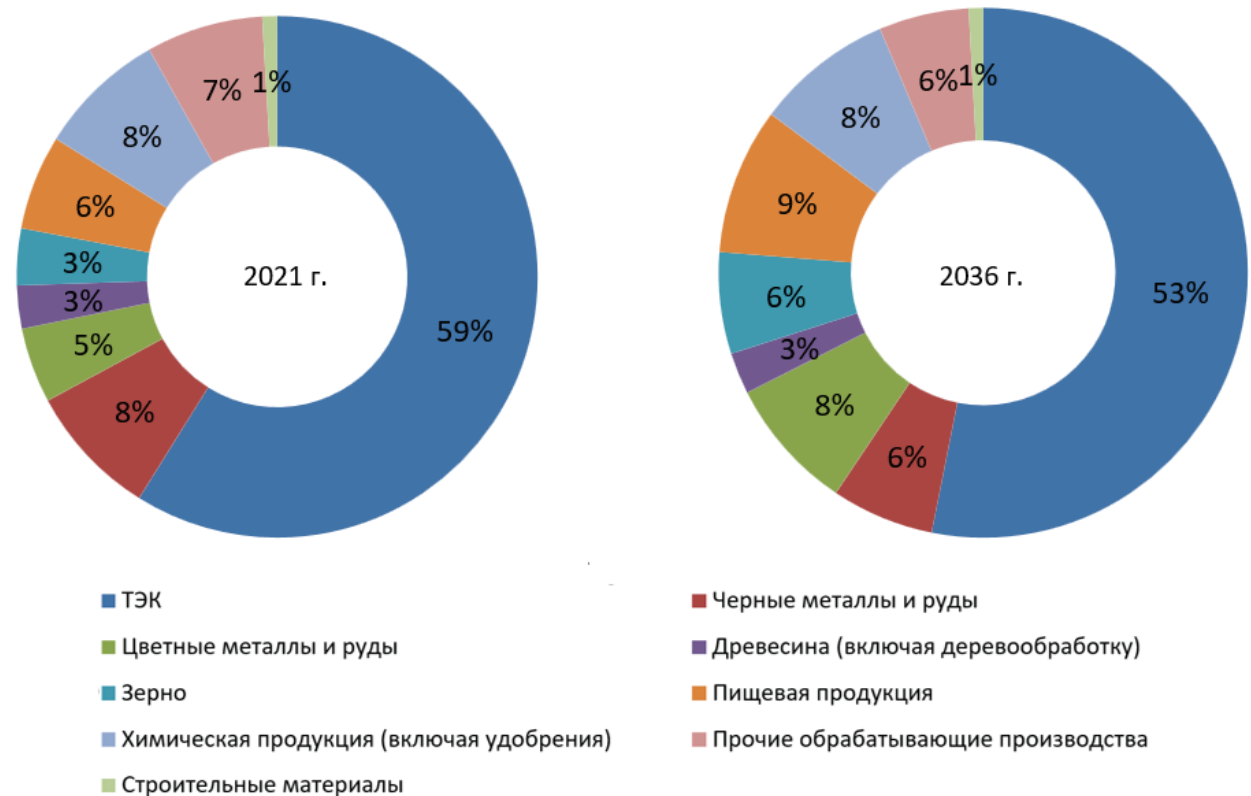

Рис. 6. Структура российского экспорта в оптимистическом сценарии по укрупнённым товарным группам в 2021 и 2036 гг. *Источник:* расчёты ХП НЭР и ЦЭИ.

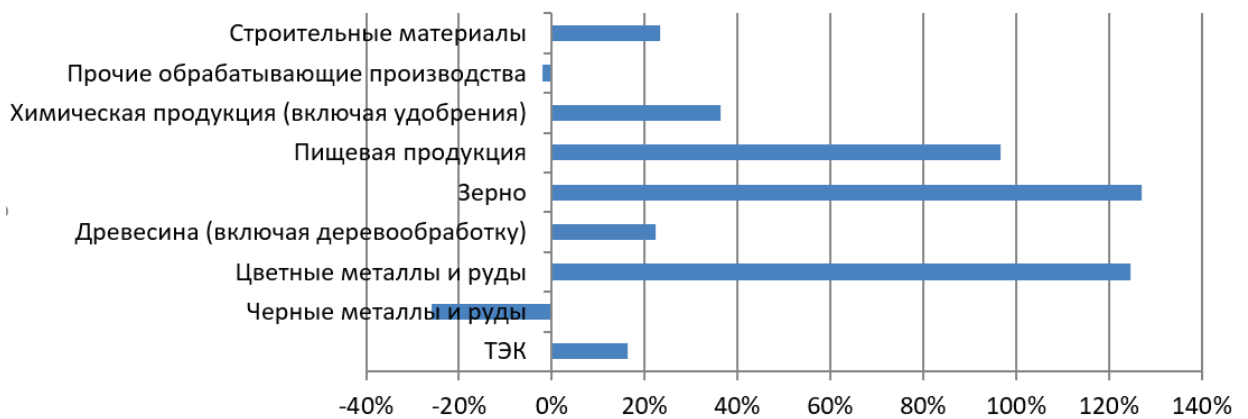

Рис. 7. Стоимостная динамика экспорта в оптимистическом сценарии по ключевым отраслям в 2021–2036 гг. *Источник:* расчёты ХП НЭР и ЦЭИ.

Сценарий экспортной диверсификации

Ранее сценарий экспортной диверсификации мы не включали в число наиболее вероятных и по этой причине не рассматривали. Но тенденции российской и мировой экономики последних полутора лет, на наш взгляд, повышают возможность его реализации, хотя и не делают его более вероятным, чем два других наших сценария. Учитывая его сравнительную новизну, мы даём его более развернутое описание, чем двух предыдущих сценариев.

Ключевыми внешними условиями для сценария экспортной диверсификации является глубокий декаплинг на фоне обострения межблокового военно-политического противостояния, а также форсированный глобальный энергопереход. Для Китая форсированный энергопереход может стать частью стратегии адаптации к условиям конфликта с целью минимизации зависимости от морских поставок энергоресурсов, в том числе из Австралии и с Ближнего Востока. В данном сценарии мы предполагаем, что энергопереход ускорится и во внеблоковых развивающихся странах. Всё это лишит российский энергетический экспорт тех возможностей и преимуществ, которые открываются в случае глубокого декаплинга с отложенным глобальным энергопереходом.

В данном сценарии существенно сократятся как физические объёмы экспорта углеводородов, так и экспортные цены. При этом сохранятся возможности роста физических объёмов экспорта и экспортных цен других сырьевых товаров и продукции их первичной переработки (железной руды, цветных металлов, удобрений, зерна и бобовых). Но учитывая первостепенную роль экспорта углеводородов, всё это не сможет полностью компенсировать возникающие вследствие энергоперехода потери экспортной выручки.

Ещё одним ключевым внешним условием реализации этого сценария является взрывной рост экспортных рынков готовой и промежуточной продукции внеблоковых развивающихся стран, где, как было показано в первой части статьи, в целом открываются благоприятные условия для входа российских несырьевых экспортёров. В инерционном и оптимистическом экспортных сценариях эти возможности будут упущены прежде всего из-за более высокого курса рубля. Но сценарий экспортной диверсификации, наоборот, позволяет в полной мере ими воспользоваться, поскольку в нём, в отличие от двух предыдущих сценариев, начало форсированного энергоперехода совпадает по времени с периодом бурного роста экспортных рынков внеблоковых развивающихся стран.

Для продвижения российской продукции обрабатывающей промышленности на эти рынки большое значение будет иметь не столько передовой технологический уровень, сколько конкурентоспособная цена, обеспечивающая привлекательное соотношение цена-качество. При возможности поддерживать оптимальные цены, что достигается в сценарии экспортной диверсификации благодаря глубокой девальвации рубля, экспортные рынки развивающихся стран, учитывая их гигантские и растущие масштабы, будут в состоянии поглотить практически неограниченные объёмы продукции, которую Россия сможет направить на экспорт.

В связи с этим ключевым внутренним условием реализации сценария является существенное снижение реального эффективного курса рубля, которое по своим масштабам может превзойти многие предыдущие эпизоды его падения. Глубокая девальвация рубля произойдет неизбежно, поскольку без неё в условиях падения энергосырьевого экспорта не будет возможности поддерживать устойчивый платёжный баланс. Компенсировать дефицит по счёту текущих операций значительным притоком прямых иностранных инвестиций, как это, например, удавалось Турции, у России в условиях глубокого декаплинга возможности не будет. Также замораживание значительной части валютных резервов не позволит сколько-нибудь длительное время компенсировать дефицит торгового баланса с помощью валютных интервенций.

Более или менее корректно оценить в данном сценарии потенциальный масштаб снижения реального эффективного курса рубля, опираясь на данные предыдущих эпизодов резкого падения энергосырьевого экспорта, не представляется возможным. В прошлых аналогичных эпизодах большинство финансовых санкций против России ещё не были введены, и денежные власти имели больше возможностей и инструментов для вмешательства на валютном рынке. Лишь с очень большой степенью условности можно допустить, что, с учетом заложенной в нашем сценарии величины падения выручки от экспорта ТЭК, потенциальная коррекция реального эффективного курса рубля может оказаться в пределах 25–40%.

Глубокая девальвация рубля приведёт к резкому снижению импорта и ускорит рост внутренних цен на импортные товары и их российские аналоги. Это поможет восстановить торговый баланс и даже создать определённый профицит, необходимый для финансирования чистого экспорта капитала, но также будет иметь ощутимые последствия для кредитно-денежной политики и структуры российской экономики.

Падение реального эффективного курса рубля повысит ценовую конкурентоспособность продукции российской обрабатывающей промышленности и торгуемых услуг на внешних рынках, где она будет востребована прежде всего внеблоковыми импортёрами. Такие последствия девальвации обусловлены тем, что Россия — сравнительно большая экономика, которая обладает достаточной производственной глубиной, обеспечивающей для неё так называемую «оптимальную валютную зону». В пределах оптимальной валютной зоны рост импортных цен весьма умеренно переносится на рост экспортных цен. Поэтому девальвация валюты позволяет повысить ценовую конкурентоспособность экспорта, несмотря на удорожание импорта.

Согласно таблицам «затраты — выпуск» Росстата, в среднем отечественная добавленная стоимость в совокупном экспорте для всех отраслей составила в 2015 г. 66% [Богачева, Поршаков, Турдыева, 2020]. Наибольшие ценовые преимущества от девальвации рубля получают те виды деятельности, которые ещё меньше, чем в среднем, зависят от импорта или смогут заменить его на отечественные поставки.

В силу ограниченных размеров российского внутреннего рынка большие фиксированные издержки на разработку импортозамещающей продукции, инвестиции в развитие компетенций и в основные фонды будут распределяться на сравнительно небольшие по мировым меркам объёмы выпуска. Это в отсутствие девальвации рубля, как правило, приводит к завышению себестоимости и цен на импортозамещающую продукцию по сравнению с зарубежными аналогами. При этом такая продукция по своему качеству и эксплуатационным характеристикам из-за первоначального дефицита компетенций, ограниченного доступа к наилучшим технологиям, оборудованию и материалам чаще всего будет уступать лучшим импортным образцам. Компенсировать недостаток эффектов масштаба на внутреннем рынке могло бы расширение сбыта на внешние рынки, и такая возможность открывается в сценарии экспортной диверсификации.

В сценарии экспортной диверсификации благодаря низкому курсу рубля многие виды импортной продукции как производственного, так и потребительского назначения, оказываются дороже, чем отечественные аналоги. Поскольку благодаря девальвации отечественная продукция обрабатывающей промышленности становится более конкурентоспособной по соотношению цена-качество и на внешних рынках, открываются возможности для наращивания её экспорта. При этом рост экспорта импортозамещающей продукции запускает положительную обратную зависимость, способствуя снижению удельных издержек, так как фиксированные издержки распределяются на все бóльшие объёмы выпуска.

Таким образом, в сценарии экспортной диверсификации активизируется цикл положительной обратной связи, способствующий снижению удельных издержек,

эффективному импортозамещению и опережающему росту экспорта обрабатывающей промышленности. Со временем этот цикл обратной связи начнёт затухать, поскольку рост экспортной выручки рано или поздно приведёт к росту реального эффективного курса рубля. Но более высокий обменный курс установится уже после того, как доля несырьевого экспорта заметно превысит исходный уровень, российские несырьевые экспортеры закрепятся на рынках глобального Юга, а удельные фиксированные издержки снизятся благодаря значительному увеличению объёмов выпуска обрабатывающей промышленности.

Поскольку такой сценарий далеко не уникален для мировой экономической истории, мы откалибровали целевую долю российского экспорта обрабатывающей промышленности в сценарии экспортной диверсификации на примере долгосрочных изменений доли экспорта продукции обрабатывающей промышленности четырёх стран — Австралии, Аргентины, Бразилии и Канады, опираясь на материалы доклада Всемирного банка [Gill, Izvorski, van Eeghen, De Rosa, 2014]. Все эти страны в 1963 г. имели крайне низкую долю несырьевого экспорта. Они специализировались, как и Россия сейчас, преимущественно на экспорте сырья и продукции его первичной переработки. Но в последующие 37 лет прирост доли обрабатывающей промышленности в экспорте этих стран составил от 25 до 55 п. п. (рис. 8). Таким образом, все они смогли кардинально увеличить долю обрабатывающей промышленности в экспорте.

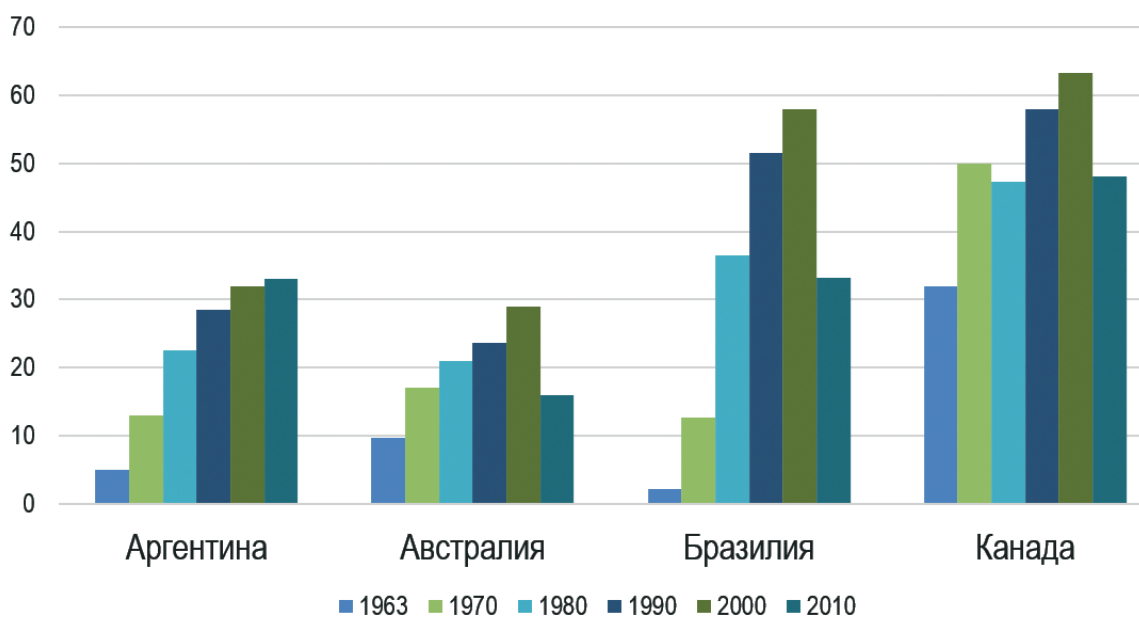

Рис. 8. Доля продукции обрабатывающей промышленности в экспорте, %, 1963–2010 гг.

Источник: рассчитано по Gill I. S., Izvorski I., van Eeghen W., De Rosa D. *Diversified Development: Making the Most of Natural Resources in Eurasia*. — The World Bank: 2014.

Обращает внимание на себя то, что устойчивый рост доли обрабатывающей промышленности в экспорте этих четырёх стран продолжался в течение длительного периода, несмотря на существенные вариации условий торговли, которые наблюдались в эти десятилетия. Рост доли обрабатывающей промышленности в экспорте повернул вспять или приостановился только в начале 2000-х гг., когда на арену мировой торговли промышленной продукцией в качестве ведущего глобального поставщика вышел Китай. Это, с одной стороны, намного ухудшило возможности наращивания экспорта обрабатывающей промышленности для остальных стран, а с другой — привело к опережающему росту экспорта сырьевых товаров и продовольствия из рассматриваемых стран, чему способствовал стремительный рост спроса растущей китайской экономики на эти товары.

Для получения целевой достижимой доли российского экспорта обрабатывающей промышленности в 2036 г. мы рассчитали среднегодовые приросты доли несырьевого экспорта в среднем по этим четырём странам (в процентных пунктах доли в экспорте) и умножили на число лет в нашем прогнозном периоде, который оказывается в три раза короче, чем период роста несырьевого экспорта в странах бенчмарка. Эти несложные оценки дали целевой ориентир для прироста доли экспорта российской обрабатывающей промышленности к 2036 г. примерно на 12 п.п. В этот прирост не входит часть продовольственных товаров, относящихся к продукции пищевой промышленности. Поэтому прирост доли пищевой промышленности в прогнозной структуре российского экспорта, который потенциально может быть очень значительным, мы оценили сверх полученного бенчмарка в 12 п.п. Кроме того, за пределами прогнозного периода доля экспорта российской обрабатывающей промышленности тоже имеет большой потенциал для роста — ещё примерно на столько же, как и в период до 2036 г.

Полученная с учётом этих оценок целевая структура экспорта в сценарии экспортной диверсификации выглядит следующим образом (рис. 9). Доля продукции ТЭК к 2036 г. сокращается примерно в 3 раза. Но более чем в 3 раза возрастает доля цветных металлов, в 2,5 раза — доля продукции АПК, включая готовую продукцию и зерно, почти в 2 раза — доля химической продукции, включая удобрения. Несмотря на компенсирующий рост экспортной выручки по этим и другим товарным группам, суммарный стоимостной объём экспорта в 2036 г. в постоянных долларах (рис. 10) может оказаться примерно на 15–20% ниже, чем в 2021 г. (без учёта возможного роста экспорта по скрытому разделу). Однако в процентах к ВВП размеры экспорта если и снизятся, то незначительно вследствие снижения реального эффективного курса рубля, что снижает при прочих равных условиях и долларовой объём ВВП.

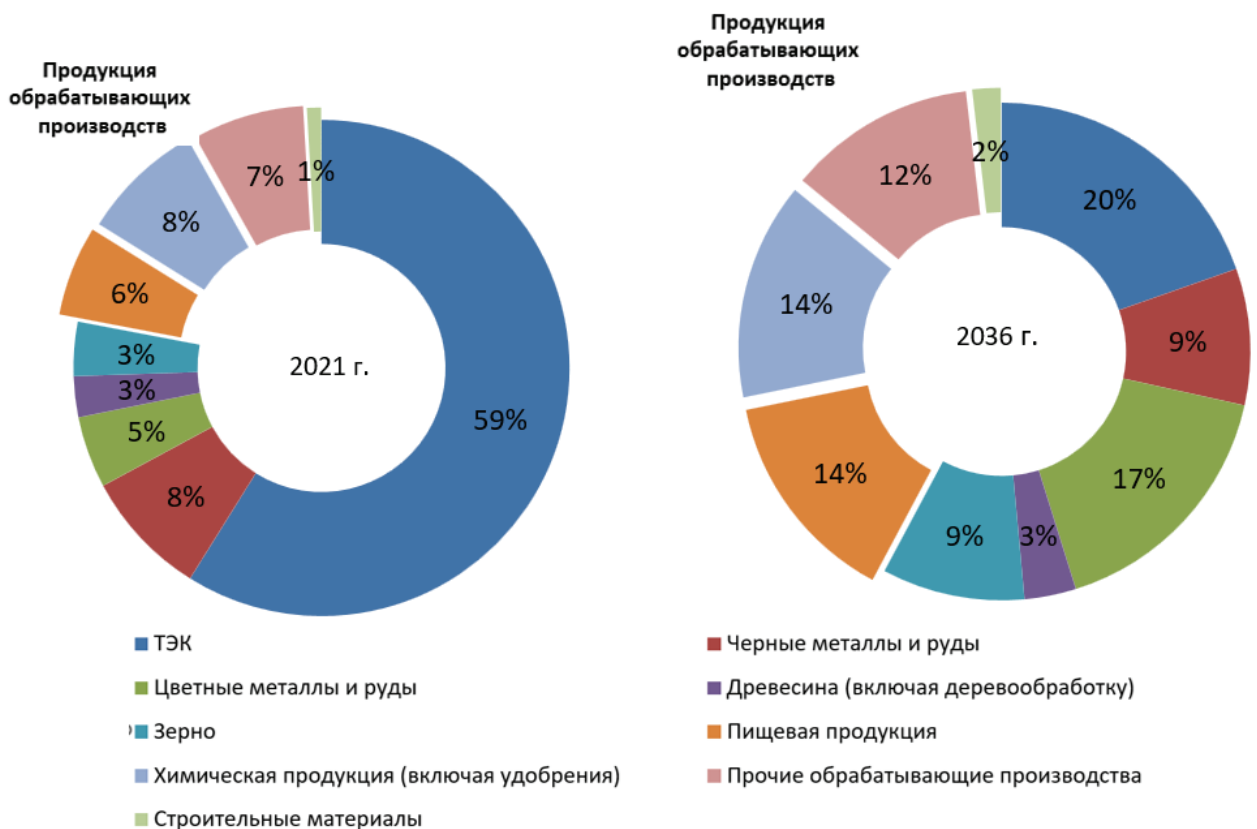

Рис. 9. Структура российского экспорта в сценарии экспортной диверсификации по укрупнённым товарным группам в 2021 и 2036 г.

Источник: расчёты ХП НЭР и ЦЭИ.

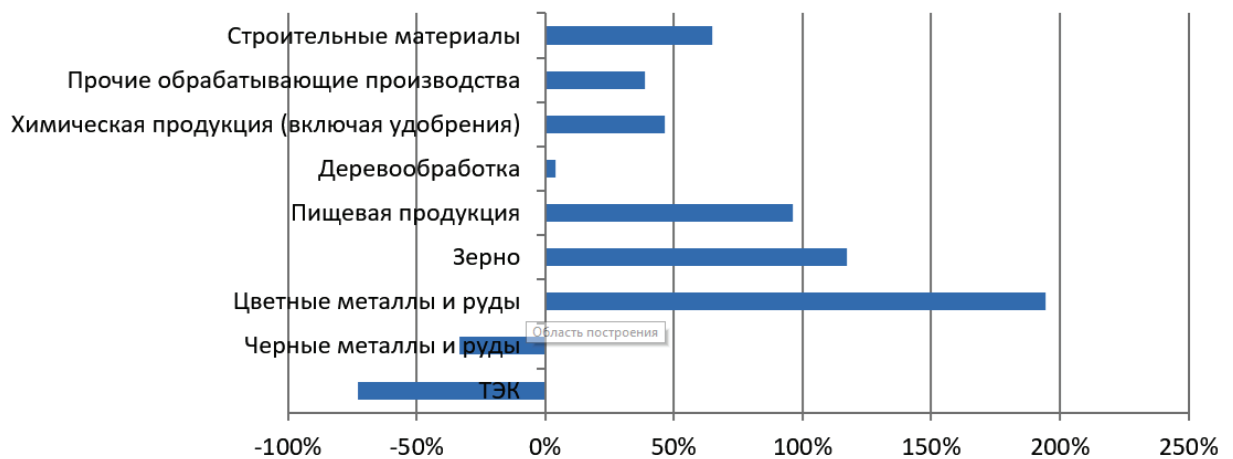

Рис. 10. Стоимостная динамика экспорта в сценарии экспортной диверсификации по укрупнённым товарным группам в 2021–2036 гг.

Источник: расчёты ХП НЭР и ЦЭИ.

В целом доля обрабатывающей продукции в экспорте, включая пищевую промышленность, вырастет к 2036 г. почти в 2 раза — с 22 до 42%. Экспортироваться будет, по нашим оценкам, немногим менее 20% всей продукции обрабатывающей промышленности. С учётом же возможных будущих размеров скрытого раздела экспорта, в котором, по-видимому, будет преобладать продукция обрабатывающих производств, можно ожидать, что к 2036 г. на экспорт пойдёт до четверти продукции обрабатывающей промышленности с перспективой дальнейшего роста этой доли. Тем самым, обрабатывающая промышленность начнёт превращаться в сектор экспортной специализации. В свою очередь, это обеспечит дополнительный рост ВВП — как непосредственно благодаря росту чистого экспорта, так и опосредованно, за счёт снижения удельных издержек на единицу выпуска благодаря эффектам масштаба от расширения рынков сбыта.

Несмотря на эти в целом позитивные тенденции, среднегодовые темпы роста ВВП в сценарии экспортной диверсификации не будут высокими из-за опережающего роста издержек в экономике и первоначального шокового спада, вызванного резким снижением выручки от экспорта энергоносителей (рис. 11). Эти негативные факторы лишь позднее, по мере наращивания выпуска и экспорта продукции обрабатывающей промышленности, начнут компенсироваться выручкой от несырьевого экспорта и снижением удельных издержек за счёт эффектов масштаба. Но, в любом случае, траектория роста ВВП в сцена-

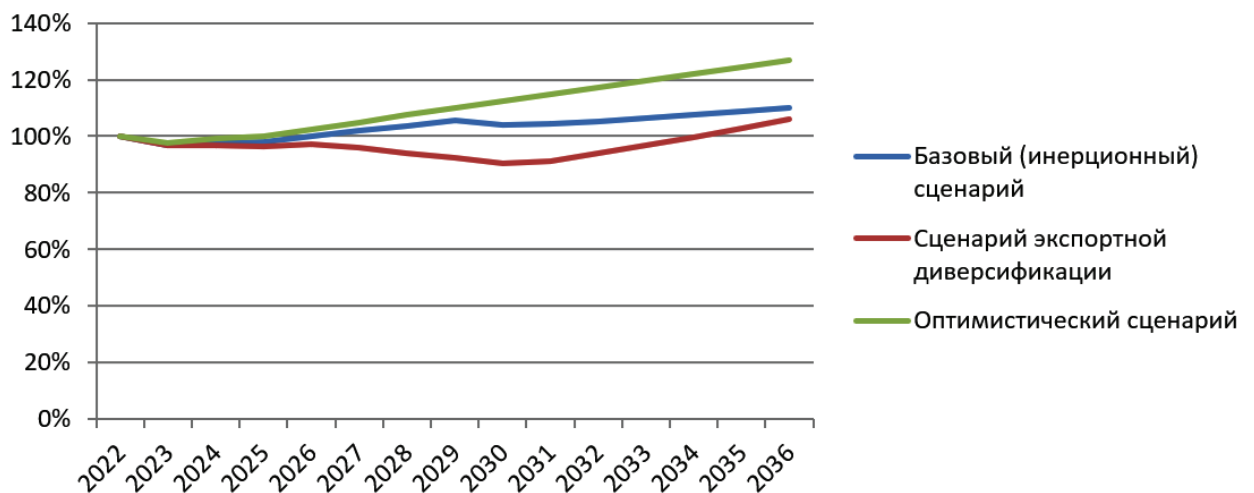

Рис. 11. Динамика ВВП в долгосрочных сценариях российского экспорта (2022 г. = 100%)

Источник: расчёты ХП НЭР и ЦЭИ.

рии экспортной диверсификации будет располагаться значительно выше, чем в гипотетическом, но гораздо менее вероятном сценарии, когда глубокое падение энергосырьевого экспорта не будет компенсировано ускоренным ростом экспорта обрабатывающей промышленности и торгуемых услуг.

Всё вышесказанное означает, что при определённых условиях, которые реализуются в нашем сценарии экспортной диверсификации, несырьевой экспорт для российской экономики сможет стать на некоторое время, как минимум, стабилизатором, а на каких-то этапах — и ключевым драйвером экономического роста. Но реализация сценария экспортной диверсификации будет иметь последствия не только для структуры экспорта, но и для экономики в целом. К числу наиболее значимых последствий относятся следующие:

- первоначально из-за девальвации произойдёт скачок цен на импортную продукцию, что ограничит потребление импорта даже там, где его трудно будет заменить российскими аналогами. Это приведёт к ухудшению структуры потребления за счёт вымывания незамещаемых отечественным производством импортных товаров и негативно отразится на выпуске продукции, критически зависимой от незамещаемого импорта промежуточных товаров;
- первоначальное импортозамещение из-за узости рынка и недостаточных эффектов масштаба на внутреннем рынке приведёт к опережающему росту издержек и цен, что станет ограничивать потребление такой продукции. В дальнейшем, по мере роста выпуска и продаж на внешних рынках, удельные издержки начнут снижаться благодаря росту эффектов масштаба, что будет способствовать росту потребления импортозамещающей продукции на внутреннем рынке;
- наряду с девальвацией рубля первоначально это внесёт вклад в ускорение инфляции, сдерживать которую ужесточением кредитно-денежной политики в течение довольно длительного времени будет нецелесообразно. Ужесточение кредитно-денежной политики с целью ограничения инфляции будет препятствовать инвестициям, необходимым для структурной адаптации экономики к новым реалиям. Это, в свою очередь, законсервировало бы неоптимальную структуру выпуска и экспорта, а также привело бы к тому, что многие возможности импортозамещения и роста экспорта в обрабатывающей промышленности оказались бы упущены. С ними будут упущены и возможности последующего снижения удельных издержек и роста ВВП за счёт наращивания выпуска, экспорта и связанных с этим эффектов масштаба;
- структурная адаптация экономики в подобных условиях потребует повышенных удельных инвестиций на единицу выпуска и соответствующего перераспределения экономических ресурсов от потребления к накоплению;
- роль финансовых рынков для обеспечения инвестиций в такой модели структурной адаптации может на какое-то время оказаться весьма ограниченной. Рост выпуска и экспорта в обрабатывающих отраслях и торгуемых услугах будет частично достигаться благодаря преференциальному доступу к кредитам, бюджетным субсидиям и госзакупкам. Иными словами, в период активного импортозамещения и роста экспорта многие сегменты обрабатывающей промышленности и торгуемых услуг (в частности, производство программного обеспечения, внутренний и въездной туризм) смогут развиваться в условиях так называемых «мягких бюджетных ограничений»;
- напротив, многие другие виды деятельности, в том числе некоторые неторгуемые услуги, вынужденно столкнутся с более жёсткими бюджетными ограничениями и ограниченным доступом к кредитам и бюджетным субсидиям, что будет сдерживать их рост;

- структура потребительского спроса тоже изменится. Из-за опережающего роста цен на импортные и импортозамещающие товары, а также на импортные торговые услуги (прежде всего, выездной туризм), их потребление сократится;
- в структуре спроса может вырасти потребление товаров и услуг с низкой импортной составляющей: жильё и товары для дома, внутренний туризм, транспортные, медицинские и развлекательные услуги;
- важную роль в поддержании общего уровня благосостояния в этот период может играть сохранение облегчённого доступа к ипотечному кредитованию. Рост обеспеченности жильём, которая в России всё ещё остаётся низкой для достигнутого общего уровня потребления, позволит частично компенсировать вынужденное ограничение потребления одежды и предметов длительного пользования, где велика доля импорта, но уровень потребления которых намного ближе к насыщению, чем потребление жилья.

Опережающий рост выпуска обрабатывающей промышленности столкнётся с ограничениями на рынке труда. Уровень безработицы в России уже опустился до 3%, что на практике равнозначно острой нехватке рабочей силы. Большинство отраслей обрабатывающей промышленности испытывают более серьёзный кадровый голод, чем экономика в целом.

Одно из решений, которое уже сейчас активно используется в проектах критического импортозамещения, состоит в опережающем повышении зарплат на таких предприятиях в расчёте на их более мягкие бюджетные ограничения. Такие меры облегчают переток кадров из других производств и отраслей, тем самым перераспределяя проблемы нехватки рабочей силы на другие сферы деятельности. Это также ведёт к дополнительному росту издержек на создаваемых производствах. Но такой подход применим, скорее, в инерционном и оптимистическом сценариях российского экспорта, где развитие обрабатывающих производств будет происходить не широким фронтом, а довольно выборочно.

До тех пор, пока новых производств создается сравнительно немного, негативные последствия такого подхода остаются умеренными. Но при массовом расширении обрабатывающих производств, как это ожидается в сценарии экспортной диверсификации, другие виды деятельности, конкурирующие за рабочую силу, вынуждены будут включиться в «гонку зарплат». Перегрев на широком рынке труда обострится ещё сильнее и подстегнёт инфляцию издержек в масштабах всей экономики. Поскольку сценарий экспортной диверсификации и без того перегружен проинфляционными факторами, данный подход для него является неперспективным.

Более реалистичное решение предполагает переключение внимания на проблему хронически низкой производительности труда в российской обрабатывающей промышленности. Отставание производительности труда в большинстве отраслей российской обрабатывающей промышленности от уровня США колеблется в диапазоне от 4 до 20 раз [Зайцев, 2015]. Это указывает как на низкую капиталовооружённость, так и на низкую отдачу от капитала, а также на слабое использование современных организационных и цифровых решений, повышающих производительность труда. Например, плотность производственных роботов на 10 тыс. занятых в России примерно в 10 раз ниже среднего по группе развитых стран и некоторых стран со средним уровнем дохода, включая Китай, а от стран-лидеров по этому показателю Россия отстаёт в несколько десятков раз [Statista, 2023; РБК, 2021]. В российской обрабатывающей промышленности потенциал повышения производительности труда — это своего рода «низко висящий плод». При таком отставании от лидеров даже сравнительно недорогие и не самые передовые решения способны обеспечить скачок производительности труда.

Ещё одно условие реализации сценария экспортной диверсификации — развитие системы поддержки экспорта, которая пока в большей мере соответствует логике инер-

ционного и оптимистического сценариев перспектив российского экспорта. Она позволяет добиваться хороших результатов преимущественно для относительно узкого круга приоритетных экспортёров, пользующихся особым вниманием государственных структур. Потенциальные экспортёры, выходящие на рынки по собственной инициативе и не имеющие прямой административной поддержки сверху, сталкиваются с забюрократизированностью и медлительностью, а диапазон предоставляемых услуг остаётся узким и не отвечает реальным потребностям таких экспортёров. В частности, ограничен доступ вновь выходящих на внешние рынки компаний к экспортному факторингу, что создаёт риски потери выгодных контрактов.

Поскольку в сценарии экспортной диверсификации количество игроков, выходящих на экспортные рынки обрабатывающей продукции и торгуемых услуг, может многократно возрасти, принципы сопровождения экспортёров тоже должны будут измениться. Потребуется расширение форм и методов содействия экспорту в соответствии с реальными потребностями экспортёров, устранение имеющихся барьеров доступа к востребованным услугам и к финансовым инструментам поддержки экспорта. Необходимо будет максимально реализовать потенциал цифровизации экспортных услуг. Особенно будут нуждаться в эффективном экспортном сопровождении малые и средние предприятия, не имеющие возможности самостоятельно развивать весь комплекс экспортных компетенций и функций.

Учитывая фрагментацию рынков глобального Юга и большое разнообразие местных условий, система поддержки экспорта должна быть адаптирована к специфике локальных рынков. Это касается и мер поддержки, и экспертного сопровождения — и то и другое должно выстраиваться с глубоким пониманием особенностей локальных рынков. Такой подход предполагает, в частности, существенное расширение функций и укрепление потенциала торговых представительств России в странах глобального Юга.

Заключение

Основной вывод, который можно сделать из рассмотренных сценариев мировой экономики и российского экспорта, состоит в том, что процессы деглобализации не лишают динамизма мировую экономику и торговлю, но ведут к географическому перераспределению экономического роста, торговли и инвестиций, в том числе в пользу обширной группы внеблоковых развивающихся стран. Для России это открывает дополнительные возможности для адаптации и географической диверсификации экспорта. Независимо от глубины декаплинга наиболее перспективным, наряду с Китаем, направлением увеличения российского экспорта — как традиционного, так и несырьевого — являются внеблоковые страны глобального Юга.

С учётом быстрого роста внутреннего рынка внеблоковых развивающихся стран и их растущей потребности в импорте возникает эффект «голубого океана», когда для экспортёров открываются обширные, ранее никем не занятые рынки, на которых все поставщики товаров и услуг оказываются в более или менее равном положении для входа. Несырьевые экспортёры из России, которые до сих пор были слабо представлены на этих рынках, получают дополнительные преимущества, поскольку их возможности входа на открывающиеся рынки глобального Юга во многом уравниваются с прежними поставщиками. Выходить на гораздо более зрелый, насыщенный и менее динамичный рынок Китая российским экспортёрам из обрабатывающей промышленности будет несравненно сложнее. Особенно большое значение открывающиеся преимущества входа на рынки глобального Юга будут иметь для третьего из рассматриваемых нами долгосрочных сценариев российского экспорта — сценария экспортной диверсификации.

Учитывая сравнительно невысокий стартовый уровень технологического развития и ограниченную покупательную способность населения большинства внеблоковых развивающихся стран, основной спрос на их рынках будет возникать не в премиальном сегменте и не вблизи технологического фронта, а на продукцию среднего технологического уровня и среднего качества. Значительная часть несырьевой продукции, производимой в России, будет относиться именно к этому сегменту, что даёт России дополнительные преимущества. Конкуренция в этом сегменте будет идти преимущественно по соотношению цена-качество.

В рассматриваемом нами сценарии экспортной диверсификации поддержание Россией ценовой конкурентоспособности широкого спектра экспортируемой продукции обрабатывающей промышленности представляется достижимым благодаря снижению реального эффективного курса рубля. Однако в двух других рассмотренных экспортных сценариях (инерционном и оптимистическом), которые реализуются в условиях отложенного глобального энергоперехода, более быстрое наращивание экспорта продукции обрабатывающей промышленности, как, впрочем, и импортозамещение, будет сдерживаться относительно высоким реальным эффективным курсом рубля, характерным для стран — экспортёров сырья. Это будет ограничивать ценовую конкурентоспособность в большинстве сегментов обрабатывающей промышленности.

Между тем наиболее благоприятная конъюнктура для входа российских экспортёров продукции обрабатывающих производств и торгуемых услуг на рынки внеблоковых развивающихся стран ожидается в ближайшие полтора-два десятилетия. Если российские экспортёры в этот период не смогут воспользоваться ею, то наиболее подходящий момент для входа будет упущен. Вновь возникшие рыночные ниши окажутся занятыми экспортёрами из других стран, рост рынков замедлится, и последующий выход на эти рынки будет происходить в условиях более жёсткой конкуренции и дополнительных барьеров входа.

Отсутствие в инерционном и оптимистическом сценариях российского экспорта предпосылок для его несырьевой диверсификации в период до 2036 г. означает, что начало структурной перестройки экономики и экспорта в направлении обрабатывающих производств попросту откладывается за пределы рассматриваемого прогнозного горизонта. Однако глобальный энергопереход за пределами рассматриваемого сценарного горизонта, наоборот, может ускориться, что потребует ускоренной несырьевой диверсификации экспорта в период после 2036 г. Между тем благоприятное окно возможностей для выхода на рынки обрабатывающей промышленности глобального Юга, которое открывается в текущем десятилетии, через полтора-два десятилетия может уже закрыться.

По этой причине оптимистический и инерционный сценарии можно рассматривать как сценарии упущенных возможностей опережающей несырьевой диверсификации экспорта. Однако в пределах нашего сценарного горизонта влияние экспорта на экономический рост в этих двух сценариях в целом остаётся позитивным или нейтральным.

В отличие от двух других сценариев, сценарий экспортной диверсификации позволяет в полной мере воспользоваться открывающимся окном возможностей для наращивания экспорта обрабатывающей промышленности в страны глобального Юга, поскольку в нём, в отличие от двух предыдущих сценариев, начало форсированного энергоперехода совпадает с периодом бурного роста этих экспортных рынков.

Несмотря на эти в целом позитивные тенденции, среднегодовые темпы роста ВВП в сценарии экспортной диверсификации не будут высокими из-за первоначального опережающего роста издержек в экономике и шокового спада, вызванного резким снижением выручки от экспорта энергоносителей. Эти негативные факторы лишь позднее, по мере наращивания выпуска и экспорта продукции обрабатывающей промышленности, начнут компенсироваться выручкой от несырьевого экспорта и снижением удельных издержек за счёт эффектов масштаба. Но в любом случае траектория роста ВВП в сценарии экспортной

диверсификации будет располагаться значительно выше, чем в гипотетическом, но гораздо менее вероятном сценарии, когда глубокое падение энергосырьевого экспорта не будет компенсировано ускоренным ростом экспорта обрабатывающей промышленности и торговых услуг.

В результате ни один из рассмотренных трех вероятных сценариев не выглядит чересчур пессимистичным, несмотря на потенциальные риски торговых шоков. Даже в самом (потенциально) неблагоприятном из-за силы первоначального торгового шока сценарии экспортной диверсификации экономический рост возобновляется и ускоряется по мере структурной адаптации экономики и роста неэнергетического экспорта. Другие, потенциально менее благоприятные экспортные сценарии, чем три, изложенные в данной статье, представляются гораздо менее вероятными и поэтому не рассматривались.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Богачева И., Поршаков А., Турдыева Н. (2020). Секторальный реальный эффективный обменный курс и отраслевая конкурентоспособность в России [Bogacheva I, Porshakov A., Turdyeva N. (2020). Sectoral real effective exchange rate and sectoral competitiveness in Russia] // *Серия докладов об экономических исследованиях. Банк России.* №59.
- Волчкова Н. А., Кузнецова П. О., Турдыева Н. А. (2016). Экспортные возможности стран ЕАЭС [Volchkova N.A., Kuznetsova P.O., Turdyeva N.A. (2016). Export potential of EAEU countries] // *Вестник международных организаций.* Т. 11. № 4. С.127–148.
- Го Х. (2019). Прогнозирование динамики логистических факторов в развитии внешнеторгового товарооборота России и Китая [Go Kh. (2019). Forecasting of dynamics of logistical factors in development of trade between Russia and China] // *Логистика и управление цепями поставок: сб. научн. тр.* — СПб. С. 35–38.
- Зайцев А.А. (2015). Производительность труда в отраслях обрабатывающей промышленности России: динамика и межстрановые сопоставления [Zaitsev A.A.(2015). Labor productivity in the manufacturing sectors of Russia: dynamics and cross-country comparisons]// *Экономическая наука современной России.* №4. Т. 71. С. 123–138.
- Зайчикова Н.А., Федоренко Р.В. (2019). Моделирование экспорта региона Российской Федерации на основе эконометрического подхода [Zaichikova N.A., Fedorenko R.V. (2019). Modelling of exports of the region of Russian Federation based on econometric approach] // *Обзорные прикладной и промышленной математики.* №3. Т. 26. С. 262–263.
- РБК (2021). Автоматизация поневоле: как развивается рынок робототехники в России. 09.11.2021. [RBK. (2021). Willi-nilly automation: how the market of robotic equipment develops in Russia]. <https://trends.rbc.ru/trends/industry/617fd2f59a79476a8f848479> (дата обращения: 20.09.2023).
- Ткалич Т.А. (2017). Модели анализа и прогнозирования экспорта республики Беларусь [Tkalic T.A. (2017). Models of analysis and forecasting of export of the Republic of Belarus] // *Экономика и государство.* № 4. С. 24–28.
- Ускова Т.В., Асанович В.Я., Дедков С.М., Селименков Р.Ю. (2010). Внешнеэкономическая деятельность регионов СЗФО и республики Беларусь: состояние и методологические аспекты моделирования [Uskova T.V., Asanovich V.Ya., Dedkov S.M., Selimenkov R.Yu. (2010). Foreign trade of the regions of North-Western Federal District and the Republic of Belarus: current state and methodology of modelling] // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* № 4. Т. 12. С. 118–130.
- Ferrantino M.J., Portugal-Perez A., Schmidt G. (2015). *Export Competitiveness and FDI Performance Across Russia's Regions.* — World Bank, June 15.
- Gill I.S., Izvorski I, Eeghen van W., Rosa de D. (2014). *Diversified Development: Making the Most of Natural Resources in Eurasia.* — The World Bank: 2014.
- Hausmann R., Hwang, Rodrik D. (2007). What You Export Matters // *Journal of Economic Growth.* No. 1. Vol. 12. Pp. 1–25.
- Hausmann R., Klinger B. (2006). Structural Transformation and Patterns of Comparative Advantage in the Product Space // *CID Working Paper.* No. 128.
- Hausmann R., Klinger B. (2007). The Structure of the Product Space and the Evolution of Comparative Advantage // *CID Working Paper.* No. 146.
- IMF (2023). *World Economic Outlook: A Rocky Recovery.* — IMF: April.
- LOWY Institute (2023). Military Expenditure Forecast 2030. URL: <https://power.lowyinstitute.org/data/future-resources/defence-resources-2030/military-expenditure-forecast-2030/> (access date: 20.09.2023)
- MGI (2023). *Reimagining economic growth in Africa: Turning diversity into opportunity.* — McKinsey Global Institute: June 2023.

- Reuters. (2023). *China's renewed appetite for Australian coal disrupts Asia flows*. 2023.08.10. <https://www.reuters.com/markets/commodities/chinas-renewed-appetite-australian-coal-disrupts-asia-flows-russell-2023-08-10/> (access date: 20.09.2023).
- Spartak A.N. (2012). EAEU Intra-Regional Trade // *The Economic Dimension of Eurasian Integration*. Palgrave Macmillan, 2021. Pp. 27–66.
- Statista. (2023). *The Countries With The Highest Density Of Robot Workers*. Jul 25. <https://www.statista.com/chart/13645/the-countries-with-the-highest-density-of-robot-workers/> (access date: 20.09.2023).
- Tarr D.G. (2016). The Eurasian economic union of Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia, and the Kyrgyz Republic: Can it succeed where its predecessor failed? // *Eastern European Economics*. Vol. 54. Is. 1. Pp. 1–22.
- Tortajada C., Zhang H. (2022). Policies and Politics: Effects on US-China Soybean Trade Georgetown // *Journal of International Affairs*. October. <https://gjia.georgetown.edu/2022/10/26/policies-and-politics-effects-on-us-china-soybean-trade/> (access date: 20.09.2023).

Дмитриев Михаил Эгонович

mikhaildm@mail.ru

Mikhail Dmitriev

doctor of economics, President of Business Partnership “New Economic Growth” (Moscow)

mikhaildm@mail.ru

LONG-TERM SCENARIOS OF RUSSIAN EXPORT

Abstract. The article is based on the report by the experts of the Joint-Stock Company «Center of Infrastructure Economy» and Business partnership «New Economic Growth». It considers the possible scenarios of Russian export until 2036 in view of anticipated redistribution of international trade flows. Three stylized scenarios described in the article reflect the emerging opportunities and constraints for Russia's export in the era of deglobalization. Alongside with the baseline and the business-as-usual scenarios, the paper considers the possible new scenario of radical structural adjustments of Russian export towards manufacturing goods.

Keywords: *decoupling, global energy transition, manufacturing exports, energy markets, real exchange rate*

JEL: F16, F21, F43, F51, F63.

А.В. Дождиков

к.полит.наук, независимый исследователь (Москва)

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ КИНОПРОКАТА С ПОМОЩЬЮ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. Предметом исследования являются результаты кинопроката российских национальных фильмов. Цель исследования — классификация проектов по принципу их успеха/неуспеха в прокате и прогнозирование характеристик проката. Задачи исследования — создание алгоритмов отбора (классификации) в инвестиционный портфель потенциально успешных проектов и прогнозирования (регрессии) прокатных характеристик: количество просмотров зрителей, окупаемость, зрительский рейтинг. Методика исследования основывается на применении ансамблевых моделей машинного обучения. База исследования — вся совокупность российских национальных фильмов в прокате с 2004 по апрель 2022 года (N=1469) и с мая 2022 г. по апрель 2023 г. (N=194). Основные результаты: достигнута точность (ассигасу) в 0,95 и 0,89 для двух и четырёхклассовой классификации и высокие характеристики ROC_AUC = 0,97 для двухклассовой модели и 0,94–0,98 для четырёхклассовой. Более сложные метамоделли (суперансамбли) могут достигать точности в 0,97–0,98 для двухклассовой классификации и 0,96 для четырёхклассовой. Сложные регрессионные метамоделли прогнозируют абсолютные значения окупаемости, сборов, просмотров с коэффициентом детерминации (R2) в пределах 0,97–0,98 с использованием синтетических данных. В результате появилась возможность формирования инвестиционных портфелей кинопроектов с годовой исторической доходностью до 139%. Область применения — обеспечение отбора фильмов для инвестиционных «портфелей кинопроектов» государственных (Министерство культуры, Фонд кино) и частных инвесторов. Модели машинного обучения могут быть адаптированы к условиям глобального и иностранных рынков за счёт увеличения количества признаков, расширения арсенала методов машинного обучения, включая анализ текстов, изображений, видео и пользовательских данных социальных сетей.

Ключевые слова: *национальный кинематограф, инвестиции, финансирование, машинное обучение, прогнозирование, классификация, регрессия, портфельное инвестирование, рейтинг кинофильма, количество просмотров кинофильма, окупаемость кинофильма, успех фильма в прокате.*

JEL: G11, G17, Z11, C38, C53, C65, C45

УДК: 338.984

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_93_114

© А.В. Дождиков, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Дождиков А.В.* Прогнозирование результатов кинопроката с помощью машинного обучения // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 4. С. 93–114. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_93_114.

FOR CITATION: *Dozhdikov A.* Prediction of the Results of Movie Release Using Machine Learning // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 4. Pp. 93–114. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_93_114.

Введение¹

Киноиндустрия является высокодоходной и одновременно высокорисковой сферой предпринимательской и инвестиционной деятельности. Исторически, с 2004 г. российский кинематограф убыточен, похожие суждения мы отметим у других исследователей данной тематики [Аракелян, 2016]. Окупается (собирает два своих бюджета) только 11,53% игровых фильмов в прокате. Средняя окупаемость (с учётом кассовых фильмов) не превышает 1,1, а медианная — всего 0,28².

Гипотеза исследования: с помощью алгоритмов машинного обучения до начала съёмки, самого затратного этапа, можно определить будет проект успешным или нет, а также насколько он будет успешным, основываясь на исторических данных совокупности проектов. Регрессионные модели могут определить величину сборов, количество просмотров зрителей и зрительский рейтинг.

Цель исследования: проведение эксперимента на выборке российских фильмов с 2004 г. с использованием обученных на тестовой выборке классификационных и регрессионных моделей машинного обучения по определению успешности фильма в прокате на тестовой и контрольной выборках.

Задачи исследования:

- изучение современного опыта аналитики данных в сфере кино с использованием машинного обучения;
- подготовка тренинговых и тестовых данных;
- обоснование выбора и обучение моделей машинного обучения;
- двух- и четырёхклассовая классификация кинопроектов, оценка точности и метрик моделей машинного обучения;
- использование регрессионных моделей для определения абсолютных величин сборов, просмотров и зрительского рейтинга с использованием выборки и синтетических данных;
- определение направлений совершенствования аналитики данных кинопроката.

Основной тезис исследования связан с предположением о том, что кинотеатральная аудитория достаточно консервативна, жанровые предпочтения и вкусы меняются очень медленно даже в современных условиях, а уход иностранных дистрибьютеров киноконтента ещё не повлиял на производственные условия (средний производственный цикл современного кинопроекта — 2 года, следовательно, в 2023 г. в прокат выходят фильмы, запланированные еще в «конкурентный» период).

Также не изменились критерии окупаемости и факторы, влияющие на итоговые результаты фильма в прокате. Тезисы о «социальном импакте» [Печегина, 2023] и изменении успешности фильма в прокате через его социальное воздействие [Смекалин, 2023] нивелируются простым фактом: фильм с высокими оценками от критиков и от ограничен-

¹ Автор выражает благодарность коллективу Высшей школы цифровой культуры ИТМО (Высшая школа цифровой культуры ИТМО <https://dc.itmo.ru/>) Михайловой Е.Г., Графеевой Е.Г., Егоровой О.Б., Бойцеву А.А., Романову А.А. за полученные знания; оргкомитету медиа холдинга ПЛАС, директору по развитию бизнеса Гризову К.А. за возможность представления практических результатов исследования и отраслевом финансовом журнале «ПЛАС» (Дождиков А.В. (2023). Могут ли инвестиции в кинематограф быть прибыльнее рынка акций и стабильнее сектора облигаций? PLUSworld (дата публикации: 19.07.2023) <https://plusworld.ru/journal/2023/plus-7-2023/mogut-li-investitsii-v-kinematograf-byt-pribylnee-rynka-aktsiy-i-stabilnee-sektora-obligatsiy/> (дата обращения: 20.07.2023)) и выступления на Международном форуме «Финтех, банки и ритейл» 21–22 июня в секции «Большие данные. Стратегический капитал 21 века?» Программа 3-го Международного ПЛАС-Форума «ФИНТЕХ БАНКИ И РИТЕЙЛ (дата публикации: 22.06.2023). <https://uz.plus-forum.com/uploads/uzforum-program-full-2023.pdf> (дата обращения: 20.07.2023).

² Дождиков А.В. (2023). Успех «Чебурашки» можно повторить с помощью ИИ. И не только в киноиндустрии! PLUSworld. Дата публикации: 21.03.2023. <https://plusworld.ru/journal/2023/plus-3-2023/uspekhe-cheburashki-mozhno-povtorit-s-pomoshchyu-ii-i-ne-tolko-v-kinoindustrii/> (дата обращения: 06.07.2023).

ного пула кинозрителей фактически оказывает минимальное воздействие на общество, не выходя за рамки своей узкой аудитории. Отсутствие объективных количественных критериев оценки означает напрасно потраченные средства.

Инструменты машинного обучения позволяют выявлять успешные (и отдельно — потенциально высокодоходные) проекты для проката на этапе «препродакшен», когда инвестиции в проект минимальны. Дополнительно можно определить количество просмотров каждого фильма, величину кассовых сборов, зрительский рейтинг. Объединение нескольких отобранных проектов в инвестиционный портфель нивелирует волатильность результатов каждого отдельного проекта и может поспособствовать росту инвестиционной привлекательности всей киноотрасли.

Обзор литературы

Использование алгоритмов машинного обучения и нейросетей для анализа кинопроката и кассовых сборов является достаточно распространенной практикой. Один из объектов изучения — настроения целевой аудитории [Mohan Raj et al., 2017] в социальных сетях и их влияние на успех или неудачу фильма. «Большие данные» для прогнозирования успеха фильмов на основе активности онлайн-пользователей [Mestyán et al., 2013] используются, как минимум, с 2013 г. Алгоритмы машинного обучения применяются для анализа настроений [Tripathi et al., 2023] в социальных сетях, также осуществляется анализ мнений в обзорах и комментариях на специализированных киноресурсах [Gupta et al., 2021]. С помощью количественных методов прогнозируются награды киноакадемий, например «Оскар» [Krauss et al., 2008]. Современные аналитики предсказывают рейтинг IMDb [Sivakumar et al., 2021]. Количественной оценке может быть подвергнута эмоциональная реакция зрителей с помощью инструментальных диагностических средств, включая ЭКГ, МРТ [Christoforou et al., 2017].

Разработка алгоритмов прогнозирования успеха фильмов в прокате ведётся как в Голливуде и Европе [Murschetz, 2020], так и в Болливуде [Meenakshi et al., 2018]. Необходимо отметить растущую школу аналитики данных в Индии. Абсолютным лидером по дата-аналитике в сфере кино по числу публикаций является Китай: эксперты с помощью «машинного зрения» изучают визуальные данные — афиши и постеры фильмов и прогнозируют на их основе успех проекта в прокате. Интеллектуальный анализ данных кинопроизводства применяется на материалах Нигерии [Olubukola et al., 2021] и в Шри-Ланке [Sivakumar et al., 2021].

В России в научной сфере имеется крайне малое количество публикаций о прогнозировании результатов кинопроката с помощью алгоритмов машинного обучения и нейросетей. В частности, отметим проект ВШЭ «Методика нейросетевого прогнозирования кассовых сборов кинофильмов» [Ясницкий и др., 2017], основанный, к сожалению, только на показателях и метриках американского рынка. Другое российское исследование [Князева, Иванова, 2020] содержит подробный обзор мирового опыта аналитики кинопроката и базируется на модели с расчётами для Microsoft Excel [Педьяш, 2013] и точностью прогнозирования в 0,76. Так же необходимо отметить работы по прогнозированию спроса на кинофильмы, проводимые в России в начале 2010-х гг. [Ноакк и др., 2012; Татарников, 2012, Татарников и др., 2012].

Прошедшее десятилетие подарило аналитикам более высокотехнологичные и точные методы исследования и прогнозирования, основанные на инструментах машинного обучения. Как правило, используются такие модели, как Random Forest, Support Vector Machine и Neural Network and Deep Neural Network. По мнению отдельных исследователей [Souza, 2021], Random Forest (и ансамблевые модели) показывают лучшие результаты. Так, например, на датасете Box Office Mojo с данными 1980 — 2019 гг. по 3 167 фильмам в исследовании достигнута точность в 0,97.

Источники данных

В качестве базы для исследования использована вся совокупность российских национальных фильмов (Приложение 1), вышедших в прокат с 2004 г. по апрель 2022 г. (N=1469) и отдельно — с мая 2022 г. по апрель 2023 г. (N=194). Данные собраны из открытых источников³. Проведена перекрёстная проверка (в ручном режиме). Не учитывались проекты, не вышедшие в прокат или вышедшие сразу на телевидении и киноплатформах, короткометражные проекты и альманахи (сборники).

Реализация эксперимента проводилась в оболочке Anaconda и Jupiter Notebook с помощью библиотек и модулей Python — `numpy`, `pandas`, `matplotlib`, `seaborn`, `sklearn.ensemble`, `sklearn.model_selection`, `sklearn.metrics` и других.

Если разработанная ранее нами модель классификатора успеха/неуспеха фильма в прокате использовала всего 8 параметров, новая модель содержит расширенный набор данных (25 признаков), включающий в себя неделю и месяц выхода фильма в прокат; количество экранов проката (экранных копий); бюджет фильма; возрастной рейтинг; длительность; данные основного жанра (средние сборы, средний рейтинг, средние просмотры, окупаемость или соотношение сборы/бюджет); аналогичные исторические данные по второму жанру, аналогичные исторические данные по режиссёру фильма и двум сценаристам, всего 25 столбцов данных. По 30% российских фильмов бюджет не указан продюсерами (как правило, данные фильмы относятся к категории провальных). В пропусках использовались медианные значения с использованием замены `NaN` по методу `df.feature.fillna(df.feature.median(), inplace = True)`. Данный подход также способствовал меньшей дискриминации режиссёров и сценаристов-новичков с отсутствующей историей проката. Вместо нулевых или минимальных значений они получали медианное.

Изначально предполагалось использование ансамблевой модели машинного обучения, основанной на `GradientBoostingClassifier` и `GradientBoostingRegressor` в силу её меньшей требовательности к ресурсам.

Boosting или последовательное обучение слабых моделей, как правило, использующих деревья решений, улучшает точность прогнозирования за счёт преобразования слабых классификаторов в единую сильную модель обучения. В плане осуществления регрессии метод уязвим в отношении аномалий и выбросов данных, поэтому желательна их стандартизация. С помощью метода `quantile` отбрасывались данные со значением прогнозируемых величин, не входящими в интервал от 0,05 до 0,95. Из `sklearn.preprocessing`, был импортирован стандартный метод `StandardScaler`.

Далее основная выборка была разделена на трениговую и тестовую с помощью метода `train_test_split` из `sklearn.model_selection`. Отдельно использовалась контрольная выборка из фильмов с мая 2022 г. по апрель 2023 г.

Обоснование использования методов машинного обучения

В отличие, например, от `AdaBoost`, метод `GradientBoosting` выдает сразу точные результаты, а не исправляет ошибки. По этой причине метод `GradientBoosting` даёт более точные результаты на новых данных (контрольная выборка новых фильмов). `XGBoost` разработан для многоядерной параллельной обработки прямо при работе с большими данными. И поэтому он избыточен для применяемого ограниченного набора данных.

³ Российские сайты и ресурсы, посвящённые кинотематике: film.ru, kinopoisk.ru, kinometro.ru, kinobusiness.com.

Bagging с параллельным обучением и последующим агрегированием результатов направлен на уменьшение разброса (дисперсии) в данных. Он больше подойдет для решения задач регрессии, связанных с прогнозированием точных значений — для последующей прикладной версии модели.

Методы Blending ограниченно применимы в данном случае по причине малой выборки. Ни базовые алгоритмы, ни метаалгоритм не используют всего объема данных обучения (каждый — только свой кусочек). Это непрактично для небольших выборок (полторы — две тысячи записей), но, в принципе, данный метод можно использовать при работе с индивидуальными оценками потребителей контента, контентом, генерируемым пользователями. Возможный вариант — использование синтетических данных, сгенерированных на базе основного датасета.

Stacking — модель, несмотря на возможность объединения разных базовых моделей, как правило, сложна в настройке гиперпараметров и требует более высокой квалификации исследователя, также подход отличается непредсказуемостью результатов.

Voting также предполагает использование нескольких, не похожих между собой, моделей машинного обучения и их объединения. Применение метода целесообразно в связи с объединением нескольких источников данных по кинопроизводству, причём не только исторических данных проката, но и данных социальных сетей, результатов анализа текста, визуального ряда и других данных кинопроектов. Поэтому отметим данный метод как перспективный для дальнейших исследований.

В рамках эксперимента по классификации сравним несколько ансамблевых моделей, отметим, что наиболее подходящими являются AdaBoost и GradientBoosting по совокупности метрик — см. Приложение 2.

Можно существенно улучшить AdaBoost до точности 0,9786 и ROC_AUC: 0,9966, как показано в Приложении 3, однако такие показатели достигнуты на синтетическом наборе данных — исходный датасет увеличен в 10 раз с помощью метода resample из модуля sklearn.utils. Особняком в исследованиях будет стоять проблема «переобучения» моделей, основанных на слишком слабых классификаторах, и при наличии сильно «зашумлённых» данных.

Второй вариант повышения эффективности — это создание «суперансамбля» моделей, состоящего, например, из AdaBoostClassifier, BaggingClassifier, ExtraTreesClassifier, GradientBoostingClassifier, RandomForestClassifier, HistGradientBoostingClassifier (точность от 0,93 до 0,95) с подобранными гиперпараметрами, с последующим дообучением метамодели на результатах базовых моделей через RandomForestClassifier или другую модель с точностью в 0,9683 для двухклассовой и 0,9569 для четырехклассовой классификации — см. Приложение 4.

Третий вариант — это одновременное использование «метамодели» и синтетических данных для получения более точных прогнозов и метрик машинного обучения. Для прогнозирования абсолютных значений по окупаемости, величине сборов, количеству просмотров зрителей и зрительскому рейтингу «Кинопоиска» используется ансамблевый алгоритм регрессии VotingRegressor, объединяющий результаты пяти моделей машинного обучения — RandomForestRegressor, ExtraTreesRegressor, AdaBoostRegressor, GradientBoostingRegressor, HistGradientBoostingRegressor с работой на увеличенной в 10 раз выборке с синтетическими данными.

В случае с классификацией для основной модели GradientBoosting с точностью в 0,95 отмечается большее удобство работы, поэтому применение моделей с точностью прогнозирования на тестовых данных в 0,97–0,98 представляет скорее теоретический интерес. Повышение точности предсказаний абсолютных величин связано с использованием синтетических данных и построением сложных метамodelей.

Результаты применения GradientBoostingClassifier для задач классификации кинопроекта

Ансамблевая модель прогнозирования, как и в случае с исследованиями коллег из Китая [Wu, 2021], задействовавших Gradient boosting decision tree (GBDT), должна давать лучший результат, чем «слабые модели» по отдельности.

Модель была обучена на тренинговой выборке из 1 028 фильмов и протестирована на тестовой выборке из 441 кинофильмов. Изначально достигнутая точность (accuracy) в 0,945 не является максимальной. Поэтому с помощью метода GridSearchCV был осуществлён подбор гиперпараметров ансамблевой модели (learning_rate: 0,02, max_depth 2, min_samples_leaf: 4, n_estimators: 130), точность улучшена до 0,952. Метрики качества модели представлены в табл. 1. Значение ROC_AUC⁴ = 0,971 (рис. 1).

Таблица 1

Метрики эффективности двухклассовой модели GradientBoostingClassifier

	precision	recall	f1-score	support
0	0,96742	0,97970	0,97352	394
1	0,80952	0,72340	0,76404	47
accuracy			0,95238	441
macro avg	0,88847	0,85155	0,86878	441
weighted avg	0,95059	0,95238	0,95119	441

*Источник: рассчитано автором в ходе эксперимента

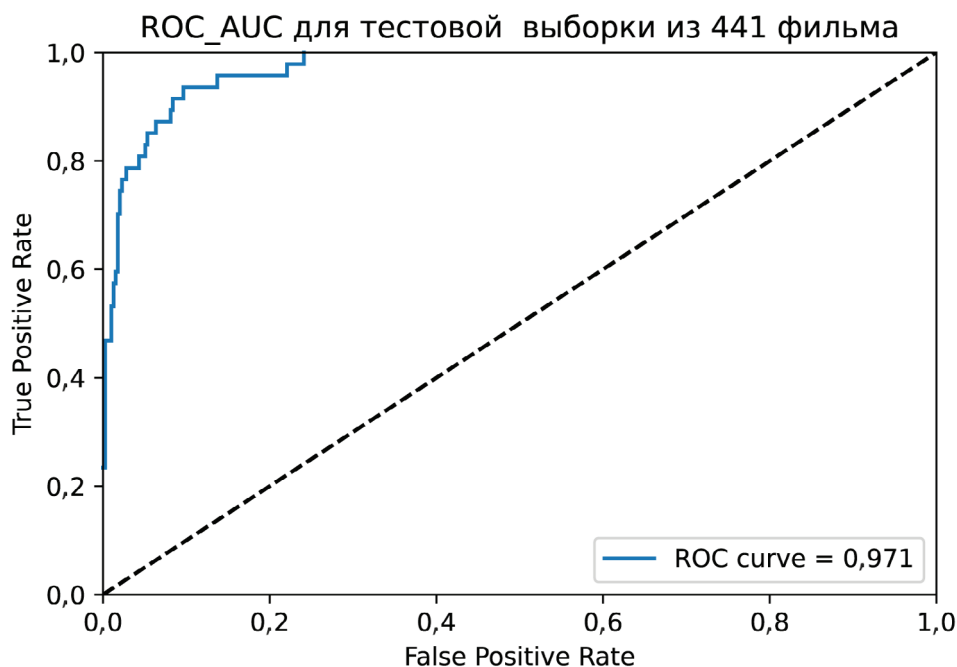

Рис. 1. ROC_AUC для тестовой выборки
Источник: рассчитано автором в ходе эксперимента.

⁴ Площадь под кривой ROC показывает эффективность алгоритма, чем она ближе к единице, тем работа алгоритма совершеннее.

Дополнительно модель была протестирована на новой выборке (не вошедшей, соответственно, в тестовую выборку), представляющей новые данные кинопроката за последний период с мая 2022 г. по апрель 2023 г. При подтверждении заявленных характеристик модели можно будет признать справедливыми два следующих утверждения: модель классификатора эффективна на новых, неизвестных данных и может использоваться для определения типов новых проектов; с мая 2022 г. по апрель 2023 г. не произошло фундаментальных изменений в критериях окупаемости кинопроектов — несмотря на уход иностранных кинодистрибьютеров.

На дополнительной выборке модель показала похожую точность в 0,948 и ROC_AUC = 0,976 для выборки из 194 новейших фильмов российского проката (рис. 2).

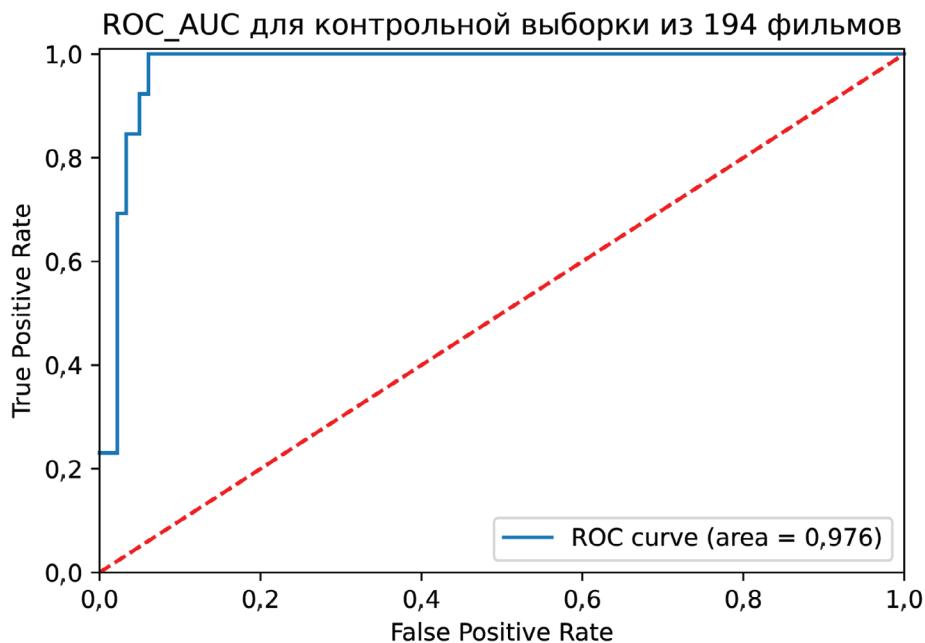

Рис. 2. ROC_AUC для контрольной выборки

Источник: рассчитано автором в ходе эксперимента.

Наши предположения получили подтверждение. Несмотря на уход иностранных дистрибьютеров с российского рынка, изменение критериев окупаемости кинопроектов ещё не произошло. Отчасти на данную ситуацию влияет средний производственный цикл большинства кинокартин в два года. В 2023 г. в прокат выходят картины, которые были приняты в производство до апреля 2022 г. То есть какие-то существенные изменения проявятся через несколько лет.

Имея исходный набор параметров фильма, мы можем с высокой степенью достоверности говорить о том, будет проект успешным или нет. В числе параметров: результаты режиссёра и сценаристов на прошлых работах (сборы, окупаемость, рейтинг «Кинопоиска», просмотры зрителей), жанровая принадлежность проекта, примерная длительность, возрастной рейтинг, предполагаемое количество экранов в прокате и ожидаемый период выхода и другие показатели. Следующее направление анализа — оценка того, насколько может быть успешным проект. Здесь мы воспользуемся той же ансамблевой моделью GradientBoostingClassifier, но только для варианта с четырёхклассовой классификацией: 0 — фильм провалился в прокате, собрал менее одного бюджета, 1 — фильм не окупился, собрал от одного до двух своих бюджетов, 2 — фильм окупился и принес прибыль, 3 — фильм принес своим создателям прибыль свыше 100%.

Была использована похожая схема анализа: выборка разбита на трениговую и тестовую в соотношении 70 к 30%. Точность модели четырехклассовой классификации составила

0,887. С использованием метода подбора гиперпараметров модели GridSearchCV (learning_rate: 0,1, max_depth: 5, n_estimators: 180) точность повышена до 0,893. Метрики эффективности модели представлены в табл. 2. Ещё раз повторимся, что более сложная в настройке по сравнению с GradientBoostingClassifier ансамблевая метамодель может давать более точные результаты — 0,968 для двухклассовой и 0,957 для четырёхклассовой классификации (Приложение 4).

Таблица 2

Метрики эффективности четырёхклассовой модели GradientBoostingClassifier

	precision	recall	f1-score	support
0	0,94340	0,97493	0,95890	359
1	0,63333	0,54286	0,58462	35
2	0,53846	0,33333	0,41176	21
3	0,66667	0,69231	0,67925	26
accuracy			0,89342	441
macro avg	0,69546	0,63586	0,65863	441
weighted avg	0,88319	0,89342	0,88666	441

*Источник: рассчитано автором в ходе эксперимента.

Значения ROC_AUC для крайних классов (0 — абсолютный провал и 3 — абсолютный успех) достаточно высоки. Результаты для «промежуточных» классов ниже (рис. 3). Отметим, что при обучении на достаточном наборе исторических данных проката, модель машинного обучения будет эффективнее любого эксперта-человека из «Фонда кино» или частной организации. По результатам российского исследования 2019 г.⁵ только 19 из 160 фильмов, поддержанных государством, окупались в прокате т.е. 12%, что близко средним показателям по рынку (11,5% — рассчитано автором).

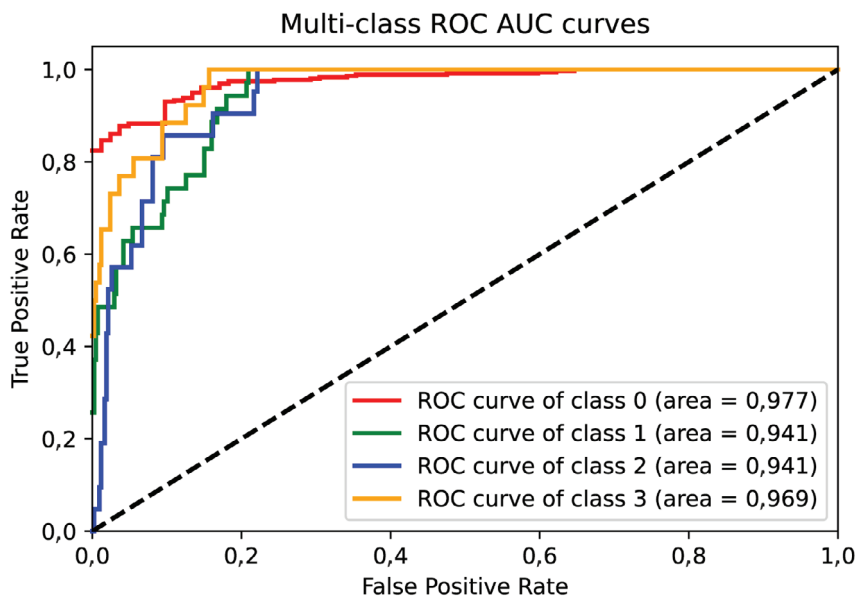

Рис. 3. ROC_AUC для тестовой выборки из 441 кинофильма

Источник: рассчитано автором в ходе эксперимента

⁵ В 2022 году в прокате окупился лишь один поддержанный Фондом кино фильм. РБК. https://www.rbc.ru/technology_and_media/10/02/2023/63e38a649a7947a68eb0b59d (дата обращения 06.07.2023).

Для новой выборки на данных с мая 2022 г. по апрель 2023 г. точность предсказаний составила 0,887, что так же свидетельствует о неизменности факторов, влияющих на окупаемость кинофильма в прокате.

Результаты применения GradientBoostingRegressor и VotingRegressor для определения абсолютных показателей кинопроекта

С помощью регрессионных моделей машинного обучения можно определить, сколько человек просмотрит конкретный фильм, каковы будут его сборы в абсолютных значениях и, наконец, какой рейтинг «Кинопоиска» он может получить. Повышение точности возможно за счёт использования синтетических данных и увеличения объёма выборки.

В качестве первого примера используем ансамблевую модель GradientBoostingRegressor для оценки окупаемости кинопроектов (соотношение сборы/бюджет). В целях повышения точности исходный и контрольный датасеты были отмасштабированы, удалены «выбросы» и аномальные значения (крайне низкие и аномально высокие оценки). Для оценки модели мы воспользуемся коэффициентом детерминации (R^2), чем ближе его значение к единице, тем лучше модель прогнозирует значения. На графиках представлена зависимость между фактическим и предсказанными значениями. До подбора гиперпараметров модели R^2 составил 0,809, после — 0,825 для тестовой выборки (рис. 4). Для контрольной выборки R^2 составил 0,813 в отношении кассовых сборов (рис. 5).

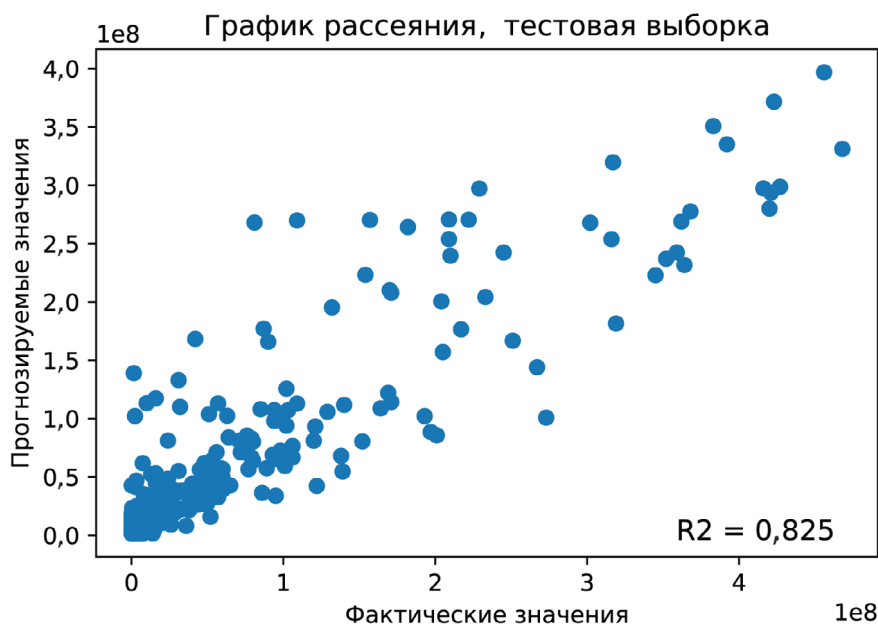

Рис. 4. График рассеяния для тестовой выборки из 441 кинофильма
 Источник: рассчитано автором в ходе эксперимента

Точность исследований может быть повышена, в частности, за счёт анализа области от 1 до 1,0, поскольку она содержит наибольшее количество данных. Повторимся, что только 11,5% российских фильмов окупаются в прокате. Отдельная область — это гиперуспешные, кассовые фильмы, собирающие в прокате свыше 4-х своих бюджетов. Таких проектов мало, статистические закономерности по ним выявлять сложнее всего, однако ранее рассмотренная модель четырёхклассового классификатора все же способна выделять данные проекты из общего массива.

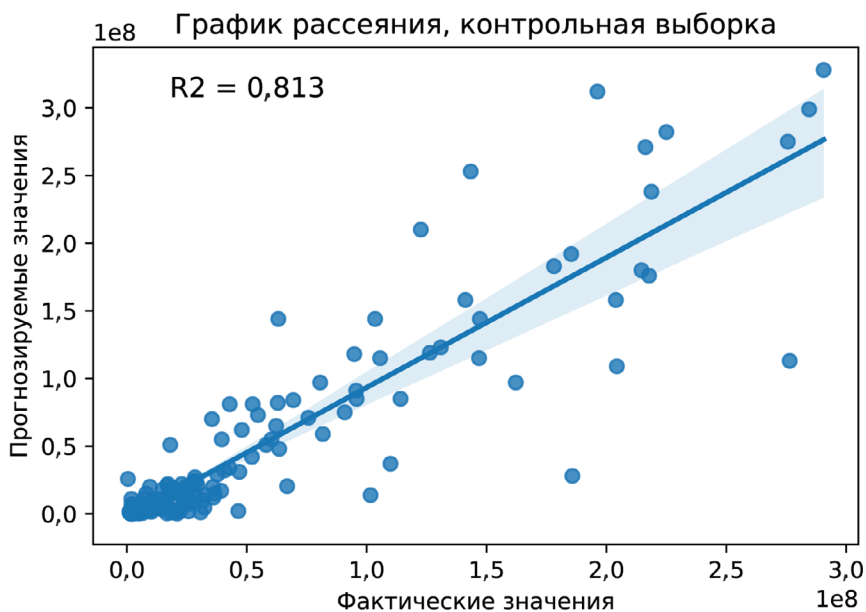

Рис. 5. График рассеяния для контрольной выборки из 194 кинофильмов
 Источник: рассчитано автором в ходе эксперимента

Можно ли повысить точность прогнозирования? В качестве рабочего метода используем комбинацию «усложнённая метамодель» VotingRegressor (Приложение 5) с набором синтетических данных, сгенерированных на основе имеющегося датасета при помощи метода `resample` (рис. 6).

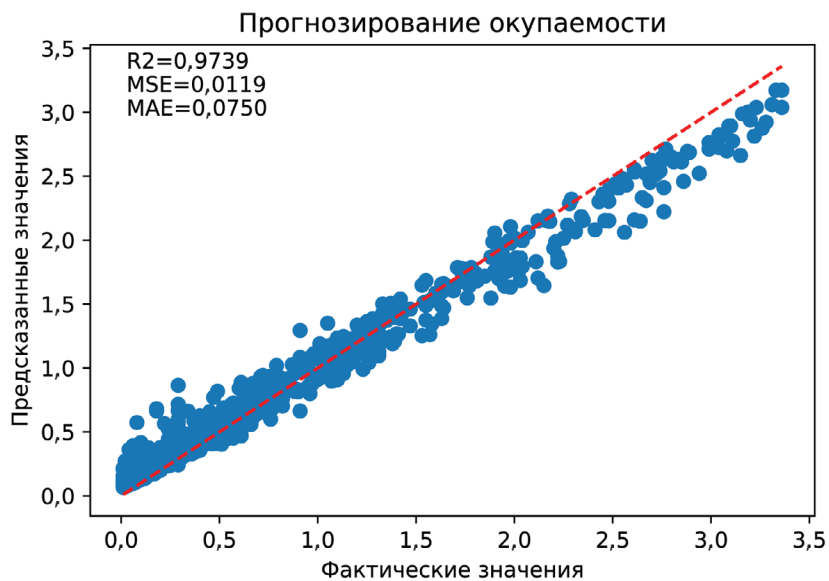

Рис. 6. График рассеяния, полученный на увеличенном с помощью синтетических данных датасете при помощи метамодели VotingRegressor
 Источник: рассчитано автором в ходе эксперимента

Обученная на большом наборе данных метамодель VotingRegressor получила высокое значение коэффициента детерминации, свидетельствующее о прогностических возможностях. Другие метрики MSE (Mean Squared Error, средняя квадратическая ошибка), оценка среднего значения квадрата ошибок, различие между предсказанием и фактическим значением и MAE (Mean Absolute Error, средняя абсолютная ошибка), оценка того, насколько близки предсказания к фактическим значениям — так же свидетельствуют о точности модели.

Аналогичный прогноз с помощью регрессионной модели GradientBoostingRegressor можно провести в отношении рейтинга «Кинопоиска». Здесь распределение данных более равномерное и связь между предполагаемыми и фактическими значениями более наглядна (рис. 7).

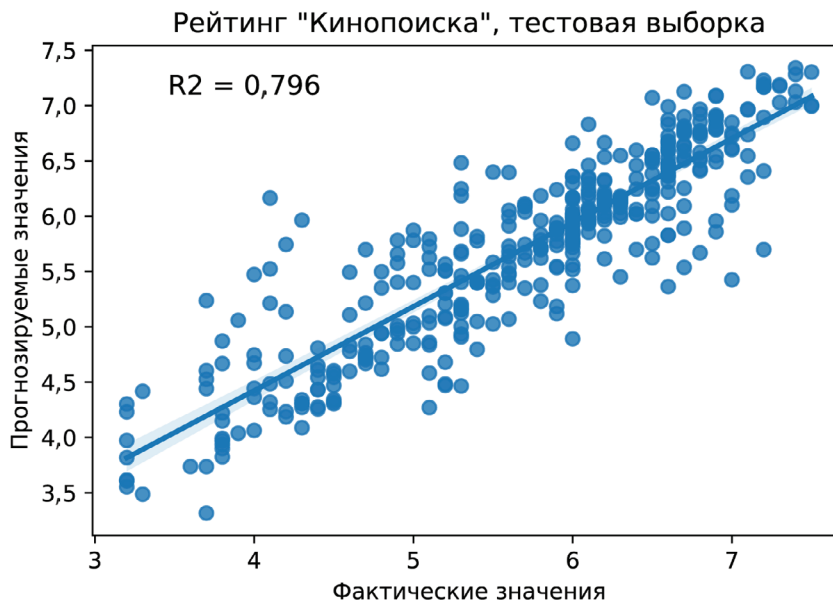

Рис. 7. Рейтинг «Кинопоиска», график рассеяния для тестовой выборки из 441 кинофильма
 Источник: рассчитано автором в ходе эксперимента

С использованием синтетических данных и VotingRegressor можно получить более эффективную регрессионную метамодель с метриками R2, MSE, MAE для прогнозирования итогового зрительского рейтинга (рис. 8).

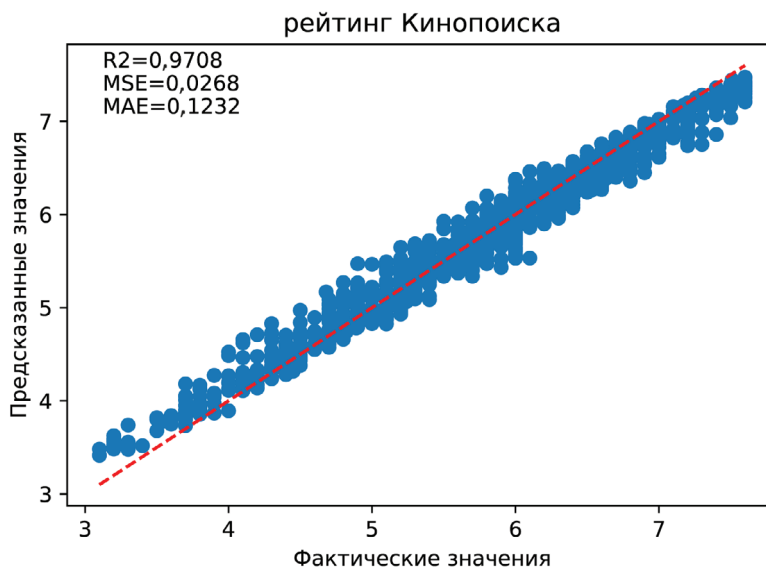

Рис. 8. Рейтинг «Кинопоиска», график рассеяния для тестовой выборки синтетических данных (увеличенная в 10 раз выборка)
 Источник: рассчитано автором в ходе эксперимента

Не менее важный показатель для прогнозирования — количество просмотров. Для малоизвестных и малобюджетных фильмов, например, подпадающего под катего-

рию «феномен якутского кино»⁶, не так важны сборы и рейтинг, как просмотры зрителей, поскольку малый бюджет окупается даже на ограниченном кинотеатральном прокате. И именно на «малом бюджете» опытные продюсеры тестируют и подбирают молодые режиссёрские дарования: если проект собирает полные залы на ограниченном прокате, без существенной рекламной поддержки — значит создан действительно стоящий продукт. На синтетических данных коэффициент детерминации составил 0,9748 (рис. 9).

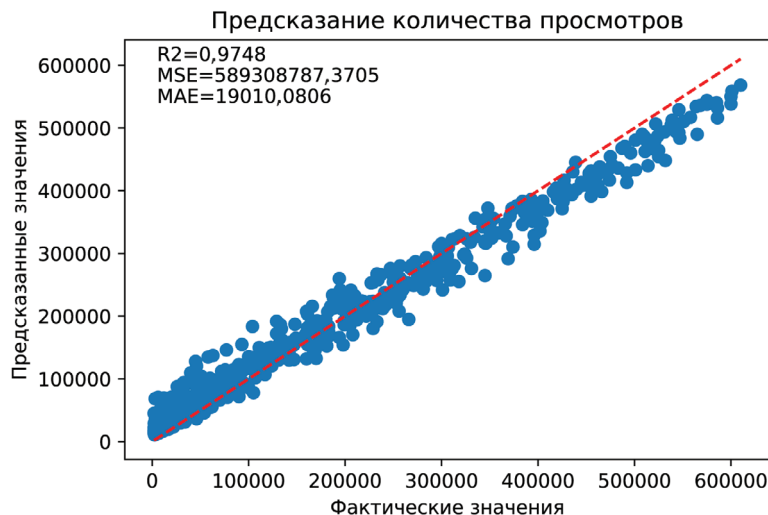

Рис. 9. Зрительские просмотры, график рассеяния, синтетические данные
Источник: рассчитано автором в ходе эксперимента.

Наибольший интерес для потенциальных инвесторов представляют данные по сборам фильмов, выраженным в абсолютных значениях. Для этого мы проанализируем все российские фильмы с помощью набора синтетических данных. Текущего набора данных в 1,6 с небольшим тысяч представляется недостаточным для точного обучения алгоритма. К тому же необходимо учесть, что 99% всех фильмов собирает 1,2 и менее млрд руб в прокате, отдельные «блокбастеры» являются скорее исключениями, чем правилом. Поэтому из выборки исследования исключим проекты со сборами свыше 1,2 млрд, в силу их достаточной редкости и остановимся на проектах, связанных с окупаемостью средних и небольших бюджетов (рис. 10).

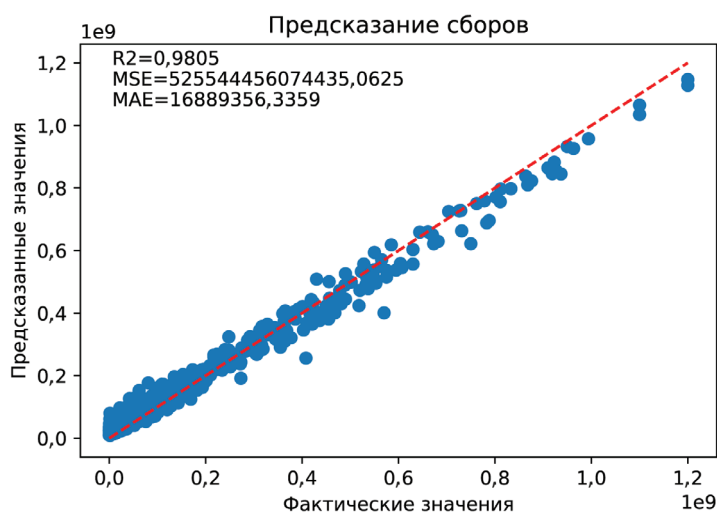

Рис. 10. Сборы фильма в прокате, график рассеяния, синтетические данные
Источник: рассчитано автором в ходе эксперимента.

⁶ Аброшина М. (2021). Новый взгляд: как якутское кино завоевало мир и в чем его главная особенность (дата публикации: 10.06.2021). Лента. <https://lenta.ru/articles/2021/10/06/yakutkino/> (дата обращения: 06.07.2023).

В результате получена достаточно точная модель прогнозирования на основе исторических данных, позволяющая, в том числе, оценивать предполагаемую величину сборов. Последнее является крайне необходимым для бюджетирования портфеля проектов и расчётов данных по возврату инвестиций.

У нас есть исторические данные по всем режиссёрам, работающим с 2004 г. Соответственно, зная величину предполагаемых сборов, мы можем оценить ожидаемый возврат инвестиций. Возьмём условное правило, что все режиссеры и их проекты получают одинаковую сумму инвестиций. Тогда отобранные с помощью данной методики проекты, которые будут сопоставлены с перечнем отобранных режиссёров, принесут прибыль, стремящуюся к средним результатам данных режиссеров (рис. 11). В приведённой таблице, если воспользоваться усреднёнными значениями между авторами, набравшими больше 1 по критерию «окупаемость» (box_budget_ch), мы получим среднее значение окупаемости в 3,31, что означает $((3,31/2-1)$, доход от инвестиций в размере 65%. Если мы остановимся только на первой семёрке самых успешных режиссёров, то получим возврат от инвестиций $(4,78/2-1)$, или 139%. Однако достижение этого показателя будет достаточно рискованной практикой. Для инвестиционного портфеля целесообразнее отбирать порядка 15–20 режиссёров, реализующих 20–30 проектов ежегодно в течение минимум 5 лет. Только в этих условиях можно рассчитывать на существенную доходность и возврат инвестиций как с учётом средней длительности периода производства, так и с учётом возможной индивидуальной волатильности итоговых результатов по каждому проекту.

Режиссер	снято проектов	среднее кол-во экранов	средние сборы на проект	средние просмотры на проект	средний бюджет проекта	средние сборы на экран	средние просмотры на экран	среднее соотношение сборы/ бюджет
Жора Крыжовников	5	1 616	899 400 000	3 780 000	147 035 213	572 324	2 383	8,33
Клим Шипенко	7	914	645 428 571	2 457 643	156 418 750	359 201	1 395	5,72
Алексей Нужный	6	1 359	489 833 333	1 806 500	240 746 282	316 287	1 173	4,63
Тимур Бекмамбетов	8	996	646 912 500	4 028 625	207 097 668	812 618	5 884	4,24
Дмитрий Дьяченко	11	1 191	784 272 727	3 086 000	204 079 197	563 821	2 362	3,81
Виктор Шамиров	5	469	130 256 800	535 460	32 212 625	146 599	728	3,54
Егор Баранов	8	1 068	227 250 000	947 500	109 270 671	179 214	742	3,22
Роман Каримов	8	766	69 500 000	299 000	39 403 482	108 071	494	3,06
Марюс Вайсберг	12	1 213	336 333 333	1 496 500	119 268 489	303 905	1 415	3,04
Сарик Андреасян	15	1 070	231 866 667	1 058 133	165 582 204	229 303	1 073	2,46
Фёдор Бондарчук	6	1 131	887 500 000	4 133 333	701 020 636	888 854	5 237	1,71
Святослав Подгаевский	6	1 059	91 833 333	408 000	56 213 542	90 440	406	1,68
Артем Аксененко	6	862	120 500 000	537 833	84 866 725	134 793	601	1,50
Пётр Буслов	5	931	268 480 000	1 510 600	258 826 950	330 377	2 128	1,44
Карен Оганесян	10	726	90 240 000	434 600	91 451 456	112 786	608	1,27
Алексей Балабанов	6	118	31 733 333	225 167	54 948 800	224 709	1 529	0,87
Олег Асадулин	7	831	54 557 143	253 286	102 189 567	60 793	295	0,80
Павел Руминов	6	342	37 000 000	177 250	44 454 390	68 117	387	0,75
Денис Чернов	6	1 412	209 333 333	984 000	435 707 450	143 818	689	0,70
Николай Хомерики	7	749	99 320 429	409 338	317 694 742	97 969	404	0,67
Анна Матисон	6	488	23 211 667	91 500	68 246 093	46 506	200	0,66
Валерий Тодоровский	5	647	171 200 000	909 000	286 256 875	222 716	1 195	0,59
Руслан Бальтцер	5	241	37 915 600	320 200	85 224 183	157 354	1 418	0,56
Константин Буслов	5	1 022	68 435 600	287 727	233 362 363	61 707	272	0,55
Дмитрий Суворов	5	769	40 320 000	169 400	89 039 815	48 214	204	0,51
Павел Лунгин	6	390	52 833 333	287 167	212 740 640	158 416	960	0,49
Ренат Давлетьяров	7	987	69 257 143	311 857	178 029 725	60 832	284	0,41
Анна Меликян	7	279	17 494 000	83 383	63 292 820	60 049	377	0,34
Игорь Волошин	5	333	39 099 000	180 362	110 597 050	52 098	255	0,33
Алексей Учитель	7	608	109 785 714	488 857	430 643 520	175 863	1 115	0,32
Кирилл Серебренников	8	187	22 106 375	77 488	96 067 100	84 566	344	0,27

Рис. 11. Средние результаты в прокате российских режиссеров

Источник: рассчитано автором в ходе эксперимента, цитирование по источнику⁷

⁷ Дождиков А.В. (2023). Успех «Чебурашки» можно повторить с помощью ИИ. И не только в киноиндустрии! PLUSworld (дата публикации: 21.03.2023). <https://plusworld.ru/journal/2023/plus-3-2023/uspek-h-cheburashki-mozhno-povtorit-s-pomoshchyu-ii-i-ne-tolko-v-kinoindustrii/> (дата обращения: 06.07.2023).

Заключение

У разработанной методики оценки прокатных характеристик кинопроектов есть ограничения — отсутствие «исторических данных» для сценаристов и режиссёров-новичков, в тестовом датасете их показатели заменяются на медианные значения. Аналогичное ограничение возникнет и при добавлении в модель данных по актёрам-новичкам и другим участникам творческой группы.

Демографические и социально-экономические данные зрительской аудитории для более детального анализа в отношении интересов, выставляемых рейтингов пока недоступны для исследования и сопоставления. В перспективе это данные по просмотрам российских киноплатформ и обезличенные, деперсонифицированные пользовательские данные, информация от электронных систем по продаже билетов в классические кинотеатры (например, данные ЕИАС⁸ и «Пушкинской карты»⁹).

Прогнозирование успеха/неуспеха фильма по производственным факторам — сценарий, режиссёрская экспликация, костюмы, реквизит, пластический грим и спецэффекты, локация и другие составляющие — требует использования алгоритмов другого уровня, включая «машинное зрение» и сверточные нейронные сети, а также языковые модели, методики векторизации и токенизации текста. В отношении производственных и финансовых документов и планов выполнения возможна оценка хода исполнения на большом количестве документов, составляющих внутреннюю документацию киностудий, получение которой требует доступа.

В базовую модель прогнозирования могут быть добавлены исторические данные по актёрам и другим участникам творческих групп. Для повышения точности анализа может быть сделан акцент на сложных ансамблевых моделях машинного обучения и нейросетях, увеличении выборки с помощью синтетических данных.

Дополнительно в перечень анализируемых данных можно включить элементы аудиовизуального ряда (постеры, трейлеры, рекламные материалы), текстовое описание (аннотации, логлайн, синопсис) и сценарий в «американском» формате, который очень хорошо поддается формализации. Данное направление потребует больших вычислительных ресурсов и применения алгоритмов работы с текстом и изображениями, превышающих возможности стандартного офисного оборудования.

Помимо представленного метода, основанного на исторических и текущих данных [Chakraborty, 2019], возможно изучение реакции человека на видекартинку из трейлера фильма, зафиксированной с помощью средств МРТ и ЭЭГ, систем трекинга глаз. Здесь необходимо отметить гипотезу о возможной связи полученных нейрофизиологических показателей с когнитивными состояниями сфокусированного внимания, кодированием долговременной памяти и синхронизацией различных компонентов сети вознаграждений мозга [Christoforou et al, 2019].

Для коммерческой индустрии крайне важно раннее предсказание производительности фильма за счёт подхода, основанного на «глубоком обучении» с учётом анализа только сюжетной части проекта (текста), когда факторы стадий «продакшен» и «постпродакшен» неизвестны заранее. Для осуществления этой деятельности возможно использование «гибридных» методов, учитывающих как характеристики фильма, а также настроения, выраженные в обзорах фильма [Tripathi, Tiwari., Saini, Kumari, 2023]. Особенно перспективным считается использование мнений пользователей, высказанных в социальных сетях по

⁸ Единая федеральная автоматизированная информационная система сведений о показах фильмов в кинозалах. Официальный ресурс подведомственной организации органа власти. <https://ekinobilet.fond-kino.ru/> (дата обращения: 06.07.2023)

⁹ Программа популяризации культурных мероприятий среди молодежи. Официальный ресурс: ФКУ Цифровая культура. <https://пушка.рф/> (дата обращения: 06.07.2023)

поводу ожиданий от фильма, с учётом страновых особенностей и отличий рынков, например, Голливуда от Болливуда.

К перечню «гибридных» методов мы можем отнести: аналитику визуальных изображений — промопостеров [Wi et al, 2020]; анализ маркетинговой среды и прогнозов показателей кинопроката с помощью рекуррентных нейронных сетей [Yu, Liu, 2022]; анализ неформальной коммуникации и «сарафанного радио» в отношении информации о будущих фильмах [Yun Kyung, 2017].

При отборе потенциально успешных/неуспешных проектов модели машинного обучения заведомо опережают любого продюсера или киноведа по точности прогнозирования финансового успеха проекта в прокате.

На данных датасета, окупаемость российских кинопроектов равна 1,1, даже с учётом проектов, многократно собирающих свой бюджет и приносящих прибыль. Медианная окупаемость российских кинопроектов в 2004–2023 гг. составила всего 0,28. При этом показатели проектов, получивших безвозвратную государственную поддержку, хуже, чем данные по рынку, в отличие, например, от Китая [Сокуренок, Маглинова, 2021], где государственная поддержка способствует увеличению спроса и ёмкости рынка кинопроката.

Обученная модель может обрабатывать сотни и тысячи кинопроектов. Для предварительной финансовой оценки проектов масштабного конкурса наподобие «Метода»¹⁰ или «Питчинга дебютантов»¹¹ предварительно обученной ансамблевой модели или нейросети потребуется несколько секунд. Государственные фонды и частные инвесторы могут использовать исторические данные и инструменты машинного обучения для определения перспективных инвестиционных направлений деятельности в сфере кинематографа.

Одно из возможных направлений развития «киберпродюсирования»: оптимальный подбор «гиперпараметров» фильма, принятого в производство для достижения максимального охвата целевой аудитории, по аналогии, например, с методами оптимизации модели машинного обучения GridSearchCV, RandomizedSearchCV и других. Проект любого фильма можно улучшить за счёт подбора или уточнения длительности, жанровой принадлежности, тайминга, возрастного рейтинга, наличия ключевых актёров, режиссёра, композитора и других важных членов творческой группы.

Прогнозирование развития российского кинематографа как важной части креативных индустрий связано с повышением количества успешных фильмов в прокате, переориентацией частных и государственных ресурсов на коммерчески успешные проекты, созданием эффективной программы государственного финансирования российского кинематографа [Сокуренок, Маглинова, 2021]. Если в современных условиях из 200 проектов прибыль приносят в среднем 23, то увеличение доли успешного кино выведет отрасль на уровень самоокупаемости и самофинансирования, откроет путь к развитию индустрии с помощью кредитных средств, а также эмиссии акций, облигаций и других финансовых инструментов, включая, например, краундфандинг [Замбалаева и др., 2019].

¹⁰ Метод — Всероссийский образовательный проект. <https://metod.one/movie> (дата обращения: 06.07.2023).

¹¹ Всероссийский питчинг дебютантов. <https://moviestart.ru/pitchingi/> (дата обращения: 06.07.2023).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Основной датасет

ID_kinopoisk	date	week	month	screens	budget	age_R	time	genre_box_budget	genre_avr_kinopoisk_R	genre_avr_box
70952	12.02.2004	7	2	100	46096480	12	115	0,51	6,18	66377566
77396	01.04.2004	14	4	117	57620600	0	98	0,94	5,23	181394667
79850	08.07.2004	28	7	315	121003260	16	115	0,94	5,23	181394667
253754	30.09.2004	40	9	47	46096480	12	101	0,51	6,18	66377566
252013	28.10.2004	44	10	188	57620600	6	90	1,19	6,07	148983326
85104	28.10.2004	44	10	93	86430900	0	80	0,86	5,34	141798727
81201	11.11.2004	46	11	35	57620600	16	100	1,88	5,36	129218872
81202	09.12.2004	50	12	300	201672100	12	105	0,86	5,34	141798727
81041	23.12.2004	52	12	200	115241200	12	79	1,88	5,36	129218872
208105	30.12.2004	53	12	14	43215450	16	94	1,88	5,36	129218872
104958	13.01.2005	3	1	130	14144600	12	105	1,88	5,36	129218872
85127	20.01.2005	4	1	73	70723000	16	85	1,88	5,36	129218872
254806	03.02.2005	6	2	22	28289200	18	112	1,88	5,36	129218872
40775	24.02.2005	9	2	367	113156800	16	130	0,86	5,34	141798727
81485	17.03.2005	12	3	320	99012200	16	132	0,51	6,18	66377566
95943	24.03.2005	13	3	137	42433800	16	93	1,88	5,36	129218872
81203	31.03.2005	14	3	270	50920560	16	110	0,79	5,96	52280641
94111	21.04.2005	17	4	352	113156800	16	127	0,79	5,96	52280641
418372	19.05.2005	21	5	30	70723000	18	80	1,88	5,36	129218872

Рис. 12. Фрагмент основного датасета
Fig. 12. Fragment of the main dataset

Сравнение метрик ансамблевых моделей

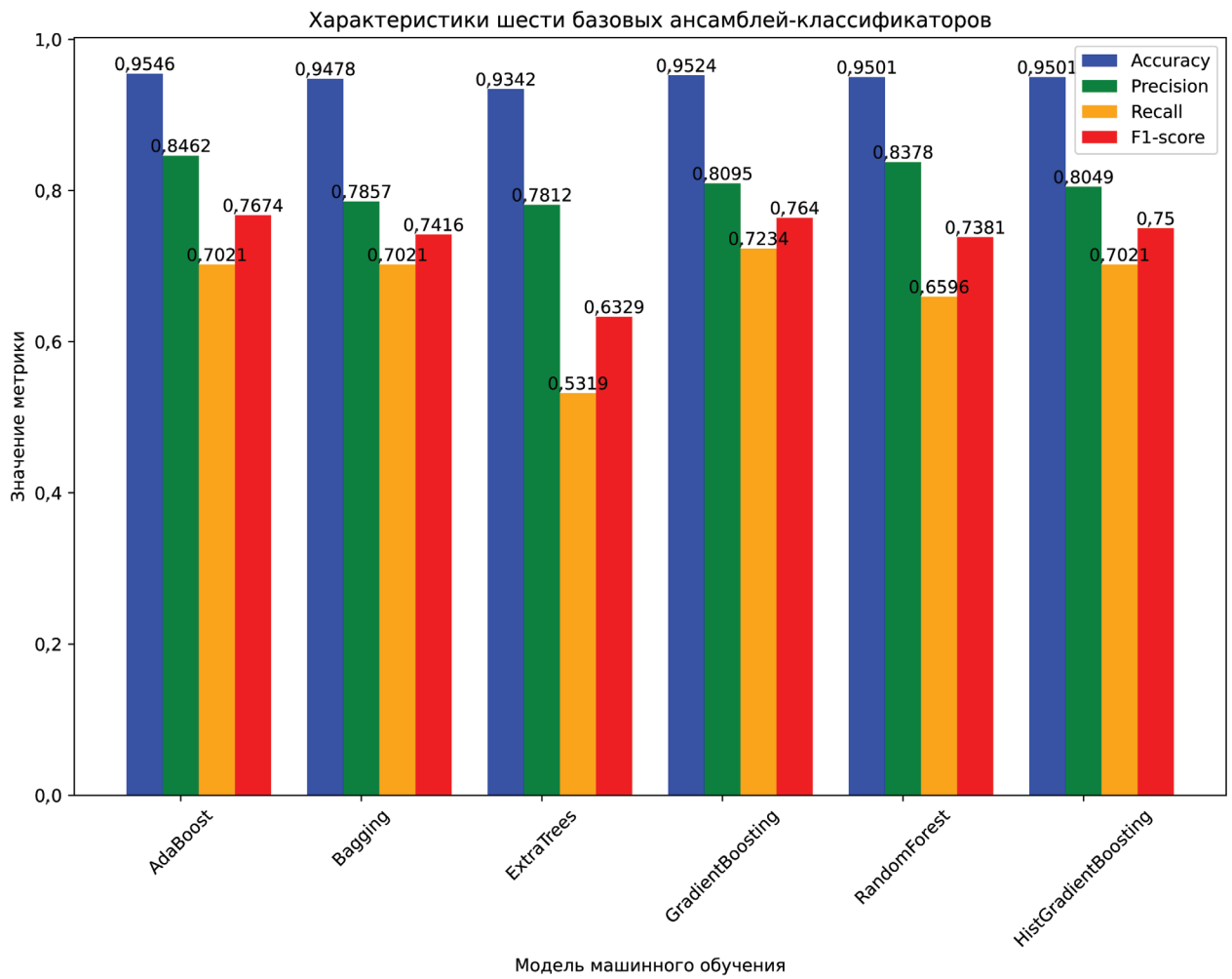

Рис. 13. Метрики моделей машинного обучения
 Fig. 13. Metrics of Machine Learning Models

Метрики AdaBoostClassifier на синтетическом (увеличенном в 10 раз) наборе данных

Табл. 3. Матрица ошибок
Tab. 3. Matrix of errors

Confusion Matrix:	Predicted Negative	Predicted Positive
Actual Negative	4417	34
Actual Positive	73	465

Табл. 4. Метрики двухклассовой классификации
Tab. 4. Two-class classification metrics

	precision	recall	f1-score	support
0	0,9837	0,9924	0,9880	4451
1	0,9319	0,8643	0,8968	538
accuracy			0,9786	4989
macro avg	0,9578	0,9283	0,9424	4989
weighted avg	0,9781	0,9786	0,9782	4989

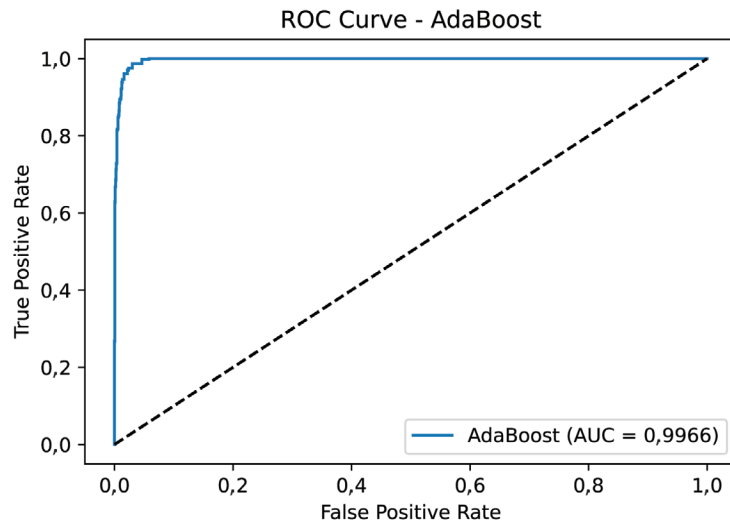

Рис. 14. Кривая ROC+AUC для алгоритма Adaboost с использованием синтетических данных
Fig. 14. ROC_AUC curve for Adaboost algorithm using synthetic data

Приложение 4

Показатели и метрики метамодел классификатора (суперансамбля)

```
# Задание базовых моделей ансамбля
base_models = [
    AdaBoostClassifier(),
    BaggingClassifier(),
    ExtraTreesClassifier(),
    GradientBoostingClassifier(),
    RandomForestClassifier(),
    HistGradientBoostingClassifier()
]

# Обучение базовых моделей и поиск параметров
for i, model in enumerate(base_models):
    grid_search = GridSearchCV(model, params[i], scoring='accuracy', cv=5)
    grid_search.fit(X_train, y_train)
    best_model = grid_search.best_estimator_
    base_models[i] = best_model
    print(best_model)

# Подобранные гиперпараметры моделей
AdaBoostClassifier(n_estimators=10)
BaggingClassifier(max_samples=0,6, n_estimators=35)
ExtraTreesClassifier(max_depth=12, n_estimators=360)
GradientBoostingClassifier(learning_rate=0.5, max_depth=7, n_estimators=200)
RandomForestClassifier(max_depth=10, n_estimators=200)
HistGradientBoostingClassifier(l2_regularization=0.1, max_depth=4)
```

Табл. 5. Метрики двухклассовой классификации
Tab. 5. Metrics of two-class classification

	precision	recall	f1-score	support
0	0,9774	0,9873	0,9823	394
1	0,8837	0,8085	0,8444	47
accuracy			0,9683	441
macro avg	0,9306	0,8979	0,9134	441
weighted avg	0,9674	0,9683	0,9676	441

Табл. 6. Метрики четырёхклассовой классификации
Tab. 6. Four-class classification metrics

	precision	recall	f1-score	support
0	0,9650	0,9972	0,9808	359
1	0,8621	0,7143	0,7813	35
2	0,9333	0,6667	0,7778	21
3	0,9615	0,9615	0,9615	26
accuracy			0,9569	441
macro avg	0,9305	0,8349	0,8753	441
weighted avg	0,9551	0,9569	0,9542	441

Структура метамодели и гиперпараметры моделей, составляющих VotingRegressor

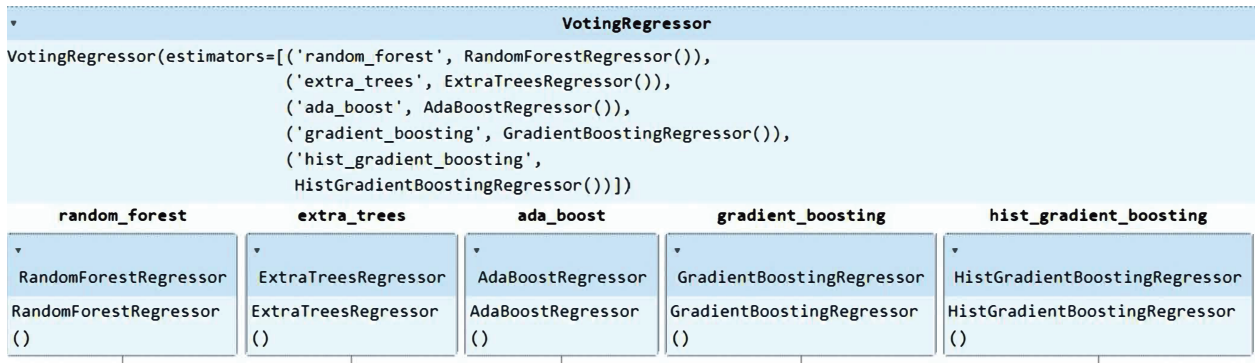

Рис. 15. Метамодель на базе VotingRegressor

Fig. 15. Metamodel based on VotingRegressor

Гиперпараметры моделей, на которых достигнуты коэффициенты R2, MAE, MSE для прогнозирования

Гиперпараметры для модели random_forest:

```
{'bootstrap': True, 'ccp_alpha': 0.0, 'criterion': 'squared_error', 'max_depth': None, 'max_features': 1.0, 'max_leaf_nodes': None, 'max_samples': None, 'min_impurity_decrease': 0.0, 'min_samples_leaf': 1, 'min_samples_split': 2, 'min_weight_fraction_leaf': 0.0, 'n_estimators': 100, 'n_jobs': None, 'oob_score': False, 'random_state': None, 'verbose': 0, 'warm_start': False}
```

Гиперпараметры для модели extra_trees:

```
{'bootstrap': False, 'ccp_alpha': 0.0, 'criterion': 'squared_error', 'max_depth': None, 'max_features': 1.0, 'max_leaf_nodes': None, 'max_samples': None, 'min_impurity_decrease': 0.0, 'min_samples_leaf': 1, 'min_samples_split': 2, 'min_weight_fraction_leaf': 0.0, 'n_estimators': 100, 'n_jobs': None, 'oob_score': False, 'random_state': None, 'verbose': 0, 'warm_start': False}
```

Гиперпараметры для модели ada_boost:

```
{'base_estimator': None, 'learning_rate': 1.0, 'loss': 'linear', 'n_estimators': 50, 'random_state': None}
```

Гиперпараметры для модели gradient_boosting:

```
{'alpha': 0.9, 'ccp_alpha': 0.0, 'criterion': 'friedman_mse', 'init': None, 'learning_rate': 0.1, 'loss': 'squared_error', 'max_depth': 3, 'max_features': None, 'max_leaf_nodes': None, 'min_impurity_decrease': 0.0, 'min_samples_leaf': 1, 'min_samples_split': 2, 'min_weight_fraction_leaf': 0.0, 'n_estimators': 100, 'n_iter_no_change': None, 'random_state': None, 'subsample': 1.0, 'tol': 0.0001, 'validation_fraction': 0.1, 'verbose': 0, 'warm_start': False}
```

Гиперпараметры для модели hist_gradient_boosting:

```
{'categorical_features': None, 'early_stopping': 'auto', 'l2_regularization': 0.0, 'learning_rate': 0.1, 'loss': 'squared_error', 'max_bins': 255, 'max_depth': None, 'max_iter': 100, 'max_leaf_nodes': 31, 'min_samples_leaf': 20, 'monotonic_cst': None, 'n_iter_no_change': 10, 'quantile': None, 'random_state': None, 'scoring': 'loss', 'tol': 1e-07, 'validation_fraction': 0.1, 'verbose': 0, 'warm_start': False}
```


ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аракелян А.М. (2016). Формирование условий повышения инвестиционной привлекательности киноотрасли в России [Arakelyan A. M. (2016). Formation of conditions for increasing the investment attractiveness of the film industry in Russia] // *Сервис plus*. Т. 10. № 2. С. 74–79. DOI: 10.12737/19459.
- Замбалаева Т.Б., Рыжкова М.В., Чиков М.В. (2019). Бизнес-схемы краудфандинговых платформ в обеспечении финансирования инновационного проекта [Zambalaeva T.B., Ryzhkova M.V., Chikov M.V. (2019). Business schemes of crowdfunding platforms in providing financing for an innovative project] // *Экономика и управление инновациями*. № 2. С. 70–83. DOI: 10.26730/2587-5574-2019-2-70-83.
- Князева И.Г., Иванова Д.М. (2020). Прогнозирование кассовых сборов проката фильма [Knyazeva I.G., Ivanova D.M. (2020). Forecasting the box office of the film] // *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. Т. 18. № 2. С. 24–37. DOI: 10.24147/1812-3988.2020.18(2).24-37.
- Ноакк Н.В., Неволин И.В., Татарников А.С. (2012). Методика прогнозирования выручки от проката кинофильмов [Noakk N.V., Nevolin I.V., Tatarnikov A.S. (2012). Methodology for forecasting revenue from movie rentals] // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. № 48. С. 17–24.
- Педеяш Е.А. (2013). Эконометрическое прогнозирование кассового успеха кинофильмов: магистерская диссертация [Pedyash E.A. (2013). Econometric Forecasting of Film Box Office Success: Master's dissertation] М.: НИУ ВШЭ (дата публикации: 06.03.2013). https://www.hse.ru/data/2013/06/03/1285529668/Магистерская_диссертация_Педеяш_Евгений.docx (дата обращения: 06.07.2023).
- Печегина Т. (2023). Импакт идет в кино. Оценка эффективности инвестиций в российский кинематограф [Pechegina T. (2023). Impact goes to the cinema. Evaluation of the effectiveness of investments in Russian] // *Позитивные изменения*. Т. 3. № 2. С. 16–27. DOI: 10.55140/2782-5817-2023-3-2-16-27.
- Смекалин И. (2023). Фильмы, меняющие жизнь. Оценка социального импакта кино и практики доказательности в кинопроизводстве [Smekalin I. (2023). Movies that change lives. Assessment of the social impact of cinema and the practice of evidence in film production] // *Позитивные изменения*. Т. 3 № 2. С. 28–38. DOI: 10.55140/2782-5817-2023-3-2-28-38.
- Сокуренок К.В., Маглинова Т.Г. (2021). Особенности развития рынка киноиндустрии в Китае [Sokurenko K.V., Maglinova T.G. Peculiarities of development of the film industry market in China] // *Казанский экономический вестник*. №1 (51). С. 37–41.
- Татарников А.С. (2012). Методы прогнозирования кассовых сборов [Tatarnikov A.S. (2012). Methods for predicting box office receipts] // *Бюллетень кинопрокатчика*. №10–11 (75–76). С. 50–56.
- Татарников А.С., Неволин И.В., Ноакк Н.В. (2012). Выявление спроса на неосязаемые продукты (на примере кинофильмов) [Tatarnikov A.S., Nevolin I.V., Noakk N.V. (2012). Identification of demand for intangible products (on the example of films)] // *Труды 55-й научной конференции МФТИ. Инновации и высокие технологии*. — М.: МФТИ. С. 65–67.
- Ясницкий Л.Н., Белобородова Н.О., Медведева Е.Ю. (2017). Методика нейросетевого прогнозирования кассовых сборов кинофильмов [Yasnitsky L.N., Beloborodova N.O., Medvedeva E.Yu. (2017). Methodology for neural network forecasting of box office receipts of films] // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. Т. 10. № 4(334). С. 449–463.
- Chakraborty P., Zahidur R., Saifur R. (2019). Movie Success Prediction using Historical and Current Data Mining // *International Journal of Computer Applications*. Vol. 178. No. 47. Pp. 1–5. DOI:10.5120/ijca2019919415.
- Christoforou C., Papadopoulou T.C., Constantinidou F., Theodorou M. (2017). Your Brain on the Movies: A Computational Approach for Predicting Box-office Performance from Viewer's Brain Responses to Movie Trailers // *Frontiers in neuroinformatics*. December. Vol. 11. Article 72. DOI: 10.3389/fninf.2017.00072.
- Gupta C., Chawla G., Rawley K., Bisht K., Sharma M. (2021). Senti_ALSTM: Sentiment Analysis of Movie Reviews Using Attention-Based-LSTM // *Proceedings of 3rd International Conference on Computing Informatics and Networks. Lecture Notes in Networks and Systems*. A. Abraham, O. Castillo, D. Virmani (eds). Vol. 167. Springer, Singapore. DOI: 10.1007/978-981-15-9712-1_18.
- Krauss J., Nann S., Simon D., Fischbach K., Gloor P. (2008). Predicting Movie Success and Academy Awards through Sentiment and Social Network Analysis // *16th European Conference on Information Systems* // AISel. <https://aisel.aisnet.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1185&context=ecis2008>.
- Li D., Liu Z.-P. (2022). Predicting Box-Office Markets with Machine Learning Methods // *Entropy*. 24. No. 5: 711. DOI: 10.3390/E24050711.
- Meenakshi K., Maragatham G., Agarwal N., Ishitha G. (2018). A Data mining Technique for Analyzing and Predicting the success of Movie // *Journal of Physics: Conference Series*. 1000 012100. DOI: 10.1088/1742-6596/1000/1/012100.
- Mestyán M., Yasseri T., Kertész J. (2013). Early Prediction of Movie Box Office Success Based on Wikipedia Activity Big Data // *PLoS ONE*. No. 8 (8):e71226. DOI: 10.1371/journal.pone.0071226.
- Mohan Raj, Prasanna and Aditya, S. (2017). Predictive Model for Movie's Success and Sentiment Analysis // *Research Journal of Management Sciences*. Vol. 6 (6). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3194449>.
- Murschetz P.C., Bruneel C., Guy J.-L., Haughton D., Lemercier N., McLaughlin M.-D., Mentzer K., Vialle Q., Zhang C., Murschetz P.C., & Bakhtawar B. (2020). Movie Industry Economics: How Data Analytics Can Help Predict Movies' Financial Success // *Nordic Journal of Media Management*. No. 1 (3). <https://journals.aau.dk/index.php/NJMM/article/view/5871>. DOI: 10.5278/njmm.2597-0445.5871.

- Olubukola D., Stephen O., Funmilayo A., Ayokunle O., Oyebola A., Oduroye A., Wumi A., Yaw M. (2021). Movie Success Prediction Using Data Mining // *British Journal of Computer, Networking and Information Technology*. No. 4. Pp. 22–30. DOI: 10.52589/BJCNIT-CQOCIREC.
- Sivakumar P., Rajeswaren V., Abishankar K., Ekanayake J., Mehendran Y. (2021). Movie Success and Rating Prediction Using Data Mining Algorithms // *Conference: International Research Conference of Uva Wellassa University (IRC UWU-2020)*. https://www.researchgate.net/publication/349586116_Movie_Success_and_Rating_Prediction_Using_Data_Mining_Algorithms DOI: 10.13140/RG.2.2.14697.42085.
- Souza T., Nishijima M., Pires, R. (2023). Revisiting predictions of movie economic success: random Forest applied to profits // *Multimed Tools Appl*. https://www.researchgate.net/publication/369591522_Revisiting_predictions_of_movie_economic_success_random_Forest_applied_to_profits. DOI: 10.1007/s11042-023-15169-4.
- Tripathi J., Tiwari S., Saini A., Kumari S. (2023). Prediction of movie success based on machine learning and twitter sentiment analysis using internet movie database data // *Indonesian Journal of Electrical Engineering and Computer Science*. March 2023. Vol. 29. No. 3. Pp. 1750–1757. DOI: 10.11591/ijeecs.v29.i3.pp1750-1757.
- Wi. J., Jang S., Kim Y. (2020). Poster-Based Multiple Movie Genre Classification Using Inter-Channel Features // *IEEE Access*. Vol. 8. Pp. 66615–66624. DOI: 10.1109/ACCESS.2020.2986055.
- Wu S., Zheng Y., Wu F., Zhan C.. (2019). Movie box office prediction based on ensemble learning. *IEEE Symposium on Product Compliance Engineering — Asia (ISPCE-CN)*. <https://ieeexplore.ieee.org/abstract/document/8958631>. DOI: 10.1109/ISPCE-CN48734.2019.8958631.
- You J.K., Yun G.Ch., Jung H.L. (2019). Prediction of a Movie's Success From Plot Summaries Using Deep Learning Models // *Proceedings of the Second Workshop on Storytelling*. Association for Computational Linguistics. Florence, Italy. Pp. 127–135. DOI: 10.18653/v1/W19-3414.
- Yu Y., Liu J. (2022). Optimizing Film Companies' Marketing Strategy Using Blockchain and Recurrent Neural Network Model // *Computational Intelligence and Neuroscience*. Pp. 1–13. Available at <https://www.hindawi.com/journals/cin/2022/4139074/>. DOI: 10.1155/2022/4139074.
- Yun K.O. (2017). The Impact of Initial eWOM Growth on the Sales in Movie Distribution // *Journal of Distribution Science*. No. 15. Pp. 85–93. DOI: 10.15722/jds.15.9.201709.85.

Дождиков Антон Валентинович

antondnn@yandex.ru

Anton Dozhdikov

Ph.D. (politics), independent researcher, Moscow

antondnn@yandex.ru

PREDICTION OF THE RESULTS OF MOVIE RELEASE USING MACHINE LEARNING¹²

Abstract. The subject of the research is the results of distribution of Russian national films. The purpose of the study is to classify projects according to the principle of their success/failure at the box office and predict the characteristics of the box office. The objectives of the study are to create algorithms for selecting (classifying) potentially successful projects into an investment portfolio and predicting (regression) rental characteristics: the number of views, payback, viewer rating. The technique is based on the application of ensemble machine learning models. The empirical base of the study is the entire set of Russian national films in distribution from 2004 to April 2022 (N=1469) and from May 2022 to April 2023 (N=194). Achieved accuracy of 0,95 and 0,89 for two and four class classification and high performance ROC_AUC = 0,97 for two class model and 0,94 — 0,98 for four class model. More complex metamodels (superensembles) can achieve an accuracy of 0,97–0,98 for a two-class classification and 0,96 for a four-class one. Complex regression metamodels predict the absolute values of payback, fees, views with a coefficient of determination (R²) in the range of 0,97–0,98 using synthetic data. As a result, it became possible to form investment portfolios of film projects with an annual historical return of up to 139%. The scope of application is to ensure the selection of films for investment “portfolios of film projects” of state (Ministry of Culture, Cinema Fund) and private investors. Machine learning models can be adapted to the conditions of global and foreign markets by increasing the number of model features, expanding the arsenal of machine learning methods, including the analysis of texts, images, videos, and user data of social networks.

Keywords: *national cinematography, investments, financing, machine learning, prediction, classification, regression, portfolio investment, movie rating, number of movie views, movie payback, movie box office success.*

JEL: G11, G17, Z11, C38, C53, C65, C45.

¹² Acknowledgements: Author expresses his gratitude to the staff of the ITMO Higher School of Digital Culture Mikhailova E.G., Grafeeva E.G., Egorova O.B., Boitsev A.A. Romanov A.A. for the knowledge gained; Organizing Committee of PLUS Media Holding, Business Development Director Grizov K.A. for the opportunity to present the practical results of the study and the industry financial magazine «PLUS» and for speaking at the International Forum «Fintech, Banks and Retail» on June 21–22 in the section «Big Data. Strategic capital of the 21st century»?

О.Н. Борох

к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (Москва)

ВКЛАД ФАН СЯНЬТИНА В ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ КИТАЯ (1920–1930-е гг.)

Аннотация. В статье анализируются труды Фан Сяньтина, посвящённые поиску стратегии индустриализации Китая. Опыт изучения истории индустриального развития Англии и влияние немецкой исторической школы стали важными компонентами понимания учёным экономических перспектив Китая первой половины XX в. Отправной точкой для исследования китайской промышленности стала предложенная К. Бюхером классификация форм организации производства в их исторической эволюции. Собранные Фан Сяньтином данные о социально-экономическом состоянии ряда отраслей (ковроткачество, хлопчатобумажная промышленность) позволили выявить многочисленные препятствия на пути индустриализации Китая. Учёный рекомендовал сосредоточить усилия на развитии сельской промышленности, избегая следования западной модели концентрации крупных предприятий в городах. Сельское производство не нуждалось в больших капиталовложениях, ресурсах и сложной технике, могло использовать труд крестьян и не находилось под контролем иностранных держав. Хотя сельская промышленность Китая в условиях мирового кризиса столкнулась с сокращением сбыта на внешних рынках, Фан Сяньтин возлагал надежды на её оживление и превращение в движущую силу индустриализации. В развитии мелкого децентрализованного производства он видел возможность противодействия иностранному демпингу, сохранения сельской семьи как производственной единицы и поддержания социальной стабильности. Учёный рекомендовал развивать систему сельских кооперативов, способную защитить экономические интересы производителей и повысить конкурентоспособность китайских товаров. Сделан вывод, что исследования Фан Сяньтина стали важной частью продвижения китайских экономистов к углублённому пониманию перспектив индустриализации страны с учётом национальной специфики. Отличительной особенностью его метода было сочетание сбора объективной экономической информации с изучением политических, социальных и правовых институтов, стремление выявить воздействие индустриализации на китайское общество. Акцент на приоритете сельской промышленности раскрывает исторические истоки экономической стратегии начального этапа китайских реформ 1980-х гг., нацеленной на повышение уровня жизни крестьян за счёт развития предприятий сельской промышленности.

Ключевые слова: *Республиканский Китай, Фан Сяньтин, американское образование, немецкая историческая школа, индустриализация, обследования, сельская промышленность.*

JEL: B2, B31, N15

УДК: 33.330.8

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_115_136

© О.Н. Борох, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Борох О.Н.* Вклад Фан Сяньтина в изучение проблем индустриализации Китая (1920–1930-е гг.) // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 4. С. 115–136. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_115_136.

FOR CITATION: *Borokh O.N.* Fang Xianting's Contribution to the Study of China's Industrial Development (1920–1930s) // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2023. No. 4. Pp. 115–136. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_115_136.

Введение

Изучение научного наследия одного из наиболее известных китайских экономистов республиканского периода Фан Сяньтина (Hsien Ding Fong, 1903–1985) позволяет глубже понять процессы, связанные с важным этапом индустриализации Китая. Уникальность его исследований обусловлена соединением личного опыта работы в хлопчатобумажной промышленности с теоретическими знаниями экономической истории Запада, приобретёнными благодаря учёбе в США.

В статье проанализирована эволюция взглядов Фан Сяньтина на индустриализацию Китая, рассмотрена специфика его научной методологии. С опорой на первоисточники изучены работы Фан Сяньтина о ковроткачестве и хлопчатобумажной промышленности, а также его исследования сельской промышленности Китая.

Хронологические рамки ограничены периодом конца 1920-х — первой половины 1930-х гг. После начавшейся в 1937 г. полномасштабной агрессии Японии против Китая представления китайских экономистов о темпах и задачах индустриализации страны существенно изменились. Фан Сяньтин не был исключением. Учёный поддержал идеи контролируемой экономики и выступил за проведение индустриализации под руководством государства. В конце 1940-х гг., накануне образования КНР, Фан Сяньтин уехал из Китая.

Становление научных взглядов Фан Сяньтина

Фан Сяньтин родился в городе Нинбо провинции Чжэцзян в семье мелкого торговца ювелирными изделиями. После учёбы в традиционной начальной школе в возрасте 10 лет он перешёл в британскую миссионерскую школу, где начал учить английский язык. Тогда «каждая семья небольших торговцев хотела, чтобы их сыновья работали в иностранных компаниях, где жалование выше» [Fang Xianting, 2006. P. 12].

В 1917 г. в возрасте 14 лет он поступил учеником на хлопкопрядильную фабрику в Шанхае. Её хозяином был промышленник Му Оучу (1876–1943), стремившийся осваивать новые западные технические достижения. Он сыграл важную роль в начале жизненного пути Фан Сяньтина, потому остановимся вкратце на его биографии.

Му Оучу родился в семье фермера-хлопководы в Пудуне (ныне это известный всему миру деловой район Шанхая). В 13 лет он стал работать подмастерьем в хлопковой отрасли. Целеустремленность помогала ему преодолевать жизненные трудности — Му Оучу самостоятельно выучил английский язык, поступил работать на таможню, по приглашению реформатора Чжан Цзяня занимал должность начальника полиции железнодорожной компании. Му Оучу было больше тридцати лет, когда он отправился для получения образования в США. В 1909–1911 гг. он обучался в университете Висконсина, затем в университете Иллинойса. В 1914 г. он получил степень бакалавра в области сельского хозяйства. В текстильной школе Ловелл при крупнейшем производителе оборудования для текстильной промышленности США — компании «Сако-Ловелл» Му Оучу прослушал курсы по выращиванию хлопка и оборудованию для хлопкопрядения [Fang Xianting, 2006. P. 16; Zhao Yinglin. 2022. P. 78]. В 1914 г. Му Оучу вернулся в Китай. Он был увлечён американской техникой и первым ввез в Китай ткацкие станки из США, создал опытное хлопководческое хозяйство. В 1915 г. вместе с братом он основал хлопкопрядильную фабрику «Дэда» в Шанхае, год спустя на конкурсе в Пекине её продукция заняла первое место. Этот успех позволил в начале 1916 г. создать прядильную фабрику «Хоушэн». В 1918 г. Му Оучу основал третью прядильную фабрику в городе Чжэнчжоу провинции Хэнань. Однако к этому времени ситуация на рынке стала менее благоприятной. После завершения Первой мировой войны возродилась европейская хлопковая промышленность, а китай-

ские производители утратили рынок сбыта, что привело к снижению деловой активности. Му Оучу активно занимался благотворительностью. Он вкладывал деньги в поддержку образования, основал начальную и среднюю школы, Шанхайский университет коммерции, участвовал в создании Китайской ассоциации профессионального образования, пожертвовал деньги на создание профессионального училища, финансировал обучение за границей лучших студентов Пекинского университета (этой поддержкой смогли воспользоваться 22 человека). Исходя из собственного опыта, позволившего обрести за рубежом глубокие знания науки, технологий и менеджмента, Му Оучу придавал большое значение обучению молодых китайских кадров за границей [*Zhao Yinglin*, 2022. Pp. 77–78].

Первые полгода работы на принадлежавшей Му Оучу фабрике Фан Сяньтин учился выращивать хлопок в экспериментальном хозяйстве, затем его перевели в разнорабочие на производстве пряжи. С конца 1917 г. он работал в конторе фабрики. Прилежание и целеустремленность помогли юноше заниматься самообразованием без отрыва от производства. Он написал Му Оучу подробное письмо, в котором рассказал о своём стремлении к знаниям и попросил одолжить ему книги. Усердие и успехи Фан Сяньтина произвели впечатление на хозяина фабрики. Му Оучу позволил ему не ходить на работу и сосредоточиться на учёбе с сохранением зарплаты. Он также призвал юношу готовиться к поступлению в образцовую среднюю школу Наньян в Шанхае. Поскольку Фан Сяньтин не имел возможности оплатить обучение, Му Оучу обещал взять расходы на себя. Через несколько месяцев Фан Сяньтин поступил в эту школу с отличными результатами, заняв на экзаменах второе место [*Ibid.* P. 79].

В 1921 г. Му Оучу отправил Фан Сяньтина в США для продолжения образования в университете Висконсина и платил 80 долл. в месяц, пока Фан Сяньтин не окончил учебу. Через полгода Фан Сяньтин поступил в Нью-Йоркский университет, где получил диплом магистра экономики [*Zou Jinwen*, 2016. P. 139; *Ji Xin*, 2007. P.126].

Американское образование не превратило Фан Сяньтина, как Му Оучу, в знатока иностранных технологий и менеджмента, но помогло ему стать влиятельным учёным-экономистом. В 1924 г. Фан Сяньтин поступил в аспирантуру экономического факультета Йельского университета. Его наставником в изучении экономической истории был профессор Клайв Дэй (1871–1951), автор книг «История торговли» и «Политика и управление голландцев на Яве» [*Fang Xianting*, 2006. P. 47].

Под влиянием трудов К. Дэй Фан Сяньтин заинтересовался историей индустриализации в странах Запада. Он обратился к изучению материалов британского парламента, касающихся организации промышленности в Англии [*Zou Jinwen*, 2016. P. 140]. Эта тема привлекла Фан Сяньтина и потому, что лидером промышленной революции в Англии была хлопчатобумажная промышленность. Личный опыт работы на хлопкопрядильной фабрике способствовал более глубокому пониманию особенностей развития отрасли. В 1928 г. Фан Сяньтин защитил диссертацию «Организация промышленности в Англии в 1840-е годы» и получил степень доктора.

В диссертации Фан Сяньтин указал, что многократные попытки классифицировать системы организации промышленности были предприняты немецкими учёными. Наибольшую известность приобрела классификация форм промышленного производства в их исторической эволюции, предложенная К. Бюхером, который строил свои теории на основе работ предшественников, прежде всего Г. Шмоллера. В Англии систематического описания промышленных систем не было до появления трудов экономического историка У. Эшли [*Fang Xianting*, 2019a. P. 476].

В работе «Возникновение народного хозяйства» Бюхер выделил пять главных форм производства: домашнее производство (производство для домашних потребностей), работу на заказ, ремесло, кустарную промышленность (работу на скупщика), фабрику [*Бюхер*, 1912. С. 116]. Бюхер пояснил, что ремесло можно также назвать работой на сбыт.

В отличие от работника, производящего продукт на заказ и получающего лишь вознаграждение за свой труд, ремесленник владеет средствами производства и продаёт за определённую цену готовую продукцию, произведённую из его материала и вложенного в неё труда [Там же. С. 127]. Кустарное производство означает работу на скупщика, или предпринимателя-коммерсанта, который постоянно даёт работу рабочим на дом [Там же. С. 128].

По мнению Фан Сяньтина, у схемы Бюхера были недостатки. Тезис о том, что работа на заказ предшествует ремеслу, не нашёл подтверждения в экономической истории Средневековья, немецкий учёный не принял во внимание параллельное существование этих двух систем. Трактовка ремесленной системы как предназначенной для ограниченного числа покупателей также не соответствовала фактам. При рассмотрении работы на скупщика (или системы комиссии) Бюхер не учитывал, что при определённых условиях между предпринимателем-коммерсантом и работником необходим посредник. Вместе с тем китайский докторант признал, что концепция Бюхера давала возможность широкой интерпретации эволюции промышленных систем [Fang Xianting, 2019a. Pp. 476–477].

Фан Сяньтин заявил, что другие классификации, включая подход В. Зомбарта, лишь вводят в заблуждение. У Зомбарта критерии промышленных систем (мелкие индивидуальные, средние переходные и крупные общественные) основаны на степени кооперации труда. По мнению Фан Сяньтина, подобная классификация подходит для «такого абстрактного мыслителя, как Зомбарт», но вводит в заблуждение при интерпретации элементов каждой промышленной системы. Другие классификации систем (по масштабам производства, типу технологий, природе дохода) раскрывают проблему еще хуже, чем концепция Зомбарта. Предложенное профессором У. Каннингемом деление на домашнюю и капиталистическую промышленность Фан Сяньтин назвал расплывчатым, однако это единственная независимая попытка классификации, предпринятая английскими историками экономики [Ibid. Pp. 477–478].

Схема Бюхера, адаптированная к задачам исследования организации промышленности Англии 1840-х гг., легла в основу диссертации Фан Сяньтина. Он выделил три типа организации производства: ремесленное производство (craftsman), систему предпринимателей-коммерсантов (merchant employers) и фабричное производство. Обособленное в классификации Бюхера производство на заказ вошло в категорию ремесла. Фан Сяньтин пояснил, что употребляет термин «ремесленник» (craftsman), так как «ручная работа» (handicraft) больше относится к технике производства. Он отказался от термина «домашнее производство» (domestic), поскольку место производственной деятельности было одним и тем же как в ремесленной системе, так и при системе предпринимателей-коммерсантов. В диссертации был использован термин «предприниматели-коммерсанты» (merchant employers), который заменял все другие — домашнюю систему (domestic), систему комиссии (commission), систему субподрядчиков (putting out), потогонную систему (sweating). Такая классификация была предложена Фан Сяньтином исходя из особенностей производства в Англии, не совпадавших с историей развития немецкой экономики.

Общая характеристика облика английской промышленности 1840-х гг., исходя из деления на системы ремесленников, предпринимателей-коммерсантов и фабричную, стала отправной точкой диссертации Фан Сяньтина. В основной части работы рассматривались отдельные отрасли английской промышленности — хлопковая (гл. 2); шерстяная и камвольная (гл. 3); производство шёлка, льна и конопли (гл. 4); бумажная, гончарная и стекольная промышленность (гл. 5); производство металлических изделий, в том числе двигателей, машин, пуговиц, стальных ручек, винтов, игл и булавок (гл. 6); часов, оружия, столовых приборов, гвоздей, якорей и цепей, замков и ключей (гл. 7); швейное производство лент, чулочно-носочных изделий, головных уборов, перчаток и одежды (гл. 8); плетение кружев и изделий из соломы (гл. 9). В исследовании был сделан вывод о «триумфе» английской фабричной системы и указаны факторы успеха в каждой отрасли [Fang Xianting, 2006. Pp. 328–329].

Диссертация Фан Сяньтина была опубликована в Китае в 1930 г. на английском языке в двух вариантах под названиями «Организация промышленности в Англии в 1840-е годы» и «Триумф фабричной системы в Англии» (см.: [Ibid. P. 457]). В 1978 г. книга «Триумф фабричной системы в Англии» была переиздана в США [Fang Hsien-T'ing, 1978].

Осмысление исторического опыта Запада давало возможность глубже понять проблемы, с которыми столкнулся Китай при вступлении на путь индустриального развития. Работа Фан Сяньтина привлекла внимание зарубежных исследователей. В 1931 г. в журнале *Economic History Review* появилась рецензия английского историка экономики А. Редфорда. Он похвалил китайского докторанта за смелость при выборе столь сложной темы и указал на значение диссертации для решения экономических проблем Китая. Рецензент подчеркнул, что для углублённого исследования китайской индустриализации необходимо изучить опыт индустриализации других стран на сходном этапе исторического развития [Redford, 1931]. Краткое резюме диссертации Фан Сяньтина использовал профессор Колумбийского университета Ш. Клаф при написании труда «Европейская экономическая история» [Fang Xianting, 2006. P. 47].

После завершения учёбы в США Фан Сяньтин вернулся в Шанхай в декабре 1928 г. с делегацией китайских коммерческих банков, изучавшей в разных странах возможности заключения сделок по купле-продаже хлопка и посещавшей для этого хлопковые биржи. Хлопковый магнат Му Оучу проявил участие в трудоустройстве Фан Сяньтина, которому он помог получить американское экономическое образование. По его рекомендации министр промышленности гоминьдановского правительства Кун Сянси назначил Фан Сяньтина руководителем Государственного бюро экономической информации. Это ведомство создал в Пекине в 1921 г. известный экономист Лю Дацзюнь для сбора и публикации сведений об экономической ситуации в стране. Бюро перевели в Шанхай, чтобы находиться ближе к центру торговой, финансовой и производственной деятельности. Фан Сяньтин принял это предложение и одновременно согласился занять пост советника Шанхайской хлопковой биржи [Ibid. Pp. 63–64].

В январе 1929 г. Фан Сяньтин радикально изменил свои планы на будущее. Он отказался как от карьеры в Государственном бюро экономической информации, так и от сотрудничества с шанхайскими деловыми кругами. Фан Сяньтин выбрал научную и преподавательскую деятельность в частном Нанькайском университете в Тяньцзине, нуждавшемся в квалифицированных специалистах для исследования китайской промышленности. По приглашению Хэ Ляня, который также получил докторскую степень в Йеле, Фан Сяньтин поступил на работу в Комитет социально-экономических исследований (с 1931 г. — Нанькайский институт экономики) Нанькайского университета [He Lian, 2012. P. 67]. Хэ Лянь был инициатором создания этого Комитета и его руководителем.

Исследования промышленности Тяньцзиня

Фан Сяньтин отметил, что прогресс индустриализации в Китае после Первой мировой войны вызывал интерес у китайских и зарубежных экономистов и реформаторов. Появилось много публикаций о том, что Китай с богатыми людскими и природными ресурсами обладает блестящими перспективами для быстрой индустриализации. Возникли оптимистичные ожидания, что индустриализация снизит давление со стороны большого населения, поднимет уровень жизни в Китае, поглотит избыточную продукцию с мирового рынка.

Однако в те времена не хватало научно обоснованных оценок масштаба и последствий индустриализации Китая. Чтобы удовлетворить потребность в более конкретных данных, Комитет социально-экономических исследований Нанькайского университета

в 1929 г. решил провести полевые обследования индустриализации Китая на примере одного региона. Для этого был избран Тяньцзинь как один из ведущих центров индустрии и торговли [Fong, 2014. P. Xix; He Lian, Fang Xianting, 2013. Pp. 9–14].

Работа началась в июне 1929 г. Самые ранние материалы были адресованы иностранной аудитории. Для третьей конференции Института Тихоокеанских отношений в 1929 г. Хэ Лянь и Фан Сяньтин подготовили краткий обзор данных по индустриализации Китая. Экономисты написали в соавторстве статью на английском языке «Степень и влияние индустриализации в Китае». Эта работа была опубликована на китайском языке в журнале Бюро промышленности и торговли министерства промышленности «Гуншан баньюэкань», потом исследование появилось в отдельном издании. Английская версия с дополнением статистических данных вышла в 1931 г. под названием «Индустриализация в Китае: статистический обзор» к четвёртой конференции Института Тихоокеанских отношений.

Современные китайские исследователи отмечают, что эти ранние публикации отразили две особенности метода Фан Сяньтина. Первой отличительной чертой стало внимание к статистическим данным. На сотне страниц текста размещены 39 статистических таблиц. Хэ Лянь и Фан Сяньтин исходили из того, что для успешного проведения индустриализации Китая «сначала необходимо провести точные исследования» [He Lian, Fang Xianting, 2015. P. 49]. Приведённые данные включали статистику импорта и экспорта из таможенных отчётов, а также статистические сведения министерства сельского хозяйства и торговли Бэйянского правительства о количестве рабочих, их распределении по отраслям, о числе фабрик в различных отраслях и их размерах.

Качество китайской официальной статистики в то время было невысоким. В дополнение к этим данным учёные на основании газетных публикаций попытались охарактеризовать состояние ведущих отраслей промышленности — хлопчатобумажной, шёлкопрядильной, мукомольной, маслодельной и др. На примере хлопчатобумажной промышленности Фан Сяньтин предоставил информацию не только о количестве прядильных фабрик и их распределении по различным провинциям, но также о масштабах производства, включая число рабочих и веретён, а также о предприятиях, находившихся в собственности иностранцев.

В 1931 г. работе «Индустриализация Китая: статистический обзор» сведения о размещении и масштабах китайских фабрик стали более точными, а источники данных — более разнообразными. Были использованы таможенные отчёты, земельная документация, отчёты торговой палаты, ежемесячные экономические отчёты, большое количество социологических опросов, проведённых местными органами власти и учёными, в том числе исследователями из Нанькайского университета. Фан Сяньтин составил таблицу индексов промышленного развития Китая в 1912–1929 гг. на основе данных о добыче угля, производстве стали, экспорте шёлка, количестве веретён, экспорте соевого масла, импорте табака, общих объёмов экспорта и импорта, протяжённости железных дорог и почтовых линий связи.

Проведённая работа убедила Фан Сяньтина и Хэ Ляня в ненадёжности доступной информации и невозможности её использования для разработки планов промышленного развития. Сбор статистических данных и полевые обследования стали главным содержанием работы экономистов Нанькайского университета. Исследователи взяли в свои руки сбор, обработку и анализ статистических данных, чтобы сформировать собственную оценку ситуации в китайской экономике [Fang Xianting, 2006. P. 79].

Вторая особенность исследовательского метода Фан Сяньтина обусловлена воздействием исторической школы. Статья «Степень и влияние индустриализации в Китае» уделила большое внимание развитию отраслей промышленности в исторической перспективе. В исследовании содержалась информация о хлопкопрядильных фабриках в 1891–1928 гг., шёлкопрядильных фабриках в Шанхае в 1890–1929 гг. и в Гуандуне в 1872–1911 гг., шёлкоткацких фабриках в 1896–1925 гг. На основании обращения к истории был сделан вывод, что процесс индустриализации Китая был относительно медленным и ограниченным.

В духе рецептов исторической школы авторы предлагали защищать молодую китайскую промышленность с помощью протекционистских мер.

Из исторической школы в работы Фан Сяньтина пришло внимание к институциональной перспективе. Он полагал, что экономику нужно исследовать во взаимосвязи с политическими, общественными, правовыми институтами. Учёный придавал значение исследованию воздействия индустриализации на общество в целом через призму изменения форм организации производства, деятельности профсоюзов, активизации рабочего движения [*Xiong Xingmei, Guan Yongqiang, 2019. P. 6*].

Современные китайские исследователи полагают, что Фан Сяньтин унаследовал стиль исторической школы, предпочитавшей решение конкретных проблем построению теоретических систем. Американский исследователь П. Трескотт также отметил, что Фан Сяньтин уделял первостепенное внимание изучению имеющихся ресурсов, рабочей силы, капитала, организации, его труды «содержали очень мало формальной экономической теории» [*Trescott, 2002. P. 806*].

В 1929–1930 гг. Фан Сяньтин выпустил серию работ по ведущим отраслям экономики Тяньцзиня: производству ковров, ручному ткачеству из вискозы и хлопка, вязанию чулочно-носочных изделий. В 1932 г. он опубликовал двухтомник о хлопчатобумажной промышленности и торговле в Китае, уделив особое внимание Шанхаю как важному центру хлопчатобумажной промышленности. В 1934 г. появилось его исследование шёлкопрядильной отрасли.

Проведённые под руководством Хэ Ляня и Фан Сяньтина экономические обследования конца 1920-х — начала 1930-х гг. можно разделить на три группы.

К первой относятся обследования новых отраслей; основным исследовательским результатом тут стала книга «Хлопчатобумажная промышленность и торговля в Китае».

Во вторую входят обследования старых ремесленных производств, с учётом полученных данных были подготовлены работы «Ковроткаческая промышленность Тяньцзиня», «Трикотажная промышленность Тяньцзиня», «Ткачество из вискозы и хлопка Тяньцзиня», «Торговля зерном и мукомольная промышленность Тяньцзиня» и т.д.

Третья группа включает обследования сельской промышленности, в основном на примере ткацкой промышленности в уезде Гаоян провинции Хэбэй [*Fang Xianting, 2006. P. 83*].

Фан Сяньтин уделял особое внимание организации производства в промышленности. Он полагал, что Китай уже вступил на путь индустриализации и призывал разработать план обновления организации промышленного производства старого типа. Опираясь на приобретённые во время учёбы в США знания об истории фабричной системы в Англии, при анализе китайской экономики Фан Сяньтин вновь обратился к предложенной Бюхером классификации форм промышленного производства в их исторической эволюции: производство для домашних потребностей, работа на заказ, ремесло, работа на скупщика и фабрика [*Бюхер, 1912. С. 116*].

С учётом китайской практики Фан Сяньтин выделил четыре системы производства: семейную систему, ремесленную систему, систему предпринимателей-коммерсантов или систему рассредоточенного труда, а также фабричную систему. В то время в Китае в хлопчатобумажной, шёлкомотальной, маслодельной промышленности преобладала фабричная система. В деревне было повсеместно распространено семейное производство. В ковроткачестве, ткацкой и трикотажной промышленности ремесленная система сочеталась с системой предпринимателей-коммерсантов. Фан Сяньтин считал, что промышленность Тяньцзиня носила переходный характер. Например, в ковроткаческой промышленности происходил переход от системы предпринимателей-коммерсантов к фабричной системе. Трикотажная отрасль продвигалась от ремесленной системы к системе предпринимателей-коммерсантов. По мнению учёного, эти изменения происходили в Китае в зависимости от конъюнктуры рынка (см. [*Meng Lingzhou, Zhang Deming, 2013. Pp. 87–88*]).

Изучение ковроткачества Тяньцзиня

В написанном летом 1930 г. предисловии к «Ковроткаческой промышленности Тяньцзиня» Фан Сяньтин отметил, что индустриализация Китая началась два десятилетия назад, то есть в 1910-е гг. В период Первой мировой войны ввоз в Китай товаров из США и Европы уменьшился, что привело к быстрому росту национальной промышленности. По мнению учёного, она ещё не вышла из младенческого состояния, но уже оказала влияние на экономическую жизнь китайцев. Страна встала на дорогу индустриализации, и это требует найти путь обновления организации производства старого типа. Фан Сяньтин отметил, что происходящие изменения оказывают большое влияние на экономику в целом, они тесно связаны с сельским хозяйством, транспортом, торговлей, финансами [Fang Xianting, 2019b. P. 134].

Отправной точкой для изучения китайского производства ковров в книге стала методология исторической школы и адаптированная к условиям Китая классификация Бюхера. Фан Сяньтин отметил, что в Европе эволюция промышленной организации прошла путь от домашнего семейного производства к системе предпринимателей-коммерсантов — и далее к фабричной системе.

Книга подробно знакомила с методами и этапами производства ковров, включая очистку шерсти, окраску, ткачество шерсти, дизайн узора. Фан Сяньтин раскрыл конкретные аспекты изменения производственных технологий в ковроткачестве под влиянием контактов с Западом. До начала XX в. в Китае для окраски ковров использовали натуральные красители. Когда обучавшиеся за границей китайские студенты привезли синтетические красители, производители ковров не знали, как их использовать, и потому отказывались от них. Однако использование синтетических красителей вело к снижению цены, что способствовало повышению интереса к иностранной технологии. Вслед за этим наступило новое разочарование, вызванное неправильным их применением [Ibid. P. 165].

Фан Сяньтин отмечал, что в Китае долгое время было мало вариантов орнаментов ковров. В годы Первой мировой войны зарубежный спрос на китайские ковры заметно вырос, что привело к появлению большого количества новых производств и острой конкуренции. Технология нанесения рисунка требовала профессиональных знаний, статус такого специалиста на ковровом производстве уступал лишь статусу управляющего. Хотя на Западе уже было развито промышленное производство ковров, в Китае преобладала ручная работа, станки были очень простыми [Ibid. Pp. 168–169].

Ковры классифицировались по размеру, форме (прямоугольные и овальные), плотности и длине шерсти. Экспортёры ковров выделяли шесть типов орнамента: древний геометрический орнамент; «конфуцианская» символика китайских мифов (дракон, облака, вода, огонь, элементы инь-ян, восемь триграмм); даосская символика (восемь мудрецов, олень, журавль, персиковый узор); буддийская символика индийского происхождения (лев и восемь сокровищ Будды — колесо, балдахин, рыба, ваза, зонтик, бесконечный узел, раковина, лотос); изображения драгоценностей (жемчуг, деньги, книги, картины), четырех занятий учёного (игра на цине, шахматы, каллиграфия, живопись), иероглифов; растительный орнамент (хризантема, пион, орхидея). Основными местами производства ковров были Нинся, Баотоу, Пекин, Тяньцзинь, Монголия, Тибет. Фан Сяньтин отмечал, что 90% произведённых ковров уходили на экспорт. Главным направлением сбыта были США, потом шли Англия и Япония. Среди типов поставки главное место занимало производство под заказ.

Учёный подробно рассмотрел вопросы найма рабочих, оплаты труда и продолжительности рабочего времени, состояния здоровья работников и гигиены труда. Условия работы были настолько плохими, что на Западе такое не могли себе представить. В помещениях недостаток воздуха, плохое освещение, работники без стеснения плюются, разбросан мусор. Медицинское обследование на ковроткаческой фабрике «Яньцзинь» в Пекине

выявило большое количество работников с болезнями зрения, кожи, органов дыхания. Ученики на производстве не получали зарплаты, им предоставляли только жильё и еду [Ibid. Pp. 214–215]. Под влиянием индустриализации в китайской экономике возникло явление социальной дифференциации. Как капиталисты, так и рабочие столкнулись с необходимостью защищать свои интересы. Предприниматели создавали производственные ассоциации, рабочие вступали в профсоюзы.

Фан Сяньтин отметил, что в Китае искусство ковроткачества появилось на окраинах империи — в Тибете, Монголии и Синьцзяне. После 1860 г. этим ремеслом занялись в Пекине ламаистские монахи, пользовавшиеся благосклонностью со стороны маньчжурского императорского двора, производство быстро развивалось. В 1904 г. на Всемирной выставке в Сент-Луисе китайские ковры получили первую премию, на Западе возник интерес к этой продукции. Во время Первой мировой войны на Ближнем Востоке производство ковров упало, спрос западного потребителя на китайские ковры вырос. Наличие морского порта и уже обретшего известность экспортного бренда «Цуйхуэй» превратило Тяньцзинь в конкурента для пекинских производителей ковров. Однако после завершения войны в течение четырёх лет в 1918–1921 гг. продлилась экономическая депрессия, малые масштабы производства и зачастую низкое качество продукции привели отрасль к упадку.

Основной системой организации ковроткачества в Тяньцзине была система предпринимателей-коммерсантов. Экспортёры предоставляли производителям сырьё и платили им вознаграждение. В этой системе экспортёры и производители часто обманывали друг друга. Не имевших организации и финансовых ресурсов производителей угнетали экспортёры. Производители же сознательно выпускали товар плохого качества, не соблюдали стандарты, подменяли полученное сырьё на низкокачественные материалы. Это негативно влияло на развитие отрасли [Ibid. P. 211].

Среди причин её упадка Фан Сяньтин указал на длительный гражданский конфликт в Китае, плохую организацию промышленности, при которой мелкие производители не сотрудничали между собой и не могли защитить свои интересы в условиях нехватки капитала и технических знаний, а также несовершенные технологии производства, постоянное обострение отношений труда и капитала. Учёный прозорливо отметил, что прекращение «внутреннего хаоса» после победы Гоминьдана в 1927 г. является временным и конфликт может возобновиться. Он призвал сосредоточить усилия на других путях улучшения ситуации — способствовать объединению производств, готовить кадры управляющих, химиков, инженеров и художников. Правительству он рекомендовал поддержать производителей отменой пошлины на экспорт ковров [Ibid. Pp. 219–220].

В «Ковроткаческой промышленности Тяньцзиня» можно найти ключевые характеристики исследовательской методологии Фан Сяньтина — опору на статистику в сочетании с историко-институциональным подходом. Учёный проследил историю развития ковроткачества Тяньцзиня, привёл детальную статистику количества рабочих, масштабов фабрик, размеров капитала, объёмов выпуска. Фан Сяньтин обнаружил, что в Тяньцзине суммарный капитал 293 ковровых производств составлял 2 053 688 юаней: на долю трёх крупнейших фабрик с иностранным капиталом приходилось 1 800 000 юаней, капитал остальных 290 китайских фабрик насчитывал всего 253 688 юаней [Ibid. P. 211]. Условия конкуренции с иностранцами были неравными. Фан Сяньтин предложил для развития национальной ковроткаческой промышленности объединить и расширить мелкие предприятия, чтобы увеличить их производственные мощности.

Современные авторы отмечают, что в республиканский период ковры ручной работы из Тяньцзиня были одной из основных статей экспорта на западные рынки, прежде всего в США. Производители ковров были вынуждены следовать за американскими стандартами и потребительскими вкусами. Успеха добивались предприниматели, способные поддерживать прямые контакты с американским импортёром. Мелкие производства поте-

ряли возможность самостоятельно изготавливать экспортную продукцию и были вынуждены работать по субподряду. Снижение статуса ремесленников, занимавшихся ковроткачеством, и «маргинализация традиционной эстетики» происходили параллельно. Рост популярности китайских ковров в США сопровождался не только падением цен, но и трансформацией внешнего вида изделий в соответствии с запросами американского среднего класса. «К концу 1920-х годов тяньцзиньские ковры стали настолько вестернизированными по дизайну, что в США их называли “коврами китайского ар-деко”» [Li Yujie, 2018. P. 58].

Аутентичные ковры с традиционным китайским орнаментом не были востребованы американскими покупателями. Китайская символика (драконы, львы, собаки Фу, символизирующие женское и мужское начало) казалась им гротескной и отталкивающей, они предпочитали рисунок с избытком цветов. Планировка гостиной в типичном американском доме обусловила изменение структуры рисунка ковра и отказ от центрального медальона. Необходимость гармоничного сочетания с иностранным интерьером заставила китайских производителей отказаться от традиционного визуального языка, умение использовать растительные красители также утратило коммерческую ценность. Фан Сяньтин, будучи «самым пристальным наблюдателем и резким критиком ковроткаческой промышленности», обвинял мелких производителей в невежестве и жульничестве, отсутствии знаний о зарубежном рынке, стремлении извлечь прибыль из подмены материала и эксплуатации учеников. Экономист полагал, что модернизация Китая должна начаться с модернизации производства, особенно в легкой промышленности, и рассматривал мелких производителей как тормоз её развития [Ibid. P. 65].

Анализ хлопчатобумажной промышленности

Книга «Хлопчатобумажная промышленность и торговля в Китае» [Fong, 2014] занимает особое место в наследии учёного. Рамки исследования были расширены за пределы Тяньцзиня по нескольким соображениям. Во-первых, хлопчатобумажная промышленность, в отличие от ремесленных производств, более локализована. Самый большой её центр располагался в Шанхае, поэтому рассмотрение только Тяньцзиня сделало бы картину неполной. Во-вторых, будучи наиболее развитой фабричной промышленностью Китая, хлопчатобумажная отрасль в то время ещё не получила удовлетворительного рассмотрения [Ibid. P. Xix].

Опубликованная на английском языке работа Фан Сяньтина о хлопчатобумажной промышленности и торговле в Китае вызвала интерес в других странах. В СССР рецензия появилась в 1935 г. в журнале «Проблемы Китая». В ней было отмечено, что это «первая по существу работа, пытающаяся дать анализ хлопчатобумажной промышленности в Китае в историческом разрезе», что она «интересна главным образом в силу обилия собранного в ней материала, новых фактов, хотя одностороннее и неправильное понимание основных вопросов капиталистического развития Китая значительно снижает ценность книги» [Андреев, 1935. С. 375].

Фан Сяньтина упрекнули за то, что при рассмотрении причин локализации хлопчатобумажной промышленности в Китае он «совершенно не говорит о той роли, которую играл империализм..., ни слова не говорится о том, кто в основном занимается хлопководством, по какому пути идёт развитие хлопководства» [Там же. С. 376]. Признавая достоинства книги в описании «коммерческо-деловой части» и процесса движения хлопка от производителя к потребителю, рецензент обратил особое внимание на информацию о том, как «капиталисты путём обмана, при помощи своих агентов, производят вербовку рабочей силы, суля “золотые горы” при подписании контракта» и прочие сведения, в которых «отчётливо выявляется то отношение капитала к труду, которое служит показателем господства

капитала и рабского положения трудящихся» [Там же. С. 378]. Описание Фан Сяньтином рабочих организаций было оценено как «наиболее слабая глава» исследования, поскольку «автор считает политику гоминьдана в рабочем вопросе правильной и мудрой; по его мнению, издание нанкинским правительством законов о рабочих союзах и забастовках соответствует стремлению рабочих» [Там же. С. 379]. По мнению рецензента, старательно описав сделанное «добродетельными» владельцами фабрик для блага и улучшения социально-бытовых условий жизни рабочих, автор всё равно был вынужден признать, что они живут впроголодь [Там же].

Британский экономист Дж. Джевкс подчёркивал, что в работах по Китаю того времени почти полностью отсутствовали факты, касающиеся экономической жизни этой страны, и обращал внимание на опасность обобщений, основанных на вынужденно ограниченных выборочных обследованиях. Однако о крупной фабричной промышленности Китая известно гораздо больше, чем о сельском хозяйстве или ремесленных производствах. Фан Сяньтин собрал воедино массу статистического материала, относящегося к хлопчатобумажной промышленности, дополнив его, особенно при обсуждении условий труда, материалами обследований, проведённых им самим или его коллегами в Шанхае или Тяньцзине. Посетовав на чрезмерную детализацию статистических данных и нехватку анализа информации, рецензент отметил, что Фан Сяньтина «удалось создать картину, которая проливает много света на изменения в мировом размещении хлопчатобумажной промышленности и на её вероятные будущие тенденции» [Jewkes, 1933. P. 694]. Джевкс отметил, что «самый оригинальный» раздел книги касается условий труда и последствий воздействия индустриальной системы на рабочих, по большей части привлечённых из сельского хозяйства: «Вряд ли можно сказать, что Китай страдает от промышленной революции меньше, чем Англия в восемнадцатом и девятнадцатом веках» [Ibid. P. 695]. Рецензент уделил большое внимание сведениям о тяжёлом положении фабричных рабочих, даже если их уровень жизни выше, чем у китайских крестьян.

Своим мнением о книге поделился и исследователь китайской экономики Р. Тоуни, лично знакомый с Фан Сяньтином и деятельностью Нанькайского института экономики. В рецензии Тоуни привёл информацию о научной карьере Фан Сяньтина и его диссертации, свидетельствующей о знании истории промышленного развития Великобритании, которым располагают в Китае лишь немногие. По его мнению, автору книги удалось соединить навыки проведения экономических исследований с пониманием истории экономики. «Западный читатель его работ будет иметь более ясное представление о важной фазе в экономической истории Европы, а китайский — об экономических возможностях, открывающихся перед его собственной страной» [Tawney, 1936. P. 244]. Предполагалось, что стадия развития Китая того времени была узнаваема для европейцев по собственному прошлому, непривычной могла показаться лишь быстрота её прохождения. Рецензент отметил, что завершающие страницы книги обсуждают перспективы сельской промышленности Китая. Она сильно пострадала от конкуренции с китайской фабричной продукцией и зарубежными товарами, однако Фан Сяньтин считает её выживание возможным и желательным [Ibid. P. 245].

На книгу Фан Сяньтина откликнулся итальянский исследователь П. Баффи, отметивший, что работа является частью публикаций Нанькайского института экономики, отличающихся точностью знаний и богатым статистическим материалом. Рецензент обратил внимание на информацию о сокращении китайского хлопчатобумажного производства после Первой мировой войны, заметной доле находившихся в японской собственности фабрик, активизации забастовочного движения недовольных своим положением рабочих [Baffi, 1935. P. 155].

Французский историк экономики А. Сэ отметил, что книга Фан Сяньтина «примечательна масштабом исследований и точностью собранных им данных; составленные им

многочисленные статистические таблицы, его диаграммы и графики весьма поучительны» [Sée, 1934. P. 595]. Хотя в центре исследования находятся современные проблемы, она также касается истории: «Хлопчатобумажная промышленность в Китае имеет давнее прошлое, ибо там выращивают хлопок, но лишь сравнительно недавно она приняла характер крупной механической промышленности: первое ткацкое производство такого рода было создано в Шанхае в 1890 г.» [Ibid. P. 596]. Рецензент охарактеризовал хлопчатобумажную промышленность в Китае как «по существу капиталистическую» с крупными фабриками и высокой концентрацией рабочих, жизненный уровень которых остаётся низким. Деятельность профсоюзов и обязательное арбитражное разбирательство между хозяевами и рабочими «отчасти демонстрировали стремление правительства бороться с коммунистической пропагандой» [Ibid. P. 596].

Итоги изучения городской промышленности

На основании проведённых исследований городской промышленности Фан Сяньтин пришёл к выводу, что уровень индустриализации в Китае низкий, фабричная система используется редко, в городах распространено ремесленное производство. Развитие промышленности сдерживали отсталые формы организации производства, конкуренция с иностранными товарами, высокие налоги [Meng Lingzhou, Zhang Deming, 2013. P. 88].

Фан Сяньтин стремился глубоко разобраться в специфике изучаемых отраслей. В «Ткацкой промышленности Тяньцзиня» было рассказано о ткацком оборудовании и методах ткачества с приложением изображений ткацких станков. «Тяньцзиньская трикотажная промышленность» детально знакомила с имевшимися исследованиями трикотажной промышленности в провинциях Цзянсу, Чжэцзян, Гуандун, Ляонин, Хубэй, Цзянси и Хэбэй для демонстрации сходства и различий с трикотажной промышленностью Тяньцзиня. Были подробно рассмотрены методы продажи продукции, маршруты транспортировки, коммерческие и финансовые практики соответствующих отраслей. «Цель Фан Сяньтина в проведении этих исследований состояла совсем не в том, чтобы предоставить количественные данные для обоснования некой экономической модели, а в том, чтобы путем детального исследования решить конкретные проблемы, стоявшие перед различными отраслями. Именно благодаря этой особенности приведённые в книге отчёты об исследованиях не устаревают, они и сегодня при чтении остаются образными и выразительными, конкретными в изложении и выступают редким справочным материалом не только для историков экономики, но и историков общества» [Xiong Xingmei, Guan Yongqiang, 2019. P. 8].

Учёный не только собирал данные о количестве рабочих, их доходах и потреблении, но и выяснял, откуда они родом, их возраст, семейное положение, продолжительность рабочего дня, досуг. Он исходил из того, что влияние индустриализации не ограничивается экономикой и отражается на всех сферах жизни общества. В глазах Фан Сяньтина работники — участники сложных и всеобъемлющих общественных связей, обладающие собственным культурным уровнем, состоянием здоровья, имеющие отношение к политическим движениям.

Изучение ситуации в разных отраслях позволило Фан Сяньтину выявить ряд общих проблем: на предприятиях ощущался недостаток капитала, бухгалтерский учёт был плохим, продукцию часто фальсифицировали, имело место мошенничество в отношении качества и количества товара [Fong, 2014. Pp. 29–30]. Учёный особенно критиковал мелкие фирмы за склонность к снижению цен и ухудшению качества [Fang Xianting, 2019b. Pp. 216–219].

Фан Сяньтин вышел за рамки анализа недостатков промышленной организации и говорил о крупномасштабных препятствиях наподобие общенационального политического хаоса, коррумпированности гоминьдановской власти, нехватке капитала и неэф-

фективности труда. Исходной движущей силой исследования отраслей промышленности Тяньцзиня был интерес Фан Сяньтина к проблеме модернизации производств. Однако непосредственное отношение к фабричной системе имела лишь хлопчатобумажная промышленность, чего нельзя сказать о прочих отраслях. Фабричное производство представляло новый порядок, а ремесленное производство олицетворяло старый экономический уклад и попало в исследование просто из-за наличия данных [Trescott, 2007. P. 211].

Благодаря широкомасштабной работе над статистическими индексами в период экономического кризиса 1930-х гг. у исследователей Нанькайского института экономики сложилось мнение, что главной проблемой Китая было отставание в осуществлении индустриализации. Отсталость промышленности вела к низкому национальному доходу — даже при минимальном уровне жизни в Китае на развитие не оставалось почти ничего, тогда как в странах Запада существенный остаток использовали для инвестиций. В Европе и Америке кризис произошёл из-за избытка, вызванного перепроизводством, в Китае — из-за недостатка капитала [Fu Chunhui, 2021. P. 167].

Фан Сяньтин утверждал, что гражданская война между КПК и Гоминьданом затруднила перевозку сырья и сбыт продукции, наибольшее негативное влияние она оказала на городскую промышленность. Местные власти повсюду устанавливали разнообразные поборы. Иностранцы в Китае имели особые права, у концессий было привилегированное положение, что способствовало оттоку средств из страны и подавлению развития национального капитала. В экономической сфере основные препятствия для осуществления индустриализации были обусловлены неразвитостью транспорта, хаосом в денежном обращении и нехваткой капитала. Ещё одним барьером стала инерция привычек в китайском обществе: работникам недоставало образования и дисциплины, капиталисты пренебрегали техникой и методами управления, из-за некомпетентности управляющих восемь-девять из десяти заводов закрывались — эти люди «только ели на месте работы» и «зарабатывали деньги на удачу» [Fang Xianting, Chen Zhenhan, 2018. P. 20].

Взгляды представителей нанькайской школы отличались от позиции многих экспертов, которые сводили проблемы Китая исключительно к технической отсталости. В сфере политики экономисты Нанькайского университета призывали к прекращению внутренних беспорядков и поддержанию стабильности. Для улучшения промышленной организации они выступали за банкротство мелких мастерских, расширение масштабов производства, повышение уровня управления. В то же время необходимо было усилить сотрудничество и кооперацию между предпринимателями, избегать непрерывной конкуренции между ними, укреплять функции ассоциаций производителей. Правительству советовали играть активную роль, уменьшать налоги, снижать нагрузку на предприятия [Meng Lingzhou, Zhang Deming, 2013. P. 88].

Социально-экономические обследования китайской деревни

Изучение городской промышленности Тяньцзиня позволило исследователям Нанькайского института экономики сделать вывод о низком уровне индустриализации Китая в целом. Заимствованное на Западе понимание индустриализации как революции в промышленности нуждалось в адаптации к проблемам развития общества с аграрной экономикой. Углубление понимания трудностей развития городской промышленности способствовало росту интереса к идее переноса центра тяжести индустриализации в китайскую деревню. С 1931 г. социально-экономические обследования Нанькайского института экономики были ориентированы на изучение села. Учёные исходили из того, что Китай является аграрной страной, в которой предпосылкой создания развитой промышленности выступает развитое сельское хозяйство.

Смещение акцента от индустриализации городов к индустриализации деревни происходило на фоне спора сторонников двух моделей развития Китая — «опоры государства на сельское хозяйство» и «опоры государства на промышленность», развернувшегося в 1920-е гг. К началу 1930-х гг. китайским исследователям стала видна упрощённость этой дилеммы. Видные экономисты Нанькайского института экономики Фан Сяньтин, Хэ Лянь, Чэнь Чжэньхань пришли к выводу, что традиционной аграрной стране нельзя ограничивать поиск модели развития противопоставлением «опоры на село» и «опоры на промышленность» [*Peng Nansheng, Yi Zhongfang*, 2012. P. 106; *Li Jinzheng*, 2016. P. 76].

На фоне экономического кризиса и краха старого уклада в деревне все планы развития Китая предполагали поддержку развития сельской экономики. Разным было понимание порядка приоритетов. Фан Сяньтин отмечал, что одна группа интеллектуалов советовала «развивать города, чтобы спасти деревню». Другая группа полагала, что «возрождение сельского хозяйства повлечёт за собой развитие промышленности». Несмотря на видимое различие, эти позиции объединяло понимание взаимосвязи сельского хозяйства и промышленности [*Fang Xianting*, 2015a. Pp. 104–105].

Учёные Нанькайского университета предлагали поставить развитие села на первое место, чтобы потом вставшее на ноги сельское хозяйство могло способствовать подъёму промышленности. Сельская промышленность должна была внести вклад в национальное экономическое развитие. Эти поиски привели к появлению комплексной идеи «опоры государства на промышленность и на сельское хозяйство». В центре находился тезис о том, что в Китае недостаточно ресурсов для развития городской промышленности, тогда как сельская промышленность может использовать имеющиеся ресурсы рабочей силы, ей не нужны большие капиталы, она не предъявляет высоких требований к технике. Возникли ожидания, что подъём сельской промышленности будет противодействовать наплыву иностранных товаров и поддержит развитие внешней торговли [*Fu Chunhui*, 2021. P. 168].

Исследования сельской промышленности проходили главным образом в Северном Китае (провинция Хэбэй, город Тяньцзинь, провинция Шаньдун). Выбор региона был обусловлен удобством проведения исследований и его экономической важностью. По данным Нанькайского института экономики, по площади пять северо-восточных провинций (Хэбэй, Шаньдун, Шаньси, Чахар и Суйюань) занимали десятую часть территории страны, на их долю приходилась пятая часть населения, 30% пахотных земель, шестая часть веретён хлопкопрядильных фабрик, они стояли на первом месте по производству угля [*Ibid.* P. 169].

Цель развёртывания обследований состояла в том, чтобы «уяснить важность ремесла с точки зрения национальных ресурсов и их связь с международными отношениями; исследовать место и статус ремесленного производства в профессиях и доходах китайцев, изучить возможности его существования и развития, чтобы с учётом выявленной в ходе обследований ситуации подготовить дальнейшие меры» [*Fang Xianting*, 2015b. P. 387].

В сельской промышленности Северного Китая главенствовала текстильная отрасль. Нанькайский институт экономики провёл обследование производства, транспортировки и сбыта хлопка, служившего в то время важным стратегическим ресурсом. Учёные выявили важную роль в хлопкопрядильной промышленности системы предпринимателей-коммерсантов.

Особенностями хлопкопрядения Северного Китая были хорошо налаженные цепочки производства и высокая степень интеграции. Однако в условиях экономического кризиса и инфляции отрасль страдала от нехватки средств. Стали заметны серьёзные недостатки системы предпринимателей-коммерсантов — несовершенный финансовый механизм, неспособность обеспечить интересы крестьянских хозяйств, отсутствие должного контроля над качеством продукции. Долгосрочная жизнеспособность этой системы в неблагоприятных условиях была поставлена под вопрос [*Fu Chunhui*, 2021. Pp. 170–171].

Работа Фан Сяньтина «Ткацкая промышленность Северного Китая и система предпринимателей-коммерсантов» [*Fang Xianting*, 2019с] опирается на проведённое в 1933 г. исследование в уезде Гаоян провинции Хэбэй. Учёный пояснил, что выбор уезда Гаоян для проведения обследования ткацкой промышленности был обусловлен не только высоким уровнем ее развития, но и наличием там типичных форм организации сельской промышленности — домашнего производства, непостоянной подённой работы, системы предпринимателей-коммерсантов [*Ibid.* P. 223].

Фан Сяньтин проанализировал истоки развития текстильной промышленности Гаояна с точки зрения плотности населения, плодородия почвы и удобства транспортировки. Исследователь рассмотрел период быстрого развития производства от начала использования крестьянами импортного сырья и усовершенствованного оборудования в начале XX в. вплоть до завершения Первой мировой войны. После спада в 1920-е гг. из-за конкуренции с производителями из уезда Вэйсянь в 1926 г. Гаоян вступил во второй период процветания в результате перехода к цветному ткачеству и использованию искусственного сырья, который продлился до 1929 г. [*Ibid.* P. 225].

Интересны проведённые Фан Сяньтином сопоставления ткацкого производства в уезде Гаоян с промышленной историей Англии от второй половины XVIII в. до 1840 г. Учёный провёл параллель между скупщиками Гаояна и торговцами из Манчестера, отметив, что торговцы Манчестера направляли большую часть продукции на экспорт, а в Гаояне основным рынком сбыта служил Китай. Сравнение семейных ткацких производств в Гаояне и Ланкашире увенчалось выводом об их сходстве, включая отсутствие согласованности и координации, различие состояло лишь в уровне развития [*Ibid.* P. 257].

Фан Сяньтин соединил исследование ткацкой промышленности уезда Гаоян со сделанным на основе изучения истории индустриализации развитых стран, наподобие Великобритании и США, выводом о том, что «тенденция промышленной децентрализации является реакцией на централизацию промышленности» [*Ibid.* P. 265]. По мнению современных китайских исследователей, этот подход сочетался со взглядами М. Найта, Р. Тоуни и Дж.Б. Тэйлера — учёных исторической школы и институционального направления [*Xiong Xingmei, Guan Yongqiang*, 2019. P. 10]. Поскольку в то время промышленность Китая была менее централизована по сравнению европейской и американской, Фан Сяньтин советовал избегать движения по западному пути концентрации промышленности в городах. В итоге он обернётся необходимостью последующего рассредоточения производств в сельской местности [*Fang Xianting*, 2019с. P. 222].

Фан Сяньтин считал естественным стремление соотечественников развивать крупную промышленность наряду с их недостаточным интересом к мелкому производству. Однако, по его мнению, тенденции мирового развития после Первой мировой войны ставили децентрализацию производства выше централизации, промышленности небольшого масштаба уделяли больше внимания, чем крупномасштабной. Учёный заявил, что даже в индустриализированных государствах — Англии, Германии, США — мелкая промышленность укоренилась настолько, что в будущем её позиции будет трудно пошатнуть. Он также отмечал, что Россия осуществляет «единственную достойную подражания» индустриализацию, но мелкая промышленность есть и там — Народный комиссариат считает её очень важной для советской экономики, в пятилетнем плане ею не пренебрегают [*Ibid.* P. 222].

В Китае тенденции индустриализации не смогут изменить положение мелкой промышленности города и деревни. Она выступает основным поставщиком продукции, в ней занято больше работников, чем в крупной, а в деревне мелкая промышленность занимает особенно важное место [*Ibid.* P. 222].

Аргументация в пользу развития небольших сельских производств вместо крупных опиралась на сочетание экономических и социальных факторов. Фан Сяньтин указывал,

что сельская промышленность позволяет полностью использовать свободное время занятых сезонным трудом крестьян, в соответствии с местными условиями задействовать доступное в регионе сырьё, увеличивать доходы крестьян, способствовать экономическому обмену между районами и техническому прогрессу деревни.

Позитивный социальный эффект мелкотоварного децентрализованного производства заключается в том, что даёт возможность избежать издержек перехода к современной крупной промышленности. Этот путь позволяет поддержать семью как производственную единицу и сохранить стабильность общества. Вместе с тем жители села будут осваивать новые машины, учиться их применению, что будет расширять знания людей и способствовать предпринимательской инициативе.

Упадок сельской промышленности Фан Сяньтин объяснил сочетанием внешних и внутренних причин. Мировой экономический кризис 1929 г. привёл к снижению экспорта продукции из северо-западной части страны, прежде всего меховых изделий. В 1931 г. из-за японской оккупации Китай утратил рынок северо-восточной части страны. Наводнение в бассейне реки Янцзы разрушило рынок юга Китая. К неблагоприятным факторам учёный причислил также рост цены золота, демпинг хлопка русскими и японскими торговцами. На местном уровне экономика Гаояна демонстрировала отсутствие организованности, что выражалось в маленьких масштабах и нескоординированности деятельности местных предпринимателей, беспорядке в хранении и транспортировке продукции, низкой эффективности финансового оборота, замедленной и недостаточной реакции на колебания международного рынка.

Свой тезис о необходимости сохранения и развития мелкой сельской промышленности в Китае Фан Сяньтин обосновал ссылками на мнения зарубежных учёных, занимавшихся в то время вопросами китайской экономики. Так, профессор Найт полагал, что Китаю не нужна крайняя индустриализация. Сэлтер сделал аналогичный вывод: Китаю не следует идти по пути промышленно развитых стран. Тоуни считал, что мелкая промышленность в большей степени, чем крупная, соответствует экономической ситуации в Китае. Тэйлер указывал, что мелкая промышленность способствует стабильности и спокойствию в стране [Ibid. Pp. 266–268].

Работа Фан Сяньтина и У Чжи «Сельская промышленность Китая» [Fang Xianting, Wu Zhi, 2019] продемонстрировала присущий методологии Фан Сяньтина интерес к историко-институциональным исследованиям. Подробное рассмотрение сезонных особенностей китайского сельскохозяйственного производства сочеталось с информацией о сельской промышленности Англии, Швейцарии и Индии для проведения сопоставлений. Данные об импорте и экспорте хлопчатобумажной пряжи, шёлка-сырца, чая, муки, керосина и бумаги с 1867 г. по 1930-е гг. стали иллюстрацией трудностей сельской промышленности Китая. В поле зрения учёных оказались такие виды деятельности, как ручное ткачество и производство плетёных изделий, производство пищевой продукции (очистка риса, помол муки, макаронные изделия, виноделие, прессование масла, заготовка чая, производство консервов), производство бумаги, керамики, строительных материалов и стекла, добыча угля, производство фарфора, а также изделий художественных промыслов.

Фан Сяньтин и У Чжи представили информацию о системе организации сельской промышленности, истории её развития, технике, издержках и прибыли, путях сбыта продукции, изменениях рынка, снабжении ресурсами. Учёные пришли к выводу, что под влиянием торговли со странами Запада китайская сельская промышленность постепенно сокращалась [Fang Xianting, Wu Zhi, 2019. P. 304]. Однако признание объективных проблем не привело их к выводу о бесперспективности сельской промышленности. Будущую индустриализацию Китая Фан Сяньтин связывал с возрождением сельской промышленности даже с учётом очевидного уменьшения в конце 1920-х — начале 1930-х гг. экспорта её продукции.

Планы сельской индустриализации

Социально-экономические обследования китайской деревни стали обоснованием вывода о необходимости содействия развитию сельской промышленности, в которой преобладало ремесленное производство. Фан Сяньтин считал, что стратегия индустриализации деревни соответствует национальной специфике, представляет лучший путь возрождения сельского хозяйства и развития промышленности.

Среди учёных Нанькайского института экономики существовали разные мнения относительно стратегии индустриализации деревни. Сторонник «всеобщей вестернизации» Чэнь Сюйцзин считал, что сельская промышленность занимает подчинённое положение и выступал за урбанизацию. Он полагал, что, как и на Западе, сельское хозяйство в Китае будет развиваться вслед за промышленностью. Фан Сяньтин видел эту проблему по-иному. Он отмечал, что пришедшая с Запада в приморские города современная промышленность составила лишь небольшую часть промышленного производства Китая [Fang Xianting, 2015c. P. 362]. По мнению Фан Сяньтина, корень индустриализации Китая находится в деревне. Он считал нецелесообразным по образцу Европы и США сначала развивать городскую промышленность, чтобы затем преобразовать деревню [Peng Nansheng, Yi Zhongfang, 2012. P. 110].

Фан Сяньтин указывал, что большая часть промышленности Китая сосредоточена в деревне, сельская промышленность даёт населению дополнительную занятость в свободное от сельскохозяйственных работ время [Fang Xianting, 2015c. P. 362]. На пути развития крупномасштабной промышленности в то время стояли труднопреодолимые препятствия: китайской экономике не доставало угля, нефти и стали, политическая ситуация в стране была сложной. Мелкая же сельская промышленность не нуждалась в больших капиталах [Ibid. P. 367]. Крупная промышленность требовала профессиональной подготовки большого числа работников, тогда как для тех, кто занят в сельской промышленности, крестьянский труд мог оставаться основным занятием. Учёный полагал, что сельская промышленность и сельское хозяйство дополняют друг друга. Они способствуют повышению уровня жизни крестьян, а развитие сельской промышленности сокращает разрыв между городом и деревней, предотвращает отток людей из сельской местности и концентрацию населения в городах [Fang Xianting, Wu Zhi, 2019. P. 289].

Признавая отсталость сельской промышленности Китая, Фан Сяньтин тем не менее призывал не пренебрегать её развитием. Она даёт работу незанятым жителям села, позволяет использовать местное сырьё, повышает уровень жизни крестьян и делает их более защищёнными от последствий неурожая и стихийных бедствий. Учёный подчёркивал, что социальные функции сельской промышленности не уступают по важности экономическим, повышение уровня жизни крестьян он связывал с перспективой улучшения положения в деревенском обществе [Ibid. P. 337–338].

Социально-экономические обследования Нанькайского института экономики выявили очевидное противоречие между объективно наблюдаемым ускоряющимся упадком сельской промышленности и теоретическим обоснованием её важности для будущего развития Китая. Требовались конкретные рецепты оживления сельской промышленности. Фан Сяньтин предложил «с одной стороны, использовать научные исследования и методы образования для усовершенствования технологий; с другой стороны, ускорить поиск кооперативных форм организации, чтобы заменить капиталистические» [Fang Xianting, 2015d. P. 390].

Исследователи выступали за создание «экспериментальных уездов» и «экспериментальных лабораторий сельской промышленности». Они предлагали привлекать туда специалистов для улучшения технологий, обучать крестьян, отказываться от устаревших традиционных методов производства, продвигать использование передовой техники,

чтобы сельская промышленность соответствовала изменениям рыночной конъюнктуры (см.: [Peng Nansheng, Yi Zhongfang, 2012. P. 113]).

Этот рецепт развития китайской деревни не был в то время единственным. Современные китайские авторы отмечают, что представители гуманитарной интеллигенции Янь Янчу и Лян Шумин, возглавившие «движение сельской реконструкции», предлагали обратить первостепенное внимание на образование крестьян, но пренебрегали экономической основой возрождения деревни. Экономисты Лю Дацзюнь и Тан Цинцзэн выступали за экономическое строительство в деревне и сельскую кооперацию на уровне теории, социологи Чжан Шивэнь и Ли Цзинхань ограничивались проведением обследований. На этом фоне концепция сельской промышленности учёных Нанькайского университета отличалась «реальным смыслом» и «осуществимостью». В ней соединялись планы возрождения деревни с долгосрочной перспективой индустриализации Китая [Ibid. P. 114].

Поскольку социально-экономическая целесообразность унаследования системы мелкого производства внутри страны не вызывала у Фан Сяньтина сомнений, основное внимание сместилось в направлении конкуренции с пришедшими в Китай иностранными товарами [Fang Xianting, 2019c. P. 269]. Учёный отметил, что иностранные предприятия и созданные по их образцу китайские производства показывали жизнеспособность только тогда, когда они были обеспечены специальными привилегиями и гарантиями «договорных портов» — Шанхая, Гуанчжоу, Нинбо, Фучжоу и Сямэня. Фан Сяньтин обвинил тех, кто верит в такую модель развития промышленности в Китае при поддержке иностранных властей под защитой прав экстерриториальности, в мышлении «чисто колониальными категориями». Китайская политика промышленного развития, способная получить поддержку со стороны правительства и преодолеть инерцию традиционных подходов, должна быть укоренена в национальной экономике, «на акрах обширных китайских земель, а не на узких садовых участках концессий и сеттльментов» [Fang Xianting, 2015e. P. 232].

Фан Сяньтин видел перспективу реформирования мелкой промышленности Китая через развитие сельской кооперативной системы, способной защитить семьи работников от экономического произвола скупщиков. Взаимная финансовая поддержка и совместный сбыт продукции также могли бы повысить конкурентоспособность китайских производителей и их способность противостоять иностранному демпингу. Хотя зарубежный опыт не может быть скопирован в Китае, его следует принимать во внимание. В частности, это относится к законам, защищающим работающих на дому от порабощения предпринимателями (в Англии такой закон был принят в 1891 г.). Ещё один способ — кооперация, которая может опираться, как в Германии, на кооперативные банки, или по примеру СССР правительство может взять в свои руки организацию кооперации производителей-кустарей. Фан Сяньтин сослался на данные Госплана СССР, свидетельствующие, что в 1929–1930 гг. около 60% работников были заняты в мелкой промышленности. Три четверти из них — крестьяне в деревнях, которые нуждались в организации. По статистике советского Всекопрома в 1930 г. действовали 18 363 кооператива, объединившие свыше 2 млн человек. Так была решена проблема эксплуатации работающих на дому, причём в Германии это сделали более естественным путем. В Китае ситуация иная: люди не имеют знаний и не организованы, поэтому кооперацию следует проводить сверху [Fang Xianting, 2019c. Pp. 272–273].

Современные китайские исследователи отмечают, что обследования, проведённые Нанькайским институтом экономики были замечены на Западе и способствовали пониманию иностранцами китайской деревни [Li Cuilian, 2009. P. 332]. Французский учёный А. Сэ коснулся книги Фан Сяньтина «Сельская промышленность Китая», которая «будет прочитана историками с таким же интересом, как и экономистами» [Sée, 1934. P. 596]. В работе показано, что сельские хлопкопрядильные, шёлкопрядильные, чайные и мукомольные производства переживают упадок, хотя сельское ткачество хлопка и шёлка все ещё преоб-

ладает над крупной текстильной промышленностью. В сельской местности много ремесленников, которые живут исключительно за счёт своего ремесла, однако большинство сельских промыслов носит сезонный характер, как это было и в европейской истории. «Как и в старой Европе, сельская промышленность продаёт свои продукты купцам, которые держат сельских рабочих под своим экономическим господством, так как они имеют доступ к капиталу, которого у последних нет» [Ibid. P. 597].

Сэ подчеркнул, что, с точки зрения Фан Сяньтина, сельская промышленность всех видов может и далее играть в Китае важную роль даже на фоне развития крупной промышленности. Китайский учёный видел в ней элемент экономического и социального прогресса, признавая необходимость кооперации для исправления принципиальных недостатков старой организации. Французский историк экономики обратил внимание на то, что выводы Фан Сяньтина «очень похожи на идеи», выдвинутые Тоуни в книге «Земля и труд в Китае» [Ibid. P. 597].

Фан Сяньтин и Тоуни много общались на площадке Института Тихоокеанских отношений. В своей книге Тоуни ссылался на работы Фан Сяньтина «Ковроткаческая промышленность Тяньцзиня», «Ткачество из вискозы и хлопка Тяньцзиня», «Чулочно-носочное вязание Тяньцзиня» [Tawney, 1932. P. 117], «Индустриализация Китая: статистический обзор» [Ibid. P. 122] и высоко их оценивал. Тоуни также проявил интерес к исследованию Фан Сяньтином ткацкой промышленности Северного Китая. Он отметил, что работа представляет отчасти исторический, отчасти практический интерес. В рецензии на книгу Тоуни писал: «Вопрос о будущем сельской промышленности в Китае, с учётом огромной численности полностью или частично зависящего от неё населения, является одной из главных экономических проблем, стоящих перед страной. И теперь, когда первый энтузиазм по поводу неизбежной вестернизации угас, этому вопросу начинают уделять серьёзное внимание» [Tawney, 1936. P. 244].

Современные зарубежные исследователи рассматривают предложенные Фан Сяньтином планы промышленного развития китайской деревни через призму сохранения национальной идентичности [Zanasi, 2004]. Крупномасштабная промышленность в портовых городах, где были гарантированы привилегии иностранцев, олицетворяла для китайских интеллектуалов 1930-х гг. западное понимание модернизации и подчинение страны империалистическому диктату. Развитие сельской промышленности позволяло предложить альтернативный путь экономического подъёма без ущерба для национальной независимости.

М. Занаси отмечает, что Фан Сяньтин считал китайскую экономику того времени «средневековой» и «феодальной». Он надеялся преодолеть ограниченность мелкого производства через осуществление экономической кооперации под руководством государства. Успех модернизации сельской промышленности создавал предпосылки для развития крупномасштабных производств, однако преждевременный акцент на городской промышленности был способен породить дальнейший упадок сельской экономики и усугубить проблему бедности. Фан Сяньтин полагал, что развитие сельской промышленности позволяло избежать кризиса и способствовать модернизации Китая «при сохранении того, что он считал традиционной сельской идентичностью» [Ibid. P. 119].

Признавая негативное воздействие иностранного империализма на китайскую экономику, Фан Сяньтин ставил на первое место сбалансированное развитие города и деревни. Он исходил из того, что для преодоления упадка сельской экономики «требуется стратегия общего развития страны, которая соответствовала бы сельским условиям Китая и не привела бы к дальнейшему обнищанию крестьянских масс» [Ibid. P. 122]. В случае серьёзного экономического кризиса деревенская промышленность не стала бы источником крупномасштабной безработицы, поскольку крестьяне могли продолжать заниматься привычным сельским трудом.

Выводы

Исследовательские поиски Фан Сяньтина конца 1920-х — начала 1930-х гг. неразрывно связаны со спецификой деятельности Нанькайского института экономики, занимавшегося сбором и анализом сведений о социально-экономическом развитии Китая. Учёный использовал эмпирические методы исследования и глубоко проникал в особенности каждой изучаемой отрасли. Его интересовали технологии, организация производства и сбыта продукции, вопросы качества и стандартов, положение работников.

Американское экономическое образование расширило кругозор учёного, стремившегося к осмыслению проблем китайской индустриализации с учётом исторического опыта других стран на сходном этапе развития. Накопление знаний о китайской экономике привело Фан Сяньтина к выводу о нежелательности копирования западного пути индустриализации, сопровождающегося концентрацией производства в городах. Учёный предложил адаптированную к специфике Китая стратегию развития сельской промышленности.

Полномасштабная агрессия Японии против Китая в 1937 г. заставила китайских экономистов поставить под сомнение приоритет сельской индустриализации. Важность тяжёлой промышленности для обеспечения обороноспособности страны стала очевидной. В годы войны Фан Сяньтин призывал к государственному контролю над экономикой и надеялся на приток крупномасштабных американских инвестиций для послевоенной индустриализации Китая.

Созданные в республиканский период многочисленные труды Фан Сяньтина по китайской экономике, изданные на китайском и английском языках, оказали большое влияние как на обсуждение экономических проблем в самом Китае, так и на восприятие их во внешнем мире. В частности, появление в «Большой Советской Энциклопедии» в статье о китайской промышленности отдельного упоминания об уезде Гаоян и ссылок на две работы Фан Сяньтина на английском языке¹ можно с уверенностью объяснить знакомством советского автора с его книгами. В наши дни труды Фан Сяньтина сохраняют своё значение как ценный материал для историков китайской экономики Нового времени, в особенности для зарубежных исследователей.

В начальный период реформ (в 1980-е гг.) в китайском подходе к индустриализации подчёркивалась важность сельской экономики, нежелательность повторения советского опыта форсированной индустриализации за счёт крестьян, возможность повышения уровня жизни на селе и трудоустройства избыточной рабочей силы на мелких предприятиях сельской промышленности. Исторические корни этих идей можно найти в спорах первой половины XX в. Наследие Фан Сяньтина является неотъемлемой частью продвижения китайских экономистов к углублённому пониманию перспектив индустриализации с учётом национальной специфики.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Андреев М. (1935). Х.Д. Фын. Хлопчатобумажная промышленность и торговля в Китае, изд. Нанкайского института экономики. Тяньцзинь 1932 г. Т. I–II [Andreev M. (1935). H.D. Fong, ph. D. — Cotton industry and trade in China. Nankai Institute of Economics, Tianjin, 1932. Vols. 1–2] // *Проблемы Китая*. № 14. — М.: Изд. Института мирового хозяйства и мировой политики. С. 375–380.
- Бюхер К. (1912). *Возникновение народного хозяйства*: Публичные лекции и очерки. Изд. 2-е, испр. и доп. по 7-му нем. изд. [Bücher K. (1912). *Industrial evolution*]. — Санкт-Петербург: Тип. Т-ва «Обществ. Польза».
- Baffi P. [P.B.] (1935). Hsien Ding Fong, Cotton industry and trade in China, Tientsin, Chihli Press, 1932 // *Giornale degli economisti e rivista di statistica*. Serie quarta. Vol. 75. No. 2. P. 155.
- Fang Hsien-T'ing (1978). *The Triumph of the Factory System in England*. — Philadelphia: Porcupine Press.

¹ *Большая Советская Энциклопедия. Том тридцать второй* (1936). — М.: ОГИЗ РСФСР. Стб. 486, 499.

- Fang Xianting (2006). *Fang Xianting huiyilu — yi wei Zhongguo jingjixuejia de qishi zishu* [Reminiscences of a Chinese economist at 70]. — Beijing: Shangwu yinshuguan [Commercial Press]. (In Chinese).
- Fang Xianting (2015a). Wuren dui gongyehua yingyou zhi renshi [Fang Xianting (2015a). What we should know about industrialization] // *Fang Xianting wenji* [Collected works of H.D. Fong]. Vol. 4. (6 vols.). — Beijing: Shangwu yinshuguan [Commercial Press]. Pp. 99–108. (In Chinese).
- Fang Xianting (2015b). Zhongguo gongyehua zhi tongji de fenxi [Fang Xianting (2015b). Statistical analysis of China's industrialization] // *Fang Xianting wenji* [Collected works of H.D. Fong]. Vol. 4. (6 vols.). — Beijing: Shangwu yinshuguan [Commercial Press]. Pp. 51–97. (In Chinese).
- Fang Xianting (2015c). Xiangcun gongye yu Zhongguo jingji jianshe [Fang Xianting (2015c). Rural industries and China's economic reconstruction] // *Fang Xianting wenji* [Collected works of H.D. Fong]. Vol. 4. (6 vols.). — Beijing: Shangwu yinshuguan [Commercial Press]. Pp. 359–370. (In Chinese).
- Fang Xianting (2015d). Zhongguo zhi gongyehua yu xiangcun gongye [Fang Xianting (2015d). Industrialization and rural industries in China] // *Fang Xianting wenji* [Collected works of H.D. Fong]. Vol. 4. (6 vols.). — Beijing: Shangwu yinshuguan [Commercial Press]. Pp. 371–390. (In Chinese).
- Fang Xianting (2015e). Industrial organization in China // *Fang Xianting wenji* [Collected works of H.D. Fong]. Vol. 4. (6 vols.). — Beijing: Shangwu yinshuguan [Commercial Press]. Pp. 109–232.
- Fang Xianting (2019a). English industrial organization about 1840 // *Fang Xianting wencun* [Collected papers of Fang Xianting]. — Tianjin: Nankai daxue chubanshe [Nankai University Press]. Pp. 469–514.
- Fang Xianting (2019b). Tianjin ditan gongye [Fang Xianting (2019b). Tianjin carpet industry] // *Fang Xianting wencun* [Collected papers of Fang Xianting]. — Tianjin: Nankai daxue chubanshe [Nankai University Press]. Pp. 133–220. (In Chinese).
- Fang Xianting (2019c). Huabei xiangcun zhibu gongye yu shangren guzhu zhidu [Fang Xianting (2019c). Rural weaving and the merchant employers in a North China District] // *Fang Xianting wencun* [Collected papers of Fang Xianting]. — Tianjin: Nankai daxue chubanshe [Nankai University Press]. Pp. 221–279. (In Chinese).
- Fang Xianting, Chen Zhenhan (2018). Zhongguo gongye xianyou kunnan de fenxi [Fang Xianting, Chen Zhenhan (2018). The analysis of the current difficulties in China's industry] // *Fang Xianting wenji* [Collected works of H.D. Fong]. Vol. 5. (6 vols.). — Beijing: Shangwu yinshuguan [Commercial Press]. Pp. 3–20. (In Chinese).
- Fang Xianting, Wu Zhi (2019). Zhongguo zhi xiangcun gongye [Fang Xianting, Wu Zhi (2019). Rural industries in China] // *Fang Xianting wencun* [Collected papers of Fang Xianting]. — Tianjin: Nankai daxue chubanshe [Nankai University Press]. Pp. 280–342. (In Chinese).
- Fong H.D. (2014). Cotton industry and trade in China. — Beijing: Shangwu yinshuguan [Commercial Press].
- Fu Chunhui (2021). Nankai jingji yanjiusuo 20 shiji 30 niandai diaocha yanjiu zai kaocha [Fu Chunhui (2021). A re-examination of the investigation and research of Nankai Institute of Economics in the 1930s] // *Shehuixue yanjiu* [Sociological Studies]. No. 6. Pp. 156–178. (In Chinese).
- He Lian (2012). *He Lian huiyilu* [He Lian (2012). Reminiscences of He Lian]. — Beijing: Zhongguo wenshi chubanshe [Chinese Literature and History Press]. (In Chinese).
- He Lian, Fang Xianting (2013). Industrialization in China: A study of conditions in Tientsin // *Fang Xianting wenji* [Collected works of H.D. Fong]. Vol.3. (6 vols.). — Beijing: Shangwu yinshuguan [Commercial Press]. Pp. 1–39.
- He Lian, Fang Xianting (2015). Zhongguo gongyehua zhi chengdu ji qi yingxiang [He Lian, Fang Xianting (2015). Extent and effects of industrialization in China] // *Fang Xianting wenji* [Collected works of H.D. Fong]. Vol. 4 (6 vols.). — Beijing: Shangwu yinshuguan [Commercial Press]. Pp. 3–49. (In Chinese).
- Jewkes J. (1933). Cotton Industry and Trade in China. by H. D. Fong (Tientsin: Nankai Institute of Economics. 2 vols.) // *The Economic Journal*. Vol. 43. No. 172. Pp. 694–696.
- Ji Xin (2007). Zhongguo jingjixue jie de cengjing lingjun renwu — Fang Xianting [Ji Xin (2007). A former leader in Chinese economics — Fang Xianting] // *Jingjixuejia chazuo* [Teahouse for Economists]. No. 4. Pp. 126–131. (In Chinese).
- Li Cuilian (2009). *Liuxuesheng yu Zhongguo jingjixue* [Li Cuilian (2009). Returned students and Chinese economics]. — Tianjin: Nankai daxue chubanshe [Nankai University Press]. (In Chinese).
- Li Jinzheng (2016). «Tuhuohua» jingjixue: Fang Xianting ji qi Zhongguo jingji yanjiu [Li Jinzheng (2016). «Localized Economics»: Fang Xianting and his studies of the Chinese economy] // *Jindaishi yanjiu* [Modern Chinese History Studies]. No. 4. Pp. 68–89. (In Chinese).
- Li Yujie (2018). From craftsmen to laborers: A history of carpet making in Republican China // *Artefact*. No. 8. Pp. 49–67. DOI: <https://doi.org/10.4000/artefact.1923> (access date: 18.08.2023).
- Meng Lingzhou (2013). Zhi Zhongguo fuwu Zhongguo — Nankai jingji yanjiusuo shehui jingji diaocha shulun [Meng Lingzhou (2013). Know China and serve China — The socio-economic surveys of the Nankai Institute of Economics] // *Minguo yanjiu* [Studies on Republican China]. No. 1. Pp. 96–111. (In Chinese).
- Meng Lingzhou, Zhang Deming (2013). Jingjixue zhongguohua de lishi jiezou: Nankai jingjixue ren de chengshi gongye diaocha yu yanjiu [Meng Lingzhou, Zhang Deming (2013). The historical rhythm of sinicization of economics: Nankai economists' urban industrial surveys and research] // *Tianjin shehui kexue* [Tianjin Social Sciences]. No. 4. Pp. 85–89. (In Chinese).
- Peng Nansheng, Yi Zhongfang (2012). Nankai jingjixueren de xiangcun gongye lilun yu shijian [Peng Nansheng, Yi Zhongfang (2012). Nankai economists' theory and practice of rural industries] // *Anhui daxue xuebao* (zhaxue

- shehui kexue ban*) [*Journal of Anhui University (Philosophy and Social Sciences Edition)*]. No. 5. Pp. 106–114. (In Chinese).
- Redford A. (1931). Triumph of Factory System in England. by H. D. Fong // *The Economic History Review*. Vol. 3. No. 2. Pp. 306–307. <https://doi.org/10.2307/2589906>. (access date: 18.08.2023).
- Sée H. (1934). Review of Cotton industry and trade in China; Rural industries in China, by H. D. Fong // *Revue Historique*. Vol. 174. No. 3. Pp. 595–597. <http://www.jstor.org/stable/40945465> (access date: 18.08.2023).
- Tawney R. H. (1932). *Land and labor in China*. — London: George Allen and Unwin, Ltd.
- Tawney R. H. (1936). H. D. Fong. Rural weaving and merchant employers in a North China district. (Nankai Institute of Economics. Tientsin. 1935). B. V. Keskar. L'industrie textile a domicile dans l'Inde moderne. (Librairie Picart. 1935) // *The Economic History Review*. Vol. 6. No. 2. Pp. 244–245.
- Truscott P.B. (2002). H.D. Fong and the Study of Chinese Economic Development // *History of Political Economy*. Vol. 34. No. 4. Pp. 789–809.
- Truscott P.B. (2007). *Jingji Xue. The History of the Introduction of Western Economic Ideas into China, 1850–1950*. — Hong Kong: The Chinese University Press.
- Xiong Xingmei, Guan Yongqiang (2019). Fang Xianting Zhongguo gongyehua yanjiu shulüe [*Xiong Xingmei, Guan Yongqiang* (2019). A brief study on Fang Xianting's thoughts on China's industrialization] // *Fang Xianting wencun* [Collected papers of Fang Xianting]. — Tianjin: Nankai daxue chubanshe [Nankai University Press]. Pp. 1–28. (In Chinese).
- Zanasi M. (2004). Far from the treaty ports: Fang Xianting and the idea of rural modernity in 1930s China // *Modern China*. Vol. 30. No. 1. Pp. 113–146. URL: <http://www.jstor.org/stable/3181378>. (access date: 18.08.2023).
- Zhao Yinglin (2022). Shiyejia Mu Ouchu [*Zhao Yinglin* (2022). Industrialist Mu Ouchu] // *Shu wu* [Book Room]. No. 12. Pp. 77–80. (In Chinese).
- Zou Jinwen (2016). *Jindai Zhongguo jingjixue de fazhan: yi liuxuesheng boshi lunwen wei zhongxin de kaocha* [Zou Jinwen (2016). The development of modern Chinese economics: Doctoral dissertations by overseas Chinese students]. — Beijing: Zhongguo renmin daxue chubanshe [China Renmin University Press]. (In Chinese).

Борох Ольга Николаевна

borokh@hotmail.com

Olga Borokh

PhD (Economics), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of sciences (Moscow)

borokh@hotmail.com

FANG XIANTING'S CONTRIBUTION TO THE STUDY OF CHINA'S INDUSTRIAL DEVELOPMENT (1920–1930s)

Abstract. The article examines the history of the searches for China's industrialization strategy in the writings of Fang Xianting. The experience of studying the history of the industrial development of England and the influence of the German historical school became important components of his understanding of China's economic prospects in the first half of the 20th century. The starting point for the study of Chinese economy was Bücher's classification of types of industrial organization in their historical evolution. Analysis of data collected by Fang Xianting on the socio-economic characteristics of a number of industries (carpet industry, cotton industry) made it possible to identify the obstacles to industrialization. The scholar recommended focusing on the development of rural industry while avoiding following the Western model of concentration of large enterprises in the cities. Rural industry needed no large investments, resources and sophisticated equipment, it could use the labor of peasants and was not under the control of foreign powers. Although China's rural industry suffered from reduction in sales to foreign markets during the global crisis, Fang Xianting hoped for its revival and transformation into a driving force for industrialization. In the development of small-scale decentralized production, he saw the possibility of counteracting foreign dumping, preserving the family as a production unit and maintaining social stability. The scholar recommended developing a system of rural cooperatives that can protect the economic interests of producers and increase the competitiveness of Chinese goods. It is concluded that Fang Xianting's research has become an important part of the advancement of Chinese economists towards a deeper understanding of the prospects of China's industrialization that take into account national specifics. His research method combined the collection of objective economic information with the study of political, social and legal institutions for the sake of identifying the impact of industrialization on Chinese society. Emphasis on the priority of rural industry reveals the historical origins of the economic strategy in the initial stage of Chinese reforms in the 1980s that was aimed at improving the living standards of peasants through the development of rural industries.

Keywords: *Republican China, Fang Xianting (Hsien Ding Fong), American education, German historical school, industrialization, surveys, rural industries.*

JEL: B2, B31, N15.

П.А. Ореховский

д.э.н., проф., главный научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ГЛАЗАМИ СТРУКТУРАЛИСТА (Часть 1. Классики и Маркс)¹

Аннотация. В работе предпринята попытка переосмысления проблемы оптимальной структуры экономики и экономического роста в истории мысли. Используется концепция «постправды» по С. Фуллеру, демонстрируется, что А. Смит использовал стратегию изменения речевых практик и интерпретации фактов против меркантилистов, а впоследствии К. Маркс сделал то же самое в отношении всей классической школы. История мысли легитимирует экономический мейнстрим — доминирующую версию экономической теории, игнорируя прежние варианты риторического доминирования.

Центральная роль в проблеме определения оптимальной структуры экономики отводится старой дискуссии о соотношении производительного и непроизводительного труда. И Смит, и Рикардо, и Маркс искали основной источник ценности и механизмы её перераспределения и изъятия в пользу тех или иных социальных групп. В настоящее время разделение на производительные и непроизводительные виды экономической деятельности признано неверным и отброшено. Однако ориентация экономических агентов на извлечение ренты, осуждаемая А. Смитом, по сути, может блокировать экономический рост. И, как это показывает Д. Рикардо, при определённых условиях рентоориентированное поведение может привести к исчезновению прибыли и достижению так называемого «стационарного состояния». Принцип сравнительных преимуществ, открытый Рикардо, противоречит как «равновесию в длительном периоде», так и теории трудовой ценности. При определённой модификации этот принцип позволяет выстроить иерархию геополитических субъектов в духе мир-системного анализа. Маркс игнорирует этот принцип, используя «прибавочную ценность» как основу своей концепции. Его подход, в соответствии с которым ценность создаётся только в сфере материального производства, оставляет проблему оптимальной структуры экономики нерешённой.

Ключевые слова: *структурализм, постправда, производительный и непроизводительный труд, рента, равновесие, неэквивалентный обмен, неоднородность.*

JEL: B12, B13, B14, B21, B22, B40

УДК: 330.82; 330.88

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_137_154

© П.А. Ореховский, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Ореховский П.А.* История экономической мысли глазами структуралиста (Часть 1. Классики и Маркс) // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 4. С. 137–154. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_137_154.

FOR CITATION: *Orekhovsky P.* History of Economic Thought by the Eyes of a Structuralist (Part 1. Classics and Marx) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 4. Pp. 137–154. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_137_154.

¹ Статья написана на основе препринта, обсуждавшегося на семинаре под руководством А.Я. Рубинштейна в Институте экономики РАН 15.06.2023 г. Он размещён на сайте ИЭ РАН — https://inecon.org/docs/2023/Orekhovsky_paper_2023.pdf. Я выражаю искреннюю признательность О.И. Ананьину, Г.Д. Гловели, Е.А. Капогузову, С.Г. Кирдиной-Чэндлер и другим участникам обсуждения за высказанные ценные замечания.

Введение: структурализм и постправда

В истории экономической мысли уже давно сложился свой «мейнстрим». С одной стороны, он является достаточно широким, чтобы в XXI в. включить в себя представителей институционализма, которым в своей знаменитой работе 1985 г. М. Блауг отказал в этом праве (впрочем, как и «эконометристам», которым также не нашлось места в его книге) [Блауг, 1994]. С другой стороны, мейнстрим истории экономической мысли, как и любой мейнстрим, предполагает определённую классификацию и иерархию исследователей и их теорий. Как правило, основания такой классификации не предъявляются публике, что и приводит историков мысли к частым дискуссиям о том, какая из фигур экономистов прошлого является более масштабной. Исключением являются разве что марксисты, оценивающие теоретиков по степени близости к теории трудовой стоимости и принятию / отрицанию прибавочной стоимости, представленной в трудах К. Маркса.

История экономических учений, если рассматривать её как учебную дисциплину, считается «закрепляющей» — её риторика должна убедить студентов в верности тех представлений, которые они получили в рамках изучения курсов экономической теории. Легитимация авторитетного дискурса с помощью обращения к историческому материалу — одна из важнейших задач этой дисциплины. Характерной чертой такой легитимации является едва ли не общепринятая структура, в рамках которой можно выделить следующие большие разделы: 1) доклассическая и классическая экономическая мысль; 2) австрийцы и неоклассики; 3) кейнсианцы; 4) неолиберальная мысль и современные направления. Отечественные авторы, кроме дополнительной характеристики специфического развития российской экономической мысли, часто добавляют в эту структуру характеристику Ф. Листа и немецкой исторической школы; кроме того, в последние двадцать лет в учебники стала попадать и довольно подробная характеристика эволюции институционализма². Несмотря на все эти особенности (очевидно, историки мысли придерживаются позиции, что чем шире рассмотренный круг авторов, тем лучше), нетрудно заметить, что такая структура гораздо ближе к уже упоминавшейся большой работе М. Блауга, нежели популярного в советское время американского институционалиста Б. Селигмена [Селигмен, 1968].

В качестве неявных оснований классификации, организующих дискурс современной истории мысли, во-первых, следует выделить принцип *равновесия*. В *микроэкономике* такое равновесие должно достигаться как для производителя, так и для потребителя; как на отраслевых рынках конечной продукции и услуг, так и на рынках факторов производства. То же самое справедливо и по отношению к *макроэкономике*: здесь должно достигаться *Общее равновесие*. Школы мысли, а заодно и этапы развития экономической науки организуются вокруг механизмов достижения равновесия — и характеристики политики государства, которую следует признавать рациональной (эффективной). Равновесие является имплицитным принципом, организующим весь экономический дискурс: поскольку существуют две противоположные силы, спрос и предложение, они должны как-то уравниваться. Это кажется настолько тривиальным, что не обсуждается.

Другим важным основанием классификации является различие между анализом средних и предельных величин. Внимание к средним — признак принадлежности

² См., например: [История экономических учений, 2002], [Бартнев, 2013]. Важной особенностью учебника С. Бартнева является то, что несколько параграфов в нём посвящено Е.С. Варге, Н.А. Вознесенскому, И.А. Анчишкину, Ю.В. Яременко; присутствует и глава «Модели роста и развития стран “третьего мира”». Очевидно, что учебники по любой дисциплине должны отличаться друг от друга, иначе не было бы смысла их писать.

Характерно также, что во многих учебниках по истории мысли, включая указанные, пока нет «эконометристов». Тем не менее нет сомнений, что соответствующие темы появятся (может быть, уже появились) в новых вариантах этого курса.

к классической школе. Предельный анализ связан с победой маржиналистской революции в конце XIX в.³ С тех пор характеристика предельных издержек и доходов позволяет выявить эффективность и/или неэффективность равновесия. Это различие позволяет отделить «классиков» от «неоклассиков», обособить «марксистов» и «институционалистов» (а заодно ввести в классификацию «неоинституционалистов», которые пытаются осуществить синтез предельного и институционального анализа). То же основание классификации — предельный анализ — позволяет разделить кейнсианцев и неолибералов⁴ самых разных направлений, правда, сама линия демаркации становится уже намного более тонкой. Предельный анализ здесь лежит в основании представлений об эластичности функций спроса и предложения. Отсюда, например, разграничение между кейнсианцами и, скажем, «новыми классиками» основано на вере в эластичность / неэластичность спроса и/или предложения в ответ на изменения цен.

Тем не менее устойчивость структуры рассматриваемой дисциплины обеспечивается не только успешностью выполнения задачи легитимации современной экономической теории в целом. Дело в том, что внутри выделенных выше четырёх больших разделов экономисты говорили примерно «на одном языке», использовали понятный друг другу аналитический инструментарий. Между разделами — и периодами развития экономической науки — пролегает «смена парадигм», если использовать категорию, введённую в оборот философом науки Т. Куном. Выдающиеся экономисты, с которыми принято отождествлять различные направления, использовали стратегию постправды (постистины) по С. Фуллеру. Последний, с привлечением Оксфордского словаря, поясняет: «(постправда) характеризует или обозначает обстоятельства, в которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личной вере», «в эту эпоху постистины легко отыскать любые данные, какие только захочется, и прийти к любому выводу, к какому только пожелаете»...

Такое определение имеет очевидно негативный оттенок. Собственно, это не что иное, как постистинное определение постистины. Именно в таком свете хотят представить своих противников те, кто занимает господствующие позиции в актуальной игре знания и власти...» [Фуллер, 2021. С. 11–12].

Далее Фуллер поясняет свою характеристику, привлекая выделенное В. Парето деление элит на два типа: львов и лисиц: «Львы Парето получают от традиции легитимность, которая в науке основывается на экспертизе, а не на родословной или обычае. Однако... экспертиза черпает свой авторитет в кумулятивном весе межпоколенческого опыта... Каждая новая порция знаний освящается в таком случае “коллегиальным рецензированием”».

Куновская концепция науки является “постистинной” потому, что истина более не арбитр легитимной власти, скорее, она маска легитимности, которую носит всякий, кто стремится к власти.... Наиболее интересная черта нарратива Куна о прогрессе науки —... это то, что он называет “оруэлловским” пониманием истории науки... В такой версии истории, которая непрерывно подправляется, публика никогда не замечает никаких резких поворотов... Вера в статус-кво сохраняется, а рекрутам внушается желание следовать его курсу» [Там же. С. 17–18].

«Другими словами, «ситуация постистины сводится к тому, чтобы занять метапозицию... Лев стремится выиграть, сохранив правила в их нынешнем виде, а лиса стремится их изменить» [Там же. С. 14]. При этом, рассматривая сферу научных занятий, важно

³ Н. Макашева убедительно показывает, что «маржиналистская революция» на самом деле была длительным историческим процессом; и само определение перехода к предельному анализу в экономических исследованиях как «революции» произошло «задним числом» [Макашева, 2022].

⁴ В данном случае под «неолибералами» подразумевается широкий спектр школ от «монетаристов» и «австрийцев» до «новых классиков», включая теорию рациональных ожиданий.

понимать, что речь идёт не только о самих фактах, но и о *правилах их получения и интерпретации*.

Акцент на создании «ситуации постистины» является *первой* важной чертой взгляда структуралистов на историю мысли. Здесь следует оговориться, что понятие «структурализм» используется здесь в связи с той революцией, которая была осуществлена в математике Д. Гилбертом. Так, более важными становятся логические отношения между «знаками», которые должны подчиняться определённым правилам (структуре), а не их соответствию «реальности» (формализациям). Структурализм быстро проникает в лингвистику (В.Я. Пропп, Ф. де Соссюр и др.), антропологию (К. Леви-Стросс), другие науки [Кошовец, Ореховский, 2018]. В экономическую теорию его влияние проникает сравнительно поздно. Так, акцент на том, *как* экономисты доказывают свои идеи, какую риторику используют, впервые, по-видимому, делает Д. Макклоски [Макклоски, 2015]. Эти идеи развивает А. Кламер, указывая на связи между риторикой экономистов и большими «культурными стилями» [Кламер, 2015]⁵. К настоящему времени появляется уже и «нарративная экономика», которую В.В. Вольчик связывает с работами Р. Шиллера, Дж. Акерлофа, Д. Сноуера [Вольчик, 2017].

Подход к истории мысли со стороны структуралистского анализа требует введения ещё одного классификационного различия. Это различие между номинализмом и реализмом; при этом, естественно, речь идёт не о «реальных», *физических (выраженных в неизменных ценах)* и «номинальных» (*выраженных в текущих ценах*) экономических показателях, но о *философских концепциях*. Часть экономистов (многие классики) придерживались мнения о том, что за изменениями номинальных показателей (цен, зарплат, процентных ставок и т.д.) стоят изменения неких сущностей. Так, например, утверждение о том, что в основе цены лежит ценность (стоимость), определяемая будь то на основе «общественно-необходимых затрат труда», будь то на основе «предельной полезности блага», является реалистическим. Истинное понимание ценности (стоимости) позволит построить и истинную теорию ценообразования. Номиналисты обходятся без указанной гипотезы, во многом опираясь на обычную (не диалектическую!) логику и позитивизм. Цены здесь представляют собой только намерения рыночных акторов продать и/или купить то или иное количество товаров, услуг, факторов производства за определённое количество денег; в данном месте и в данное время. На намерения акторов влияет множество факторов, поэтому один и тот же товар / услуга / фактор производства может продаваться по разным ценам, никакой «сущности», которая определяла бы «истинную цену», не существует.

Введение различия между реализмом и номинализмом существенно для структуралиста, но почти или совсем не имеет значения для многих экономистов. В этом отношении показателен случай М. Фридмена. В нашумевшей методологической работе о неважности посылок теории в случае хороших прогностических результатов он выступает как номиналист [Фридмен, 2012], однако его уверенность в существовании «естественной» безработицы и отсутствии безработицы «вынужденной» является очевидно реалистической. И хотя после «эконометрической революции» 1930-х гг. в дискурсе экономистов произошёл определённый сдвиг в сторону номинализма, ни историки мысли, ни сами экономисты не придали этому никакого значения.

Для структуралистов указанное различие существенно потому, что реалисты признают существование только одной, «истинной» реальности. Номиналисты исходят из того, что существует плюрализм реальности, которому соответствует и плюрализм дискурсов. Последняя позиция предполагает, что может существовать несколько равно-

⁵ Кроме Д. Макклоски и А. Кламера, среди родоначальников дискурсивного анализа и акцента на риторике, используемой экономистами, следует отметить также Дж. Амарильо (J. Amariglio), У. Самуэлса (W. Samuels) и Д. Лавуа (D. Lavoie).

ценных «историй мысли», а не только «истинная» и «ложная». И если тот эскиз истории мысли, который представлен в настоящей работе, будет рассматриваться теми или иными оппонентами как фальсификация (в попперовском смысле), об этом нет смысла дискутировать — автор, занимая номиналистскую позицию, заранее с ними согласен.

В свою очередь, следует сказать, что структурализм как «школа» или «направление» отсутствует в учебниках экономической мысли (подробнее: [Ореховский, 2016]). Обычно структуралистов принято относить к дисциплине «экономика развития» [Нуреев, 2008]. Во многом это связано с латиноамериканским структурализмом и, в первую очередь, с концепцией Р. Пребиша [Пребиш, 1992]. Кроме того, в связи с очевидным родством идейных подходов к анализу периферийных (и полупериферийных) экономик, структурализм связывают с работами И. Валлерстайна и Ф. Броделя. В этом случае структуралисты «проходят по ведомству» макросоциологии и экономической истории.

Второй важнейшей чертой структурализма — в данном случае, уже не как общей философской концепции, но именно свойства экономического анализа, является акцент на структурных сдвигах как основе долгосрочного экономического роста. Структурные сдвиги понимаются достаточно широко — это изменение пропорций между в видах экономической деятельности, в пространственных пропорциях, в институциональных режимах. Поскольку важность структурных факторов для роста не отрицал (по крайней мере, в явном виде) ни один исследователь, постольку следует указать, что *не является структурализмом*. К таковым относятся концепции, рассматривающие рост как следствие простого увеличения используемых ресурсов — труда, капитала, земли и полезных ископаемых. Кроме того, *не структуралистскими* являются и теории, где главным фактором роста выступают норма сбережений и инвестиции. С позиций структуралиста чистые инвестиции — это не фактор роста, это *сам экономический рост*. Их вполне можно рассматривать как прирост вовлекаемого в производство капитала и/или труда (например, в однофакторной модели роста Мэнкью — Ромера «физический» и «человеческий» капитал не различаются и рассматриваются как общие «инвестиции» [Ромер, 2014. С. 141–174]).

Поскольку в центр изучения помещаются структурные факторы, традиционное *равновесие* спроса — предложения оказывается неважным. Когда структуралисты пишут о равновесии, на самом деле они чаще всего говорят о *структурной сбалансированности*. Последнее является не статическим состоянием, но «фазой», периодом, в рамках которого имеет место экономический рост. Диспропорции, разрушение такой сбалансированности сопровождается замедлением роста, рецессией; возможно, спадом. Такая интерпретация равновесия в целом не противоречит мейнстриму, поэтому элементы структуралистского анализа можно найти у самых разных экономистов. Поэтому вполне возможными становятся *другие интерпретации* известных концепций, в том числе — альтернативная история мысли, заметки о которой представлены в следующих разделах. Собственно, это «эскиз истории», в центре которого лежит полузабытая концепция производительного труда, давно признанная ошибочной. Любое же более подробное описание, претендующее на общую характеристику «истории мысли», конечно, требует монографического объёма.

Наконец, история мысли тесно связана с экономической историей: хорошим тоном считается описание состояния экономики и жизненных обстоятельств, повлиявших на взгляды исследователя. При этом «интерналисты» делают акцент на идейных предшественниках, повлиявших на взгляды данного экономиста, а «экстерналисты» — на социально-экономической среде и острых проблемах, стоявших в то время перед обществом. Современная социальная эпистемология, в свою очередь, опирается на изучение «практик», которые определяли в том или ином периоде на развитие знания. Понятно, например, что переписывание и изучение текстов, на которых воспитывались схоласты, сильно отличались от той коммерческой деятельности, в которой участвовали меркантилисты и которая во многом предопределила их взгляды.

В свою очередь, практики получения нового знания опираются на коллективные структуры когнитивности, которые во многом задают как рамки возможного развития теории, так и «слепые пятна», характерные для рассматриваемого периода. Это характерно и для истории мысли. Например, когда началась «маргиналистская революция», обнаружился целый список предшественников, так или иначе использовавших в своих работах предельный анализ. Первый список таких предшественников составил не кто-нибудь, а У. Дживонс, которого наряду с К. Менгером и Л. Вальрасом считают одним из «основоположников» маржинализма [Автономов, 2021]. Но до этого работы этих экономистов были слабо известны и не оказывали на развитие теории и практики какого-либо влияния (особенно показательна в этом отношении судьба работы К. Госсена).

Структуры когнитивности предполагают герменевтический подход. Их смена приводит во многом к утрате практик, которые использовались учёными в том или ином периоде, а оставшиеся и доступные современным исследователям тексты интерпретируются уже в рамках других, новых представлений. Альтернативная интерпретация в таком случае неизбежно выступает с позиций постправды (постистины): фактически она формирует другую, параллельную *реальность*, что, естественно, неприемлемо для экономистов, придерживающихся реалистического, а не номиналистического мировоззрения. Но для структурализма было бы странным отстаивание правомерности единственно верного варианта как истории мысли, так и современной экономической теории.

Физиократы и А. Смит. Постановка вопроса о производительном и непроизводительном труде

Меркантилистские авторы, которых Й. Шумпетер делит на «консультантов-администраторов» и «памфлетистов» [Шумпетер, 2001. С. 202–205], в общем-то, не пытались создать некую *общую теоретическую* систему взглядов на экономику. По большей части их произведения были посвящены рекомендациям правительству. Это был (и остаётся таковым) популярный жанр «проектёрства», который в наше время красиво называют «институциональным дизайном». Большая часть предлагаемых реформ относилась к внешней торговле, развитию мануфактур и т.п. Вряд ли будет преувеличением сказать, что «классовый вопрос» находился вне зоны внимания меркантилистов.

Физиократы, оказавшие существенное влияние на А. Смита в отношении анализа факторов, лежащих в основе создания ценности (стоимости), по-видимому, были первыми, кто использовал стратегию «постправды» в отношении меркантилистов. Как пишет М. Хадсон, «Экономическая таблица» Ф. Кенэ требовалась для того, чтобы показать, «как экономический излишек Франции — то, что оставалось после покрытия основных расходов на проживание и бизнес, оказался в руках землевладельцев как земельная рента.

...физиократы приписывали экономический излишек исключительно сельскому хозяйству. Но, *в отличие* (здесь и далее курсив авт. — П.О.) от Локка, они не характеризовали землевладельцев, как получающих ренту благодаря своему труду. Излишек урожая был произведён солнечной энергией. Эта логика лежала в основе их политического предложения: Единого налога на землю...

...в эпоху, когда Франция была автократическим государством, чья земельная аристократия поддерживалась Церковью и королевскими органами, было бы политически нежизнеспособным утверждать, что они не заслуживают своей ренты. Кенэ и его коллеги... использовали риторические образы, чтобы сыграть на собственном воображаемом образе получателей ренты, назвав этот класс ратье *источником* богатства Франции, а промышленность — просто существующей за пределами расходов земельной аристократии.

В характеристике промышленности и торговли как “бесплодных”... была логика, объясняющая, почему только землевладельцы должны нести налоговое бремя. Уловка Кенэ состояла в утверждении, что класс, производящий излишки, является естественным источником налогообложения» [Хадсон, 2021. С. 89].

Таким образом, физиократы стали менять «правила получения» экономических фактов. Идея о том, что есть некий класс, который является источником богатства, в то время как другие — бесплодны, являлась революционной для того времени. Риторическая уловка, переносящая на этот класс налоговое бремя, тогда не сработала. Но способы обсуждения экономических проблем стали меняться — меркантилистские идеи, увязывающие богатство в первую очередь с торговлей, стали выглядеть менее убедительно.

В свою очередь Смит существенно расширил физиократическую теорию ренты. Ему не нужно было применять риторические уловки физиократов, поэтому, естественно, промышленность перестала быть «бесплодной». Главное по Хадсону — то, что Смит «обобщил концепцию ренты как пассивного незаработанного дохода и использовал трудовую теорию стоимости, чтобы распространить эту идею как на финансы, так и на владение землёй: “Труд и время бедных в цивилизованных странах приносятся в жертву праздности и роскоши богатых. Землевладелец пребывает в праздности и роскоши за счёт труда своих арендаторов. Богатого человека поддерживают поборы с усердного торговца и с нуждающихся, которые обязаны содержать его в праздности, платя за использование его денег...”⁶.

Неспособность обложить налогом это рентное бремя перенесло налоги на торговлю и промышленность, подорвав их прибыльность и, следовательно, накопление капитала» [Там же. С. 91].

Легко заметить здесь зарождение того, что много времени спустя Маркс назовёт «классовым характером» политической экономии. Вполне естественно, что такой подход отрицается современными историками мысли не только по отношению к марксизму, но и к А. Смиту. «Разграничение производительного и непроизводительного труда, введённое Смитом, — это, пожалуй, одна из самых пагубных концепций в истории экономической мысли...

Смит даёт два критерия определения производительного труда. Первый... “ценностный”: производительный труд увеличивает ценность продукта... Второй критерий, более известный, — так сказать по принципу складирования: производительный труд “закрепляется и реализуется в каком-либо отдельном предмете или товаре, который можно продать”, а услуги непроизводительного труда “исчезают в самый момент их оказания”. Следовательно, чем большая доля рабочей силы используется производительно, тем большим будет вещественный запас средств производства в следующем году. Этот критерий ближе по духу к тому, что имел в виду Смит, но и он не безупречен» [Блауг, 1994. С. 48–49]. Так характеризует смитианскую концепцию производительного и непроизводительного труда Блауг. Анализируемая глава книги Смита называется «О накоплении капитала, или о труде производительном и непроизводительном». Блауг предполагает, что «для обеспечения экономического прогресса необходимо максимизировать норму чистых инвестиций» [Там же. С. 49] и что Смит связывает производительный труд с этим процессом, в то время как непроизводительный труд представляет собой часть потребления, «непроизводительное использование сбережений в сфере услуг для удовлетворения расточительного спроса» [Там же]. Пагубность концепции Смита Блауг видит, во-первых, в том, что Смит отказывается в производительности образованию и здравоохранению; а во-вторых, в том, что инвестиции увязываются именно с производительным трудом, но не со «сбережениями как функцией от ставки процента или от размера чистого дохода... Он считает, что хотя банковский процент

⁶ Здесь Хадсон цитирует лекции Смита в Эдинбурге, заключая цитату в кавычки. Но источник, откуда взята цитата, не приводится.

используется для финансирования производственных фондов, прирост основного капитала достигается реинвестированием прибылей; поэтому, говоря о бережливом человеке, называя его благодетелем общества, Смит неизменно уточняет, что имеет в виду промышленника, тогда как землевладельцы в его глазах непременно моты» [Там же. С. 50].

В свою очередь, структуралистская интерпретация введённого Смитом различения «производительного» и «непроизводительного» труда предполагает, во-первых, что *виды экономической деятельности имеют разную ценность*. Основываясь на этом, Смит вводит иерархию сфер экономики (см. главу «О различных помещениях капиталов») по степени отдачи на единицу «капитала и труда». Собственно, это не что иное, как попытка определения *приоритетов*, которые должны лежать в основе проводимой властями экономической политики, целью которой является «обогащение нации». Здесь важна разница в акцентах — основная часть историков мысли выделяют у Смита «невидимую руку», в соответствии с которой рыночный механизм сам обеспечит оптимальное распределение капиталов, и на этом характеристику взглядов Смита на государственную экономическую политику можно заканчивать. Все рецепты обогащения народов, таким образом, укладываются во фритредство (стоит отметить, что примерно так же интерпретировали Смита и экономисты немецкой исторической школы, рассматривавшие «манчестерство» как свою идейную противоположность). Для структуралиста, читающего Смита, эта интерпретация неочевидна: эффективная работа рынка требует многих предварительных условий и соответствующего социального конструирования. Деление на производительный и непроизводительный труд, как и иерархия видов экономической деятельности, никак не связана с «невидимой рукой». Скорее наоборот — у Смита достаточно много тезисов, где отстаивается борьба со сговором и монополиями, а заодно — поддержка отечественных предпринимателей.

Во-вторых, что намного более важно, это оценка ренты не как дохода, а как *вычета из доходов*. Рента — это своеобразный аналог сеньоража, взимаемого землевладельцами. Но подобный «сеньораж» может осуществляться и производственными монополистами, и финансовым сектором. Чем выше доля ренты в национальном доходе, тем хуже работает «невидимая рука», тем менее эффективным становится рыночный механизм.

Это совсем другое национальное счетоводство, сильно расходящееся с современным мейнстримом. Следует сразу же оговориться, что идентификация «непроизводительности», которую предоставляет Смит, выглядит вполне приемлемой в XVIII–XIX вв., когда идёт речь о сокращении ренты землевладельцев (а впоследствии — об отмене «Хлебных законов», регулирующих пошлины на импорт зерна). Но по мере развития индустрии и изменения структуры экономики смитианское определение непроизводительного труда становится всё менее удовлетворительным.

Наконец, здесь уже можно констатировать первое расхождение между «равновесием» и «структурной сбалансированностью», которое игнорируется мейнстримом истории мысли. Для пояснения указанного различия в подходах рассмотрим простой числовой пример. Предположим, что имеется некая однопродуктовая экономика, общее количество занятых экономической деятельностью индивидов — 100 человек, 80 из них занято производительным трудом (работники, торговцы, фермеры, фабриканты); 20 — непроизводительным (землевладельцы, чиновники, врачи, учителя). Доход (ВВП) этой экономики — 1000 ед. продукта.

Предположим, что все получают равный доход $1000:100=10$ и что производительные индивиды имеют постоянную одинаковую производительность. Тогда последняя равна $1000:80=12,5$ ед. продукта.

Далее в этой экономике происходит структурный сдвиг — непроизводительных индивидов становится больше на 10 чел., а производительных — 70. Согласно Смицу, доход такой экономики *сократится* и станет равен 875 ед., причём «рентная часть» доходов *увеличится*: $30 \cdot 10 = 300$. В этом начинает проявляться различие в интерпретациях рассма-

триваемой теории: 1) современные теоретики, отрицающие существование «непроизводительного труда» будут отрицать и возможность сокращения дохода, так что $1\ 000 = 1\ 000$; 2) историки мысли, исходящие из представлений о равновесии и признающие правомерность утверждений Смита, будут настаивать на том, что сокращение дохода должно равномерно распределиться между всеми экономическими акторами, так что $875=875$; 3) структуралистская интерпретация будет делать акцент на том, что сокращение производства на 125 ед. не равно ожидаемому сокращению потребления на 100 ед., о «равновесии» здесь не может быть и речи, диспропорции начнут проявлять себя на финансовом (долговом) и отраслевых рынках.

Согласно современным представлениям, поскольку рента наряду с зарплатой, прибылью и доходом считается в общем потоке доходов, постольку этот поток оказывается равен потоку расходов — сумме потребления и сбережений. Так достигается равновесие, которое в ретроспективе можно назвать макроэкономическим. Но — как впоследствии обнаружит Рикардо — *рост удельного веса ренты сопровождается сокращением прибыли и тем самым подрывает стимулы к расширению производства*. Таким образом, «структурная сбалансированность» и «равновесие» совпадают только в случае приближения рентных доходов к нулю, что было практически исключено в аграрной экономике XVIII в. Как оказалось в наше время, этого невозможно добиться и в постиндустриальном обществе XXI в.

Д. Рикардо: рента как признак «институционального склероза». Неэквивалентный обмен

В мейнстриме экономической мысли Рикардо обычно характеризуется как сторонник трудовой теории ценности (стоимости). Одновременно обычно указывается ещё на две теории, у истоков которого находятся его теоретические открытия — а именно, земельной ренты и мировой торговли (сравнительных издержек). Однако вопрос, почему Рикардо рассматривал трудовую ценность как общий принцип, а предельные и сравнительные издержки как исключения, игнорируется. Особенно показательно это игнорирование в случае Й. Шумпетера, который в своём знаменитом труде заявлял особый интерес именно к технике экономического анализа — а ведь в случае Рикардо такая техника во всех трёх случаях разная. В отношении трудовой ценности Рикардо использует, по сути, понятие «средних» затрат; причём выступает как реалист. Продолживший эту линию анализа К. Маркс писал об «общественно-необходимых», «средних», «нормальных» затратах. Учитывая, что работники обладают разной квалификацией, сложностью, Маркс сводил их затраты к единицам «простого труда».

По-видимому, такая интерпретация трудовой ценности Рикардо является вполне корректной. Сам Рикардо оперирует единицами труда, не задумываясь о том, что охота на бобров и оленей, возможно, требует разной степени квалификации охотников; то же самое происходит и дальше, когда он размышляет о скорости оборота капитала в разных отраслях.

Напротив, в теории ренты используется *предельный* анализ. Реализм сохраняется и здесь — все участки земли упорядочиваются по степени их отдачи, что предполагает существование некоего «идеально худшего» участка, который в ответ на затраты труда и капитала приносит фермеру только возмещение его затрат труда. Именно в этом случае цена на урожай фермера становится равной его трудовой ценности. Все остальные участки, обладающие большей урожайностью (производительностью), кроме возмещения затрат труда, приносят своим хозяевам ренту.

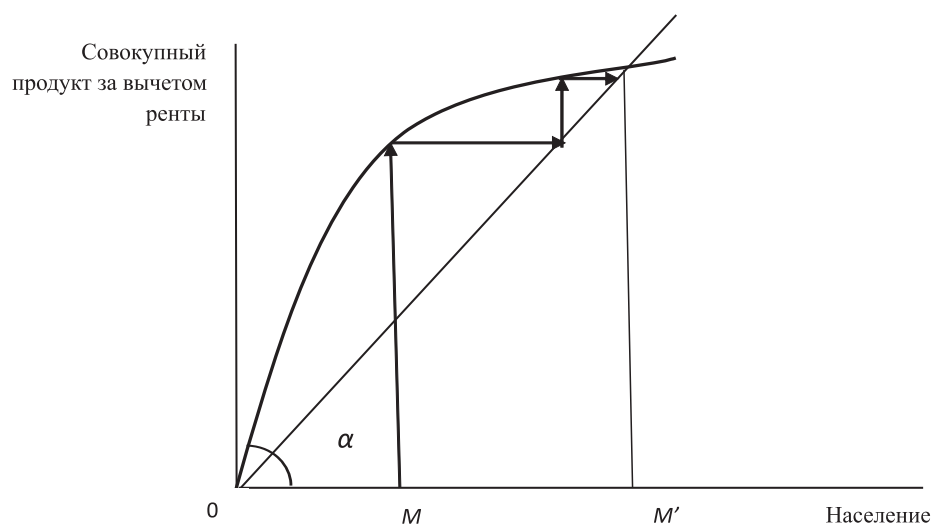
Естественно, что историки мысли фиксировали расхождение между теорией ренты и трудовой ценностью у Рикардо. Однако эта фиксация никак не связывается с категори-

ями производительного и непроизводительного труда. Тем не менее, если следовать логике Смита, а не льстивым по отношению к землевладельцам заявлениям физиократов, то рента представляет собой не *дополнительную ценность*, которая создаётся таким фактором производства, как земля, но *вычетом ценности* из национального дохода общества. Как указывает М. Маццукато: «Рикардо определял ренту как перемещение прибыли к землевладельцам на том просто основании, что они обладали монополией на определённый редкий актив. При этом не делалось допущения..., что эти ренты будут нивелированы в результате конкуренции, — они сохранялись благодаря властным отношениям, имманентным для капиталистической системы» [Маццукато, 2021. С. 77].

О том, что расширение использования земли по Рикардо приводит к росту ренты, что в свою очередь уменьшает прибыль и ослабляет стимулы к инвестициям и расширению производства, пишет и М. Блауг. В качестве иллюстрации этого обстоятельства он использует монопродуктовую модель, в рамках которой участок земли (территория страны) фиксирована и характеризуется убывающей отдачей, зарплата также является постоянной (стремится к мальтузианскому прожиточному минимуму), а рента представляет собой разницу между средним и предельным продуктом при тех или иных «переменных затратах» (в качестве переменных затрат здесь рассматриваются порции «капитала и труда», где основную роль играет труд) [Блауг, 1994. С. 82]. В точке, где линия, иллюстрирующая изменение предельного продукта пересекается с прямой, обозначающей константу прожиточного минимума (зарплатой, равной ценности труда), экономический рост заканчивается. По идее, такой результат должен был насторожить Блауга, но ситуация окончания экономического роста «по Рикардо» воспринимается им как нормальная. Собственно, и саму характеристику «системы Рикардо» Блауг начинает со следующего утверждения: «В основе системы Рикардо лежит представление о том, что экономический рост должен рано или поздно застопориться из-за недостатка природных ресурсов» [Там же. С. 82].

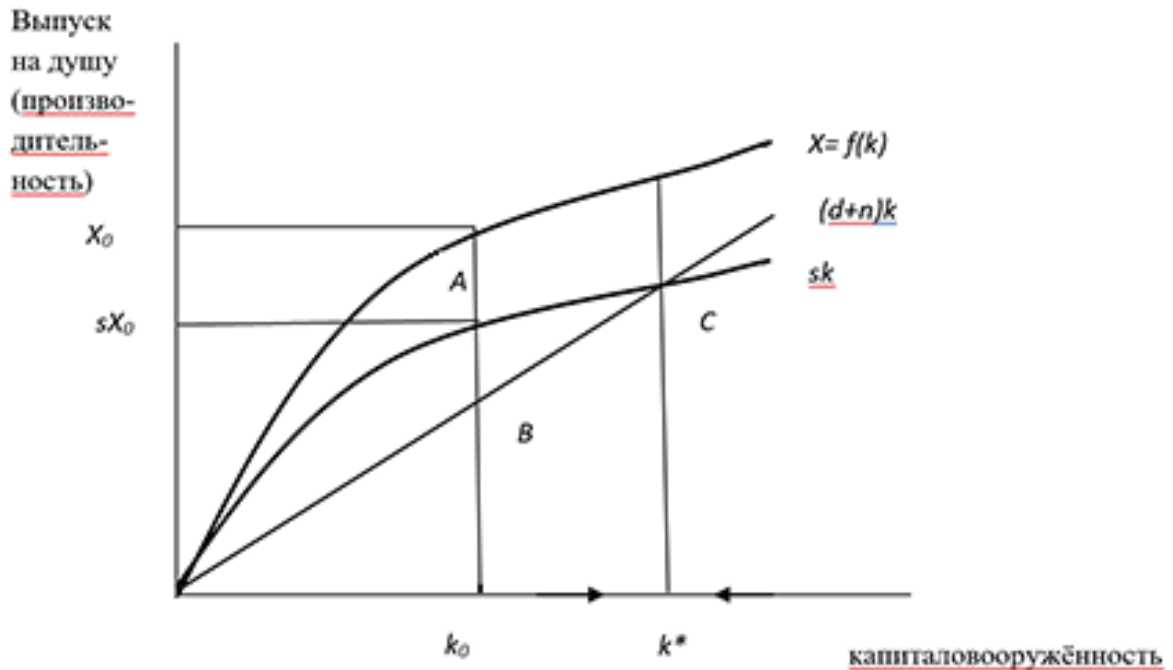
В общем-то, даже в рамках интерпретации самого Блауга, это не совсем так. Рост по Рикардо заканчивается при полной занятости, а поскольку *ценность создаётся только трудом*, то годовой доход общества равен годовому объёму труда. Такие представления переключают и в более поздние концепции рикардианцев, включая Маркса. Точнее, в последнем случае будет уже иметь место равенство дохода потраченному общественно необходимому рабочему времени при наличии безработицы.

На самом деле эта посылка об окончании роста и достижении экономикой стационарного состояния проникла ещё более глубоко, являясь частью современного мейнстрима. Блауг строит следующий график:

Источник: Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: «Дело Лтд», 1994. Рис. 4-2. С. 84.

Если сравнить этот график с графиком функции Солоу, иллюстрирующей достижение равновесия в долгосрочном периоде и приводимым во многих учебниках по макроэкономике, легко заметить сходство:

Источник: Дорнбуш Р., Фишер С. Макроэкономика. — М.: МГУ, 1997. С. 712. Рис. 19.3.
СБЕРЕЖЕНИЯ, ИНВЕСТИЦИИ И НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

На рисунке М. Блуга α представляет собой оплату труда. Когда совокупный продукт за вычетом ренты оказывается равен α , это означает, что дальнейший рост инвестиций будет приводить к снижению прибыли. На нижнем рисунке $(d+n)$ представляют собой сумму темпов прироста населения и долю выбытия капитала вследствие износа, sk — инвестиции. Верхняя кривая $X = f(k)$ — аналог «совокупного продукта», ВВП на душу населения (часто сначала рассматривают ВВП на одного занятого, производительность, вводя переменную n — прирост населения — позже). В точке С, где инвестиции равняются выбытию капитала и стоимости новых рабочих мест, необходимых для достижения желаемой занятости, достигается максимум прибыли. Дальнейший рост капиталовооружённости будет приводить к сокращению потребления.

Если зарплату рассматривать как возмещение затрат «человеческого капитала», подобие «амортизации», аналогия становится ещё более прозрачной. Таким образом, как на первом, так и на втором рисунке демонстрируется достижение «стационарного состояния», в рамках которого прекращается экономический рост.

Идея существования стационарного состояния, куда должна прийти экономическая система в долгосрочном периоде, представляется экономисту, придерживаемому структуралистских взглядов, как минимум, странной, если не абсурдной. Очевидно, здесь имеют место две взаимоисключающие интерпретации работы Рикардо. Первая, «мейнстримная», заключается в представленном Блугом варианте «стационарного состояния». Вторая, структуралистская, о которой пишет Маццукато, заключается в критике Д. Рикардо того, что сейчас называется «рентоориентированным поведением». Поскольку рента представляет собой *изъятие прибыли*, постольку этот процесс может достичь такого размера, что убьёт стимулы к инвестициям и приведёт к остановке экономического роста. В таком варианте Рикардо предвосхищает идеи институционального склероза по М. Олсону [Олсон, 2013], а его критика «Зерновых законов», защищавших ренту

британских землевладельцев, выглядит аналогом идеи «легального картеля», ставшей популярной в 1970-х гг. благодаря работам экономистов чикагской школы⁷.

В пользу варианта понимания Рикардо, на котором настаивает Маццукато, свидетельствует и один из фрагментов переписки между Мальтусом и Рикардо. Первый пытался обосновать необходимость «непроизводительного потребления» и существование класса джентри недостаточным спросом со стороны рабочих — поскольку полагал, что последние производят больше, чем потребляют. Как указывает А. Сандмо, «Рикардо чрезвычайно скептически относился и к идее общего перепроизводства, и к роли землевладельцев в предупреждении безработицы. В письме к Мальтусу он пишет: “Я не считаю сколь-нибудь убедительными аргументы, при помощи которых Вы обосновываете необходимость спроса со стороны *не производящих потребителей* (курсив мой. — П.О.), что Вы дали. Искренне признаю, что не могу понять, как может быть полезно для страны, в любом её состоянии, их потребление без производства”» [Сандмо, 2019. С. 86].

«Непроизводящие потребители» — такое определение, по-видимому, подходит ко всем владельцам ресурсов, изымающим ренту в силу своего властного положения на рынке; от землевладельцев и владельцев патентов до профсоюзов и разного рода олигополистических структур. Они *изымают* ценность, а не *создают* её.

Ещё раз обратимся к числовому примеру, поясняющему разницу интерпретаций концепции производительного и непроизводительного труда в конце предыдущего раздела. Предположим, что 1000 ед. общего дохода однопродуктовой экономики распределялись на 200 ед. ренты, 100 ед. прибыли, направляемой на инвестиции, и 700 ед. «трудовых доходов» (включая доходы торговцев и фабрикантов, направляемых на потребление). Тогда рассмотренный структурный сдвиг, который приводит к сокращению дохода до 875 и увеличит ренту до 300 ед., полностью «обнулит» прибыль и уничтожит стимулы к инвестированию. Возникнет «стационарное состояние».

Неэквивалентный обмен между богатыми странами «ядра» и мировой периферией в рамках мир-системного подхода интерпретируется именно как изъятие ценности. Богатые страны используют свои конкурентные преимущества, такие как монопольное положение на рынке высоких технологий, для изъятия ренты из обмена с бедными странами. Известная гипотеза Зингера — Пребиша основана на том, что условия торговли для бедных стран хуже, чем для богатых, — цены на сырьевые товары в средне- и долгосрочной перспективе растут меньше, чем на промышленные товары. Жёстко критикует Рикардо за «фритредерство» и Э. Райнерт в своём известном экономическом бестселлере, указывая на то, что теория сравнительных издержек не учитывает качество и сложность товаров при международном обмене [Райнерт, 2014]. Хотя в концепции Райнерта много справедливого, но в отношении Рикардо его критика явно «не по адресу»⁸. То же самое можно сказать и в отношении гипотезы Пребиша — Зингера: несмотря на то, что в конце концов, спустя примерно 60 лет после того, как она была высказана, её удалось убедительно подтвердить статистическими данными для длительных периодов⁹, она имеет сравнительно малое значение для торговли в целом.

⁷ Полагаю, если бы Дж. Стиглер, М. Фридмен и другие известные экономисты чикагской школы услышали то, что их критика «закрытых монополий» в теории «легального картеля» продолжает «классовый подход» Рикардо и Маркса, они были бы сильно удивлены и категорически не согласились бы с этим утверждением. И это, на мой взгляд, в очередной раз свидетельствовало о правоте таких философов, как Т. Кун и П. Фейерабенд, — история экономической науки постоянно переписывается в стиле Дж. Оруэлла, а исторические мысли успешно выполняют предназначенную им роль главных апологетов авторитетного дискурса.

⁸ Следует также отметить, что сам Райнерт не относит себя к «структуралистам», самоопределяясь как последователь немецкой исторической школы и сторонник Другого канона.

⁹ МВФ доказал, что страна-экспортер сырья всегда будет отставать от промышленных стран // Финмаркет (дата публикации: 19.08.2013). <http://www.finmarket.ru/main/article/3441268> (дата обращения: 21.02.2023).

Проблема заключается в том, что теория сравнительных издержек (преимуществ) предполагает наличие неэквивалентного обмена *изначально*, вне зависимости от того, присутствует ли на рынках монополия или нет, причём *такой обмен не означает однонаправленное изъятие ценности*. Если применить теорию сравнительных издержек для анализа торговли между экономическими районами и городами в рамках одной страны [О’Салливан, 2002], то она прямо опровергает трудовую теорию ценности Рикардо. Почему последний придаёт такое значение именно трудовой ценности, упорно стремясь свести цены товаров к затратам труда — загадка, которой, впрочем, *не существует для мейн-стрима* истории мысли. Чтобы пояснить, о чём идёт речь, кратко остановлюсь на известном примере Рикардо.

Таблица 1
Издержки труда на производство товаров в разных странах¹⁰

Страны /товары	Англия	Португалия
Вино	120	80
Сукно	100	90

Анализ Рикардо, а следом его последователи и учебники по истории мысли используют следующую логику. Авторы указывают на то, что на единицу сукна в Англии приходится 1,2 единицы вина, а в Португалии — 0,89 ед. После чего заключается, что, несмотря на то, что Португалии выгодно всё производить самой, но всё же, учитывая относительную дороговизну сукна, его выгоднее ввозить из Англии. Наконец, итоговым выводом такого анализа, против которого как раз и протестует Райнерт, является то, что Англии следует специализироваться на производстве сукна и развивать промышленность, а Португалии — на производстве вина, оставаясь аграрной страной.

Однако у этого примера есть возможность другой интерпретации. Если некий английский коммерсант, находящийся в Англии, не будет просто ввозить сюда все дешёвые португальские товары, продавая их за золото, а в силу каких-либо причин должен будет заниматься бартером в соответствии с «трудовой ценностью» по Рикардо, то при исходном капитале в 720 «трудовых единиц» и отсутствии транспортных и реализационных издержек он может быстро увеличить свой капитал. Покупая, скажем, 7,2 ед. сукна в Англии, он может обменять их на $7,2 \cdot 90 = 648$ «трудовых единиц» в Португалии. После этого на эту «сумму труда» он приобретет $648/80 = 8,1$ ед. вина, а реализовав вино в Англии и увеличив свой капитал $(8,1 \cdot 120) = 972$ «единиц труда», он сможет купить уже 9,72 ед. сукна и т.д. Легко заметить, что в этой цепочке сделок 7,2 ед. сукна обмениваются на 9,72 ед. сукна, потом на 13,12 ед., и т.д.

Это и есть тот самый *неэквивалентный обмен*, когда какое-то количество единиц товара через пару сделок обменивается на большее количество единиц такого же товара. Этот механизм известен каждому коммерсанту и, полагаю, был очевиден для такого круп-

¹⁰ А. Сандмо справедливо указывает на то, что в примере Рикардо Португалия является более производительной и имеет абсолютное преимущество и в производстве вина, и в производстве сукна [Сандмо, 2019. С. 98]. Этот пример используется Рикардо только для иллюстрации, но в последующих учебниках страны, как правило, меняли местами «для правдоподобия».

ного бизнесмена, каким был Д. Рикардо¹¹. Возможно, последний не стал описывать схему такого обмена в силу его банальности. Однако отсутствие такого описания привело многих экономистов к неожиданным вопросам об источнике прибыли, сам факт существования которой заставлял их изобретать весьма изощрённые концепции, позволяющие «вписать» факт существования «излишка» в «равенство» спроса и предложения (подробнее о неэквивалентном обмене: [Ореховский, 2010]).

К. Маркс как «вульгаризатор» и «классик» экономической теории

Экономическая концепция К. Маркса представляет собой наиболее яркий пример использования стратегии постправды в экономической теории. Её автор попытался полностью поменять правила получения и последующего обсуждения экономических фактов. Для этого он полностью поменял риторику — теперь она стала основываться на «диалектическом методе», заимствованном у Гегеля. Суть этой логики хорошо иллюстрирует популярное у марксистов учение о «двойственном характере труда», но может быть применена к любому объекту исследования, включая, например, капитал, который представляет собой не что иное, как «самовозрастающую ценность».

Так, изучаемый объект изначально содержит в себе противоречие, которое проявляется в процессе функционирования. Применительно к труду это противоречие между его «количественной», абстрактной стороной, которая измеряется в затраченном времени, условных трудочасах, и «качественной» стороной, которая оценивается в результатах труда — произведённых благах. Далее противоречие должно «развернуться», для чего вводятся новые «промежуточные» понятия: оказывается, что конкретная форма существования труда — это рабочая сила, выраженная в ценности товаров, необходимых работнику для воспроизводства способности к труду. В свою очередь «абстрактная форма» труда — это рабочий день, включающий в себя как необходимое, так и прибавочное рабочее время, разделить которые физически невозможно — зарплата, выплачиваемая работнику *после* окончания рабочего дня, скрывает тем самым разницу между необходимым и прибавочным рабочим временем.

С точки зрения обычной, «недиалектической», логики Маркс проделывает операцию, которая в математике называется «доказательство через ноль». Труд, с одной стороны, представляет собой, например, 5 рабочих часов, необходимых для производства потребительских товаров, равных ценности рабочей силы, с другой — 8 часов (длительность рабочего дня), необходимых для получения заработной платы. Это — две характеристики одного и того же объекта, поэтому в диалектической логике пять оказывается равным восьми, а разница между этими цифрами представляет собой «прибавочную ценность».

Легко заметить, что подобные рассуждения можно проделать и с таким идеальным объектом, как «капитал». С одной стороны, его ценность определяется способностью приносить доход. Применяя операцию «капитализации», которая сводится к делению прибыли на ставку процента (учитывая, что «капитал» подвержен износу, такая простая операция

¹¹ Возвращаясь к социальной эпистемологии — как практик Рикардо не мог не понимать принципа сравнительных преимуществ, а как теоретик должен был думать о своём варианте развития начал теории трудовой ценности, которые были заявлены у Смита.

Следует ещё раз оговориться, что неэквивалентный обмен, описанный Рикардо, не является «игрой с нулевой суммой», он приносит выгоду *обеим* сторонам, на что постоянно указывается сторонниками фритредерства. Но, во-первых, эти выгоды неравны, и в результате возникают центр и периферия. А во-вторых, *такой обмен не равен своему денежному эквиваленту, попросту — выручке от продажи соответствующих товаров внутри каждой из стран (регионов)*. Поэтому, хотя последователи латиноамериканских структуралистов и сторонники мир-системного анализа и делают ошибку, говоря об *односторонних выгодах* финансово-экономических отношений стран «ядра» со странами периферии, их общий вывод о существовании «мировой иерархии» вполне правомерен.

может заменяться дисконтированием по времени службы капитала), получим первую «величину ценности» капитала. Вторая же такая величина будет равна цене воспроизводства «физического капитала» (попросту — издержкам производства станков, строительства зданий и т.д.). Разницу между этими величинами точно так же можно объявить источником «прибавочной ценности».

Вопрос о том, в чём и как измерять капитал, послужил в своё время основанием для спора «двух Кембриджей» [Коэн, Харкерт, 2009] (хотя измерение «труда» в единицах рабочего времени не вызвало особых разногласий). Если развивать указанный ход рассуждений в духе Маркса, можно получить «резервную армию капитала» для случая, когда прибыли относительно низки и издержки производства нового капитала превышают его «цену». В результате появятся незагруженные мощности, аналогичные безработице. Большие отклонения цены капитала от издержек на его воспроизводство получили отражение в теории «финансовых пузырей», предложенной Х. Мински [Мински, 2017].

Естественно, что противоречия диалектической логики неоднократно отмечались оппонентами К. Маркса. Однако последний является не только диалектиком, но и *реалистом*: противоречия в его риторике присутствуют «по определению», это *норма существования* объектов. Оперирование идеальными категориями, такими как «трудовая ценность», «прибавочная ценность», «простой труд», «необходимое» и «прибавочное» время и т.д., делает бессмысленным дискуссию с представителями этой школы в отношении того, как правильно понимать «метод абстракции»¹². Как показал в своей кандидатской диссертации А.А. Зиновьев, диалектическая логика позволяет обосновать всё, что угодно [Зиновьев, 2002]. Впоследствии и сам он с успехом применил этот метод для делегитимации политико-экономического устройства СССР, причём использовал вполне симметричные «Капиталу» диалектические построения: первичной «клеточкой» коммунизма оказался трудовой коллектив, вместо товарно-денежных отношений здесь устанавливаются отношения коммунальности и т.д. [Зиновьев, 1994].

По моему мнению, Маркс вульгаризировал (от *лат. vulgar* — простой, грубый) теорию Рикардо. Это проявилось и в том, что касается полного игнорирования теории сравнительных издержек (если бы Маркс понял её, то, возможно, не понадобилось бы изобретать и «прибавочную ценность»), и в том, как была проинтерпретирована теория ренты. Земельная рента по Марксу — просто прибавочный продукт, который создаётся работниками, занятыми в сельском хозяйстве. В этом случае изъятие прибыли земельными собственниками у промышленных капиталистов происходит только в случае предоставления участков под застройку, рудники и т.д. Что же касается варианта блокирования экономического роста через монополизацию и изъятие ценности для непроизводительного потребления — данный рикардианский элемент анализа у Маркса отсутствует. Концентрация и централизация капитала Марксом по большому счёту приветствуются¹³, поскольку они способствуют росту производительности труда и развитию производительных сил, увеличивая уровень «обобществления производства».

Капитализм должен рухнуть «под собственной тяжестью» — не в силу рентоориентированного поведения отдельных акторов, но потому, что он до предела обостряет антагонистические отношения между классами. Это уже не экономическое, но политическое суждение. Оно следует из «всеобщего закона капиталистического накопления». В отношении последнего не действуют рикардианские ограничения: бесконечный рост должен сопровождаться усилением «обнищания пролетариата». Хотя надо сказать, что отсутствие

¹² См. например, недавнюю реплику марксиста А.И. Колганова, где он объясняет Р.И. Капелюшникову, что они вместе с Ф. Уикстидом не понимают метода абстракции [Колганов, 2023].

¹³ Одновременно концентрация и централизация капитала способствуют росту эксплуатации рабочего класса, а вот это уже предосудительно.

«стационарного состояния» следует отметить скорее как сильную сторону теории Маркса: экономика у него периодически испытывает кризисы, которые ведут к росту безработицы и банкротств, но описания ситуации полного прекращения роста в «Капитале» нет. После кризисов рост постепенно возобновляется.

Тем не менее в отношении равновесия Маркс продолжает традицию классиков. Причём именно он вводит в оборот гипотезу о связи роста производительности труда на основе роста фондовооружённости¹⁴, которая лежит в основе функции Солоу (см. рис. 19.3 в предыдущем разделе). Его уравнения простого и расширенного воспроизводства предваряют формулировку Общего равновесия по Вальрасу. Так, например, равенство «потреблённых средств производства» во втором подразделении (где выпускаются предметы потребления) «переменному капиталу» (зарплате) и «прибавочному продукту» (прибыли) первого подразделения (где выпускаются средства производства) соответствует одной из формулировок «закона Вальраса» — если цены на товары равны предельным издержкам на их производство (на рынках наблюдается совершенная конкуренция), то «рынки расчищаются». Это неудивительно — и Маркс, и маржиналисты были уверены в справедливости «закона стоимости», при котором цены должны стремиться к издержкам. И если в отношении «единичного» или «особенного» случаев отклонения цен от издержек вполне возможны, то в целом «закон стоимости» должен приводить к Общему равновесию. А в последнем состоянии должны соблюдаться пропорции между производством и потреблением.

Маркс радикализирует введённое Смитом деление на сферы производительного и непроизводительного труда. Теперь производительным становится только тот труд, который приносит прибавочную стоимость, а это — сфера «материального производства». В этом отношении непроизводительными становятся не только землевладельцы, но и торговцы, банкиры, не говоря уже об учителях и врачах. Хотя последние и занимаются «общественно полезным» трудом, но их доходы формируются за счёт «прибавочного продукта», создаваемого в сфере материального производства. Соответственно и кризисы перепроизводства по Марксу — результат слишком большого удельного веса прибавочного продукта в доходе. Капиталисты и работники «нематериальной сферы» предъявляют слишком низкий спрос на произведённые товары, рост запасов приводит к снижению цен, падению рентабельности капитала, пропорции между производством и потреблением нарушаются, что и приводит к *общему* кризису. Таким образом, на одной стороне выступает недостаточное потребление, слишком низкий спрос, на другой — «перенакопление», слишком высокое предложение. Падение цен на товары и услуги (а заодно и на капитал) приводит производство и потребление в соответствие.

* * *

Как известно, после работ А. Маршалла и неоклассиков деление на производительный и непроизводительный труд признаётся ошибочным и становится неактуальным. Происходит очередная «дискурсивная революция»: меняются и способы обсуждения экономических фактов (вместе с переходом к предельному анализу), и сами факты (от холистического представления об экономической системе осуществляется переход к отдельным агентам и алгоритмам принятия хозяйственных решений). Однако проблема оптимальной экономической структуры, обеспечивающей высокие и устойчивые темпы роста, по-прежнему остаётся в центре внимания, о чём пойдёт речь в заключительной части работы.

(Окончание следует)

¹⁴ Маркс использует понятие «органического строения капитала» (постоянный капитал (с) / переменный капитал (v)). От привычного понимания фондовооружённости «органическое строение» отличается тем, что в числитель включается не только основной, но и оборотный капитал. Тем не менее это не отменяет ни связи между ростом фондовооружённости и производительности, ни послышки об убывающей отдаче капитала (у Маркса это — «закон тенденции нормы прибыли к понижению»).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Автономов В.С. (2021). Уильям Стенли Джевонс — не самый известный основоположник маржиналистской революции [Avtonomov V.S. (2021). William Stanley Jevons — Is Not the Most Famous Founder of the Marginalist Revolution] // *Вопросы теоретической экономики*. №3. С. 88–94. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_3_88_94.
- Бартенева С.А. (2013). *История экономических учений*: Учеб. [Barteneva S.A. (2013). History of Economic Thought: Textbook]. — М.: Магистр: ИНФРА-М, 2013.
- Блауг М. (1994). *Экономическая мысль в ретроспективе* [Blaug M. (1994). *Economic Thought in Retrospect*]. — М.: Дело Лтд.
- Вольчик В.В. (2017). Нарративная и институциональная экономика [Volchik V.V. (2017). Narrative and Institutional Economics] // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. Том 9. № 4. С. 132–143. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.4.132-143.
- Зиновьев А.А. (2002). *Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» Маркса)*. [Zinoviev A.A. (2002). Ascent from the Abstract to the Concrete (On the Material of Marx's «Capital»)]. — М.: Институт философии РАН.
- Зиновьев А.А. (1994). *Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма*. [Zinoviev A.A. (1994). Communism as a Reality. The Crisis of Communism]. — М.: Центрполиграф.
- История экономических учений* (2002). [History of Economic Thought (2002). / Ed. V. Avtonomov, O. Ananyin, N. Makasheva] / Под ред. В. Автономова, О. Ананьиной, Н. Макашевой: Учеб. пособие. — М.: ИНФРА-М.
- Кламер А. (2015). *Странная наука экономика: приглашение к разговору* [Clamer A. (2015). The Strange Science of Economics: An Invitation to Conversation]. — М., СПб.: Изд-во Института Гайдара, Международные отношения, Факультет свободных наук и искусств СПбГУ.
- Колганов А.И. (2023). Критика трудовой теории стоимости: новый взгляд на старую полемику [Kolganov A.I. (2023). Criticism of the Labor Theory of Value: A New Look at the Old Controversy] // *Вопросы экономики*. №1. С. 123–131. DOI:10.32609/0042-8736-2023-1-123-131.
- Кошовец О.Б., Ореховский П.А. (2018). Структуралистская революция и метаморфозы экономической теории: от науки к сказке [Koshovets O.B., Orekhovskiy P.A. (2018). Structuralist Revolution and Metamorphoses of Economic Theory: From Science to a Fairy Tale] // *Общественные науки и современность*. №5. С. 143–157. DOI: 10.31857/S086904990000392-3.
- Коэн А., Харкорт Дж. (2009). Судьба дискуссии двух Кембриджей о теории капитала [Cohen A., Harcourt J. (2009). The Fate of the Debate between Two Cambridges on the Theory of Capital] // *Вопросы экономики*. №8. С. 4–27.
- Макашева Н.А. (2022). Маржиналистская революция: сто пятьдесят лет спустя // *Экономическая теория до и после маржиналистской революции*: Сб. мат-лов III Окт. конф. [Makasheva N.A. (2022). Marginalist Revolution: One Hundred and Fifty Years Later // *Economic theory before and after the marginalist' revolution: Comp. mat-ls III Oct. conf.*] / Под ред. В.С. Автономова, А.Я. Рубинштейна.— СПб.: Алетейя С. 8–46.
- Макклоски Д. (2015). *Риторика экономической науки* [McCloskey D. (2015). Rhetoric of Economic Science]. — М., СПб.: Изд-во Института Гайдара. Международные отношения. Факультет свободных наук и искусств СПбГУ.
- Маццукато М. (2021). *Ценность всех вещей: Создание и изъятие в мировой экономике*. [Mazzucato M. (2021). The Value of All Things: Creation and Seizure in the World Economy]. — М.: ИД. Высшей школы экономики.
- Минский Г. (2017). *Стабилизируя нестабильную экономику*. [Minsky G. (2017). Stabilizing an Unstable Economy]. — М., СПб.: Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных наук и искусств СПбГУ.
- Нуреев Р.М. (2008). *Экономика развития: модели становления рыночной экономики* [Nureev R.M. (2008). Economics of Development: Models for the Formation of a Market Economy]. — М.: Норма.
- О`Салливан А. (2002). *Экономика города*. [O'Sullivan A. (2002). City Economy]. М.: ИНФРА-М.
- Олсон М. (2013). *Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз*. [Olson M. (2013). The Rise and Fall of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Sclerosis]. — М.: Новое издательство.
- Ореховский П.А. (2010). Неэквивалентный обмен и свойства пространства в экономической теории [Orekhovskiy P.A. (2010). Non-equivalent exchange and properties of space in economic theory] // *Вопросы экономики*, №8. С. 90–111.
- Ореховский П.А. (2017). Прерывистый тренд развития структурализма: альтернативная традиция экономического анализа (Р.Пребиш, Ю.Яременко, Г.Менш и другие) [Orekhovskiy P.A. (2017). Discontinuous Trend in the Development of Structuralism: An Alternative Tradition of the Economic Analysis (R. Prebish, Y. Yaremenko, G. Mensch and others)] // *Вопросы регулирования экономики*. Т. 8. №1. С. 6–25.
- Пребиш Р. (1992). *Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива?* [Prebish R. (1992). Peripheral Capitalism: Is There an Alternative to It?]. — М.: Институт Латинской Америки.

- Райнерт Э. (2014). *Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными* [Reinert E. (2014). *How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor*]. — М.: ИД Высшей школы экономики.
- Ромер Д. (2014). *Высшая макроэкономика* [Romer D. (2014). *Higher Macroeconomics*]. — М.: ИД Высшей школы экономики.
- Сандмо А. (2019). *Экономика: история идей* [Sandmo A. (2019). *Economics: A History of Ideas*]. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Селигмен Б. (1968). *Основные течения западной экономической мысли* [Seligman B. (1968). *Main Currents in Modern Economics*]. — М.: Прогресс.
- Фридман М. (2012). Методология позитивной экономической науки // *Философия экономики* [Friedman M. (2012). *Methodology of Positive Economic Science // Philosophy of Economics*] / Под ред. Д. Хаусмана. — М.: Изд. Института Гайдара. С. 177–216.
- Фуллер С. (2021). *Постправда. Знание как борьба за власть* [Fuller S. (2021). *Post-Truth: Knowledge as a Struggle for Power*]. — М.: ИД Высшей школы экономики.
- Хадсон М. (2021). *Убийство Хозяина. Как финансовые паразиты разрушают экономику* [Hudson M. (2021). *Killing the Boss: How Financial Parasites Are Destroying the Economy*]. — М.: Наше завтра.
- Шумпетер Й. (2001). *История экономического анализа*. Т.1. [Schumpeter J. (2001). *History of Economic Analysis*. Vol. 1]. — СПб.: Экономическая школа.

Ореховский Пётр Александрович

orekhovskaya@mail.ru

Petr Orekhovsky

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

orekhovskaya@mail.ru

HISTORY OF ECONOMIC THOUGHT BY THE EYES OF A STRUCTURALIST (Part 1. Classics and Marx)

Abstract. The paper attempts to rethink the problem of the optimal structure of the economy and economic growth in the history of thought. The concept of «post-truth» according to S. Fuller is used. A. Smith used the strategy of changing speech practices and interpreting facts against the mercantilists, and subsequently K. Marx did the same for the entire classical school. The history of thought legitimizes the economic mainstream — the dominant version of economic theory, ignoring the previous versions of rhetorical domination.

The central role in the problem of determining the optimal structure of the economy is given to the old discussion about the relationship between productive and unproductive labor. Both Smith, and Ricardo, and Marx were looking for the main source of value and mechanisms for its redistribution and withdrawal in favor of certain social groups. The division into productive and non-productive types of economic activity is recognized as incorrect and discarded at modern time. Condemned by A. Smith the orientation of economic agents towards extracting rent can block economic growth in fact. As D. Ricardo shows, rent-seeking behavior can lead to the disappearance of profits and the achievement of the so-called «stationary state» under certain conditions.

The principle of comparative advantage, Ricardo discovered the principle of comparative advantage. That contradicts both «equilibrium in the long run» and the theory of labor value. This principle makes it possible to build a hierarchy of geopolitical subjects in the spirit of world-system analysis with a certain modification. Marx ignores this principle, using «surplus value» as the basis of his concept. According his approach value is created only in the sphere of material production. This kind of research leaves the problem of the optimal structure of the economy unresolved.

Keywords: *structuralism, post-truth, productive and non-productive labor, rent, equilibrium, unequal exchange, heterogeneity.*

JEL: B12, B13, B14, B21, B22, B40.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М.Н. Муханова

*к.социол.н., старший научный сотрудник, Институт социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра
(ИС ФНИСЦ) РАН (Москва)*

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИЙСКОМ АГРАРНОМ СЕКТОРЕ

Аннотация. Статья посвящена формированию предпринимательских слоёв на примере глав фермерских хозяйств и предпринимателей структур неформального сектора на аграрном рынке труда. Работа проведена на основе больших панельных данных исследований Росстатом занятых селян и их домохозяйств с 2011–2022 гг. и Сельскохозяйственных переписей 2006–2021 гг. Рассмотрены факторы становления и устойчивости (кристаллизации) исследуемых структур в условиях жёсткого институционального давления 30-летних аграрных реформ. Критериями качества процессов являются увеличение доли в собственности земли сельскохозяйственного назначения, рост производства сельхозпродукции и его экспорта на мировые рынки. Эти показатели продемонстрировали предпринимательский потенциал, основанный на авторитете как характеристике акторов с высоким уровнем социального капитала, обладающим, в дополнение к навыкам и компетенциям, социальными связями, необходимыми для конвертации в материальный и финансовый доход в рамках существующих экономических условий и институциональных требований. Анализ выявил, что фермеры и предприниматели как предпринимательские слои дифференцированы по ресурсному потенциалу (земля, капиталы), ценностным установкам, социальным, трудовым практикам и интеграцией в новую инновационную экономику.

Результаты анализа социально-структурных процессов в российском селе показали, как социально-экономическая и институциональная среда влияют на развитие фермерских хозяйств, предпринимательских структур и состояние аграрного рынка труда. Были выявлены движение рабочей силы и уровень занятости в формальном и неформальном секторах по отраслям АПК, доходы занятых, социально-экономическое положение их домохозяйств. Показатели отраслевой занятости на рынке труда демонстрируют исторический момент жизни сельского мира, когда уходят традиционные формы хозяйствования, исчезают привычные контуры социальной структуры села и возникают новые социальные слои, конструирующие современную реальность сельских территорий.

Ключевые слова: *социально-структурные процессы российского села, рынок труда АПК: формальный и неформальный сектора, предпринимательские слои, ресурсы и социальный капитал, фермерские хозяйства и индивидуальные предприниматели, доходы, социально-экономическое положение домохозяйств.*

JEL: Q12, Q13, R2, Z13

УДК: 631.1.017.3, 316.47

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_155_173

© М.Н. Муханова, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Муханова М.Н.* Предпринимательство в российском аграрном секторе // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 4. С. 155–173. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_155_173.

FOR CITATION: *Mukhanova M.* Entrepreneurship in the Russian agricultural sector // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 4. Pp. 155–173. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_155_173.

Мировой опыт показывает, что общество, основанное на рыночной экономике, не может нормально функционировать и развиваться при отсутствии достаточно заметных и инновационных социальных групп на рынке труда. Они составляют основу среднего класса, способствуя стабилизации общества. Будучи по своей природе социально активной предпринимательской силой, они осваивают новые методы ведения бизнеса, развивают производство и динамизируют институциональные процессы. И в российском обществе на эти группы и страты возлагаются большие надежды и как на акторов, формирующих трудовые практики новой инновационной экономики, и как на ресурс референтной группы, транслирующей технологии самовыражения, ценности труда активных и действующих субъектов.

В последнее десятилетие наблюдается значительный вклад сельского хозяйства в российскую экономику, его доля в ВВП ежегодно растёт. Только в 2022 г. РФ увеличила экспорт сельхозпродукции до 41,6 млрд долл. (в 2021 г. было 37,1 млрд долл.). Рекордный урожай в 2022 г. — 159 млн т позволил экспортировать от 55 до 60 млн т зерна. Объём валовой продукции только фермерских хозяйств в 2022 г. составил 1 трлн 432 млрд руб¹. Таким образом, Россия стала ключевым поставщиком аграрной продукции в мире. Эти положительные тенденции обусловлены успехами аграрного бизнеса, где 97% предприятий производства сельхозпродукции являются частными. Но при этом до сих пор не решена одна из важных проблем и задач отрасли сельского хозяйства — повышение оплаты труда до уровня, способного обеспечить рост благосостояния сельских жителей и преодоление бедности на селе. И хотя в последние годы сельское хозяйство демонстрирует положительную динамику развития и рост заработной платы, тем не менее уровень оплаты труда аграриев по-прежнему остается одним из самых низких среди других отраслей экономики. Это является основной причиной миграционных процессов в российском селе. Каким же образом достигаются высокие показатели в сельском хозяйстве, какие социальные группы селян на рынке труда АПК участвуют в реализации и достижении этих показателей?

Сегодня социальная ситуация для селян изменилась: появились новые риски в трудовой деятельности и в бизнесе, имеющие турбулентный характер, в связи с масштабными мировыми санкциями отмечается ухудшение ситуации на внешних рынках. Поэтому исследования аграрного рынка труда, движения рабочей силы в формальном и неформальном его секторах, адаптация предпринимательских слоев в новых условиях обретают особую актуальность.

Объектом данного исследования являются социально-структурные процессы российского села — отраслевая структура рабочей силы на рынке труда АПК, характеризующая социально-экономическое состояние сельских территорий. Предметом исследования стало формирование предпринимательских слоёв на рынке труда АПК. Важно выяснить, какие личностные характеристики, трудовые практики, социально-экономические факторы формируют критерии устойчивости сельских профессиональных слоёв и предпринимательской деятельности в условиях жесточайших аграрных реформ.

Основной целью был поиск методологических подходов к доказательной базе эмпирических данных формирования предпринимательских слоёв в социальной структуре российского села, т.е. выявление технологии их кристаллизации, механизмов смыслообразования предпринимательских групп в российском селе. Другими словами, какие личностные характеристики, социально-экономические факторы, трудовые практики формируют критерии кристаллизации (устойчивости) сельских профессиональных слоёв в предпринимательской деятельности в условиях жесточайших аграрных реформ.

¹ В авангарде — фермеры! Сельская жизнь (дата публикации: 28.02.2023). <https://www.sgazeta.ru/page34480377.html> (дата обращения: 18.09.2023)

Теоретические предпосылки и гипотезы. Эмпирическая база

Формирование социальных групп в социально-структурных процессах российского села мы рассматриваем в нескольких направлениях. Это структурно-функциональный подход [Парсонс, 1997], где общество видится как социальный организм, развивающийся по своим специфическим законам, основанным на самостоятельности, саморегулировании, самовоспроизводстве. По мнению Т. Парсонса, все современные общества развиваются как экономически взаимозависимые, поскольку действуют не только законы функциональной зависимости между частями социального целого, но и закономерности перехода от одного состояния системы к другому. Это формирует социальную реальность с её возможностями адаптации к социальным изменениям. Процессы социализации различных социальных групп, вызванные сходными условиями, структурируют их по разным слоям, стратам, классам. Это ролевые ниши в обществе, которые представляют собой социальную реальность, определяемую мотивированными смыслами жизненных стратегий социального и трудового поведения индивидов и акторов.

Существует и другое методологическое направление изучения структурных процессов — это символический интеракционизм [Блумер, 1996; Мид, 2014], в котором социальная реальность ассоциируется с нормативными ценностными структурами. В его основе лежит положение, что не объективные процессы формируют для индивида ниши в обществе, а сам индивид со своими смыслами-значениями на основе взаимодействия и социальных отношений с другими индивидами конструирует свою тактику поведения в сложившейся ситуации. Таким образом, индивид, столкнувшись с объективной реальностью, ищет выход в приемлемое для него поведение в сложившейся кризисной ситуации, мобилизовав свои ресурсы. Этот подход учитывает субъектность индивида, его волю к действию. Символический интеракционизм мы выбираем в качестве инструмента анализа микроизменений на уровне символической активности селянина.

Подчеркнём, что категория реальности применительно к обществу отличается от категории реальности применительно к природе. Социальная реальность создается самими людьми, их действиями, волей, целеполаганием и предприимчивостью. Схожие действия индивидов как акторов в зависимости от внешних обстоятельств формируют различные социальные ниши. Следовательно, анализ социальной реальности должен исходить из обоих подходов. Они взаимодополняют друг друга, как разные аспекты одного целого.

Очевидно, что на начальном пути к рынку сельские жители были инертны, но в целях выживания, когда сельскохозяйственные предприятия обанкротились, были потеряны гарантированные рабочие места и заработная плата, селяне начали поиск ресурсов адаптации, продолжавшийся десятилетиями. Эти условия с точки зрения институционального подхода можно характеризовать словами Д. Норта: они стали адаптивной эффективностью, т. е. «способностью некоторых обществ справляться с потрясениями, гибко приспосабливаясь к ним, и формировать институты, которые эффективно работают с изменённой “реальностью”». И Норт задается вопросом: «Какая глубинная сила управляет конструкциями, которые порождает сознание?... Что заставляет сознание структурировать человеческие отношения таким образом?» [Норт, 2010. С. 21, 26]. Ответы на эти вопросы пытается найти российский исследователь Н.Е. Тихонова, обращаясь к веберовскому ресурсному концепту, где жизненные шансы индивидов и социальных групп определяются прежде всего местом поселения, наличием, объёмом и характером имеющихся у них ресурсов, таких как образование, навыки и компетенции в профессиональной деятельности, необходимые для преобразования в материальные ресурсы и доходы [Тихонова, 2023].

В западной [Харт, 1999; Мингиони, 1999; Доклад..., 2019] и в российской практике [В тени регулирования..., 2014; Синявская, Бирюкова, 2018] изучения неформальной или неустойчивой занятости принято считать, что это вынужденная занятость, появляющаяся

в условиях выживания в бедных и развивающихся странах из-за кризисных процессов и большого социального неравенства в обществе и из-за слабого ресурсного потенциала и квалификации индивида. Отсутствие защиты социальных и трудовых прав, временная занятость, низкие доходы — вот основные характеристики неформально занятых. Тем не менее, по мнению Э. де Сото, неформальный сектор в развивающихся странах составляет основу развития национальных экономик [Де Сото, 1995. С. 178–179].

Каким образом формируются инновационные предпринимательские слои в социально-структурных процессах российского села, когда индивид сталкивается с кризисными явлениями и масштабным социальным неравенством в обществе и ему удается адаптироваться и улучшить различные параметры в своей жизни (статус, доходы, мобильность)? В условиях аграрных реформ в течение двух десятилетий обанкротилось большинство сельхозпредприятий, практически во всех регионах нашей страны, в том числе из-за деструктивных форм поведения как руководителей предприятий, так и чиновников различных уровней, когда осуществлялся захват собственности предприятий: земли, зданий, сельхозтехники, сельхозпродукции (скота, овец, птиц и проч.). В этой ситуации, как показывают различные исследовательские практики, крестьяне вынуждены были приспосабливаться к новым функциям в условиях рыночных реформ [Калугина, 2013. С. 36–37]. Шёл поиск различных форм трудового поведения, таких как занятость в неформальном секторе, маятниковая миграция и т.п. Так крестьянин неосознанно проявлял свою социальность, востребованность на рынке труда [Муханова, 2021].

Главной задачей аграрных реформ было создание бизнеса как эффективного частного сектора в сельском хозяйстве. Поэтому и появились наделённые предпринимательской активностью фермеры, которым предстояло стать ведущим сектором аграрной экономики, а также сельские предприниматели в том числе в сфере торговли и различных услуг, у которых хватило воли и сил внедрять рыночные принципы. Эти процессы привели к созданию неформального сектора, который стал социально-конструктивным ресурсом реформ и спасительным инструментом на рынке труда для большинства сельских жителей. В этот сектор перешла треть высвободившейся сельской рабочей силы [Муханова, 2022]. Они трансформировали рынок труда и социальную структуру российского села, основанную на фундаментальных изменениях в отраслевой структуре АПК, что изменило облик его территорий.

Росстат разработал методологические положения занятости в неформальном секторе с учётом резолюции, принятой 15-й Международной конференцией статистиков труда (МКСТ) в 1993 г. К занятым в неформальном секторе относятся лица, которые в течение обследуемого периода были заняты по меньшей мере в одной из производственных единиц неформального сектора, независимо от их статуса занятости и от того, являлась ли данная работа для них основной или дополнительной. В качестве критерия определения единиц неформального сектора принят критерий отсутствия государственной регистрации в качестве юридического лица, и структура занятых определяется по следующим признакам:

- ▶ работающие на предприятии индивидуального предпринимателя, семейном предприятии;
- ▶ работающие в фермерском хозяйстве (ФХ);
- ▶ предприниматели без образования юридического лица (ПБОЮЛ);
- ▶ работники по найму у физических лиц индивидуальных предпринимателей;
- ▶ работники на индивидуальной основе;
- ▶ работающие в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции².

² Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018. Стат. сб. М.: Росстат. 2018. С. 88.

Таким образом, по нашему мнению, структура неформального сектора основана на предпринимательской деятельности, предполагающей рациональные действия с выполнением организационно-экономических и хозяйственных функций по производству продукции и различных услуг.

На первоначальном этапе реформ успешные/неуспешные практики сельчан стали информацией для интерпретации и представления об определении дальнейших действий. В поведении стратегии селян происходило смещение от традиционалистских символических значений, связанных с крестьянским трудом, к современным символам успеха, характерным для общества потребления. Такие ценности общества потребления, как успех («быть не хуже других»), породили среди селян несвойственные прежде формы социальной мобильности и новое трудовое поведение. Это стало важнейшим фактором преобразований в социально-структурных процессах села [Муханова, 2022. С. 74–75]. Возникает вопрос: какие факторы и личные качества формируют и определяют эффективность работы и успех фермера, предпринимателя, сумевшего выжить в бизнесе самой сложной отрасли — сельском хозяйстве — и в самых суровых условиях 30-летних аграрных реформ?

Гипотеза

Наличие или отсутствие авторитета как характеристики личности со структурированной яркой индивидуальностью, знаниями и организаторскими способностями является критерием социального капитала, влияющего на степень доступа к различным институциональным ресурсам. Именно это позволило более 100 тыс. российских фермеров и индивидуальных предпринимателей выдержать жесточайшие 30-летние аграрные реформы и стать важными игроками на мировом и экспортных рынках.

Для поиска ответов на эти вопросы и для подтверждения либо опровержения данной гипотезы используем эмпирическую базу больших данных Росстата. Анализ занятости сельского населения и роль предпринимательских структур неформального сектора на рынке труда АПК основан на панельных данных исследований Росстата с 2011 г., проведённых по заказу Правительства РФ в качестве базы для подготовки проектов и программ социальной политики, что говорит о надёжности контроля и репрезентативности результатов. В 2022 г. исследование «Комплексное наблюдение условий жизни населения» проведено выборочным методом в 83 субъектах в 8 федеральных округах РФ с охватом 18486 сельских домохозяйств, в них опрошено 38918 респондентов (с 16 лет), из них занятых в экономике 15152 селян³.

Исследование «Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах» было проведено в 2022 г. во всех регионах РФ методом интервью. В его ходе опрошено 107762 респондентов (с 16 лет), занятых в экономике 38394 чел., проживающих в 49896 сельских домохозяйствах⁴. Из этого массива данных был использован только индикатор по отраслевой занятости. Также были использованы данные Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг. и микрорепеписи 2021 гг.

³ Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата сбора данных: 13.05.2022–10.06.2022. Массивы с результатами данного обследования Росстат выставил полностью на сайт в апреле 2023 г. Данные обработаны автором с помощью статистической программы SPSS (дата обращения: 22.05.2023).

⁴ Федеральная служба государственной статистики. https://gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2021/index.html Массивы с результатами данного обследования Росстат выставил на сайт в июле 2023 г. Данные обработаны автором с помощью статистической программы SPSS (дата обращения: 22.05.2023).

Роль предпринимательских слоёв в институциональных процессах российского села

Итоги 2022 г. показали, что объём валовой продукции фермерского сектора составил 1 трлн 432 млрд руб., с 2007 г. он вырос в 10 раз. Фермеры получили рекордный урожай зерна — более 47 млн т (от всего урожая 155 млн т, или 30,6%) и 40% подсолнечника от всего урожая. За 10 лет в 3 раза выросло производство зерновых. За последние 15 лет посевные площади увеличились в 2 раза, их ежегодный рост составляет в среднем на 850 тыс. га⁵.

По итогам сельхозпереписи 2021 г. численность мелких КФХ снизилась с наличием сельхозземель до 4,1 га на 11,7%; 4,1–10 га — на 5,1; 10,1–20 га — на 4,2%. Зато средние фермерские хозяйства увеличились в численности сельхозугодиями 50,1–100 га с 11,1% до 13,6%; 100,1–200 га — с 10,6 до 14,9%. Значительно увеличилась доля крупных фермерских хозяйств с наделом земли 200,1–500 га — с 12 до 18,8%; 500,1–1500 га с 9,4 до 15,2%; более 1500 га с 4,3 до 6,9%. В целом же больше половины КФХ (58,4%) имеют площадь сельхозугодий до 200 га, треть от 200,1–1500 га (34%) и крупные КФХ с площадью от 1500,1 и до более 40 тыс. га составляют 6,9%⁶. Последние показатели демонстрируют процессы дифференциации, прежде всего активный рост латифундистов среди фермеров. Таким образом, значительными структурными сдвигами в сельскохозяйственном производстве являются: укрупнение средних и крупных фермерских хозяйств, основанное на увеличении площади сельхозугодий за счёт сокращения мелких производителей, а также введение в оборот новых площадей сельскохозяйственных угодий.

Ежегодно только фермерские хозяйства из всех субъектов производства увеличивают численность крупного рогатого скота. Это один из самых сложных видов производства в сельском хозяйстве, позволяющий наращивать выпуск мясомолочной продукции. Более половины сельхозпродукции на внутреннем рынке принадлежит фермерским хозяйствам (55%), а не агрохолдингам⁷. Увеличение посевных площадей и рост производства сельхозпродукции — не только важные характеристики фермеров как акторов, но и критерии формирования новых предпринимательских слоёв. Опыт, практика, знания, внедрение инновационных технологий позволяют наращивать производственный потенциал, что определяет их устойчивость и технологию кристаллизации в социально-структурных процессах российского села, важную роль как субъекта структуры неформального сектора. Ведь почти 6% фермерских хозяйств — выходцы из неформального сектора, которые являются юридическими лицами и крупнейшими бизнес-производителями в сельском хозяйстве.

Тем не менее, согласно сельхозпереписи 2021 г., численность фермерских хозяйств и предпринимателей за 5 лет сократилось на 51,6 тыс. (29,5%) и составила 118 тыс., численность малого бизнеса снизилось на 3,4 тыс. (14%). Одна из основных причин отсева фермерских хозяйств — экономические трудности и отсутствие опыта и навыка в организации работы хозяйств. В результате не способные выдержать тяжелое бремя фермерского дела прибегают к смене статуса и переходу в статус ЛПХ. Причинами сокращения также могли стать ограниченный доступ к получению субсидий и кредитов: в основном они достаются крупным производителям. Ещё одна веская причина — слабая рыночная инфраструктура, занятая реализацией произведённой ими продукции. Крупные торговые сети работают только с крупными поставщиками-производителями. Доступ к розничным рынкам и ярмаркам также ограничен, потребительская кооперация развита слабо,

⁵ В авангарде — фермеры! Сельская жизнь (дата публикации: 28.02.2023). <https://www.sgazeta.ru/page34480377.html> (дата обращения: 18.09.2023).

⁶ Основные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года: стат. сб. ФСГС. М.: ИИЦ «Статистика России». 2022. С. 11 (примечание: КФХ и индивидуальные предприниматели прошли сплошное обследование).

⁷ Указ.соч.

и покупательная способность играет важную роль, поскольку фермерские продукты стоят дороже. Практически отсутствует развитая система консультирования малого бизнеса, фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей. К снижению численности фермерских хозяйств также привело ужесточение законодательства о землепользовании и налогообложении в отношении тех фермерских хозяйств, которые не вели сельскохозяйственную деятельность, а земли сдавали в аренду.

Критерием устойчивости и показателем перспективы развития фермерских хозяйств и предпринимателей служит индикатор осуществления сельскохозяйственной деятельности на момент переписи. Например, по переписи в 2006 г. из 285141 КФХ и индивидуальных предпринимателей осуществляли сельхоздеятельность 147,5 тыс. (51,7%)⁸. В 2016 г. из 174,8 тыс. КФХ и индивидуальных предпринимателей осуществляли сельхоздеятельность 115,6 тыс. (66,1%)⁹. В 2021 г. из 118,3 тыс. КФХ и индивидуальных предпринимателей к такому относились 96077 (81,2%)¹⁰. Очевидно, что те, кто на момент переписи не осуществляли сельхоздеятельность, являются кандидатами на банкротство. В конце концов ни одно устойчивое хозяйство не может не функционировать, потому что пашни, оборудование, техника, а самое главное — рабочие руки в условиях дефицита кадров на селе не могут простаивать. Год простоя означает для фермера потерю хозяйства.

Отмечу также, что, по сути, большинство из 96 тыс. фермеров и предпринимателей, осуществлявших сельскохозяйственную деятельность в 2021 г., составляют первопроходцы фермерского движения. Согласно переписи 2016 г., каждое пятое КФХ (21%) создано до 1995 г., почти половина КФХ (43,5%) сформированы в 1995–2010 гг.¹¹. «Многие из них ещё в советский период делали успешную карьеру, были и директорами предприятий, главными инженерами, механиками, зоотехниками, агрономами, экономистами. Большинство из них сумели унаследовать крупный рогатый скот, овец, птиц, пастбища обанкротившихся сельхозпредприятий и сумели эффективно наладить производство сельскохозяйственной продукции в сложных социально-экономических и экологических условиях, на старой советской технике, впоследствии с помощью высокотехнологичных импортных технологий и техники» (из интервью автора с главой ФХ, Республика Калмыкия, 2018). Они обладали не только опытом и знаниями технологии сельскохозяйственного производства, но прежде всего высокой физической и психологической выносливостью, смогли справиться в условиях отсутствия инфраструктуры, необходимой для сопровождения производства сельскохозяйственной продукции, и с объёмным материалом запланированных и неожиданных проблем [Муханова, 2022. С. 72].

Как показывают различные исследовательские практики в регионах России, фермерские хозяйства не только вносят значительный вклад в продовольственное самообеспечение и безопасность своих регионов и страны в целом, но и выполняют важную социальную функцию по поддержанию жизни в сельской местности. Фермеры подводят дороги, ремонтируют школы, за счёт арендованных земель у ЛПХ обеспечивают их натуральными или денежными выплатами, оказывают им различные транспортные услуги. Для работы на дорогостоящем высокотехнологичном оборудовании и технике западного производства требуются квалифицированные рабочие. Фермерам пришлось приложить немало усилий, чтобы избавить работников от алкогольной зависимости, искоренить такие привычные

⁸ Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: Т. 2 / Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России». 2008. С. 11.

⁹ Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: Т. 2 / Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России». 2018. С. 10.

¹⁰ Основные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года. Стат. сб. / Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России». 2022. С. 21.

¹¹ Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: Т. 2 / Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2018, С. 10.

нормы, как разгильдяйство и воровство с полей, усвоенные с колхозных времен [Фадеева, 2012. С. 246]. Мощное институциональное давление рыночных реформ вносит свои коррективы, основанные на индивидуальном выборе в трудовую практику, в технологию социальных отношений и взаимодействий между работодателем и работником.

История становления фермерских хозяйств, предпринимателей-первопроходцев имеет сходные пути развития инновационной деятельности. Они прошли все этапы модернизации своих хозяйств. Ведь смену материально-технической базы ещё с советских времен могут позволить себе только сильные хозяйства. Важно, что в результате технического перевооружения произошла дифференциация фермерских хозяйств, сельхозпроизводителей. Эти процессы повлекли изменения моделей хозяйствования и организационно-структурные преобразования, реформирование трудовых и земельных отношений.

Более чем 30-летнее присутствие фермерских хозяйств на сельскохозяйственном рынке связано, в первую очередь, с отходом от дел старшего поколения, дети которого предпочитают городскую жизнь из-за сложных условий труда и некомфортных условий проживания в сельской местности. Но в случае, если в этих хозяйствах накоплен большой капитал, дети, чтобы не потерять его, продолжают дело своих отцов. Как правило, в этих случаях работу они выполняют совместно с нанятым квалифицированным менеджментом.

В такой ситуации в процессе смены поколений фермеров встаёт проблема поиска новых рыночно ориентированных акторов, идущих по пути рациональных действий. Поэтому государство разрабатывает различные меры поддержки и ищет новые способы рекрутмента в фермерское сообщество в основном из ЛПХ как второго субъекта сельхозпроизводства в неформальном секторе. Хотя численность ЛПХ также сокращается в основном из-за старения населения.

Важным стало появление инструментов поддержки ЛПХ, зарегистрированных как самозанятые. Такие хозяйства с 2022 г. получают прямые субсидии на производство молока, мяса до 7 млн руб., овощей и картофеля до 5 млн руб. Также с текущего года самозанятые граждане, ведущие ЛПХ, получили доступ к льготному кредитованию. Но самое главное — субсидируются или возмещаются затраты сельскохозяйственным кооперативам на закупку сельхозпродукции у владельцев ЛПХ и членов кооператива¹². Это чрезвычайно важно для товарных ЛПХ, имеющих проблемы со сбытом продукции. Создаются условия для наращивания производства, роста его технологизации при переработке и хранении продукции, и при этом её не нужно будет сертифицировать.

В связи с 30-летием становления фермерских хозяйств-первопроходцев в широких аграрных кругах ведутся дискуссии о феномене и специфике успешных фермерских хозяйств. По мнению экспертов, на селе семейные фермерские хозяйства, как правило, добиваются более значимых результатов. Они демонстрируют высокую динамику развития, у них в среднем выше семейные доходы, они активнее берутся за освоение заброшенных сельхозугодий, быстрее приспосабливаются к изменчивой нестабильности рынков и т. д. [Баимачников, 2022].

Как показывают исследовательские практики в различных регионах России [Баимачников, 2022; Калугина, 2009; Климова 2009; Фадеева, 2012], большинство фермеров обладают высоким уровнем человеческого капитала, имеют хорошее профессиональное образование и опыт, а также способны внедрять методы инновационной экономики. Одним из наиболее важных трендов для фермеров стало выстраивание социальных контактов в кризисных ситуациях на всём протяжении рыночных реформ, создание условий для формирования нового социального капитала, который в дальнейшем стал конвертироваться в экономический и материальный рост.

¹² Малый агробизнес получил льготные кредиты // Сельская жизнь. 2023. №8. С. 2.

Но, учитывая сложность фермерского труда, всё многообразие проблем выживания хозяйств в новых условиях, нельзя не задаться вопросом: что побудило этих людей сделать именно такой жизненный выбор в жесточайших условиях аграрных реформ и определило его устойчивость? Как они субъективно интерпретируют смыслы социальных отношений и взаимодействий с различными политическими, финансовыми институтами?

Вот один из таких показательных примеров (Кемеровская область) конструирования успешной практики с использованием имевшегося ресурса (авторитета), когда среднее фермерское хозяйство трансформировалось в мощнейшую холдинговую структуру, где работало 400 работников и обрабатывалось 25 тыс. га земли. Переломным моментом, сделавшим возможным такое масштабное развитие, стало активное сотрудничество с региональными властями: «Сначала мы сами потихоньку развивались, брали кредиты и расширялись. Потом региональные власти обратили на нас внимание, их привлекла наша активность. Нам стали много что предлагать, обещать... С нашей помощью область выполняла Национальный проект — всё было сделано для того, чтобы плановые показатели выполнялись» [Фадеева, 2012. С. 226].

Показательно также интервью подмосковного фермера Д. Велигурского, который через призму личного опыта, субъективного восприятия событий дал типичный и яркий пример становления успешного фермерского хозяйства, продемонстрировал технологию его развития в условиях рыночной экономики: «Фермерство — это образ жизни с высоким уровнем ответственности и профессионализмом, постоянной учёбой, круглосуточным режимом работы и высокой интенсивностью труда. В нашем Мытищинском районе Московской области в начале фермерского движения было 35 хозяйств. Сегодня прошло 30 лет — осталось несколько фермеров. Вот вам и выживаемость в реальных рыночных условиях. Почему я выжил? Я верил в то, что я делаю. Было очень трудно, невыносимо, особенно на семейном фронте. Учился в разных странах мира: Дания, Израиль, Чехия. Сам писал свой научный труд по сельскому предпринимательству. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Стал профессором. Издал монографии и более 200 статей. Всё, что нам предлагало государство в развитие фермерского хозяйства, я испытывал на своём хозяйстве. И могу с уверенностью заявить, что ни по одному федеральному закону принятые решения, касающиеся фермерского уклада, не сходились с реальной практикой. Многие фермеры ушли и не выдержали своего высокого систематического напряжения. Назову только 3 основные проблемы, удерживающие фермеров в угнетённом состоянии: 1) где взять землю, 2) кто даст кредиты, 3) куда реализовывать продукцию... А государственная поддержка — это особый разговор. Фермер никогда не был рыночным “рыночником”, его бросили в эту рыночную экономику, где нет чётких правил игры, и сказали: “выживай”. Если выживешь — хорошо, не выживешь — это твои трудности» [Башищников, 2022. С. 404–405].

Интервью фермеров продемонстрировали стратегии и субъективные смыслы самоорганизации новых структур, создания новых слоёв сельского населения на протяжении всех этапов аграрных реформ. Складывались новые типы поведения в неопределённой трансформирующейся среде при практическом отсутствии знаний о функционировании рыночной экономики. Усилия фермеров в этой ситуации были направлены на самовоспроизводство. Эти процессы можно рассматривать как форму стратегии, направленную на обретение смысла выживания самого себя, своей семьи, домохозяйства в слабоструктурированной ситуации. Поэтому важным этапом становится институционализация взаимодействия участников на фермерской платформе рынка АПК, в региональных властных структурах и АККОР (Ассоциации фермерских и крестьянских хозяйств) для приобретения символических ресурсов. Этим же целям служит и общение в региональных клубах, на конференциях, выезд на стажировки в зарубежные страны (Германия, Голландия, Польша и др.), где были мобилизованы все индивидуальные ресурсы — образование, профессио-

нальные навыки, ценностные установки, социальные связи. Такое взаимодействие и общение способствует прежде всего заведению деловых контактов, анализу рисков экономических и правовых оснований для интеграции как в новую структуру на рынке труда, так и в новое аграрное сообщество.

Таким образом, помимо символических ресурсов важным оказался неформальный статус, основанный на авторитете. Он позволяет фермерам и предпринимателям формировать экономические стратегии, в том числе долгосрочные, основанные на доверии, и конвертировать их в другие ресурсы [Климова, 2009. С.469].

Аграрный рынок труда: отраслевое и межсекторное движение рабочей силы

Рассмотрим состояние аграрного рынка труда — и как основной институциональной характеристики сельских территорий, и как социально-экономической среды, в которую интегрированы сельские предприниматели. Изменение отраслевой занятости АПК стало методологическим сопровождением анализа социально-структурных процессов российского села, движения рабочей силы в формальном и неформальных секторах аграрной экономики и моделей трудового поведения селян. Можно сказать, что трансформация отраслевой занятости на рынке труда АПК демонстрирует исторический момент жизни сельского мира, когда уходят традиционные формы хозяйствования, исчезают привычные контуры социальной структуры села и возникают новые социальные слои, конструирующие современную реальность его территорий (табл. 1).

Анализ результатов по отраслевой занятости показывает, как институциональные реформы в АПК трансформировали социальную структуру села, что повлекло за собой количественные и качественные изменения. Именно неформальный сектор на рынке труда стал приоритетным в институциональных изменениях, основой трансформации отраслевой занятости в АПК. Это привело к смене профессиональной деятельности селян, стимулированию их к приобретению нового трудового опыта, адаптации и интеграции в новое поле социальных отношений и взаимодействий, причём в условиях постоянной борьбы с неопределённостью и рисками.

Основной сельский класс — крестьянство с 1990-х гг. сократился с 10,5 млн до 2,13 млн работников в 2010 г. и до 1,363 млн работников в 2020 г., занятых в сельскохозяйственных организациях, т. е. в формальном секторе¹³. За последнее десятилетие, несмотря на рост производства и весомый вклад ВВП страны, будучи ключевым поставщиком аграрной продукции в мире, сельское хозяйство как системообразующая отрасль АПК не формирует новые рабочие места, низкие зарплаты вытесняют селян в неконкурентные ниши занятости в отраслях торговли, общественного питания, бытового обслуживания, транспортных услуг. Несмотря на то, что занятость в сфере услуг в неформальном секторе снизилась с 40,4% в 2014 г. до 34,3% в 2022 г., там по-прежнему занято большинство жителей села. На начальном этапе реформ сфера услуг активно аккумулировала безработных и селян, оставшихся не у дел, но не обладающих знаниями и опытом в сфере предпринимательства. Эти знания и опыт они стали нарабатывать, открывая свои собственные виды мелкого бизнеса и так восполняя разрушенную инфраструктуру в своих сёлах. Ими открывались придорожные кафе, магазины, гостиницы, автозаправочные станции, ремонтные мастерские вдоль федеральных трасс по всей стране. Там получали работу по найму и другие местные жители. Это был и сопутствующий, страховочный бизнес фермеров, куда они до сих пор вкладывают доходы [Муханова, 2022].

¹³ Труд и занятость в России. 2021: Стат. сб. М.: Росстат, 2021. С. 80.

Таблица 1

Занятость в формальном и неформальном секторах в отраслях АПК, 2014–2022 гг., %

Отрасли агропромышленного комплекса	Занятые в формальном секторе				Занятые в неформальном секторе			
	2014 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.	2014 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство	14,5	13,5	11,6	13,3	22,0	18,1	21,5	21,1
Добыча ископаемых, производство и энергетика	17,0	18,0	18,0	16,8	11,8	12,7	13,0	12,4
Строительство	5,8	4,8	4,3	4,5	16,1	6,6	6,6	6,0
Торговля, ремонт, гостиницы и рестораны, транспорт и связь	14,2	15,0	14,1	15,5	40,4	38,0	36,7	34,3
Финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом	6,1	9,5	8,5	9,8	4,9	2,6	2,7	3,4
Госуправление и обеспечение военной безопасности	9,8	7,0	8,3	6,6	0,2	—	—	—
Образование	18,2	17,0	18,6	18,1	0,4	0,2	0,2	0,3
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	10,6	11,0	11,7	10,0	0,6	0,4	0,6	0,6
Культура, спорт и организация досуга	—	5,0	4,7	5,3	—	4,3	3,5	3,5
Прочая деятельность	3,8	5,2	0,2	0,2	3,6	17,1	15,3	18,4
Всего ответивших	10015	13203	11338	31343	2576	3214	3531	7051

Источник: Росстат: Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах, 2014–2022 гг. https://gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2021/index.html (дата обращения: 15.07.2023).

Доля занятых селян в сельском хозяйстве в неформальном секторе также ежегодно сокращается — с 33% в 2012 г. до 21% в 2022 г. Снижение происходит в основном за счёт занятых в ЛПХ с конца 1990-х гг., когда в них наблюдался интенсивный спад производства продукции [Муханова, 2013]. Это — объективные процессы, обусловленные старением сельского населения (60% сельских домохозяйств состоят из пенсионеров), улучшением общей социально-экономической ситуации, миграцией молодежи и людей среднего возраста. Они вызваны не только аграрной политикой, но и желанием самих селян. Ведь работа в ЛПХ — процесс трудоёмкий: вилы и лопата — остаются основными инструментами у большинства из них, и производительности труда они не поднимут. Другими причинами являются рост цен на энергоносители, ГСМ, корма, а также затраты большого количества времени, так как работа в ЛПХ требует постоянного присутствия в хозяйстве. Причина заключалась также в том, что изменилась сельская социокультурная среда из-за нарастания в ней ценностей гедонизма и технологического потребительства, привнесённых рыночной экономикой. Пользование предметами цифровых и электронных средств

связи (интернет, гаджеты) стали неотъемлемой частью жизни и проведения досуга большинства сельских жителей, которые изменили смыслы в их поведении и образе жизни. Тем не менее в кризисных ситуациях ЛПХ по-прежнему остаётся ресурсом частичной занятости и выживания сельского населения.

В формальном секторе доля занятых в сельском хозяйстве (13,3%) меньше, чем в неформальном (21,1%). Зато наблюдается ежегодный рост занятых сельчан в таких отраслях, как добыча полезных ископаемых и обрабатывающая промышленность в формальном (16,8%) и в неформальном (12,4%) секторах. Эти процессы в основном связаны с продолжающимся банкротством сельскохозяйственных предприятий: их численность с 2016 г. снизилась на 4,9 тыс. единиц¹⁴, а также из-за сезонной занятости, которая обуславливает низкие доходы. Тут кроются основные причины предпочтения сельчанами вахтового метода работы в нефтегазовых компаниях, сезонной или временной миграции на Север страны при сохранении места жительства в сельской местности.

Существенно (почти втрое) возросла доля занятых в структуре отраслей, названных в таблице «Прочая деятельность». В неё вошли, по классификатору занятий Минтруда [Общероссийский..., 2021], охранники, водители, курьеры, домработницы, грузчики, консьержи, няни, сиделки, уборщики на дому, парикмахеры, косметологи, садовники, разнорабочие. Из них самую крупную группу составляют охранники различных категорий (около 4%), работающие в основном посуточно как маятниковые мигранты в близлежащих крупных населённых пунктах. Ранее это были таксисты, но после ужесточения законодательства, требований и правил перевозок пассажиров и расширения сетей транспортных сервисов Яндекс, а также местных частных предприятий, многие из них были вынуждены легализоваться: их доля в неформальном секторе снизилась с 11% в 2014 г. до 2,5% в 2022 г.

Таким образом, снижение занятых в неформальном секторе и в целом в сельском хозяйстве и АПК наблюдается по мере роста экономики страны и ускорения урбанизации, легализации неформальной занятости с 2019 г., а также развития таких сельскохозяйственных производителей с передовыми технологиями, как агрохолдинги. Структурную мобильность в отраслях АПК и изменение численности занятых в различных видах экономической деятельности обуславливает потребность в рабочей силе. На образование неформального сектора также влияют поселенческая инфраструктура, уровень региональной безработицы, миграционные потоки и др.

Структура и статус занятых в неформальном секторе в АПК показаны в табл. 2. По её данным можно судить о том, что кардинальные изменения в отраслевой занятости АПК в ходе рыночных реформ и модернизации сельского хозяйства выявили ранее не существовавшие в обществе модели трудового поведения. Появились и предпринимательские, и инновационные структуры.

Структура занятости в неформальном секторе характеризуется статусным положением, т. е. характером найма работников в качестве наёмного работника или владельца предприятия, или самостоятельно занятого индивидуального предпринимателя (ПБОЮЛ), который также нанимает работников. Результаты показывают (табл.2), что с 2018 г. пошло резкое снижение доли занятых по найму у физических лиц индивидуальных предпринимателей. Зато пропорционально выросла занятость работников, работающих по найму у индивидуальных предпринимателей. По всей вероятности, причиной тому стали легализация неформальной занятости с 2018 г., а также процессы, связанные с событиями в Крыму после 2014 г.. Тогда после введения ведущими западными странами антироссийских санкций началось падение мировых цен на энергоносители, приведших к девальвации российского рубля [Российское..., 2015. С. 12]. Эти процессы, имея инерционный характер,

¹⁴ Основные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 г.: стат. сб. ФСГС. М.: ИИЦ «Статистика России». 2022. С.10.

Таблица 2

Занятость сельского населения в структурах неформального сектора, 2011–2022 гг., %

Занятость в структурах неформального сектора:	2011 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.
На предприятии индивидуального предпринимателя, в семейном предприятии	40,3	30,0	29,7	54,0	52,7	49,0
В фермерском хозяйстве	9,2	8,2	8,0	7,0	8,0	10,5
В сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица	5,9	6,0	5,8	9,3	9,2	7,4
По найму у физических лиц, индивидуальных предпринимателей (у частных домохозяйств с 2018 г.)	30,4	39,0	40,7	14,5	13,4	12,7
На индивидуальной основе	10,3	13,0	12,0	10,2	12,8	14,3
В собственном домохозяйстве по производству товаров, продукции	3,9	3,8	3,8	5,0	3,0	6,1
Всего ответивших (чел.)	727	4285	4101	4147	4253	5212

Источник: Росстат: Комплексное наблюдение условий жизни населения, 2011–2022 гг. https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 15.08.2023).

возможно, повлияли на сокращение численности индивидуальных предпринимателей, а их работники перешли к другим предпринимателям или стали самозанятыми. Поскольку правительство постоянно находится в поиске ресурсов для налогообложения, неформально занятые как раз становятся основным его источником, ибо самозанятость как институциональная структура на рынке труда — лишь отдельный налоговый режим. Она не является полноценной формой трудовых отношений. Кроме того, в 2014 г. в Крыму занятые в неформальном секторе в сельском хозяйстве составляли около 50% сельских жителей, что тоже повлияло на данные Росстата.

Социально-экономическое положение сельских домохозяйств и доходы занятых

Базовые показатели уровня жизни населения — прожиточный минимум и минимальный размер оплаты труда. В 2022 г. в РФ прожиточный минимум на душу населения составил 14919 руб., для трудоспособного населения — 15152 руб., для детей — 13501 руб. Сегодня в России 13% населения имеют доходы ниже прожиточного минимума. По оценкам Правительства РФ, 6 млн россиян имеют зарплаты ниже МРОТ, который с июня 2022 г. составил 15279 руб.¹⁵ В 2022 г. медианная заработная плата, рассчитанная на основе данных Соцфонда, составила 40368 руб. По сравнению с предыдущим годом показатель вырос на 14,1%.

В 2022 г., согласно нашему исследованию, медианный показатель ежемесячной зарплаты работающих селян составил 30 тыс. руб., из которых около 20% имели зарплату на уровне прожиточного минимума (15 152 руб.) или ниже, находясь, таким образом, на границе бедности или являясь бедными. Средняя зарплата составила 35 тыс. руб., наиболее

¹⁵ Голикова назвала число россиян с зарплатой ниже МРОТа. Ведомости (дата публикации: 16.06.2023). <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2023/06/16/980754-golikova-chislo-rossiyan-zarplatoi-nizhe-mrot> (дата обращения: 17.06.2023)

распространённым или модальным показателем была зарплата в размере около 20 тыс. руб. Медианный показатель среднего дохода домохозяйств составил 27,5 тыс. руб. в месяц.

Рассмотрим финансовое состояние сельских домохозяйств в 2022 г., основываясь на субъективных оценках, измеряемых на основе ранжированного критерия «с трудом или легко сводим концы с концами». Каждое десятое сельское домохозяйство с «большими затруднениями» (11,6%), каждая третья семья с «затруднениями» (30,1%) и более трети домохозяйств с «небольшими затруднениями» (38,6%) сводят концы с концами. И только каждое пятое домохозяйство «сравнительно легко», «легко» и «очень легко» сводят концы с концами (в сумме они составляют 19,7%). Для сравнения, среди городских домохозяйств распределения по этим оценкам, соответственно, составляют: 9, 28, 36,8 и 26,2%.

Анализ показателей способности домохозяйств «сводить концы с концами» в региональном разрезе по федеральным округам показал, что фактически каких-либо заметных различий по округам не наблюдается. Кроме существенной разницы диапазона оценок домохозяйств, сводящих концы с концами «с большими затруднениями», от 6,3% в СКФО до 14,7% в СФО.

Домохозяйства, которые с «затруднениями» сводят концы с концами, составляют от 27% в СЗФО до 35% в СФО, «с небольшими затруднениями» — от 37% в СФО до 43% в СКФО. И справляются «сравнительно легко и легко» — от 14,6% в СФО до 22,7 в УФО.

Каковы доходы домохозяйств, которые характеризуются субъективными оценками селян? Подробнее проанализируем эти показатели по разным социальным группам. Они являются не только индикаторами уровня жизни селян, но и следствием их дальнейших стратегий в трудовом поведении. «Однажды отправившись на заработки в города или на Север, почувствовав хорошие, достойные деньги, которых они здесь никогда не видели, как бы им ни было тяжело и непривычно, в село они уже не возвращаются (из интервью фермера автору, Республика Калмыкия, 2019 г.). Низкий уровень комфортности проживания на селе влияет на миграционные настроения сельской молодёжи. За последнее десятилетие уехали из сельской местности 42% молодёжи в возрасте 15–29 лет» [Муханова 2019. С.75]. Поэтому города — это территории движения не только к хорошему заработку, но и к социальному благополучию, успеху.

Большинство сельских домохозяйств, которые сводили концы с концами «с большими затруднениями», имели средние доходы 12,5–17,5 тыс. руб. в месяц (50,1%), четверть — имела доходы 22,5–27,5 тыс. руб. (25,5%). Более трети домохозяйств, которые «с затруднениями» сводили концы с концами, имели доходы 12,5–17,5 тыс. руб. (35,2%), а также это треть семей с доходами в 22,5–27,5 тыс. руб. (32%) и каждая четвертая семья, имевшая доходы 35–45 тыс. руб. (25%). Показатель модального дохода 27,5–35 тыс. руб. имели домохозяйства, которые «с небольшими затруднениями» сводили концы с концами (36,6%). Домохозяйства, которые «сравнительно легко» сводили концы с концами, имели доходы 35–45 тыс. руб. (37%), «легко» и «очень легко» — 67,5–87,5 тыс. руб. (35%).

Рассмотрим средние доходы домохозяйств по составу семьи. Большинство домохозяйств, состоящих из молодой семьи как без детей (48,8%), так и с ребёнком (50%) имели ежемесячный доход в размере 35–45 тыс. руб. Половина домохозяйств, состоящих из одного человека, имели доходы 12,5–17,5 тыс. руб. (52,8%), треть домохозяйств — 22,5–27,5 тыс. руб. (30%). Семьи из двух человек в основном имели ежемесячный доход в размере 27,5–35 тыс.руб. (52,6%) и 45–55 тыс.руб. (24,5%). Показатели модальных доходов домохозяйств, состоящих из трех (42%), четырех (40%), пяти и более человек (34,6%), составили 35–45 тыс. руб., среди последних встречались и доходы в размере 55–67,5 тыс. руб. (34%). Каждое пятое (19%) многодетных домохозяйств «с большими затруднениями» и треть «с затруднениями» сводит концы с концами (33%). В целом треть сельского населения (34,3%), имея зарплаты около 14 тыс. руб., находилась ниже уровня прожиточного минимума, т. е. относится к бедным слоям населения.

Таблица 3

Распределение средних доходов домохозяйств, работающих в месяц, 2022 г., %

Доходы	До 12,5 тыс.руб.	17,5–22,5 тыс.руб.	27,5 –35 тыс.руб.	45–55 тыс.руб.	67,5–87,5 тыс.руб.	112,5 и более тыс.руб.	Всего ответивших (чел.)
Занятые в формальном секторе	1,7	7,7	29,3	35,0	21,4	4,9	11062
Занятые в структурах неформального сектора							
На предприятиях индивидуального предпринимателя	2,9	12,6	33,3	29,6	18,6	2,9	2024
В фермерском хозяйстве	5,8	14,8	40,3	23,2	14,0	2,2	432
В сфере предпринимательской деятельности	0,7	3,3	17,3	33,1	34,8	11,0	302
По найму у частных лиц	15,1	18,4	35,4	21,8	7,6	1,8	504
На индивидуальной основе (ПБОЮЛ)	2,5	8,6	29,5	34,3	18,6	6,5	596
В собственном домашнем хозяйстве	3,0	12,0	41,5	30,5	11,2	1,7	232
Всего ответивших (чел.)	373	1347	4584	5062	3082	703	15152
Итого, в %	2,5	8,9	30,3	33,4	20,3	4,6	100

Источник: Росстат: Комплексное наблюдение условий жизни населения, 2022 г. https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 15.08.2023).

О средних доходах домохозяйств селян, работающих в разных секторах, свидетельствуют данные табл. 3. В формальном секторе большинство домохозяйств имели средние доходы 45–55 тыс. руб. (35%) и 27,5–35 тыс. руб. (29,3%) в месяц. В неформальном секторе у занятых на предприятии индивидуального предпринимателя (33,3%), в фермерском хозяйстве (40,3%), по найму у частных лиц (35,4%) и в собственном домашнем хозяйстве (41,5%) средние доходы домохозяйств составили 27,5–35 тыс. руб. в месяц.

Домохозяйства занятых в сфере предпринимательской деятельности в основном имели доходы 45–55 тыс. руб. (33,1%), 67,5–87,5 тыс. руб. и более 112,5 тыс. руб. (45,8%), т. е. большинство этих домохозяйств (79%) имели средние доходы выше по сравнению с другими структурами. Поэтому не удивительно, что при опросах они говорили о высоком уровне своей удовлетворённости материальным положением (77%), удовлетворённости работой (90%) и реализацией в профессиональной деятельности (83%). Также у них по сравнению с другими наблюдаемыми группами отмечался самый высокий уровень образования: высшее образование из них имеют 35,5% предпринимателей, среднее специальное — 48,6%. В формальном же секторе высшее образование имеют 27,5% занятых, среднее специальное — 53,2%.

По данным исследования, источниками дохода домохозяйств являются: пенсии всех видов (77%), зарплата (41,4%), доходы от продажи продукции ЛПХ (5,3%), доходы от предпринимательской деятельности (3%), доходы от сдачи недвижимости в аренду (3%). Причём каждое второе или третье домохозяйство имеет лишь один источник средств к существованию (40,1%). Первые по значимости источники доходов в домохозяйствах — зарплата (47,3%) и пенсия (44,3%), вторые — пенсия (36,0%), субсидии, компенсации, льготы (23,6%), деньги и подарки от родственников (15,6%), пособия на детей и иные пособия (8,1%).

Большинство домохозяйств не имеет возможности справиться с неожиданными тратами (56,8%). По всей вероятности, они же (56,5% домохозяйств) не могут «заменить пришедшую в негодность самую простую мебель», а каждое третье домохозяйство не в состоянии «покупать каждому члену семьи две пары удобной и подходящей по сезону обуви». Больше половины селян не могут «каждый год одну неделю отпуска проводить вне дома» (67%). При этом у 84,5% домохозяйств нет задолженностей по оплате коммунальных услуг.

Таким образом, анализ показывает, что основными источниками доходов в домохозяйствах и средством к существованию жителей села являются зарплата или пенсии всех видов. Несмотря на то, что правительство в последние годы индексирует зарплаты и пенсии, инфляционные процессы обесценивают эти доходы. А низкие доходы — основной мотив миграционных процессов на селе, сдерживающих развитие сельских территорий. Доходы у домохозяйств таковы, что в основном они тратятся на товары первой необходимости, поэтому у многих сельских жителей отсутствуют стратегии сбережений. Особенно в условиях инфляции, которая активно сокращает реальные доходы и сбережения.

Процессы в АПК усугубляются масштабными санкциями. Отечественный рынок труда столкнулся с принципиально новыми рисками. Тем не менее правительство предполагает, что шоки 2022–2023 гг. можно преодолеть не только с помощью бюджетных вливаний из резервов, но также и на основе роста неформального сектора. В рамках этого сектора можно решить часть проблем и на рынке труда в сельской местности¹⁶. В условиях кризиса занятость в неформальном секторе оказывается одним из ресурсов социальной адаптации населения и регулятором и способом решения проблем в экономике.

Каким же на этом фоне видится будущее российского села? По мнению экспертов из фермерского сообщества, через 15–20 лет на сельском пространстве России останутся райцентры (или поселки городского типа), где немногочисленное население вахтовым методом будет работать на полях и фермах. Создаётся новый эффективный тип аграрного производства с потребностью в кадрах около 1–1,5 млн человек [Муханова, 2019. С. 75].

Поэтому с 2023 г. будет реализовываться инициатива правительства по развитию опорных населённых пунктов. Место для таких пунктов каждый станет определять самостоятельно. Комплексное развитие их инфраструктуры предполагается финансировать в приоритетном порядке за счёт различных отраслевых госпрограмм, а координация всей этой деятельности возлагается на Минсельхоз. Такой подход, по мнению чиновников, позволит сфокусировать ресурсы и ускорить благоустройство населённых пунктов¹⁷.

Заключение

Изменения и состояние занятости на аграрном рынке труда формировались под мощным институциональным давлением рыночных реформ, характеризующих социально-экономическое положение сельских территорий. Эти процессы привели к возникновению различных трудовых практик. На примере фермерских хозяйств, занятых в неформальном секторе, были рассмотрены процессы развития и кристаллизации инновационных предпринимательских групп, основанных на показателях роста объёма земель сельхозназначения и внедрения передовых технологий, оборудования для производства сельхозпродукции. Все эти процессы позволили фермерам и предпринимателям стать ключевыми игроками на внутреннем и мировом экспортных рынках.

¹⁶ Бутрин Д. (2022). Просядем все. Коммерсант (дата публикации: 13.04.2022). <https://www.kommersant.ru/doc/5306315> (дата обращения: 18.09.2023).

¹⁷ Итоги и стратегические задачи // Сельская жизнь. 2022. № 49. С. 3.

Авторитет как важная характеристика фермеров и предпринимателей является не только социальным капиталом и ресурсом, но и инструментом для разработки и развития «правил игры» в сложившейся институциональной среде. Обладание авторитетом открывает и возможности для влияния на различные материальные и финансовые потоки. Это связи, основанные на рациональном взаимодействии с различными представителями властных структур регионального уровня, возможности относительно свободного доступа к финансовым и банковским услугам (кредитам, субсидиям).

В целом фермерские хозяйства и индивидуальные предприниматели в социально-структурных процессах российского села дифференцированы по ценностным установкам, ресурсному потенциалу, реализуемым социальным и трудовым практикам, степени интеграции в новую инновационную экономику. Анализ данных исследования показывает, что региональные аграрные рынки чувствительны к институциональным структурным изменениям. В последние десятилетия наблюдается сокращение неформальной занятости, прежде всего в результате появления новых тенденций в социально-экономическом развитии страны. Одной из таких тенденций стало активное внедрение инновационных технологий. Это также связано с внедрением государственной политики по легализации самозанятых, разработкой правоприменительных мер к работодателям по трудовым договорам и контрактам с наёмными работниками.

Исследовательские практики показывают, что аграрный рынок труда зависит от функционирования социально-экономических институтов и ресурсного потенциала регионов, их влияния на развитие сельских территорий. В то же время заметных региональных различий на этом рынке не наблюдается, те или иные явления имеют типичный характер, так как институциональное давление в равной мере воздействует и оказывает влияние на социальное и трудовое поведение селян и территории.

Низкие доходы влияют на социальное самочувствие селян. В условиях обострения инфляционных процессов низкодоходные слои населения особо чувствительны к этому, воспринимают их как сигналы о возможном дальнейшем ухудшении и без того сложного материального и социального положения их домохозяйств. Проблема бедности в сельских территориях остаётся актуальной, о чём свидетельствуют приведённые выше данные, которые фактически указывают на уровень выживаемости некоторых домохозяйств. Таким образом, сохраняются значительные риски для селян оказаться за границей бедности или в состоянии, предшествующем бедности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Баимачников В.Ф. с соратниками и единомышленниками (2022). Фермерство семейного типа: потенциал, практика развития [Bashmachnikov V.F. with associates and like-minded people (2022) Family-type farming: potential, development practice]. — М.: ООО Брейн Принт.
- Блумер Г. (1996). Коллективное поведение [Bloomer G. (1996). Collective behavior] // *Американская социологическая мысль*. — М.: Изд-во Международного университета бизнеса и управления. С. 166–212.
- В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда (2014). [In the Shadow of Regulation: Informality in the Russian Labor market (2014)] / Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшниковой. — М.: Издательский дом ВШЭ.
- Де Сото Э. (1995). Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. [de Soto H. (1995). Another way. The Invisible Revolution in the Third World] / Пер.с англ. Б. Пинскера — М.: Catallaxy.
- Доклад о мировом развитии 2019: «Изменение характера труда» (2019). [World Development Report 2019: “Changing the Nature of Work” (2019)]. — Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк. DOI: 10.1596/978-1-4648-1328-3.
- Калугина З.И. (2013). Итоги рыночной трансформации аграрного сектора России [Kalugina Z.I. Results of market transformation of the agricultural sector of Russia (2013)] // *ЭКО*. №3. С. 31–47.
- Климова С.Г. (2009). Ресурсы кубанских фермеров [Klimova S. G. (2009). Resources of Kuban farmers] // *Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения*. Т. XVI / Под общ.ред. М. Г. Пугачевой, В.С. Вахштайна. — М.: Университетская книга. С. 466–476.
- Мид Дж. Г. (2014). Философия настоящего [Mead G.H. (2014). Philosophy of the Present]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Мингиони Э. (1999). Неформальная экономика сквозь призму западного опыта: воздействие изменения режимов регулирования [Mingioni E. (1999) Informal economy through the prism of Western experience: the impact of changing regulatory regimes] // *Неформальная экономика: Россия и мир*. — М.: Логос. С. 371–395.
- Муханова М.Н. (2022). Социально-трудовая адаптация сельского населения в условиях институциональной трансформации российского села [Mukhanova M.N. (2022). Social and labor adaptation of the rural population in the conditions of institutional transformation of the Russian village] // *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 10. №4. С. 64–80. DOI 10.19181/snsp.2022.10.4.9283. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.4.9283. EDN EWDNQG.
- Муханова М.Н. (2021). Обзор методологических подходов к анализу трансформации аграрного рынка труда в современной России [Mukhanova M.N. (2021). Review of methodological approaches to the analysis of the transformation of the agrarian labor market in modern Russia] // *Вестник Института социологии*. Т. 12. № 1. С. 195–214. DOI 10.19181/vis.2021.12.1.706. EDN RHCQVG.
- Муханова М.Н. (2019). Неформальный сектор в социально-структурных процессах российского села [Mukhanova M.N. (2019). The informal sector in the socio-structural processes of the Russian village] // *Общественные науки и современность*. №2. С. 66–79. DOI: 10.31857/S086904990004397-8.
- Муханова М.Н. (2013). Производственная деятельность и типы сельских домохозяйств (на примере личных подсобных хозяйств) [Mukhanova M. N. (2013). Production activity and types of rural households (on the example of personal subsidiary farms)] // *Мир России. Социология. Этнология*. Т. 22. № 1. С. 78–105. EDN PVKGCР.
- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений [North D. (2010). Understanding the process of economic change]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Общероссийский классификатор занятий актуальный на 2021 год (2022). [All-Russian classifier of occupations relevant for 2021 (2022)]. ОК 010–2014 (МСК3-08). classdoc.ru/okz (дата обращения: 11.04.2022).
- Парсонс Т. (1997). Система современных обществ [Parsons T. (1997). The system of modern societies]. — М.: Аспект Пресс.
- Российское общество и вызовы времени (2015). Книга вторая. [Russian Society and Challenges of the Time (2015). Book two.]. — М.: «Весь мир».
- Синявская О.В., Бирюкова С.С. (2018). Возможные меры по снижению неформальной занятости и скрытой оплаты труда [Sinyavskaya O.V., Biryukova S.S. (2018). Possible measures to reduce informal employment and hidden wages] // *Журнал новой экономической ассоциации*. №1(37). С. 193–203. http://journal.econorus.org/pdf/Sinyavskaya_Biryukova_JNEA_2018_1_37.pdf (дата обращения: 22.02. 2023.)
- Тихонова Н.Е. (2023). Социальная успешность российских профессионалов: масштабы, характер, факторы [Tikhonova N.E. (2023). Social success of Russian professionals: scale, nature, factors] // *Вопросы теоретической экономики*. №2. С. 99–117. DOI: 10.52342/2587-7666 VTE_2023_2_99_117.
- Фадеева О.П. (2012). Точечные инновации в российском сельском хозяйстве и их социальные последствия (на примере сибирских регионов) [Fadeeva O. P. (2012). Point innovations in Russian agriculture and their social consequences (on the example of Siberian regions)] // *Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки*. Вып. 7. — М.: ИД «Дело». РАНХиГС. С. 220–252.
- Харт К. (1999). Неформальные доходы и городская занятость в Гане [Hart K. (1999). Informal incomes and urban employment in Ghana] // *Неформальная экономика: Россия и мир*. — М.: Логос. С. 532–536.

Муханова Мария Николаевна

mukhanova_m@rambler.ru

Mariya Mukhanova

Candidate of Sciences, Senior researcher of Institute Sociology of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

mukhanova_m@rambler.ru

ENTREPRENEURSHIP IN THE RUSSIAN AGRICULTURAL SECTOR

Abstract. The article is devoted to the formation of entrepreneurial layers on the example of heads of farms and entrepreneurs of informal sector structures in the agricultural labor market, based on Rosstat panel studies on employment of rural residents and their households for 2011–2022 and data from agricultural censuses of 2006–2021. The factors of their formation and stability (crystallization) are considered in the conditions of severe institutional pressure of 30-year agrarian reforms, the criteria of which are an increase in ownership of agricultural land, the growth of agricultural production and its export to world markets. These indicators demonstrated the entrepreneurial potential based on authority as a characteristic of subjects with a high level of social capital, possessing, in addition to skills and competencies, the social connections necessary to transform into material and financial income within the existing economic conditions and institutional requirements. The analysis showed that farmers and entrepreneurs as entrepreneurial strata differ in resource potential, values, implemented social, labor practices and integration into a new innovative economy.

Results of the analysis of socio-structural processes in the Russian countryside showed a socio-economic and institutional environment that affects the development of farms, business structures and the state of the agricultural labor market, where the movement of labor and the level of employment in the formal and informal sectors by agriculture, income, the socio-economic situation of households was revealed. The indicators of sectoral employment in the labor market demonstrate the historical moment of the rural world, when traditional forms of management are leaving, the familiar contours of the social structure of the village disappear and new social strata arise that construct the modern reality of rural areas.

Keywords: *socio-structural processes of the Russian countryside, the labor market of the agro-industrial complex: formal and informal sectors, entrepreneurial layers, resources and social capital, farms and individual entrepreneurs, income, socio-economic status of households.*

JEL: Q12, Q13, R2, Z13.

В.Л. Степанов

*д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1997–1998 гг. В РЕТРОСПЕКТИВЕ

Аннотация. В статье содержится обзор научной литературы, который выявил существенные расхождения между исследователями и обилие крайних суждений в оценках российской денежной реформы 1997–1998 гг. Одни считают проведённую на высоком уровне организации деноминацию эффективной мерой, с помощью которой, не причиняя ущерба населению, удалось навести относительный порядок в денежном обращении, закрепить успехи в борьбе с инфляцией, повысить доверие к рублю и укрепить его валютный курс. С их точки зрения, только из-за дефолта и его крайне тяжёлых последствий плоды этой реформы были во многом утрачены. Однако другие авторы рассматривают обмен денег как монетаристскую и непродуманную акцию, предпринятую в явно неподходящий момент, как тщетную попытку властей предотвратить или отсрочить надвигавшийся финансовый крах, и даже указывают на её конфискационный характер по аналогии с предыдущими реформами 1991 и 1993 гг. По их мнению, деноминация не только не достигла целей, поставленных её инициаторами, но ещё сильнее усугубила экономический кризис и расстройство денежного обращения.

Ключевые слова: *финансы, кризис, эмиссия, инфляция, денежная реформа, обмен денег.*

JEL: G28, N24, P21, P34

УДК: 338 (091)

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_174_181

© В.Л. Степанов, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Степанов В.Л.* Денежная реформа 1997–1998 гг. в ретроспективе // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 4. С. 174–181. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_174_181.

FOR CITATION: *Stepanov V.* Monetary Reform 1997–1998 in Retrospective // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 4. Pp. 174–181. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_174_181.

Решение о проведении деноминации российской валюты состоялось в тот момент, когда появились некоторые признаки стабилизации народного хозяйства. Темпы инфляции упали до менее 1% в месяц, динамика валютного курса рубля приобрела устойчивый и предсказуемый характер. Снижение процентных ставок в банках позволило увеличить масштабы кредитования реального сектора экономики. После продолжительного спада к середине 1997 г. наметился рост объёмов ВВП и промышленного производства, причём наиболее быстрыми темпами развивались отрасли, ориентированные на внутренний спрос и способные конкурировать с иностранными производителями в условиях отсутствия жёстких протекционистских ограничений. Одновременно наблюдалось и определённое улучшение социальных индикаторов. Всё это, казалось, предвещало в ближайшем будущем дальнейшие позитивные сдвиги в экономическом положении страны. В подобной ситуации высшее руководство признало возможным принять меры для упорядочения денежного обращения.

Проект реформы был разработан под руководством председателя правления Центробанка (ЦБ) С.К. Дубинина и получил поддержку со стороны министра финансов А.Б. Чубайса и главы правительства В.С. Черномырдина. 4 августа 1997 г. последовал указ №822 президента Б.Н. Ельцина «Об изменении нарицательной стоимости денежных знаков и масштаба цен». Обмен должен был начаться с 1 января 1998 г. с коэффициентом 1000:1, то есть одному новому рублю соответствовали 1000 старых (образца 1993 и 1995 гг.). До завершения этой операции сохранялось параллельное обращение денег старого и нового выпусков. Внешний вид банкнот после реформы почти не изменился, только из номинала исчезли нули. Все прежние металлические деньги (1, 5, 10, 20, 50, 100 руб.) перестали быть законным платёжным средством. В обращение вводились копеечные монеты с изображением Георгия Победоносца (1, 5, 10, 50 коп.) и рублёвые монеты с изображением двуглавого орла (1, 2, 5 руб.). С учётом печального опыта предыдущих денежных реформ 1991 и 1993 гг. обмен планировалось осуществлять вплоть до 1 января 2003 г. Правительство организовало широкую информационно-разъяснительную кампанию, чтобы не допустить паники среди населения и дестабилизации внутренней политической обстановки.

5 августа Б.Н. Ельцин выступил с обращением к населению и гарантировал, что обмен денег будет проводиться постепенно и без каких-либо ограничений. По его обещанию, деноминация не станет конфискацией, не причинит никому ущерба и, безусловно, упростит жизнь людей, избавив банкноты от лишних нулей. Президент заверил граждан, что правительство надёжно контролирует денежное обращение, стремительного роста цен не происходит, и с инфляцией покончено раз и навсегда. «Российский рубль уже стал одной из самых стабильных валют в Восточной Европе, — заявил Б.Н. Ельцин. — Получив зарплату, сегодня не надо, как совсем еще недавно, бежать к обменному пункту. Свои сбережения можно хранить в банках на рублёвых счетах. И люди должны твердо знать — мы не будем пытаться решать экономические проблемы страны с помощью печатного станка. Этого не было и этого не будет!» Президент сравнил предстоящую деноминацию с денежной реформой С.Ю. Витте столетней давности, в результате которой в стране появилась полноценная золотая денежная единица, ставшая в предвоенную эпоху самой твёрдой валютой. «Верю, — сказал он, — недалёк тот день, когда наш с вами российский рубль снова будет вызывать такое же уважение в мире» [Борис Ельцин..., 1997].

Позднее, в одном из номеров журнала «Деньги и кредит» за 1998 г. С.К. Дубинин опубликовал отчёт, в котором проинформировал о предпринятых правительством мерах по методологическому обеспечению деноминации, выработке порядка её проведения, подготовке банковской системы к этому сложному и комплексному процессу, определению объёма производства новых банкнот и монет, психологической подготовке населения. Он сообщил также, что на 1 января этого года в обращении находилось 137 трлн руб. (137 млрд руб. после объявления о деноминации). В январе-феврале уже было изъято 63 трлн руб. старого образца и выпущено новых банкнот на сумму 55 млрд руб. «Решение о проведении деноминации в 1998 г. было принято обоснованно, — подчёркивалось в отчёте. — Деноминация как бы завершает период финансовой нестабильности и высокой инфляции и выражает уверенность Правительства Российской Федерации и Банка России в том, что возврата к чрезмерному росту цен в России не произойдет» [Дубинин, 1998. С. 3, 4].

Вначале создалось впечатление, что эти прогнозы сбываются. В течение первых семи месяцев 1998 г. сохранялись низкие темпы инфляции, увеличение потребительских цен было довольно умеренным. Однако закрепить позитивные тенденции так и не удалось. На состоянии экономики в полной мере отразилась недалёковидная и не оправдавшая себя стратегия правительства последних нескольких лет: чисто монетаристские меры доминировали над стимулированием капиталоемких инвестиций в производство, в ходе приватизации идеологические и фискальные соображения выходили на первый план по сравнению с задачей создания слоя эффективных собственников, сокращение денежной массы

и завышенный курс рубля использовались как единственный способ борьбы с инфляцией, следствием постоянного взвинчивания налогов стали или чрезмерное обременение коммерческих структур, или их ориентация на сокрытие доходов, активно привлекались иностранные спекулятивные финансовые ресурсы, снимались многие ограничения на вывоз капитала за границу и т.п.

Уже осенью 1997 г. началось нарастание финансово-бюджетного и валютного кризиса, во многом вызванного кризисом в странах Юго-Восточной Азии и резким падением цен мирового рынка на основные товары российского экспорта (сырьё и энергоносители). Это привело к ухудшению торгового и платёжного балансов страны, а также к ещё большему сокращению государственных доходов. Для покрытия бюджетного дефицита правительство пошло по пути наращивания госдолга, широко используя выпуск государственных краткосрочных облигаций (ГКО), эмитентом которых выступало Министерство финансов. К июлю 1998 г. затраты на погашение задолженности казны достигли почти половины расходной части федерального бюджета, международные кредитные рейтинги России существенно снизились, произошёл сильный отток из страны иностранных капиталов, и без того небольшие золотовалютные резервы государства сократились до ничтожного уровня. В итоге 17 августа был объявлен дефолт, т.е. официальный отказ государства выплачивать внутренние и внешние долги. Этот акт имел крайне тяжёлые последствия: сокращение ВВП за 1997–1999 гг. в два раза (в долларовом исчислении), спад производства и потребления, инвестиционный кризис, скачок цен, паралич работы платёжной системы, крах крупнейших банков страны, в которых держали свои сбережения миллионы россиян, снижение реальных доходов и жизненного уровня населения. Отмена валютного коридора и отказ от искусственной поддержки рубля вызвали его резкое обесценение и вспышку инфляции (84.5% за 1998 г.).

Позднее С.К. Дубинин вспоминал, что деноминация имела в большей степени психологическое, чем практическое значение, и была продиктована стремлением продемонстрировать изменение «тренда в экономике». Правда, по его словам, подобная операция не является самостоятельным средством решения проблемы обесценения денег, и, как показывает мировой опыт, её целесообразно проводить, когда рост цен взят под контроль. Тем не менее руководство ЦБ доказывало Минфину и МВФ, что в специфических условиях России источником инфляции являлся избыток денежной массы, поэтому уже принятые меры по ограничению количества банкнот в обороте принесли свои плоды. По словам С.К. Дубинина, он сам и его коллеги-финансисты стремились провести первый в истории страны обмен банкнот, который не причинил бы неприятностей гражданам, ранее всегда терпевшим ущерб в результате подобных акций правительства. «Деноминацию 1997 года мы с самого начала рассматривали как способ изменить отношение людей к денежной политике государства, — заявлял бывший глава ЦБ. — Мы, во-первых, хотели поставить в борьбе с инфляцией жирную точку — причём предельно понятную людям, во-вторых, старались сделать так, чтобы обмен денег оставил после себя позитивное чувство. К счастью, так оно и произошло. Нам удалось полностью избежать даже намёка на конфискацию денег у населения». С.К. Дубинин уверял, что по прошествии нескольких лет о деноминации никто не вспоминает, хотя «хрущевскую» денежную реформу 1961 г. до сих пор не могут забыть, так как в 1997–1998 гг. «мы абсолютно не задели тогда интересы людей» [Кротов, 2011. С. 395, 396, 441, 442].

В том же духе о реформе отзывался и тогдашний заместитель председателя правления ЦБ А.В. Войлуков, который считался «старейшиной нашего банковского сообщества» и отвечал за денежную эмиссию. По его свидетельству, правительство рассчитывало к 1995 г. покончить с инфляцией и провести деноминацию, сократив номиналы банкнот в 1000 раз. Но из-за экономических трудностей к этой акции удалось приступить только через два года, причём была проведена основательная предварительная подготовка.

Особенно тщательно изучался опыт западных стран. Группа сотрудников ЦБ отправилась во Францию, где деноминация осуществлялась три года назад. Кроме того, по примеру Мексики впоследствии ценники в российских магазинах выставлялись как с новой, так и со старой ценой с целью показать покупателям, что фактическая стоимость товара не изменилась. «В результате все прошло без эксцессов, — утверждал А.В. Войлуков. — Хотя население в декабре 1997 г., имея старый отрицательный опыт, пошвыряло немного деньгами. Одновременно, как всегда бывает в таких случаях, выросло количество фальшивок. Причем в такое время подделывают и старые купюры, и новые, которых ещё никто не видел. Так происходит во всех странах» [Кротов, 2011. С. 343, 344].

Однако в научной литературе денежная реформа 1997–1998 гг. оценивалась отнюдь не в столь радужных тонах. Как писал Е.Г. Ясин, в правительственных кругах рассчитывали, что эта акция поможет закрепить позитивные экономические тенденции 1997 г. и создаст у населения ощущение возврата к нормальной жизни, при которой цены товаров повседневного спроса измеряются копейками и рублями, а не тысячами и миллионами. Безболезненность деноминации обеспечивала успешно проведённая публичная кампания, а валютный коридор, установленный почти на уровне французского франка (6 руб. за 1 доллар), выглядел вполне достойно. Тем не менее, по словам автора, эффект от этой операции оказался равен нулю, поскольку уже с середины 1995 г. не было рыночного курса рубля, и введя широкий диапазон колебаний при значительно завышенном курсе, ЦБ на практике регулировал его в довольно узких пределах. Е.Г. Ясин указал на стремление правительства поддержать отечественную банковскую систему, задолжавшую крупные суммы заграничным банкам, в том числе и по форвардным контрактам. Кроме того, меры по предотвращению падения курса рубля во многом диктовались желанием не допустить роста внешнего долга. В итоге с трудом накопленные валютные резервы расходовались на поддержание национальной денежной единицы в уже безнадёжной ситуации [Ясин, 2002. С. 220].

По мнению С.А. Андрюшина, главным основанием для деноминации стала уверенность правительства в том, что к тому времени в стране возникли необходимые условия для экономической стабилизации: ЦБ стал проводить политику регулирования курса рубля, поставив тем самым инфляцию под контроль, была упорядочена система расчётов в бюджетной сфере с целью обеспечить постепенный рост государственных доходов. Однако дальнейшие события показали, что нормализация денежного обращения только одними монетарными методами на фоне угнетения отечественного товаропроизводителя и перераспределения природной ренты в пользу частного экспортоориентированного капитала приводят только к кризису экономики России и её национальной валюты. Закономерным следствием событий 17 августа 1998 г. стали четырёхкратная девальвация рубля, стремительный рост потребительских цен и сокращение в два раза бюджета страны в долларовом исчислении. При этом кредиторская задолженность приблизилась к размеру ВВП, а состояние совокупного внешнего долга (свыше 200 млрд долл.) стало угрожающим для экономической безопасности России [Андрюшин, 2003. С. 31, 32].

В.Д. Белоусов отметил высокий уровень проведения деноминации (в отличие от предшествовавших реформ 1991 и 1993 гг.): зарплата выдавалась новыми купюрами образца 1997 г., а торговые заведения принимали как старые, так и новые деньги, обмен протекал «постепенно, плавно, естественным образом». Реформа завершила период высокой инфляции, сопровождавшийся значительным обесценением денежной единицы, и способствовала повышению доверия к рублю, укреплению его курса к иностранным валютам. Однако объявленный дефолт полностью изменил ситуацию. «Формально события, начавшиеся 17 августа 1998 г., нельзя назвать денежной реформой, — писал автор, — но фактически это была довольно радикальная реформа более широкого плана». В частности, был сделан переход от валютного коридора к управляемому плавающему курсу, что внесло изменения

во внешнеторговые отношения и складывание платёжного баланса России. Тем самым у производителей появились дополнительные стимулы для экспортоориентированного производства [Белоусов, 2009. С. 214, 215; Белоусов, 2014. С. 213–216].

Резко критично о деноминации высказался В.П. Воронцов: «скоропалительно» проведённая реформа представляла собой «очередное мало просчитанное вмешательство в экономику» и фактически являлась девальвацией рубля. Она потерпела явный провал и сыграла существенную роль в дальнейшем углублении кризиса народного хозяйства. Автор привёл убедительные, на его взгляд, аргументы «грамотных финансистов», так и не услышанных правительством В.С. Черномырдина: совершенно неверным являлось официальное заявление о позитивных переменах в состоянии народного хозяйства и необходимости введения твёрдой отечественной валюты, поскольку в стране не было преодолено ни одно из кризисных явлений — не созданы предпосылки для уменьшения бюджетного дефицита и объёма государственного долга, не ликвидирован кризис неплатежей, не снижена процентная ставка и т.п.; само по себе уменьшение или увеличение номинала денежной единицы — совершенно нейтральный факт, поэтому деноминация не способна оказывать какое-либо оздоравливающее влияние на экономику; одновременное хождение двух образцов банкнот неизбежно приведёт к увеличению денежной массы и новому витку инфляции; не выдерживает критики утверждение, что населению удобнее иметь дело с более мелкими банкнотами; призывы вернуть стране российскую копейку и «придать ей полный вес» были лишь ловким пропагандистским трюком, призванным дезориентировать население, так как для этого следовало деноминировать рубль не в 1000, а в 10000 раз.

Как утверждал далее В.А. Воронцов, инициаторы реформы пытались внушить россиянам, что от обмена денег они только выиграют. В действительности эта акция была одной из последних отчаянных попыток правительства отсрочить неумолимо надвигающийся финансовый кризис из-за невозможности погасить государственную задолженность и исполнить бюджет. «На самом деле, — подчеркнул автор, — деноминация как раз и была задумана именно потому, что экономику так и не удалось стабилизировать, а резервные возможности порочной экономики уже практически иссякли». По его мнению, расчёт строился на том, чтобы вначале, увеличив число дензнаков, погасить ряд долгов фактически «пустыми» бумажками, а затем, изымая старые банкноты, но несколько задержав эмиссию новых, существенно сжать денежную массу и тем самым снизить темпы инфляции. Однако из этой широко разрекламированной затеи «младореформаторов» ничего не получилось. Более того, вместо обещанной стабилизации был достигнут противоположный результат. Деноминация, временно увеличив денежную массу в два раза, позволила выплатить часть долгов, однако уже в марте стала остро ощущаться нехватка оборотных средств, что привело к спаду производства и задержкам в выдаче заработной платы. В.П. Воронцов отметил также негативное отношение к реформе со стороны не раз обманутых властями граждан, которые сразу же бросились запасать жизненно необходимые товары. И они не зря заподозрили подвох, поскольку вскоре выяснилась «пикантная» подробность деноминации — металлические деньги изымались из обращения без какой-либо компенсации. И эти на первый взгляд уже ничего не стоившие монеты на самом деле позволили правительству сэкономить несколько триллионов старых рублей (несколько миллиардов в новых банкнотах), фактически отнятых у населения. Автор резюмировал, что деноминация обернулась для России ростом цен уже в 1997 г., повсеместным нарастанием социальной напряжённости с января 1998 г., а в феврале вместо обещанного роста произошло осязаемое падение ВВП [Воронцов, 2006. С. 372–377, 391, 392; Воронцов, 2009. С. 181–187].

В.И. Попырин особо отметил, что план деноминации предусматривал постепенность обмена денег, а также долговременное параллельное обращение старых и новых

банкнот и монет с целью исключить какие-либо потери для населения. Однако в ходе его реализации обнаружилось явные признаки конфискационных денежных реформ, ранее проводившихся в советский и постперестроечный периоды. Как полагал автор, Министерство финансов и ЦБ предвидели грядущий дефолт и пытались смягчить ожидаемые негативные последствия. Стремление подстраховаться объяснялось предпринятой ими весьма рискованной операцией — выпуском на внешний неустойчивый спекулятивный рынок краткосрочных, реально не обеспеченных ростом ВВП, ГКО. В.И. Попырин подчеркнул, что денежный кризис фактически начался уже с объявления деноминации, которая представляла собой скрытую конфискационную реформу. По расчётам инициаторов, эта акция не должна была вызвать паники среди населения, поскольку она осуществлялась в условиях относительной устойчивости денежного рынка и наличия внутренней конвертируемости рубля. Лишь немногие в тот момент могли предугадать скорый финансовый крах и стремительное падение курса рубля, которое в очередной раз привело к потере гражданами своих сбережений. До сих пор остаётся неизвестным, отметил автор, какая точная сумма старых рублей была обменена на деноминированные банкноты, что могло бы выявить масштаб скрытой денежной конфискации. Августовские события 1998 г. продемонстрировали всю бесплодность усилий по стабилизации валютного курса в условиях неконтролируемого рынка, промышленного спада и развала финансовой системы [Попырин, 2010. С. 163, 164].

Довольно позитивно о реформе отозвались Р.Г. Пихоя, С.К. Журавлев и А.К. Соколов: «Деноминация российского рубля в определённой мере оказала положительное влияние на состояние денежного обращения: уменьшилось номинальное количество денег, обслуживающих платёжный оборот, упростились расчёты населения за товары и услуги, а также бухгалтерский учёт операций, совершаемых как в наличной, так и в безналичной форме. В платёжный оборот вернулась копейка, хотя рекламные ролики по поводу ее “полновесности” население встречало ироническим смехом». Авторы критически оценили условия объявленного правительством дефолта, отметив, что переход на плавающий курс рубля автоматически делал ненужным переоформление ГКО в новые ценные бумаги, так как девальвация национальной валюты снимала ограничения на монетизацию внутреннего долга. И наоборот — отказ от погашения государственной задолженности имел смысл только при сохранении прежнего обменного курса. Одновременное принятие этих двух решений являлось с экономической точки зрения бессмысленным, свидетельствовало или о низком профессиональном уровне творцов рокового акта 17 августа 1998 г., или о преднамеренном банкротстве финансовой системы страны. В итоге после продолжительного периода ценовой стабильности страну в считанные дни захлестнула волна инфляции, похоронив все надежды на нормализацию денежного обращения [Пихоя, Журавлев, Соколов, 2011. С. 229, 240–241, 244].

Н.Ф. Поляков утверждал, что провал реформы был вполне предсказуем. Деноминация, завершившая период высокой инфляции 1992–1996 гг., имела целью укрепить курс рубля, однако в результате дефолта рухнули «несущие конструкции» бюджетной и денежно-кредитной системы России. Как и В.И. Попырин, автор видел одну из основных причин этого кризиса в использовании ГКО, которые считались надёжным финансовым инструментом. Эти высокодоходные облигации были для правительства одним из средств для покрытия дефицита бюджета, однако использовались некорректно, так как процентная ставка по предоставляемым кредитам не должна превышать темпов экономического роста. Между тем в России в этом отношении наблюдался резкий перекоп даже в относительно благополучном 1997 г. В следующем году, когда экономика пошла на спад, ставки вообще возросли в несколько раз, что вызвало колоссальный рост государственного долга и неминуемо привело к финансовой катастрофе [Поляков, 2017. С. 32, 33].

Д.Ю. и О.Ю. Десятниченко указали на целый ряд существенных недостатков реформы: непомерно большие расходы на проведение обменной операции, некоторую несвоевременность и поспешность деноминации, которую в тех экономических условиях следовало предпринять на два-три года позже, краткосрочность эффекта сдерживания инфляции из-за финансового кризиса в августе 1998 г. Вместе с тем соавторы в целом оценили результаты реформы как положительные: «На семь месяцев 1998 г. Россия действительно превратилась в номинальный островок стабильности на фоне мира, уже погружённого в пучину экономического кризиса». Деноминация закрепила позитивные перемены в финансовом положении РФ, и это позволяло смотреть в будущее с «осторожным оптимизмом». Министерство финансов и ЦБ учли негативный опыт денежных преобразований 1991 и 1993 гг., носивших конфискационный характер в связи с ограничением сумм обмена и сроков его проведения. Деноминация осуществлялась в обстановке максимальной прозрачности и открытости, поэтому она «может считаться самой подготовленной, самой мягкой и безболезненной в истории России». Граждане впервые убедились, что реформа не нанесла никакого ущерба их сбережениям и накоплениям. Страна вернулась к прежнему масштабу цен и структуре денежной массы, возобновилось использование в расчётах монет в качестве действительного, а не только номинального платёжного средства [Десятниченко, 2020. С. 81, 82; Десятниченко, 2022. С. 176–179, 184–186].

Обзор научной литературы выявил существенные расхождения между исследователями в оценках денежной реформы 1997–1998 гг. Одни считают проведённую на высоком уровне деноминацию эффективной мерой, с помощью которой, не причиняя ущерба населению, удалось навести относительный порядок в денежном обращении, закрепить успехи в борьбе с инфляцией, повысить доверие к рублю и укрепить его валютный курс. С их точки зрения, только из-за дефолта и его крайне тяжёлых последствий плоды этой реформы были во многом утрачены. Однако другие авторы рассматривают обмен денег как монетаристскую и непродуманную акцию, предпринятую в явно неподходящий момент, как тщетную попытку властей предотвратить или отсрочить надвигавшийся финансовый крах, и даже указывают на её конфискационный характер по аналогии с предыдущими реформами 1991 и 1993 гг. По их мнению, деноминация не только не достигла целей, поставленных её инициаторами, но и ещё более усугубила экономический кризис и расстройство денежного обращения.

При подведении итогов следует отметить обилие слишком радикальных, крайних суждений и подойти к оценке реформы 1997–1998 гг. более взвешенно. Она представляла собой давно назревшую чисто техническую меру, которая действительно способствовала некоторой рационализации денежной системы России. Однако на фоне общего кризисного состояния народного хозяйства деноминация была всего лишь паллиативом и не могла существенно повлиять (ни позитивно, ни негативно) на изменение экономической ситуации.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Андрюшин С.А. (2003). К вопросу о теории денежной реформы [Andryushin S.A. (2003). On the question of the theory of monetary reform] // *Денежная реформа 1992–1993 г. и проблемы регулирования инфляции в России: Материалы «Круглого стола», проведённого Финансовой академией при Правительстве Российской Федерации совместно с Институтом экономики Российской академии наук 28 января 2003 г.* — М.: Институт экономики РАН. С. 21–32.
- Белюсов В.Д. (2009). *Денежные реформы: историко-экономический и теоретический аспекты.* [Belousov V.D. (2009). *Monetary reforms: historical, economic and theoretical aspects.*] — Самара: СГТУ.
- Белюсов В.Д., Бирюков В.А., Каширин В.В., Нестеров А.А. (2014). *Российские денежные реформы.* [Belousov V.D., Biryukov V.A., Kashirin V.V., Nesterov A.A. (2014). *Russian monetary reforms.*] — М.: Дашков и К°.

- Борис Ельцин выступил с заявлением по вопросам деноминации рубля (1997) [Boris Yeltsin made a statement on the denomination of the ruble (1997)] // *Финмаркет*. 5 августа. <http://www.finmarket.ru/news/17791> (дата обращения: 24.08.2023).
- Воронцов В.А. (2006). *В коридорах безвластия (Премьеры Ельцина)*. [Vorontsov V.A. (2006). *In the corridors of anarchy (Yeltsin's Premiers)*]. — М.: Академический проект.
- Воронцов В.А. (2009). *Новейшая история России: шоки без терапии эпохи Ельцина*. [Vorontsov V.A. (2009). *The modern history of Russia: shocks without therapy of the Yeltsin era*]. — М.: Академический проект.
- Десятниченко Д.Ю., Десятниченко О.Ю. (2020). *Денежно-кредитная политика России в 1990-х гг.* [Desyatnichenko D.Yu., Desyatnichenko O.Yu. (2020). *Monetary policy of Russia in the 1990s.*] — СПб.: Астерион.
- Десятниченко Д.Ю., Десятниченко О.Ю. (2022). Деноминация 1998 г.: реформа с трудной репутацией. [Desyatnichenko D.Yu., Desyatnichenko O.Yu. (2022). *Denomination 1998: Reform with a difficult reputation*] // *Денежная система России: становление через реформы* / под ред. М.Н. Конягиной. — СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС. С. 176–187.
- Дубинин С.К. (1998). Банк России: проведена большая работа, но предстоит сделать ещё больше. [Dubinin S.K. (1998). *Bank of Russia: a lot of work has been done, but more needs to be done*] // *Деньги и кредит*. № 3. С. 3–8.
- Кротов Н.И. (2011). *Очерки истории Банка России: центральный аппарат, персональные дела и деяния*. [Krotov N.I. *Essays on the History of the Bank of Russia: central office, personal affairs and deeds*]. — М.: Экономическая летопись; Международные отношения.
- Пихова Р.Г., Журавлев С.К., Соколов А.К. (2011). *История современной России: десятилетие либеральных реформ, 1991–1999 гг.* [Pihova R.G., Zhuravlev S.K., Sokolov A.K. (2011). *History of Modern Russia: decade of liberal reforms, 1991–1999*]. — М.: Новый хронограф.
- Поляков Н.Ф. (2017). 1998 год: деноминация на фоне дефолта. [Polyakov N.F. (2017). *1998: denomination on the background of default*] // *Налоговая политика и практика*. № 10 (178). С. 32–33.
- Попырин В.И. (2010). *Очерки истории денег в России*. [Popyrin V.I. (2010). *Essays on the History of money in Russia*]. — М.: Финансы и статистика; ИНФРА-М.
- Ясин Е.Г. (2002). *Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций*. [Yasin E.G. (2002). *The Russian economy. The origins and panorama of market reforms. Course of lectures*]. — М.: ГУ ВШЭ.

Степанов Валерий Леонидович

valerij-stepanov@mail.ru

Valerii Stepanov

doctor habitatus in history, leading research fellow of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow

valerij-stepanov@mail.ru

MONETARY REFORM 1997–1998 IN RETROSPECTIVE

Abstract. The article contains a review of the scientific literature, which revealed significant discrepancies between researchers and an abundance of extreme judgments in the assessments of the Russian monetary reform of 1997–1998. Some consider the denomination carried out at a high level to be an effective measure by which, without causing damage to the population, it was possible to restore relative order in monetary circulation, consolidate successes in the fight against inflation, increase confidence in the ruble and strengthen its exchange rate. From their point of view, only because of the default and its extremely severe consequences, the fruits of this reform were largely lost. However, other authors consider the exchange of money as a monetarist and ill-conceived action taken at an obviously inopportune moment, as a futile attempt by the authorities to prevent or delay the impending financial collapse, and even point to its confiscatory nature by analogy with the previous reforms of 1991 and 1993. In their opinion, the denomination not only failed to achieve the goals set by its initiators, but also further aggravated the economic crisis and the disorder of monetary circulation.

Keywords: *finance, crisis, emission, inflation, monetary reform, money exchange.*

JEL: G28, N24, P21, P34.

Е.В. Балацкий

д.э.н., главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (Москва)

Н. ТАЛЕБ О ТОЛСТЫХ ХВОСТАХ СТАТИСТИЧЕСКИХ РАСПРЕДЕЛЕНИЙ: ВГЛУБЬ И ЗА ПРЕДЕЛЫ ИНСТРУМЕНТАРИЯ

Аннотация. В 2023 г. в России вышла книга Нассима Талеба «Статистические последствия жирных хвостов», которая совершенно не соответствует философскому стилю его предыдущих работ, но тематически продолжает их и углубляет в инструментальном отношении. В отличие от предшествующих книг эта работа переполнена математическими построениями на фоне содержательных постановок актуальных и масштабных проблем современности. Однако знакомство с книжной новинкой вызывает неоднозначные впечатления. В статье рассмотрены основные научные пассажи Талеба, которые могут быть сведены к следующему тезису: мы знаем разные статистические законы распределения, которым подчиняются реальные события, однако имеющееся число наблюдений, как правило, очень невелико и не даёт возможности определить, к какому классу этих законов относится рассматриваемая выборка и каковы истинные статистические характеристики явлений. Для раскрытия этого утверждения Талеб выводит разнообразные формулы, доказывает теоремы, проводит расчёты. С этой точки зрения книга представляет собой полезный свод инструментальных проблем по работе со статистическими выборками. Однако более широкое прочтение книги позволяет адресовать её автору множество технических (инструментальных), методологических (гносеологических) и философских (теоретических) вопросов, которые в книге остались без ответа. Показано, что некоторые положения новой книги Талеба приходят в противоречие с методологической парадигмой его более ранних работ.

Ключевые слова: статистика, эконометрика, прогнозирование, предвидение, риск, вероятность.

JEL: C00, C02

УДК: 330.4

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_182_190

© Е.В. Балацкий, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Балацкий Е.В. Н. Талеб о толстых хвостах статистических распределений: вглубь и за пределы инструментария // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 4. С. 182–190. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_182_190.

FOR CITATION: Balatsky E.V. N. Taleb on Thick Tails of Statistical Distributions: Inside and Outside the Toolkit // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 4. Pp. 182–190. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_182_190.

Введение: новая книга в новом жанре

В 2023 г. в России вышла очередная книга Нассима Талеба [Талеб, 2023], которая совершенно не вписывается в стиль его предыдущих опусов, хотя тематически уверенно продолжает их. Уже одного этого и, разумеется, популярности самого Талеба вполне достаточно, чтобы хотя бы кратко остановиться на указанной книжной новинке. В связи с этим скажем несколько слов о своеобразии нового талмуда американского ливанца.

То, что Талеб любит писать большие фолианты, мы уже знаем по его предыдущим изданиям. Новая книга не только не выбивается из этого правила, но и полностью подтверждает его. Почти 500 страниц увеличенного формата, набитые формулами, графиками, фотографиями и даже юмористическими рисунками, ставят своеобразный рекорд с точки зрения масштаба созданного текста. Правда, надо признать, что многое из этого было написано в течение предыдущих нескольких лет в содружестве с различными учёными из разных стран. Однако даже с учётом этого размах международного исследовательского проекта Талеба впечатляет.

В одной из своих предыдущих книг Талеб уже позволил себе наряду с философскими размышлениями представить сложные выкладки, но их удельный вес был крайне мал, а сами они были помещены в приложение, не обязательное для прочтения неискушённым читателем. В своей новой книге он пошёл принципиально иным путём — он предлагает публике сугубо специальный текст и снабжает его простыми объяснениями с философскими реминисценциями. Насколько оправдан такой подход, сказать довольно трудно. С одной стороны, специалистам-статистикам абсолютно не нужны популярные пояснения автора, с другой — дилетанты всё равно не смогут пробиться через все математические нагромождения книги. Это обстоятельство служит ещё одним аргументом в пользу необходимости обсуждения научной новинки.

Во избежание недоразумений следует сразу оговориться: данное эссе является размышлением о книге с явно выраженными субъективными тонами; ни о каком научном вердикте не может быть и речи.

Новые достижения Талеба

Зададимся сакраментальными вопросами: каков главный месседж автора книги? Что мы должны вынести из неё в первую очередь? На эти вопросы дадим собственные ответы, с которыми Талеб может и не согласиться.

Автор рассуждает о статистических распределениях и тех «приключениях», которые возникают в связи с их применением в экономике. Среди этих распределений особое значение имеют нормальное (гауссово) и степенное (паретовское), которые и препарируются в книге самым тщательным образом. У этих распределений есть свои центры и хвосты, которые, в свою очередь, могут быть толстыми и тонкими, а в некоторых случаях даже и жирными. Именно этими объектами и их свойствами занимается Талеб в поисках неких научных универсалий. И в этом направлении он устанавливает несколько непреложных истин, на которых мы и остановимся ниже.

Для начала напомним об одном самом большом открытии в статистике. Как справедливо пишет В. Снодден, «английский математик Карл Пирсон вызвал статистическую революцию в научном мышлении, высказав новую идею о том, как появляются наблюдения... Пирсон предположил, что природа снабжает нас данными из некоего неведомого распределения, но они рассеиваются случайным образом. Его открытие состояло в том, что это рассеяние отличается от собственно погрешности измерений, тем самым добавляя дополнительную погрешность в процесс записи наблюдений» [Снодден, 2023. С. 375–376].

Именно вокруг этого открытия Пирсона и концентрируются исследовательские усилия Талеба. Прежде всего он использует понятие *генератора событий*, которое ответственно за исходный закон статистического распределения. Далее он отстаивает несколько важных тезисов.

Чёрные лебеди, т.е. непредсказуемые и крайне редкие события с серьёзными последствиями, «появляются из-за неполноты нашего знания и могут быть весьма значительны в области жирных хвостов» (С. 32)¹. И вообще, самые важные сюрпризы содержатся именно в хвостах статистических распределений. Для самих же распределений характерно следующее правило: «Среднее по выборкам редко концентрируется вокруг среднего, присущего генерирующему процессу; чаще проявляется стойкое смещение малой выборки в одну сторону, особенно сильное, когда распределение генерирующего процесса асимметрично (или однохвостовое)» (С. 49). Иными словами, несовпадение статистических характеристик в выборке и генеральной совокупности сильнее в паретовском распределении, нежели в гауссовом. И в качестве «вишенки на торте»: «Закон больших чисел в реальном мире даже если работает, то слишком медленно» (С. 49).

Может быть, самым эффективным результатом является количественное сопоставление закона больших чисел для паретовского и гауссового распределений. Так, проведённые Талебом расчёты показывают следующее: совпадение разброса выборочного среднего с аналогичной величиной генеральной совокупности для двух распределений достигается при принципиально несопоставимом числе наблюдений — для распределения Парето оно должно быть в 1011 раз больше, чем для распределения Гаусса (С. 63). И надо признать, что этот результат меняет наше представление о действенности всех статистических расчётов. После этого невольно задаешься вопросом о том, как же далеко могут отстоять друг от друга исходные статистические законы и их образы в реальных выборках. Как долго надо наблюдать за этим миром, чтобы понять его глубинную конфигурацию?

Именно отсюда вытекают сильные утверждения Талеба об ограниченности всех статистических наблюдений и основанных на них выводах. Так, социальные явления в основном подчиняются паретовскому распределению, тогда как в отношении них часто используют гипотезу о гауссовском распределении. Однако обнаружить, что изначальное предположение неверно, оказывается почти невозможно из-за острой нехватки наблюдений. Именно поэтому так часто возникают тупиковые ситуации или даже появляются совершенно ошибочные выводы.

Такого рода патовые ситуации можно охарактеризовать следующими простыми словами. Мы знаем разные законы распределения, которым подчиняются реальные события, однако имеющееся число наблюдений, как правило, очень невелико и не даёт возможности определить, к какому из этих законов относится наблюдаемая выборка. Но даже если удастся правильно определить исходный закон распределения, то и в таком случае статистические характеристики этого закона и выборки могут не совпадать; ситуация улучшается только при накоплении огромного числа наблюдений, что на практике зачастую оказывается недостижимым. Соответственно, возникающие неправомерные экстраполяции приводят к тому, что, например, нежелательное событие из зоны хвоста может получать оптимистично малые оценки вероятности, стремящиеся к нулю, тогда как на самом деле оно является отнюдь не настолько редким. Итогом такой ошибки становится недооценка рисков в отношении различных нежелательных и ужасных по своим последствиям событий.

Этот тезис во всех своих аранжировках и для разных случаев подробно рассматривается в книге Талеба; для этого выписываются все формулы, доказываются теоремы, проводятся расчёты. С этой точки зрения манускрипт Талеба для исследователя-эмпирика представляет собой своеобразный путеводитель и справочник одновременно по работе

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемую работу Талеба даются в круглых скобках только с указанием страниц.

со статистическими выборками и потенциальными аналитическими опасностями. И это означает, что Талеб со своими коллегами проделали отнюдь не бесполезный труд, и он может быть востребован научным сообществом.

Технические вопросы к Талебу

Ориентация Талеба на сугубо математические проблемы провоцирует его на детальное рассмотрение различных вычислительных аспектов традиционных экономических измерителей. Однако на этом пути автор позволяет себе поразительный перекосяк в сторону теории, хотя сам всё время ратует за практические следствия.

Чтобы не быть голословными, рассмотрим вопрос с расчётом индекса Джини, в отношении которого Талеб проявляет поразительную непримиримость. В частности, он утверждает, что непараметрические методы, т.е. опирающиеся на дискретные отчётные данные и не использующие гипотезу о характере статистического распределения доходов, не способны обеспечить надёжную оценку его истинной величины и будут её систематически занижать (С. 293). Для этого он исследует асимптотику индекса Джини, формулирует и доказывает ряд теорем, проводит расчёты необходимого числа наблюдений для совпадения расчётного (выборочного) и теоретического (исходного) значений. Всё это замечательно, но только после всех таких математических нагромождений главный вопрос так и остался без ответа: каково расхождение на практике между истинным и оценочным значениями? Неужели нельзя было взять конкретный пример с реальными данными и полностью его препарировать на предмет двух способов оценки?

Почему эти вопросы важны?

Все экономисты прекрасно знают, что непараметрический метод даёт систематическое занижение индекса Джини по сравнению с расчётом по аналитически заданному распределению доходов. Однако дело в том, что индекс Джини не является предметом для абстрактной математической эквилибристики, а выполняет вполне понятные и рутинные диагностические функции. Соответственно, если его непараметрическая и асимптотическая оценки дадут расхождение в районе 5% (например, 0,60 и 0,63 соответственно с ошибкой измерения в 4,7%), то это вообще никак не влияет на характер выводов — и в том, и в другом случае неравенство является высоким. Если же ошибка достигает $\frac{1}{3}$ истинной величины индекса (например, 0,41 и 0,63 соответственно с ошибкой в 33%), то это уже принципиальное расхождение, ведущее к полному пересмотру содержательных выводов: на самом деле неравенство высокое, в то время как непараметрические расчёты дают умеренное значение.

Что касается достаточности или недостаточности наблюдений, то и этот вопрос на практике не имеет смысла из-за того, что налоговые службы всех стран мира имеют данные о всех членах общества и при желании могут построить распределение по огромной выборке и получить полную картину имеющегося неравенства. Однако они этого не делают не из-за принципиальной невозможности, а потому, что это никому не нужно. Иными словами, вопрос об асимптотике индекса Джини совершенно не интересует органы государственной власти. Тогда кого это вообще может заинтересовать? Этот вопрос применительно к тексту Талеба отнюдь не риторический.

Похожие странные пассажи встречаются по всей книге Талеба. Например, ещё более вопиющий случай характерен для раздела G «Какова вероятность третьей мировой войны?». Здесь автор пытается опровергнуть мнение М. Шпагата о том, что «большая война... крайне маловероятна» (С. 360). Но такой анонс впоследствии ничем не подтверждается: Талеб не даёт никаких конкретных оценок и ограничивается утверждением, что мир не столь безопасен, как думают его оппоненты.

Для обоснования своей позиции автор вообще переходит от обсуждаемых гауссова и паретовского распределений к статистическому распределению Пуассона, в котором фигурирует время. Играя историческими интервалами времени между войнами, Талеб делает вывод, что 70 лет «долгого мира» недостаточно для сильных утверждений о возможности третьей мировой войны в близком будущем (С. 363). Но как оцифровать, верифицировать и конкретизировать утверждения Шпагата и самого Талеба? И опять это не совсем уж чисто риторический вопрос.

Ещё более странными выглядят рассуждения Талеба в разделе 16 «О хвостовом риске острого конфликта», в котором он явно «передёргивает» методику анализа и выстраивает кривую военных конфликтов в координатах «число жертв — время». После этого трюка он ещё больше запутывает ситуацию, переходя от абсолютных значений к относительным, т.е. масштабированным на общую численность населения в мире (С. 343). После этого он вполне резонно ставит вопрос о корректности применения обычного показателя числа жертв во время военных столкновений, ибо в реальности ситуация гораздо сложнее. Например, во время Первой Иудейской войны число погибших непосредственно на войне оценивается всего лишь в 30 тыс. человек, а от сопутствующих голода и гражданских войн — от 350 тыс. до 1 млн человек (С. 349). И спрашивается, как же тогда строить эмпирическую кривую распределения? Этот вопрос также остаётся без ответа.

Резюмируем: обилие математики и острых практических вопросов в книге разворачивается на фоне дефицита конкретных цифр и прикладных оценок.

Методологические вопросы к Талебу

Главный пафос книги Талеба состоит в том, что многие специалисты от экономики совершенно не понимают ограничений статистических методов, которыми они пользуются при построении своих моделей. Однако этот посыл продуцирует вопросы к самому Талебу. Дело в том, что все поднимаемые им технические вопросы прекрасно известны профессиональным статистикам и математикам, которых он сам честно и активно упоминает в своей работе. Однако не совсем корректное использование эконометрических методов вызвано не плохой математической подготовкой исследователей, а отсутствием альтернативы. Сегодня многие специалисты прекрасно осознают условность статистических методов, однако с этим приходится мириться. В последнее время делаются попытки отойти от эконометрики в пользу, например, нейронных сетей, но это означает шаг вперед в части точности расчётов, шаг в сторону в инструментальном плане и шаг назад в содержательном отношении. Всё это лишний раз подтверждает отсутствие адекватной замены статистике и эконометрике.

Более того, нельзя не сказать и о том, что за последние десятилетия внутри академического сообщества произошло изменение отношения к самому эконометрическому инструментарию. Так, если раньше эконометрические модели старались использовать для прогнозирования, то сегодня этого уже практически никто не делает, за исключением случаев краткосрочных высокочастотных прогнозов узкого назначения. Фактически все модели используются только для проверки на ретроспективных массивах данных неких гипотез о наличии влияния тех или иных факторов на изучаемую величину. Причём справедливости ради следует подчеркнуть, что и эта часть исследований не воспринимается слишком уж серьёзно именно по причине понимания ограниченности всех статистических тестов.

Технические проблемы нехватки данных для обоснованных выводов также известны экономистам, но из этого ничего не вытекает в силу того, что пресловутая нехватка данных объективно обусловлена и нельзя решить проблему путем простого наращивания этих данных, ибо их просто не существует в природе имеющихся наблюдений. Если бы исследователи могли нарастить свои статистические выборки под стандарты статистиче-

ских тестов, то они бы непременно сделали это. В данном отношении выкладки Талеба не решают никаких проблем, но зато содержат в себе серьёзный и во многом необоснованный упрёк всему экономическому сообществу.

Возможно, упрёки Талеба справедливы применительно к определённой контингенту специалистов, которые грешат сомнительными рекомендациями с прикрытием в виде неадекватных моделей. Однако это своего рода шарлатаны и мошенники, которые сознательно идут на такие действия в целях повышения своей популярности и доходов. И здесь опять можно адресовать Талебу вопрос о том, почему бы ему просто не отделить зерна от плевел.

Однако вызов Талеба направлен не только профессионалам, но и всем людям, которые участвуют в сомнительных сделках. Автор ещё в предыдущих своих книгах упрекал тех, кто ввязывается в глупые игры со случайностью. Но и здесь Талебу можно адресовать вполне правомерный вопрос: неужели он действительно думает, что люди совершают дурацкие ошибки из-за незнания математики и свойств толстых хвостов статистических распределений? Например, человек, который ходит в казино и играет в рулетку, прекрасно знает математическую основу данного явления: он осознает, что достаточно долгая игра приведёт к его полному разорению; никаких иллюзий на этот счёт у игроков нет. Но тогда зачем он это делает? Ответы могут любыми. Например, человеку не хватает средств на что-то очень важное для него, и он надеется на удачу, когда одна верная ставка решит его проблему. Или человек просто нуждается в том, чтобы пощекотать нервы, выигрывая и проигрывая большие суммы денег. И совершенно очевидно, что такой субъект не откажется от глупых игр, даже если он вникнет во все математические хитросплетения случайных событий ставок в рулетке.

Аналогичная ситуация разворачивается на биржевых рынках. Надувание рыночного пузыря все прекрасно видят и полностью осознают, что рано или поздно он лопнет со всеми вытекающими отсюда последствиями, но это не заставляет игроков отказаться от участия в биржевых операциях. Ибо пока пузырь не лопнул многие игроки зарабатывают на рынке очень хорошие деньги. И почему они должны отказываться от этого только из-за существования толстых хвостов в статистических распределениях и «защитных» в них катастрофах? Решения игроков никак не сопрягаются с математикой торгов.

Ещё более рафинированным является пример разнообразных спортивных соревнований. Например, нет никакой объективной основы для прогнозирования результатов футбольных матчей, однако это и делает их интересными. И никакие предыдущие игры с их результатами не помогут предсказать исход очередного противостояния. Но именно поэтому делаются ставки на тотализаторе, люди выигрывают и проигрывают деньги. И это не вопрос знания или незнания математики игрового процесса, а вопрос азарта болельщиков футбола и самооценности в их глазах радости спортивных переживаний.

Резюмируем: складывается ощущение, что Талеб совершенно неправомерно упрекает разных людей, будь то исследователи, биржевые спекулянты или жертвы игромании, в непонимании статистических свойств процессов, с которыми они имеют дело. Они всё понимают, только по разным причинам не могут выйти из существующей жизненной парадигмы.

Философские вопросы к Талебу

Первый из упрёков самого общего порядка в адрес Талеба состоит в том, что он по умолчанию предполагает следующее: для определённого явления существует *один* статистический закон распределения для всех периодов времени и пространства. Однако наша гипотеза состоит в том, что это принципиально не так. Именно это положение Талеба и порождает массу предсказательных проблем. Иными словами, для одних и тех же величин, характеризующих одно и то же явление, могут существовать разные распределения для разных исторических этапов времени. Поясним сказанное.

Допустим, мы построили распределение людей по их весу для двух периодов — XV и XXI вв. Очевидно, что шесть веков, разделяющих эти сообщества, привели и само человечество к эволюции, которая не может не порождать нового статистического распределения. Понятно, что распределение-XV и распределение-XXI будут иметь разные математические ожидания и разные дисперсии. Например, человек массой в 600 кг просто не мог существовать в эпоху Средневековья: люди были не столь крупными, как сейчас, и подобный вес для них был запредельным; в крайнем случае индивид с такими врождёнными данными просто-напросто не смог бы выжить, а, может быть, ему просто не удалось бы разъестся до такой степени. Однако в распределении-XXI мы уже получим прецеденты с весом в 645 кг². И этот случай уже не уникален: есть множество персон с параметрами, примыкающими к указанной отметке³. Следовательно, мы приходим к тому, что со временем сам закон распределения меняет свои характеристики, а значит, и сам меняется. Причём речь идёт о многократном увеличении максимального веса человека в рассматриваемых веках. Но тогда пресловутые Чёрные лебеди, введённые в оборот Талебом, просто не существовали в XV в., а появились только к XXI-му столетию в результате кардинальной трансформации самой человеческой цивилизации. Индивидуум с весом в 645 кг не мог быть обнаружен в XV в. не потому, что он еще не проявился в то время из-за своей чрезвычайной редкости, а потому что в то время его просто-напросто *не могло быть*, тогда как в XXI в. он стал *редким*, но *реальным* явлением. Если это так, а все говорит о том, что это действительно так (!), то пафос Талеба по поводу тщательного исследования свойств статистических распределений следует в лучшем случае умерить, а в худшем — отказаться от него вовсе.

Второй вопрос к Талебу является логическим продолжением первого и состоит в том, что информация о Чёрных лебедях находится отнюдь не в хвостах статистических распределений, как он утверждает, а в самой логике рассматриваемых явлений. Например, попытка Талеба сделать какие-то умозаключения о вероятности массового военного столкновения на основе ретроспективных событий просто смехотворна из-за того, что сам затянувшийся период относительного спокойствия в последние 75 лет имеет вполне понятную причину — появление и наличие ядерного оружия массового поражения, которое делает массовую бойню между ведущими державами мира просто бессмысленной. Следовательно, меняется сам характер геополитического столкновения, когда на смену «горячим» войнам с большими человеческими потерями приходят войны «холодные» и гибридные. И информация об этом эволюционном сдвиге в природе нынешней цивилизации не лежит в прошлых наблюдениях и, следовательно, не может быть извлечена из ретроспективных наблюдений и статистических хвостов.

Таким образом, Талеб по умолчанию рассматривает мир не как *эволюционирующий*, а как *структурно неизменный*, о котором у нас либо много, либо мало информации. Переходя на метафоры самого автора, можно сказать так: генератор событий, по мнению Талеба, представляет собой примитивный датчик случайных чисел, работающий по некому единому правилу, в то время как в реальности сама схема работы этого генератора событий со временем принципиально меняется. В зависимости от того, какой позиции мы изначально придерживаемся, будет меняться наш источник знаний — прошлые данные и статистические распределения, либо законы развития социального организма и его логика.

² Новосибирск онлайн. <https://ngs.ru/text/health/2022/03/06/70487606/> (дата обращения 28.09.2023).

³ Википедия. Список самых тяжёлых людей в мире. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D0%B0%D0%BC%D1%8B%D1%85_%D1%82%D1%8F%D0%B6%D1%91%D0%BB%D1%8B%D1%85_%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D0%B5%D0%B9_%D0%B2_%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B.

Противоречия автора самому себе

Если подытожить содержание новой книги Талеба и те вопросы, которые она поднимает, то можно констатировать, что автор явно переоценил значение математики для социальных наук. Дело в том, что *экономическая наука не сводится к математике*, а математика не решает не только всех, но и основных проблем экономики. Об этом в своё время очень хорошо сказал Джон Мейнард Кейнс в некрологе на смерть Альфреда Маршалла: «Великий экономист должен обладать редким сочетанием талантов... Он должен быть — в известной мере — математиком, историком, государственным деятелем и философом. Он должен мыслить символами и хорошо владеть словом. Он должен понимать частное в контексте общего и уметь одной мыслью с лёгкостью касаться абстрактного и конкретного. Он должен изучать настоящее в свете прошлого — ради будущего. Ничто в человеческой природе и институтах общества не должно ускользать от его внимания. Он должен быть одновременно целеустремлённым и обращённым к небу, как истинный художник, но при этом твёрдо стоять на ногах и быть практичным, как политический деятель»⁴.

Вопреки предостережению Кейнса Талеб в своей последней книге сделал ставку на математику как на панацею от всех бед общества. Однако это обстоятельство является странным, прежде всего в контексте предыдущих работ автора. Например, в одной из них он самым беспардонным образом иронизировал по поводу математики в социальных науках: «Математика имеет такое же отношение к знанию, как протез к настоящей руке; но некоторые специально производят ампутацию, чтобы заменить руку протезом» [Талеб, 2012. С. 166]. Похоже, что в этой книге Талеб сам впал в это пресловутое заблуждение и чрезмерно увлёкся математической стороной дела.

Заключение: внутри и вовне

Знакомство с последней книгой Талеба оставляет крайне противоречивые впечатления. С одной стороны, как и в предыдущих своих работах, автор поднимает интересные и важные вопросы и демонстрирует огромную и полезную работу в части технического инструментария, с другой — слишком нарочито и порой неоправданно пытается всё многообразие социального мира свести к статистическим распределениям и форме их хвостов. Складывается впечатление, что, отдав в своё время дань жанру философского эссе, Нассим Талеб теперь решил продемонстрировать общественности, что в его аналитическом арсенале имеется ещё и очень солидное сугубо научное обоснование взглядов на мир. И для этого он написал совсем другую книгу, в которой представил эти научные аргументы. Выше было рассмотрено впечатление от того, как это получилось, — с точки зрения читателя.

В своей книге Талеб оказался между двух огней. С одной стороны, сам жанр научной монографии требовал от него погружения *вглубь* статистических построений, с другой — натура автора и обширность его интересов требуют от него выхода *за пределы* статистики, что противоречит задумке последней книги. Этот внутренний надрыв писателя просматривается по всему тексту книги и проецируется на читателя.

Однако, несмотря на все вопросы к автору книги, нельзя не отметить того факта, что она будоражит мысль. Не исключено, что у неё будут критики, которые займутся перепроверкой её инструментальных положений и результатов. Но уже сейчас можно констатировать: Талеб в очередной раз привлёк внимание общественности к тем вопросам, которые долгое время оставались в тени столбовой дороги академических изысканий.

⁴ Цит. по: Катасонов В. Как Джон Кейнс спасал капитализм // Завтра (дата публикации: 11.04.2023) https://zavtra.ru/blogs/kak_dzhon_kejns_spasal_kapitalizm_k_140-letiyu_velikogo_ekonomista_hh_veka

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Снодден В. (2023). Факт и выдумка в нашем вероятностном мире [Snowden V. (2023). Fact and Fiction in Our Probabilistic World] // *Теория всего на свете* / Под ред. Д. Брокмана. — М.: Лаборатория знаний.
- Талеб Н.Н. (2012). *О секретах устойчивости: Эссе; Прокрустово ложе: Философские и житейские афоризмы* [Taleb N.N. (2012). On Robustness and Fragility: Postscript Essay; The Bed of Procrustes: Philosophical and Practical Aphorisms]. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус.
- Талеб Н.Н. (2023). *Статистические последствия жирных хвостов: О новых вычислительных подходах к принятию решений* [Taleb N.N. (2023). Statistical Consequences of Fat Tails: Real World Preasymptotics, Epistemology, and Applications (Technical Incerto)]. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус.

Балацкий Евгений Всеволодович

evbalatsky@inbox.ru

Evgeny Balatsky

Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher, RAS Central Economics and Mathematics Institute (Moscow)

evbalatsky@inbox.ru

N. TALEB ON THICK TAILS OF STATISTICAL DISTRIBUTIONS: INSIDE AND OUTSIDE THE TOOLKIT

Abstract. Published in Russia in 2023 Nassim Taleb's book "Statistical Consequences of Fat Tail" doesn't correspond to the philosophical style of his previous works, but thematically continues them and deepens them instrumentally. Unlike the author's previous books, his latest work is overflowing with mathematical constructions against the background of meaningful statements of actual and large-scale problems of our time. However, acquaintance with the book novelty causes ambiguous impressions. The article discusses the main scientific passages of Taleb, which can be reduced to the following thesis: we know different statistical distribution laws that real events obey, but the available number of observations is usually very small and does not make it possible to determine which class of these laws the observed sample belongs to and what are the true statistical characteristics of phenomena. To reveal this statement, Taleb deduces various formulas, proves theorems, and performs calculations. From this point of view, the book is a useful set of instrumental problems for working with statistical samples. However, a broader reading of the book allows its author to address a lot of technical (instrumental), methodological (epistemological) and philosophical (theoretical) questions that remained unanswered in the book. It is shown that some provisions of Taleb's new book come into conflict with the methodological paradigm of his earlier works.

Keywords: *statistics, econometrics, forecasting, foresight, risk, probability.*

JEL: C00, C02.